Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№80

2009

РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

XXXIX год. № 80 Нью-Йорк **2009 г.**

CADET'S ROLLCALL
(Library of Congress Card № 79-642319)
Periodical Magazine
Published by the Association of Russian Cadets
graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA
www.kadetpereklichka.org

Редакторы журнала

† П. В. Олферьев (1971-1978)
† Н. В. Козякин (1978-1992)
† А. Б. Иордан (1992-2002)

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал
Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом,
Нью-Йорк, США.

Издатель: Правление Объединения.
Председатель: Д. В. Горбенко (США)
Вице-председатель и секретарь: Г. А. Денисенко (США)
Казначей: кн. В. К. Голицын (США)
Член Правления: Г. В. Шатилов (США)

ISBN 0-9786315-8-7

Ответственный редактор: Игорь Николаевич Андрушкевич (Аргентина)

Адрес редакции:
Igor Andruskiewitsch,
Casilla de Correo 51, 1653 Villa Ballester, Argentina.
E-mail: *kadetpismo@hotmail.com*

Администратор: Юрий Иллиодорович Шидловский (США)
Адрес администрации и экспедиции:
George I. Schidlovsky,
2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA
Tel: (001) 516-759-1328.
E-mail: *geosffa@optonline.net*

Иллюстрации и техническая консультация: Анна Баукиеро (Аргентина)
Компьютерная верстка: Юрий Пазельский (США) *(yp@adegi.com)*
Корректор: Ольга Карпенко (Аргентина)
Обложка: Юрий Шидловский (США)

Отпечатано в июле 2009 года в типографии **Adegi Press - New York.** *www.adegi.com*

Цена номера: В США и Западной Европе: **15 долларов США**. В странах с низкой валютой 10 долларов США. Переводы нужно делать в валюте США по адресу Объединения: «Association of Russian Cadets Outside of Russia, Inc. Citibank, Old Brookville Branch Two-One Park Plaza, Glen Head, NY 11545, 516-627-3999, Account # 0660-161-06, Routing # 021001486, Tax ID #: 11-604-9412». О каждом переводе нужно сообщить Администратору, с указанием, кто делает перевод, на какую сумму и за что. Администрация просит аккуратно и без задержки заплатить за полученные журналы и погасить задолженность за предыдущие номера.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВИЦЫ

НАШЕ МНЕНИЕ

ТЕМА ГОДА

БЫЛЬ И СУТЬ

В СОВРЕМЕННОМ МІРЕ

УЧЕНИЯ И ТЕОРИИ

ЗАВЕТЫ И ТРАДИЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТ

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

XX КАДЕТСКИЙ СЪЕЗД

КАДЕТСКИЙ ОБЗОР

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

80 номеров «Кадетской переклички»

Настоящий **восьмидесятый** номер «Кадетской переклички», выходящий в 2009-м году, является знаменательным по нескольким причинам. Во-первых, такой круглый номер невольно обращает на себя внимание. Во-вторых, в этом 2009-м году уже исполняется 38 лет со дня основания этого журнала. Но, самое главное, этот восьмидесятый номер журнала будет, по всей вероятности, последним выпуском этой «Кадетской переклички». Ведь «Кадетская перекличка» является журналом, вестником, ведомостями и летописью Объединения русских зарубежных кадет, жизнь каковых кадет и каковою Объединения неумолимо подходит к завершению своего естественного пробега.

В связи с этим неумолимо встает вопрос: достигли ли кадетские зарубежные Объединения и их печать, в том числе и «Кадетская перекличка», за их ограниченный исторический пробег, те цели и задачи, которые они перед собой ставили?

Конечно, сами эти цели и задачи всегда были сложными и многогранными, а посему и нелёгкими. Несомненно, главным стержнем всех этих задач, всегда стоявших перед русскими зарубежными кадетами, было спасение, через их бережливое хранение, русских воинских и, в частности, кадетских традиций, с целью их своевременной возвратной передачи в Россию. Задача эта была весьма тяжелой, даже, можно сказать, непосильной, для скромных сил, в общем незначительной горсточки русских зарубежных кадет. Главным образом, потому, что осуществление этой задачи, в основном, не зависело от самих кадет, а в значительной мере от общих исторических обстоятельств, кадетам неподвластных. Однако, как было сказано при открытии 15-го Кадетского Съезда в 1996 г. в г.

Сан-Франциско, кадеты всё же, на самом деле, являли собой очередной пример древнего ветхозаветного прототипа «**делателей истории**». Например, согласно Ветхому Завету, для победы над филистимлянами пророк Гедеон сперва отобрал из множества бойцов самых храбрых, а затем, из них, малое число самых терпеливых и настойчивых, ибо только терпеливые и упорные одерживают исторические победы, так как они согласны всё претерпеть, для достижения стоящей перед ними цели.

В этом отношении можно без излишней скромности отметить исключительные выносливость, постоянство и терпение русских зарубежных кадет, в смысле их **верности своему служению**. Скромным примером и свидетельством такого твёрдого и верного стояния на своих убеждениях, несомненно, является также и почти **40-летнее непрерывное и регулярное издание «Кадетской переклички»** в чрезвычайно тяжелых **походных** условиях политической эмиграции.

Уже в третьем номере «Кадетской переклички» от 1972 года, первый редактор журнала П. В. Олферьев в своей передовице цитирует полученное им письмо от А. А. Геринга, тогдашнего председателя Кадетского Объединения в Париже:

«Всё, что мы делаем в этой области, мы делаем ***не для себя*** *и не для нашего старческого «услаждения»,* ***а для будущей России.*** *Да ведают будущие строители будущей России, какова была старая Россия и каковы были её служители, когда они волею судеб попали в эмиграцию... Нужно показать будущим поколениям, как мы жили, как мы в тяжелых условиях эмиграции продолжали свою службу Отечеству...»*

«Кадетская Перекличка» до сих пор имела четырёх редакторов. Первым редактором был Павел Васильевич Олферьев, кадет 14-го выпуска 1-го Русского Великого князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, являвшийся одним из основателей Нью-Йоркского кадетского объединения, и бывший его председателем более 10-ти лет. Во втором номере журнала, от 1972 года, П. В. Олферьев сформулировал хронологически первую задачу «Кадетской переклички»: «*Наш журнал был задуман с чисто* ***историческо-литературным*** *содержанием*». Под редакцией П. В. Олферьева вышло 18 номеров журнала. В 1977 году он тяжело заболел и скончался в 1983 году.

С 19-го номера редактором стал Николай Васильевич Козякин, кадет 8-го выпуска Крымского кадетского корпуса, инженер-

строитель, посвятивший всё свое свободное время, в течение всей своей жизни, русской национально-патриотической деятельности. Как писал в передовице журнала, в номере 60-61, его третий редактор А. Б. Иордан, именно при Н. В. Козякине «Кадетская перекличка» «*превратилась в орган* ***русской политической*** *и* ***национально-патриотической мысли***». А. Б. Иордан цитирует слова Н. В. Козякина в кругу своих друзей за несколько месяцев до своей кончины: «*Мы обязаны сделать всё возможное, чтобы* ***передать соотечественникам в России*** *те ценности, что мы сумели* ***сохранить и приумножить*** *в течение более чем 70-ти лет эмиграции. Наш враг – не люди, а система...*»

50-й номер был последним, выпущенным Н. В. Козякиным. После его смерти, в 1992 году, три номера журнала (51, 52 и 53) были выпущены при помощи П. А. Муравьева, литератора, автора многих книг, брата тогдашнего вице-председателя Нью-Йоркского кадетского объединения С. А. Муравьева.

В дальнейшем, третьим редактором журнала стал Алексей Борисович Иордан, вице-фельдфебель 21-го выпуска 1-го РВККККК, а администратором – Ю. И. Шидловский. До этого администраторами были: М. Михеев, В. Глинин и Е. Гирс. А. Б. Иордан скончался 21 августа 2002 года. С 74-го номера, от 2003 года, редактором «Кадетской переклички» стал Игорь Николаевич Андрушкевич, при прежнем администраторе Ю. И. Шидловском.

В «Кадетской перекличке» за эти почти 40 лет писали очень много **русских зарубежных кадет**, ибо это был их **соборный орган**, для их военной переклички, в исполнение девиза «**Разсеяны, но не расторгнуты**». Среди них особенно выделялись русские зарубежные кадетские писатели, поэты, публицисты и журналисты: А. Стацевич, И. Автомонов, П. Пагануцци, Б. Ганусовский, С. Третьяков, К. Бертье де ла Гард, кн. Н. Кудашев, П. Олферьев, Н. Козякин и многолетний председатель Нью-Йоркского объединения Г. Сперанский. Лишь в последних номерах журнала стали публиковаться статьи авторов с «большой русской земли», наряду с авторами русского зарубежья, в полной гармонии и единомыслии между теми и другими, в соответствии с национально-патриотическим духом журнала.

Следуя заветам и указаниям второго редактора Н. В. Козякина, журнал в последние годы особенно старался выражать **русскую национально-патриотическую мысль**, при одновременных соответствующих **историко-политических анализах**. Ввиду сложности

и громоздскости такой задачи, идейно-интеллектуальное завещание «Кадетской переклички» может быть правильно и полностью расшифровано только лишь при учёте **всего его содержания**, всех его 80-ти номеров. Особенно к последним номерам «Кадетской переклички» надо относиться как к одному органическому целому.

Однако в процессе этих заключительных анализов результатов проделанной нами громоздкой работы мы сами, русские зарубежные кадеты, а также и наши братья в России, иногда подпадаем под искушение воспринимать сложные исторические процессы как последствия каких-то ритуальных жестов или даже заклинаний, нередко даже принимающих некоторый магический оттенок, несмотря на их всё-таки, в основном, декоративную сущность. В частности, и к нашим зарубежным кадетским съездам тоже иногда предъявлялись требования «передавать традиции», причем чуть ли не в рамках одной какой-нибудь церемонии. Интересно, что при этом почти одновременно иногда раздавалась глухая критика именно этих самых наших «церемоний», каковым мы, якобы, слишком привержены.

Суть наших церемоний заключается в том, что мы на них публично и гласно исповедываем и открыто провозглашаем наши общие соборные верования и убеждения, и этим самым подтверждаем наш отказ от мистериальных, конспиративных или просто скрываемых побуждений и стремлений. Мы высказываем всё, а того, чего мы не высказываем, мы и не намереваемся добиваться. Мы на наших церемониях поем наши православные христианские молитвы, древний византийский гимн «Спаси, Господи, люди Твоя» (содержащий молитву о Христолюбивом воинстве), наш русский исторический гимн «Боже, царя храни», и наш русский кадетский гимн «Наш полк». На этих церемониях исполняется, в случаях, если это полагается, также и государственный гимн того государства, на территории которого происходит церемония.

В старину, чтобы быть принятым в среду наших Запорожских казаков, от кандидата требовалось прочесть вслух, перед всеми, молитву «**Отче наш**» и христианский символ веры «**Верую**» (в его оригинальном православном никейско-цареградском, а не реформированном варианте). Без этого стать казаком было абсолютно невозможно. Однако «передача традиций», в данном случае, не состоялась в самый момент чтения вслух этих текстов, а происходила до этого, **во время их изучения и восприятия**. Для сравнения, приходит на память одно повествование о передаче окончательных секретов

«кабалы» посвящаемому кандидату в «мудрецы»: эти окончательные секреты можно сообщить (передать) только лишь тому ученику, который уже сам дошел до них, их раскрыл, освоил и воспринял.

На наших русских военных церемониях передача наших традиций происходит автоматически: кто с нами стоит в нашем общем строю, под нашей общей русской символикой, и соборно вместе с нами и в единодушии с нашими общими отцами и праотцами поет наши общие молитвы и гимны, тот уже символически публично приобщился к общему руслу наших русских традиций. Однако, очевидно, что такое приобщение, на самом деле, **уже произошло раньше**, в индивидуальном и персональном порядке, но на основании всех имеющихся общих предпосылок. Именно это и имел ввиду 18-й Кадетский Съезд, состоявшийся в 2004 году в Канаде, в своей Резолюции постановивший:

«*Идейное и педагогическое* ***завещание*** *русских зарубежных и императорских кадет* ***содержится в печатных изданиях*** *объединений кадет русских кадетских корпусов, публиковавшихся в Русском Зарубежье в течение десятилетий, таких как парижская “Военная Быль” , нью-йоркская “Кадетская перекличка”, венесуэльский и сан-францисский Бюллетени, аргентинское “Кадетское письмо” и т. д., а также и в Резолюциях и Обращениях последних кадетских съездов*».

Посему, такой вариант «передачи» русских кадетских заветов и традиций будет автоматически и практически нескончаемо продолжаться и после прекращения дальнейшего выпуска всех наших печатных органов, в том числе и «Кадетской переклички».

Согласно словарю Владимира Даля, если «*слово вылетит*», его уже «*не поймаешь*». Особенно, если оно печатное. Судьба каждого слова, в конечном итоге, в основном зависит от его собственного **внутреннего содержания** и, в первую очередь, от его соответствия с Истиной и с Правдой.

В. Н. Мантулин

Общерусский юбилей

(К двухсотлетию со дня рождения Н. В. Гоголя)

Отшумели, отгремели торжества 200-летия Гоголя. Писатель, родившийся 1 апреля 1809 года в захолустном местечке Малороссии (или «Южной России», как он часто писал), Сорочинцах, хотя и Великих, приобретает сегодня, помимо литературного, еще и политическое значение, даже историческое.

Отторжение Малыя Руси от Всея Руси, подготовленное австро-венгерскими и ватиканскими идеологами и политиками и продолженное коммунистами в 1922 году путем разделения Всероссийской Империи на всевозможные социалистические республики, вызвало сегодня тектонический сдвиг Евразийского материка, ведущий к неизбежным катаклизмам, прелюдию которых мы сегодня наблюдаем на Киевском Майдане.

Судьбе было угодно в центре этого эпохального процесса поставить скромного литератора, прославившегося в значительной мере состраданием к бедным людям, к незаметным чиновникам, и изобличением мелких жуликов-проходимцев типа Хлестакова и Чичикова. Редко бывают случаи в истории, когда одна единственная личность, силою своего авторитета и художественного таланта удерживала единство нации наперекор международным расчленителям, направляемым гигантскими аппаратами иностранных дел.

И хотя Киевский официоз давно уже принял формулу «*російський письменник Микола Гоголь*», однако тамошние политики сегодня из кожи лезут вон, чтобы доказать всему міру, что Гоголь был письменник «*український*». Дело дошло до того, что издатели современной Украины пошли на совершенно недопустимую переделку произведений Гоголя, заменяя везде прилагательное «*русский*» словом «*український*».

Особняком в русской литературе, да и во всей міровой, стоит повесть «Тарас Бульба». О её художественных достоинствах писали не только русские литературоведы, но и зарубежные, включая таких авторитетов, как сэр Вальтер Скотт. Но это произведение выходит далеко за рамки чисто-литературные. Это исторический документ эпохи столкновения разных народов черноморского бассейна на территории бывшей Киевской Руси. Таким образом, роман в бытовой форме раскрывает положение вещей в южных областях страны, выводя заодно характерные типы населения и тем дополняя учебники истории.

Помимо исторической канвы, здесь Гоголь выступает и как трибун, и как проповедник. Всякое предательство преступно, как бы говорит писатель, но предательство по причине полового влечения – вдвойне. В этом месте автор затрагивает еще одну проклятую тему русской мысли: рабство человека у пола, которая потом, с легкой руки Н. Бердяева (кадета Владимирско-Киевского Корпуса) разрастется в целую ветвь русской философии, и которую можно осознать только в общем плане религиозной мысли.

Как внук и правнук священников и как член благочестивой семьи, Гоголь не только хорошо знал догматику христианства, но был настоящим православным человеком, о чем свидетельствуют его труды в этой области, особенно «Размышления о Божественной Литургии». Но, вместе с тем, его пытливый ум не мог пройти мимо таких проявлений народного эпоса, как славянские мифы, сказания и легенды, которые нашли отражение в самых первых его произведениях. Наряду с русалками, привидениями, ведьмами и колдунами, неизменно появляется и сам чёрт, правда, облеченный в юмористическую форму, хотя в повести «Вій», поначалу весьма беззаботно-реалистической, в разгар действия нечистая сила проявляет себя с такой зловещей силой, что вызывает органический страх не только у малых детей, но даже и у видавших виды ветеранов.

Хотя Гоголь сам не мог сказать, какая у него душа – «хохлацкая или москальская», в данном случае многообразие его міроощущения, точнее, максимализм, говорит в пользу его **общерусскости**. Этот космический размах или разрыв в творчестве Гоголя дал повод причислить писателя к предтечам космизма и эсхатологизма, хотя вернее было бы отдать пальму первенства в этой области его земляку, мыслителю Григорию Сковороде, родившемуся за сто лет до Гоголя.

Будучи по природе человеком экспансивным, непоседой, он исколесил всю Европу, а также и Палестину, и лучше всего чувствовал себя в Риме, где и были написаны его «Мертвые души». Но в его петербургских произведениях Гоголь настолько проявляет черты сюрреализма, что его можно считать основоположником русского модернизма в лице таких последователей, как Андрей Белый и Михаил Булгаков.

При взгляде на русскую историю последних 200 лет через призму фестивалей гоголевского творчества, раскинутых от Москвы и до Парижа, бросается в глаза один немаловажный факт. Почти никем из участников торжеств не было упомянуто произведение, имеющее отношение к нынешней эпохе. Имеется в виду повесть «Страшная месть». Наряду с широким размахом автора от классического лиризма, «Чуден Днепр», и вплоть до сурового казачьего быта, в ядре фабулы зияет не только мистика колдунов, но и нечто более трагическое. Скупыми, жесткими мазками художник слова описывает эпизод, как брат Петр низвергает в пропасть брата Ивана, вместе с его малолетним сыном, и сразу затем, через эзотерический эон времени, Бог (в советском издании с маленькой буквы) призывает обоих братьев на Суд Господень и предлагает пострадавшему самому выбрать казнь виновнику. При вынесении этого вердикта гоголевская фантазия сюрреализма превосходит по жестокости всё, что было создано в русской литературе и философии до этого и, вероятно, после. Взыгралась у Гоголя древнеславянская кровь. Не мог он выдержать такого преступления без возмездия. В этом акте довлеет и ветхозаветная и языческая его ярость. Но когда не одного отца с сыном, а целые народы низвергают в пропасть, никакие нюренбергские трибуналы не в состоянии вынести подобающий вердикт преступникам.

Как раз в день рождения Гоголя на интернете появилось напоминание о том, что в апреле 1932 года было отправлено «на трудовое поселение» два эшалона «деклассированных элементов», точнее, 6 000 русских трудолюбивых крестьян, главным образом, великороссов и украинцев, на ледяной остров Назино в устьях реки Оби, где большинство и погибло. Но сегодня все жертвы коммунистического эксперимента, коих насчитывается более 100 миллионов, вопиют к небу и требуют возмездия. Может быть, гоголевский вердикт и отдает ветхозаветной или языческой моралью, но будем надеяться, что подобное совпадение апрельских юбилеев приблизит нас к **суду**

скорому и **праведному**, для установления **Правды** (сиречь **Истины** и **Справедливости**) и не ограничится проделанной брешью в бронзовом плаще зачинщика всех российских бед.

*(**От редакции:** Отец автора, Николай Михайлович Мантулин, будучи местным учителем словесности, принимал деятельное участие в торжествах по случаю 100-летия Гоголя в 1909 году в самих Сорочинцах, куда съехались учащиеся не только Киева и Полтавы, включая кадет, но и представители разных учреждений со всех концов России. Среди других участников, Н. М. Мантулин был удостоен чести прибивать мемориальную доску к дому рождения Гоголя. Репортажи о тогдашних событиях были напечатаны в таких газетах, как «Киевская мысль», подшивки которой сохранились в Петербургской библиотеке.)*

> *«Диавол выступил уже без маски в мір. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуяв, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает міру, какие доселе еще никогда не давались, – и мір это видит и не смеет ослушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя всё, что есть главнейшего и лучшаго в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ея малейшего приказания... Что значат эти странныя власти, образовавшияся помимо законных, — посторонния, побочныя влияния? Что значит, что уже правят міром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? Люди тёмные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мыслями и мнениями умных людей, и газетный листок, признаваемым лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо... чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мір это видит весь, и как очарованный, не смеет шевельнуться?»*
>
> **Н. В. Гоголь.**

И. Н. Андрушкевич

Коренные противоречия западной цивилизации

Типичная характеристика

Все исторически значительные цивилизации обладали своими собственными отличительными специфическими характеристиками. Одной из таких типичных характеристик западной цивилизации, несомненно, является провозглашаемый ею **рационализм**, якобы автономный по отношению к тем или иным религиозным верованиям.

Английский историк Арнольд Тойнби считает, что западноевропейская цивилизация и наша восточноевропейская православная цивилизация являются отпрысками эллинистической (греко-римской) цивилизации. Таким образом, согласно Тойнби, обе эти цивилизации являются сёстрами-близнецами. Однако, очевидно, что восточноевропейской цивилизации рационализм не присущ в такой же форме, как западноевропейской. Значит, западноевропейская цивилизация выработала эту свою типичную для нее отличительную характеристику, как одну из предпосылок и одно из условий для расхождения с православной цивилизацией. Встают два вопроса:

1. Чем отличается отношение к рационализму, и какое место он занимает в этих двух цивилизациях?

2. Как происходил этот процесс расхождения и на каком этапе этого процесса произошло приобретение западноевропейской цивилизацией своих отличительных характеристик, не совпадающих полностью с характеристиками православной христианской цивилизации?

На первый вопрос можно ответить, что восточноевропейская православная цивилизация, в основном, сохранила в этом аспекте

позицию предшествовавшей ей античной эллинистической культуры, в то время как западноевропейская цивилизация изменила радикально свою исходную позицию в этом вопросе. Известный русский философ, профессор протоиерей Василий Зеньковский, резюмирует это следующим образом:

«Сама античная философия – как это было много раз показано – была в то же время и своеобразным богословием, конечно, соответственно религиозному сознанию античности... Идея «чистой философии» есть, ведь, излюбленная ***фикция*** *у мыслителей* ***нового времени****, которые нередко переносят эту фикцию и в античный мир... Идея «чистой философии» есть вообще* ***выдумка*** *и создание мыслителей христианской эпохи... Это произошло* ***на Западе****, – христианский Восток неповинен в этом трагическом и двусмысленном факте... Так или иначе, здесь (на Востоке) чистое богословие* ***не отделялось*** *от научной и философской мысли... Всё слагалось иначе на Западе... Под куполом Церкви собирались течения и тенденции внутренне чуждые христианству...»* (Основы христианской философии, стр. 5 и 6. Изд. «Посев», Франкфурт на М., 1960).

Ответ на второй вопрос требует подразделения указанного процесса отхождения западной цивилизации от её истоков (а следовательно, и расхождения с православной цивилизацией) на несколько периодов, или фаз.

Отчуждение от Востока

Предварительной фазой этого расхождения был отход западноевропейских политических структур от Восточной Римской империи. Эта фаза длилась практически около четырёх веков: от принятия римским папой в 391 году древнего языческого римского жреческого титула pontifex maximus (сразу после отказа императора Восточной Римской Империи Феодосия Великого от этого языческого титула, несовместимого с титулом христианского царя) до незаконного провозглашения римским папой франкского короля Карла Великого императором, в 800 году.

За этим отколом Западной Европы от Римской Империи, через два с половиной века последовал и раскол в самой Христианской Церкви, в 1054 году. Однако, как об этом пишет Алексей Хомяков, вначале этот раскол не пронизал всю толщу верующих и не был внешне очень заметен. Конечно, процесс отмежевания начался уже тогда, но вначале он шел очень медленно.

Однако сам по себе характер отхода Западной Европы и его Римской Церкви от **соборного согласия** с остальными четырьма Христианскими Церквями, чьи патриаршие кафедры первоначально находились на территории Восточной Римской Империи, а также и **характер оправданий** этого отхода, недвусмысленно указывали на коренное и существенное **противоречие**, лежащее в самой основе всех обоснований этого раскола.

Дело в том, что под притязаниями на разумность, сиречь **рациональность** западных домыслов и доктрин, систематически скрывались логические и фактические **натяжки** и даже **подлоги**, как, например, оправдание папских претензий ссылками на «дар Константина» (Donatio Constantini). Ведь, если папские претензии выводить из указов римских императоров в Константинополе, то очевидно, что они не имеют евангельского происхождения. Кроме того, не очень логично выступать против Восточной Римской Империи, на основании постановлений самой этой Империи. Причем, как со временем оказалось, постановлений подложных, грубо сфальсифицированных.

Посему этот первичный казус **западновропейской идеологии** уже содержит **характерное противоречие** между претендуемой **рациональностью** (разумностью) и **некритическим** (сиречь нерациональным) отношением к фактам и аргументам. Например, отлучение легатами римского папы Константинопольской Церкви в 1054 году содержит обвинение Восточных Церквей во всех бывших до этого в христианстве ересях, аккуратно перечисляемых в акте отлучения, что было не только нерационально, но и просто несерьезно.

Однако именно такая систематическая нерациональная **предвзятость** по отношению к Востоку, предвзятость, не брезгающая грубыми подтасовками и даже подлогами, с тех пор является характерной для аналогичных западных идеологических экскурсов, вплоть до наших дней. Больше того, такая **тенденциозная предвзятость** и такое **некритическое отношение к фактам и аргументам** стали характеристикой, в той или иной мере, практически всех религиозных, философских, идеологических и политических течений, доктрин, сект и партий на Западе. Больше того, уже тогда впервые проявилась тенденция к монтированию **виртуальных** историй, вместо истории реальной. Причем через всю историю Запада проходит красной нитью его главное побуждение для такого мифотворчества и вытекающих из него чёрных легенд: комплекс неприятия

отличительных характеристик Востока и стремление к **включению Востока в Запад**. Однако это очевидный двойной абсурд: Запад нуждается в Востоке, чтобы быть Западом, и, кроме того, когда больше не будет Востока, также не будет больше и Запада, ибо Запад является Западом лишь по отношению к Востоку.

(Когда Запад перестал претендовать на обоснование своей политической и церковной легитимности, с помощью исторического подлога о «даре Константина», был выдвинут очередной, на этот раз терминологический подлог. Если раньше политическая **гегемония Запада** обосновывалась на якобы исключительном религиозном и светском лидерстве папства, то после протестантского раскола с папством, идеологическим обоснованием гегемонии Запада стало провозглашение им своего **исключительного обладания** единственной легитимной государственной формой, названной для этого «демократией». Для этого до сих пор упорно настаивается, с помощью прямых искажений оригинальных текстов, что демократия уже в своих истоках обозначала наилучший политический режим, несмотря на то, что в классификации Аристотелем всех государственных форм демократия была одной из трёх **искаженных**, сиречь **нелегитимных** государственных форм.) *)

Следующей фазой этого процесса было радикальное отделение на Западе науки от религии. Протоиерей Василий Зеньковский считает, что это отделение было оформлено в трудах Фомы Аквината (1227–1274), который поместил религию и науки на «**разные этажи**». С этого практически и начался западноевропейский рационализм, не только автономный по отношению к вере и к религии, но и претендующий на абсолютную от них независимость. «*Это учение о **самодостаточности** естественного разума в познании мира и человека есть в сущности новое, чуждое основным течениям, даже античной мысли, понятие: возвышая Откровение над естественным разумом, Аквинат в то же время **рассекает** единую целостность познавательного процесса… Он своим решением вышел на новый путь… От Фомы Аквината и **нужно вести разрыв христианства и культуры**, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой*» (Протоиерей Василий Зеньковский, там же, стр. 10 и 11).

«*Начиная с XIII века, началось на Западе отделение от Церкви, от ее духовной установки, различных сфер культуры, – впервые проявилось это в области права, …а затем в XIV–XV веках это движение с чрезвычайной быстротой стало распространяться на все*

сферы культуры, на антропологию, философию, науку. В течение двух-трех веков произошло глубокое изменение в психологии культурного творчества, которое дало торжество свободному, но уже и внецерковному стилю культуры. Этот ***уход культуры от Церкви*** *имел много различных корней в общем развитии западной истории, но раз начавшись, он вел и ведет к отрыву её от Церкви. ...Религиозная трагедия этим была закреплена надолго, – и вся новая история шла и доныне идет на Западе под знаком* ***принципиального дуализма*** *– христианства и жизни, христианства и культуры, христианства и творчества»* (там же, стр. 13).

Отчуждение от действительности

Третьей фазой этого процесса можно считать период после Рене Декарта (1596–1650). *«Ничто не характеризует с такой силой новую установку творческого сознания, как то, что в основу философии ставится ныне* ***сомнение****, которое устами Декарта провозглашено основным методом и правилом философствующих умов. Сомнение, конечно, может и должно иметь свое место в процессах размышления, но неужели нет* ***прямых*** *источников философии? ...Сомнение вообще есть ведь* ***вторичная*** *функция ума, всегда направленная на какие-то* ***положительные*** *утверждения...»* (там же, стр. 14). Однако такое систематическое сомнение на Западе отнюдь не применяется по отношению к его собственным идеологическим и псевдонаучным домыслам.

Кульминацией этого периода является философия Иммануила Канта (1724–1804). Испанский философ Ортега-и-Гассет считает, что именно Кант произвел в западной философии и в проистекающих из нее идеологиях Запада переворот, аналогичный **перевороту Коперника** в предыдущих астрономических и космогонических концепциях Западной Европы. (Эти **геоцентрические** западные концепции игнорировали имевшиеся по этому вопросу в Античном мире и на православном Востоке представления. Например, в некоторых древних православных церковных песнопениях поэтически сравнивается центральная роль Христа в нашем спасении с солнцем в нашей системе.)

В своем труде «Кант, Гегель, Дильтей» Ортега-и-Гассет пишет:

«Человек Древнего мира исходит из чувства ***доверия*** *к миру, каковой для него является, в первую очередь,* ***Космосом, Порядком****. Современный же человек исходит из недоверия, из подозрительности, ибо мир*

*для него – Хаос, Беспорядок... Декарт и Кант, две высшие фигуры современной философии, подымают свой якорь с одинаковым состоянием духа подозрительности. ...Система Канта и его последователей остались в истории философии под названием "***идеализма***"*... С колоссальной смелостью и упорством белый человек Запада исследовал мир в течение последних четырех веков с* ***идеалистической*** *точки зрения. Он выполнил свою миссию до конца, пробуя все возможности, которые в ней заключались. И он дошел до конца – он открыл, что это* ***ошибка****. ...Это чувство космического страха привело к тому, что, начиная с Канта, немецкая философия перестала быть философией* ***бытия*** *и превратилась в философию культуры. Культура – это есть одежда, которую просит Брунильда, чтобы защитить свою наготу, это размышление, претендующее подменить* ***жизнь****. Замечательный труд трансцендентального идеализма ведет к оборонительному намерению, и немного похож на червя, который из своей собственной слюны прядет кокон... Познание перестает быть пассивным* ***зеркальным отражением действительности*** *и превращается в* ***построение****. То, что вульгарно называется действительностью, становится простым сырьем, хаотическим и без всякого смысла, которое* ***необходимо изваять****, придав ему форму космоса. Я не думаю, что во всей человеческой истории когда-либо был предпринят переворот более отважный, чем этот. Сам Кант его называет своим "***коперниковым подвигом***". Но на самом деле... Коперник ограничивается* ***заменой одной действительности другой действительностью****... Кант же* ***переворачивает*** *всю действительность, он сбрасывает с себя свою маску "магистра" и* ***провозглашает диктатуру***». (Jose Ortega y Gasset. Kant, Hegel, Diltey. Revista de Occidente, Madrid, 1961. Перевод с испанского на русский язык сделан автором этой статьи.)

Однако современные научные открытия в области физики опровергают метафизические выводы Канта. Известный немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg), один из создателей *квантовой механики* и автор теории т. н. «*принципа неопределенности*», утверждает:

«Если мы сегодня будем сравнивать доктрины Канта с современной физикой, с самого начала возникнет впечатление, что его основная концепция "синтетических суждений а приори" оказалась полностью уничтоженной открытиями нашего века. Теория вероятности изменила наши идеи, которые мы имели о пространстве и времени; в действительности, она нам показала совсем новые видения пространства и времени, которых вообще не видно в формах "а

приори" чистой интуиции Канта. Закон причинности уже не применяется в квантовой теории и закон сохранения материи перестал быть истиной по отношению к элементарным частицам. Очевидно, что Кант не мог предвидеть новые открытия, но так как он был убежден в том, что его концепции будут "фундаментами любой будущей метафизики, могущей называться наукой", будет интересно узнать, где находилась ошибка его аргументов».

Больше того, Гейзенберг считает, что *«большие затруднения для понимания и восприятия концепций современной физики имеют своим корнем предпринятое Декартом разделение Космоса на "рес когитанс" и на "рес экстенса" ("мыслящая вещь" и "протяженная вещь"). Это разделение проникло глубоко, в течении трех веков, в человеческий разум, и потребует долгого времени для его замещения действительно иной позицией по отношению к действительности».* (Werner Heisenbrg. Phisics and filosophi. Цитируется в переводе на русский язык с испанского издания "Fisica y filosofia"; Buenos Aires, 1959 г.)

Кульминация противоречий

Кант и все его прямые и косвенные последователи требуют **игнорировать действительность**, ибо действительность **непознаваема**. Единственное, что находится вне всякого сомнения, это то, что находится в нашем сознании, в нашем мышлении. Больше того, саму эту действительность необходимо, так или иначе, **подгонять** под наши **умственные схемы**, чтобы её улучшить. Причём на практике для этого даже допускается насилие. Как сказал Ленин: «Если факты против нас, то тем хуже для фактов».

В данной проблеме заостряется основное противоречие западного рационализма. Ведь если под рационализмом понимать всемогущество человеческого разума, вплоть до провозглашения его автономности по отношению к лежащей вне человека (вне его разума) действительности, то получается, что все схематические (идеологические) построения этого разума **не нуждаются в экспериментальной проверке** на практике (то есть вне самого разума). Этим макроидеология Запада отказывается от своего прежнего постулата **необходимости экспериментирования** в области научных исследований. Кроме того, если действительность на самом деле непознаваема для человеческого ума, то в таком случае она также и существенно неизменяема по прихоти этого ума. Такая изоляция и взаимоотчужденность между разумом и действительностью сегодня

тоже опровергнута наукой, в частности теорией Гейзенберга о взаимодействии между наблюдателем (экспериментатором) действительности и этой самой действительностью.

Между прочим, Ортега-и-Гассет считает, что прежние успехи и прогресс Западной цивилизации были в свое время многому обязаны его тогдашней тенденцией и стремлением к **экспериментации**, кроме предрасположения к **анализу** (в противоположность предпочтению синтеза на Востоке). Однако, если действительность не только не познаваема, но еще и подлежит безоглядным реформам («изваяниям», как говорит Ортега), то этим самым отрицается автономная **эволюция** действительности. Если эволюцию действительности подменять, с одной стороны, насильно внедряемой революцией и, с другой стороны, петрификацией этой самой революции, при этом упорно игнорируя **экспериментальные результаты** таких манипуляций, то даже никакие «перестройки» в последнюю минуту не смогут предотвратить катастрофы. Загон объективной действительности в прокрустово ложе субъективных схем нерационален и неизбежно ведет к катастрофе.

Запад пытается диалектически преодолеть этот аспект своего кардинального противоречия, оправдывая экспериментирование лишь в области так называемых «точных наук», но одновременно избегая всякую историческую (сиречь экспериментальную) **проверку** в области своих идеологий (либерализма, социализма, демократизма и т. д.), каковые возводятся «а приори» в **непререкаемую** «истину», а также и проверку смежных с ними «социальных наук»: антропологии (дарвинизма), социологии, педагогики, психологии (фрейдизма) и экономики.

Кроме того, современный фундаментализм Запада также игнорирует противоречия и в своем подходе к отдельным выше отмеченным социальным наукам. Например, в антропологии проповедуется безоглядная приверженность к теории так называемого «эволюционизма», якобы ведущего к биологической **селекции**, в то время как в педагогике абсолютно отрицается всякое стремление к публичной селекции для подготовки публичных элит. (Дело в том, что непубличные элиты подготавливаются непублично).

В результате, в некоторых из этих областей современной западной культуры достигается максимальное **абстрагирование** искусственных схематических и «виртуальных» построений от всякой реальной действительности, что неизбежно приводит в тупики. Например, чрезмерное абстрагирование современных финансовых «виртуальных» инструментов от экономической реальной действи-

тельности может быть показательным примером таких преувеличений, неумолимо имеющих **ограниченные пробеги**.

В конечном итоге, современный рационализм Запада забывает **Истину и Правду**, а также и свой собственный прежний постулат, что «истина есть соответствие разума с действительностью» (veritas est adequatio rei et intellectus). Если без разума нет рационализма, а истинный разум должен соответствовать действительности, то, следственно, подлинный рационализм никак не может игнорировать эту действительность.

Буэнос-Айрес, январь 2009 г.

*). Перечисление этих основных государственных форм и их классификация повторяется несколько раз в произведении Аристотеля «Политика». Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации гласит так:

«*В первом исследовании различных государственных форм мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василеиан, аристократиан, политеан»), и три отклонения («парекваseис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии («тираннида мен василеиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»)*» (Политика, 1289 а).

Л. А. Тихомиров отмечает, что «по-нынешнему» демократию Аристотеля называют «охлократией». Но «демос» и «охлос» были почти синонимами. Так что, если «охлос» нехорош, то и «демос» не лучше. Сегодня на место демократии подтасовывают слово «демагогия». Так, в Полном собрании сочинений Аристотеля, в испанском переводе Patricio de Azcarate, вышецитированную классификацию Аристотеля искажают, подменяя в ней слово «демократия» словом «демагогия». В дальнейшем тексте перевода прибегают к этому же приему, но иногда переводчик невольно путается и употребляет одновременно и то, и другое слово. (По этому поводу испанский философ Хулиан Мариас отмечает, что этот перевод «научно не имеет никакой цены».)

Вообще, демагогия не есть форма государственности, не есть ни «кратия», ни «архия». Демагогия есть способ (прием, метод, следствие, по-гречески «гигномена»), присущий **двум плохим режимам: демократии и тирании**: «*Все приемы крайней демократии присущи также тирании... Поэтому льстеца ценят в обоих режимах, в демократиях - демагога, потому что демагог - это льстец демоса*» (1313 в). В другом месте Аристотель отмечает: «*Итак, всякий демагог продвинулся постепенно к теперешней демократии*» (1274 а).

Несмотря на все эти недвусмысленные определения самого Аристотеля, их переводят, прибегая к грубым подтасовкам и к простой подмене одних слов другими, только лишь для того, чтобы выгородить демократию из числа режимов, определенных Аристотелем как плохие.

И. Н. Андрушкевич

Теория легитимности в толковании испанского философа Ортега-и-Гассет

Легитимность в истории

Толкование понятия «легитимность» выходит далеко за рамки политической науки. Оно тесно связано с социологией и, конечно, требует глубокого знания и понимания истории, являющейся экспериментальной лабораторией политики.

Теория политической легитимности Хозе Ортеги-и-Гассета (1883–1955) изложена в его труде на историческую тему – *«Одна интерпретация мировой истории»*. Однако эта теория основывается и на социологической системе философа, представленной, главным образом, в работах *«Идеи и верования»* и *«Человек и люди»*.

Книга *«Одна интерпретация мировой истории»* впервые была издана посмертно в 1960 г. в Мадриде и представляет собой 12 лекций, посвященных критике монументального труда английского историка и эллиниста Арнольда Тойнби *«Исследование истории»*, прочитанных в 1948–1949 гг. в Мадриде. Центральной темой этих лекций является *«анализ жизни, превращенной в* ***нелегитимность****»*. Этот анализ Ортега делает на основании *«двух гигантских примеров, каковыми являются времена упадка Римской Республики и сегодняшние времена»*[1].

Ортега особенно подчеркивает, что, согласно гипотезе Тойнби, субъектами истории являются цивилизации, или «большие общества», каковых за всю историю человечества было всего около двух десятков. (Из них продолжают существовать, согласно Тойнби, всего лишь пять: западноевропейская, восточноевропейская, исламская, индийская и дальневосточная.) Справедливости ради следует от-

метить, что подобная теория впервые была выдвинута крупным русским мыслителем Н. Я. Данилевским, хотя я думаю, что Ортега этого не знал.

Разделяя такую точку зрения, он возражает Тойнби по отношению к его гипотезе о жизненных циклах отдельных цивилизаций и их «отцовско-сыновней» преемственности. Ортега оспаривает этот детерминистический подход к жизненному циклу цивилизаций, ранее высказанный Шпенглером. Философу чуждо само понимание *предопределенного чередования разных исторических «формаций»*, ставшее модным под идеологическим засилием исторического материализма.

Ортега утверждает, что строгий научный анализ применим к истории только одного государства: Римского, поскольку это единственное крупное государство, *начало и конец* которого нам хорошо известны. Научный анализ исторических процессов возможен лишь при условии «осцилирующего» созерцания всего исторического процесса, **от начала до конца**. Наш глаз наблюдателя, говорит Ортега, должен скользить по всему историческому периоду изучаемого явления, постоянно и многократно возвращаясь туда и обратно. Иллюстрируя эту свою теорию, Ортега анализирует историю Римского Государства. Своего рода побочным продуктом анализа и является теория Ортеги о политической легитимности, подкрепленная его собственной социологической доктриной.

Эта блестящая теория, соединившая историю, социологию и политику, демонстрирует понимание психологии римского менталитета, что особенно важно для точного научного определения ряда *римских политических терминов*, которыми продолжает пользоваться и современная цивилизация. Среди них не последнее место занимает *легитимность*.

Коллапсы вызваны потерей легитимности

Ортега вслед за Тойнби утверждает, что нации или народы являются лишь частями «больших обществ», или цивилизаций. Человеческая история – следствие проявления и взаимодействия этих цивилизаций.

Для того чтобы определить каждую из цивилизаций, необходимо уточнить ее протяженность во времени и пространстве. Тойнби и Ортега начинают этот анализ с западноевропейской цивилизации, конец которой еще не известен, ибо она пока не кончилась. Однако

известно её начало – конец греко-римской цивилизации, которому предшествовал период великолепия Римской Империи, которую Тойнби называет «*универсальным государством*». Ортега подчеркивает большое значение, придаваемое Тойнби такому «универсальному государству», **прототипом и образцом** какового «*для Тойнби и для кого угодно*» является именно Римская Империя. Это и есть центральная тема труда Тойнби, говорит Ортега, и посему на нее надо обратить особое внимание.

Наибольший интерес в этой связи представляет вопрос: почему эта цивилизация (и вообще всякая цивилизация) приходит в **упадок** и в конечном итоге гибнет? Тойнби считает, что главной причиной упадка и последующей гибели является «*раскол в душе*» той или иной цивилизации. Однако Ортега заявляет, что следует рассматривать «*подобную действительность в свете идеи **нелегитимности***», ибо нелегитимность в конечном счете ведет к упадку. Таким образом, суть истории постигается с помощью понятий «легитимность» – «нелегитимность». Исходя из этого, Ортега и предлагает свою собственную теорию легитимности, которая одновременно является его *теорией общества*.

Зарождение общественных структур

Ортега считает, что зарождение общественно-государственных образований у всех примитивных народов начинается с выдвижения *лидеров*, ведущих за собой всех членов формирующегося общества. Вожди способны создать и предложить *проект или программу общих действий*, особенно в моменты надвигающихся опасностей. Они в состоянии *приготовить* (по-испански preparar, по-латыни praeparare) всё необходимое для того, чтобы данная акция была удачной. Такой «**приготовитель**», «направитель» или «управитель» (в том смысле, что он может *справиться* с делом) на архаической латыни назывался **imparator** или **imperator**. Ортега отмечает, что самый древний из поэтов Рима Ennius употребляет слово induperator, которое уже в его время считалось очень архаичным. На близком к латыни языке племени осков такой лидер назывался embratur[2].

Так в обществе появляются ***временные лидеры***. Они являются вождями первых недолговечных государственных образований до тех пор, пока не исчезает опасность или не кончается сражение. С момента появления лидеров и начинается общество как таковое, ибо

масса людей, до того бывшая аморфной, получает *новую структуру*, состоящую из ***предводителя*** и его *последователей.*

Ортега считает, что от слова *«следовать»* (по-латыни sequi, sequor) происходит слово **socius**, *последователь* или *спутник*, а от него, в свою очередь, выражение societas – *общество*[3]. От этого же корня происходят слова экзекуция, consequens (последовательно), exequias (буквально — «следование за гробом»), секундант и т. д. Значит, происходящее от этого же корня слово «социализм» никак не может выражать идею *«равенства»* в обществе, ибо оно обозначает, наоборот, *иерархическую структуру, сиречь* ***неравенство.***

На начальном этапе слово «император» еще не является перманентным титулом, оно всего лишь «нарицание», а посему не выражает никакой легитимности.

После первого этапа наступает второй, когда в образующемся обществе формируется и *«созревает сложное, но одновременно определенное представление о жизни и мире»*. Ортега исходит из того, что первоначально у римского народа, *«как и у всех народов всех времен, такое мировоззрение может быть только* ***религиозным.*** *Отдельный индивидуум или группа индивидуумов могут жить, имея нерелигиозное представление о мире, но народ как таковой не может иметь иных идей о мире, кроме религиозных»*[4].

С развитием религиозного мировоззрения возникает необходимость в *постоянных* определенных *обрядах.* Однако обряды, касающиеся общественной жизни, не могут быть исполняемы любым членом общества, а лишь теми, кто в течение долгого времени заслужил *всеобщее признание.* То есть в обществе имеется *консенсус по поводу того*, что только эти люди обладают нужными предпосылками для исполнения религиозных обрядов от имени всего общества. Именно таким образом, говорит Ортега, появляется в обществе первая **постоянная власть**, вернее, *первый постоянный авторитет* и первая *постоянная государственная функция* в виде *управляющего «священнодействиями»* (по-латыни sacrificium), которые вскоре становятся, главным образом, жертвоприношениями. Такой *священный управляющий* (по-латыни rex sacrorum) выступает первой легитимной властью в обществе. Еще не существует никакого разделения властей, и этот управляющий не является только лишь первосвященником. Он одновременно исполняет, по мере возможности, и **все другие** государственные функции: вождь войска, законодатель и верховный судья. Он обладает полнотой власти, он имеет, подчеркивает Ортега, imperium legitimum – *легитимное управление*[5].

Значит, первая легитимная власть в государстве является **постоянной**, её не может исполнять любой, а только тот, кто имеет на это неоспоримое *предварительное право*.

Таким образом, rex (этот титул, мне кажется, было бы лучше переводить термином «*князь*», родственным германским «king» и «Koenig», а не «царь», как это принято в русской литературе) – уже не спонтанно возникающий временный вождь государства, каковым до этого был временный император, а *постоянный легитимный правитель*. Он не *временный управляющий*, а постоянный правитель, обладающий *полнотой легитимной власти*, как говорит Салустий. И он, конечно, подчеркивает Ортега, является «*царем милостью Божией*»: «*Первоначальная легитимность, прототипная, единственная компактная и насыщенная, всегда принадлежала у всех народов царю* ***по милости Божией***. *В чистом виде другой нет*»[6].

С возникновением такой легитимной власти, временная, авантюрная и преходящая фигура императора как бы исчезает, но само слово сохраняется и потом присваивается в Риме **всем победоносным генералам**. Так, даже нелегитимные титулы могут быть частично **сохранены под покровом легитимности**. Этот титул снова всплывет, когда легитимность в государстве исчезнет, а необходимость в сильной власти возрастёт. Это будет император Римской Империи – от Юлия Цезаря до Константина Великого.

Государственные учреждения в рамках легитимности

Третий этап Римского Государства имеет исключительный характер как раз в связи с проблемами легитимности, считает Ортега. Дело в том, что через два с половиной века после установления Ромулом, первым царем Рима, монархической легитимности, разразился глубокий политический кризис: назрела необходимость прекратить существование монархии, но при условии **сохранения легитимности**.

Отступая немного в сторону от этих рассуждений Ортеги, необходимо отметить, что римляне называли свое государство *республикой* в течение всех трех этапов его существования: царского периода — от 753 до 510 г. до Р. Х., консульского периода — от 510 до 30 г. до Р. Х. и имперского периода, после этой последней даты. Цицерон, на которого так любит ссылаться Ортега, пишет: «*Когда в нашей Республике были цари*»[7]. Сам термин «республика» обозначает «государство», в смысле «*общее дело*». Лишь под влиянием револю-

ционной антимонархической пропаганды во Франции в 18-м веке, это старое римское слово было взято «на вооружение» и ему был придан антимонархический и даже агностический смысл, что являлось абсолютным искажением истины.

Ортега подчеркивает, что в основании Римской Республики, несомненно, присутствовали сильные религиозные и политические **этрусские элементы**. Само имя «Рим» этрусского происхождения. Однако население Рима было латинским. После Ромула римляне призывают себе в цари иностранца, сабинянина Нуму Помпилия. Тит Ливий пишет, что это призвание было сделано на основании того, что «*Нума Помпилий был величайшим знатоком всего божественного и человеческого права*».

Как говорит известный историк Рима Теодор Моммзен, город возник в результате *соединения нескольких племен, живших в нескольких соседних деревнях*. Моммзен этот процесс называет «синекией», т. е. «*сожительством*» (от греческих слов «син» и «экос», «со» и «дома»). Такое же происхождение имел и Афинский полис, где «Синекия» даже считалась богиней. Так вот Ортега предполагает, что в этом объединительном процессе нескольких латинских деревень в новый город Рим этруски играли роль **катализатора**. Он даже допускает возможность, что первый царь Рима Ромул был как бы «поставлен» этрусками, независимо от того, был он этруском или нет. Однако, несомненно, что не только народ Рима, но и его коренная «аристократия» были латинянами. Возможно даже, что эти латинские племена раньше имели своих племенных князей, как это было и у нас на Руси до призвания общего князя Рюрика. Ортега подчеркивает, что римляне никогда не отрицали исключительного вклада этрусков в их религиозную и государственную организацию, особенно в области обрядов и церемоний.

При первых царях Рима римская аристократия и римский народ не чувствовали чужестранного засилия, ибо, по-видимому, такового и не было. Лишь последние три царя были этрусскими чужеземцами: Тарквиний Старший, Сервий Тулий и Тарквиний Гордый. Сервий Тулий больше всех, после Ромула, привнес в организацию Римского Государства характерные римские учреждения: организацию *выборов по центуриям*, учреждение *призывных классов* в армию по признаку имущественного ценза, когда впервые и появился термин «пролетарии», и т. д. Тит Ливий, отмечая, что Сервий Тулий царствовал 44 года, называет его правление «*законной и справедливой царской влас-*

тью». Это правление было прервано цареубийством, после которого воцарился Луций Тарквиний, прозванный Гордым. Помимо того, что он был причастен к убийству своего предшественника, который был его тестем, он начал свое царствование с другого проявления несправедливости: он не позволил похоронить своего предшественника.

Тарквиний Гордый царствовал 25 лет и был изгнан из Рима за то, что его сын Секст Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену видного римлянина Тарквиния Коллатина. Как пишет Тит Ливий: «*На собрании по центуриям префект города, в согласии с записками Сервия Тулия, провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин*». Эти два консула впервые приняли **вдвоем** на себя царскую власть в Риме (как в Спарте), но сроком только на один год.

Ортега подчеркивает, что римляне не предполагали менять самой сути своего государства и не собирались полностью отказываться от монархии. Они лишь хотели навсегда избавиться от возможности, что их царем может стать не просто **чужеземец**, а несправедливый и гордый чужеземец. Можно к этому добавить, что если чувство легитимности и было неразрывно связано с монархическим устройством государства, оно одновременно в неменьшей степени было связано и с чувством *справедливости*. (В начале Афинского полиса, приблизительно 3000 лет тому назад, афинский царь и герой Тесей впервые провозглашают *принцип справедливости* вместо мести, с тех пор являющийся основным принципом общеевропейской цивилизации.) Перед римлянами тогда, в 510 г. до Р. Х., встала дилемма: как преодолеть противоречие, проявившееся в царствовании седьмого римского царя Тарквиния Гордого.

Римляне не были теоретиками в области политики, они теории вообще не любили, но обладали большой политической мудростью и исключительным *чувством правосознания*. Это и помогло им найти выход из создавшегося положения: заменить одного пожизненно выбранного монарха *двумя монархами*, выбранными *сроком на один год*. Вводились два ограничения: сокращение пожизненного срока до годового и создание двойной высшей власти (состоящей из двух лиц с абсолютно равными правами, каждый из которых имел право принимать единоличные решения и одновременно накладывать вето на решения своего соправителя).

Тут встает один очень трудный вопрос: *как же сохранить и спасти не только общую государственную легитимность, но и право-*

преемство власти как таковой при такой радикальной реформе высшей власти.

Во-первых, нужно иметь в виду, что римская монархия не была полностью *наследственной династической* монархией, хотя стремление к этому заметно за всё время царского периода. Сама природа монархической власти династична, но в Риме династичность никогда не была достигнута полностью. Причем ее не существовало даже в третий, императорский период, за редкими и недолго длящимися исключениями. Более того, и в последующую эпоху Византийской империи, когда Константинопольские императоры провозглашают себя наследниками одновременно Римских императоров и Ветхозаветных царей (это отметил император Федор Ласкарис в своей тронной речи в 1219 г.), династичность является труднодостижимым идеалом. Она появилась позже, в Третьем Риме, в Русском Православном Царстве. Именно отсутствие строгой династичности и явилось одним из существенных условий сохранения легитимности при переходе от царской власти к консульской. Ведь, если выборы одного царя народом, с последующими утверждениями Сената и авгуров, были легитимными, то таковыми же были и выборы двух консулов, с помощью такой же процедуры.

Однако нужно иметь в виду другое важное обстоятельство, а именно – высшая власть в Риме *не всегда была одновременно и **Верховной** властью.* Наш великий ученый Лев Тихомиров, написав книгу *«Монархическая государственность»,* внес большой вклад в политическую науку, разделив государственную власть на *власть верховную* и на *управительные власти.* Тихомиров доказывает, что в Риме, как в царский, так и в консульский периоды, *верховной* властью обладал *римский народ,* ибо только он имел *право помилования.* Цари, а затем консулы, являлись лишь *высшей управительной* властью, исполняя *верховную* власть только во времена войны. Таким образом, исходя из этой теории, очевидно, что при государственной реформе в Риме, условно относимой к 510 г. до Р. Х., суть верховной власти не реформировалась, была изменена только *высшая управительная* власть. Значит, эта реформа не коснулась пласта легитимности на уровне верховной власти.

(К сожалению, Ортега не мог быть знаком с трудами Тихомирова, уничтоженными в процессе Русской Катастрофы. «Монархическая государственность» к 1923 г. сохранилась лишь в одном экземпляре в библиотеке Британского музея, где ее удалось найти после

четырехлетних поисков группе русской эмигрантской молодежи. Эта книга тогда была переиздана малым тиражом, а затем снова переиздана в Буэнос-Айресе в 1968 г., благодаря чему она не погибла для России.)

Условия легитимности

Ортега подчеркивает, что *«**монархическая легитимность** – перворoдна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает существовать под всеми другими формами… Я утверждаю, что когда в каком-нибудь народе Греции, Италии или Европы была полная и чистая легитимность, это всегда была монархия, хотим ли мы этого или нет»*[9].

Вслед за первоначальной полной легитимностью в Рим приходит легитимность другого типа, которую Ортега называет *несовершенной,* или *«**демократической**, хотя само это слово сильно пострадало после Ялтинского соглашения в 1944 г.»*[10].

Демократическая легитимность, основанная на выборе главы государства народом, согласно Ортеге, неумолимо требует последующего **подтверждения на деле**, на основании результатов правления, т. е. подтверждения своей *эффективности.*

Таким образом, эта **вторичная**, неполная легитимность требует **двойного оправдания**: **первоначального консенсуса** в момент выбора, каковой консенсус является субъективным, хотя и коллективным волеизъявлением большинства, и последующего объективного оправдания власти **результатами ее деятельности**.

Однако конкретный случай смены в Риме царской власти на консульскую, так основательно разбираемый Ортегой, является, как сказано, исключительным явлением, ибо эта смена в действительности была частичной.

Ортега утверждает, что первоначальная легитимность в Риме принадлежала не только царю, но *одновременно и Сенату*. Здесь мы подходим к другому вопросу, связанному с вопросом легитимности. Это вопрос *авторитарности*. Первоначальный смысл этого понятия сегодня не только существенно искажен, но и забыт.

Согласно Ортеге, понятия **легитимность** и **авторитарность** неразрывно связаны. В своем эссе «О Римской Империи» философ обращает внимание на утверждение Цицерона о том, что *фундаментом Римского Государства являются **две** первоначальные **авто-***

***ритетные** институции,* учрежденные самим Ромулом: *авгуры и Сенат.* Ортега подчеркивает, что Цицерон ставит **авгуров** на первое место перед Сенатом. Цицерон даже намекает на общий корень этих двух слов, утверждая, что «в государстве основной и самый важный правопорядок опирается на *авторитет авгуров*». («Maximum autem et praestantissimum in re publica ius est **augurum** cum **auctoritate** coniunctum». De legibus, 2, 31). В чем же заключалась конституционная исключительность этих двух учреждений Рима? В том, что и авгуры, и Сенат обладали «**авторитетом отцов**», «auctoritas patrum».

В данном случае важно понять, что авторитет является не властью, а скорее *предохранительным тормозом* для этой власти. На любое решение верховной или исполнительной властей авгуры и Сенат имели право накладывать **вето**, если они считали, что такое решение может повредить *умножению блага* государства и его народа.

Слово «аугуриум» обозначало *«рост, преумножение, предприятие».* Оно происходит от корня «auge», от него же — слова: *авгуры, авторитет и август.* На одной гравюре императора Петра Великого, сделанной в 1703 г. Шхонбеком, в надписи титул «Август» переводится словом «приснoприбавитель»: *«Петр Первый император, присноприбавитель, царь и самодержец Всероссийский».* А титул императоров Священной Римской Империи германской нации немцы переводят как «Римской империи всегда *увеличитель».* (Romani imperii semper Augustus = des Romischen Reiches allzeit Mehrer.)

Немецкий ученый Арнольд А. Т. Эрхардт считает, что термин «аукторитас» *«настолько сложен, что еще не разъяснен филологами. Авторитет не является чем-то самодостаточным, это средство для чего-то большего».* В свою очередь, немецкий философ Карл Ясперс дает следующие определения: *«Аукmop – это тот, кто утверждает и поощряет нечто; аукторитас – это сила, служащая для того, чтобы производить, поддерживать и увеличивать».* Однако это отнюдь не физическая сила и даже не «мирской авторитет», ибо *«всякий мирской авторитет неизбежно кончается потерей данного ему доверия, ибо претензия авторитета, не обладающего трансцендентностью, ведет к послушанию без трансцендентности»*[11]. Более того, К. Ясперс утверждает, что *«свобода не имеет содержания без авторитета, которому она подчиняется. Авторитет не является подлинным, если он не пробуждает свободу. **Свобода существует только вместе с авторитетом.** Авторитет и свобода могут спастись в нашу эпоху только при условии допущения веры»*[12].

Короче и яснее это сказал 2000 лет тому назад Цицерон. Чтобы в государстве обеспечить согласие, «***власть должна находиться у народа, а авторитет у Сената***» (*«Potestas in populo, auctoritas in senatu sit.»*). *«Я даю свободу народу для того, чтобы достойные имели и осуществляли авторитет»*. Чтобы *«свобода существовала на деле, а не на словах, она должна быть доверена славнейшим учреждениям, должна уступать авторитету первейших»* (Законы, III, 28, 38, 25). Ортега утверждает: *«Слово религия имело для римлян строгий смысл. Слово «augurium» обозначало только рост, приумножение, предприятие. От него происходят auctoritas, augustus. Понятия верований и государства взаимно переплетаются»*.

В наши дни этот смысл сохранен в слове *«инаугурация»*, с помощью которого выражается претензия на легитимность новых властей при их вступлении в должность, хотя при этом не соблюдаются все условия авторитарности.

Таким образом, чтобы обеспечить в государстве подлинную легитимность, даже без формальной монархической власти, необходимо наличие нескольких элементов.

Во-первых, нужны два минимальных условия, без которых невозможна даже неполная легитимность: действительное предварительное народное согласие (консенсус) и последующая эффективность самой власти, подтверждаемая результатами её действий. Затем необходимо политическое правопреемство путем *сохранения изначальных монархических учреждений*, даже после формального конца монархии. Так в Риме и было, ибо до самого конца Римского Государства в нем продолжал существовать Сенат. Авгуры оставались до преображения Римской Империи в христианскую, когда авторитет языческих авгуров был заменен *симфонией* с христианской Церковью.

И еще, как мы уже видели, первоначальный акт смены монархической власти на консульскую произошел не только с помощью прежней процедуры выбора и утверждения нового монарха, но и под возглавлением префекта Рима, бывшего заместителем и первым помощником царей.

Кроме этих формальных политических условий, необходимо обратить особое внимание на абсолютную необходимость сохранения авторитета за *«хорошими»*. Это и есть требование *аристократии* в лучшем смысле слова.

Аристократическим элементом в Римском Государстве был Сенат. Места в Сенате принадлежали представителям лучших семейств

основателей («отцов») Рима, наподобие того, как это было у нас в Боярской Думе. Когда традиционные аристократические семьи в Риме прекратили свое существование, в Сенат стали выбирать и плебеев, то есть членов простонародья, но в принципе всегда только лучших из них. Значит, легитимность демократических выборов достигается полностью лишь тогда, когда эти ***выборы*** ведут к ***отбору лучших.*** Это формально выражалось и в самом названии кандидатов на должность сенатора: слово *кандидат* происходит от слова «кандидо», что означает белый, чистый, непорочный.

Интересно, что уже Платон и Аристотель считали монархическую власть наилучшей, но трудно осуществимой. Однако, если невозможно достичь такой наилучшей власти «*одного наилучшего*», они считали, что всегда можно достичь власти «*нескольких лучших*», то есть аристократии. Эти две власти являются легитимными *правильными политическими режимами*, «орфас политияс». Есть еще третий правильный политический режим, называемый Аристотелем «**полития**». Цицерон переводит это слово как «**республика**». Аристотель говорит, что это такой режим, в котором *большинство имеет право принимать решения*, но одновременно *меньшинство обладает правом утверждать или не утверждать* эти решения: «*В республиках... немногие обладают авторитетом отвергать, но не утверждать, ибо в таком случае предложение всегда предлагается на решение большинства*»[13].

Именно так и было в Римской Республике в консульский период, причем это меньшинство, обладающее правом утверждать или не утверждать решения, принятые народом (то есть правом на авторитарное вето), было отбираемо самим народом. *Выборы были инструментом для отбора.* Именно это и делало их легитимными.

Легитимность покоится на фундаменте общих верований

Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на «*общем полном веровании в определенное представление о жизни и мире*»[15].

«Кто-то легитимен – царь, Сенат, консул, – когда его исполнение власти основано на компактном веровании всего народа в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять её... Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность»[16]. *«За распадом верований и системы нравственных*

норм, то есть поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти»[17]. *«Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе»*[18].

Значит, перемена титулов и сроков носителей верховной власти в Риме в 510 г. до Р. Х. не повлекла за собой кризиса легитимности по той простой причине, что не было никакого кризиса в **народных верованиях** и *не произошло никакой перемены в* ***отношениях верховной власти*** *к этим верованиям.*

Более того, эта перемена верховной власти не повлекла за собой упразднения легитимного источника авторитарности, ибо авторитарность с самого начала вытекала *одновременно из трех источников: царя, авгуров и Сената.* Когда царь был лишен всех политических и военных прерогатив, сохранив лишь религиозные, он уже не мог быть источником авторитарности. В свою очередь, его наследники – два консула – не обладали «авторитетом отцов». Однако другие два источника этого авторитета – авгуры и Сенат – не только продолжали беспрепятственно существовать, но их роль в новых условиях консульского периода стала более значимой.

Кроме того, из всех трех первичных обладателей авторитета в Риме именно Сенат обладал им в наиболее совершенной форме. По этому поводу Ортега пишет:

«Для римлянина времен (консульской) республики Сенат является учреждением, олицетворяющим наиболее полную и почитаемую легитимность, то, что они называли "авторитетом отцов" (auctoritas patrum). Основанием для этого было их чувство, что Сенат является учреждением, в котором в скрытой форме ***сохраняется монархия****, без ее недостатков… Кроме того, он состоял, в своем самом славном и почитаемом ядре, из древних царских семейств, отцов или вождей, родов или кланов. Сенат также был и продолжал быть "милостью Божией". Поэтому, когда Цицерон восстанавливает легенду об истоках Рима, в разгар эпохи трагической нелегитимности, он говорит, что римляне обязаны Ромулу учреждением или созданием* ***двух самых важных*** *институций в публичной жизни Рима:* ***предзнаменований авгуров и Сената.*** *Другими словами, римский народ верил в трансцендентное, почти сверхчеловеческое право Сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, а не тот или этот индивидуум верил. Это было* ***коллективное верование,*** *общий консенсус, действовавший полностью в общественном организме»*[19].

Таким образом, правопреемство римской консульской республики от римской монархии было полным и совершенным, ибо оно осуществлялось одновременно по нескольким параллельным каналам: сохранялись все прежние должности и учреждения, сохранялось прежнее право и ничуть не повреждались общие религиозные и нравственные верования народа. Причем Ортега неоднократно отмечает, что все эти каналы были соединены между собой, так что можно сказать, что текущее по ним правопреемство держалось всегда на одной высоте. Как пример тому, можно указать на толкование Ортегой особого значения *права* для римлян.

Философ считает, что исключительный характер римского права отнюдь не зависит от самого содержания его норм и законов. Конкретное **содержание** римского права зависело, в первую очередь, от чисто прагматического согласия в обществе по отдельным спорным вопросам. Раз достигнутое согласие принималось безоговорочно всеми. Кроме того, Ортега отмечает, что содержание этого права, достигаемое путем политического согласия, менялось очень медленно. Римляне, утверждает Ортега, не только не любили, но просто не переносили «инфляции законов». Законы менялись, главным образом, путем добавления новых, старые, в принципе, всегда сохранялись. Со времени составления «Двенадцати таблиц» деценвирами в 451 г. до Р. Х. и до 529 г. после Р. Х., когда был составлен «Кодекс» императора Юстиниана Великого (т. е. практически почти в течение целого тысячелетия), теоретически все римские законы продолжали быть действительными.

Отличительной характеристикой римского права было *специфическое отношение римского народа к самому праву.* Римский народ *верил в абсолютный приоритет права в обществе.* И если, согласно древнему выражению, «где общество, там и право», то «там, где право, там и общество, а там, где нет права, там нет и общества». Таким образом, правопреемство права и верований переплетались между собой.

Здесь необходимо добавить еще одну характеристику римского политического строя, которую Ортега довольно часто и всесторонне описывает и отмечает, но никогда конкретно не называет. Не называет по той простой причине, что ни в древнем латинском языке, ни в современных европейских языках такого выражения нет. Однако этот термин существует и употребляется в славянских языках, особенно в русском и в сербско-хорватском. Это – ***соборность.*** (Правда,

на Западе употребляется термин греческого происхождения, более или менее соответствующий нашему термину «соборность», а именно «*кафоличность*», в котором греческая «фита» на Западе произносится как «т». Это слово происходит от греческих слов «кат-олон», «**в согласии со всеми**», но его смысл на Западе сильно искажен.)

Говоря о «*коллективном консенсусе*», Ортега подразумевает именно эту *политическую **соборность***, так же, как и описываемое им *совместное политическое делание* римского народа и римского Сената и вообще всех римских учреждений. Само официальное имя Римского Государства выражало такое согласие, подчеркивает Ортега: S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus) - «Сенат и Народ Римский».

Мне кажется, что Ортега вплотную подходит к термину «соборность», когда утверждает, что первоначальным названием римских курий было «*ко-вир-ия*» (собрание, «со-мужие»?).

Значит, в Риме легитимность зависела не только от правопреемства учреждений, титулов и законов, но также и от *сохранения изначальной **авторитарности** и **соборности** в государстве.*

Коренной смысл легитимности

В заключение можно предложить синтез всех этих условий легитимности и правопреемства, пользуясь для этого Аристотелевскими определениями *государства* (полиса) и его *политического строя* (политон политияс). Аристотель говорит, что «*если изменяется и делается иным политический строй (полития), то по необходимости государство (полис) тоже перестанет быть прежним*»[13].

Согласно Аристотелю, политический строй, или *конституция* (неважно, писаная или неписаная), является *самым важным элементом государства*. Действительно, это тот элемент, который ***фиксирует соотношение** между остальными элементами государства*, между властью, территорией, населением и верованиями этого населения.

В Римском Государстве в течение его более чем двухтысячелетнего существования (753 до Р. Х. – 1453 после Р. Х.) случалось много кризисов и крупных перемен, но никогда не были существенно нарушены правопреемство и легитимность. Не были нарушены, ибо никогда радикально не менялось *конституционное соотношение между властью и народом, и его верованиями*. Верховная власть и политические власти этого государства, в конечном итоге, *всегда сообразовывались с народными верованиями*.

Даже преображение Римской империи из языческой в христианскую, в период между царями Константином Великим и Феодосием Великим, было вызвано **переменой религиозных верований** римского общества. Но в самих *отношениях между властью и верованиями народа* радикальных сдвигов практически никогда не было. Даже если в этих отношениях наступал длительный кризис, как, например, во времена иконоборческой ереси византийских императоров, политическая стабилизация государства наступала после преодоления этих кризисов в отношениях между властью и народными верованиями.

В конечном счете, именно в этом последнем пласте общественной действительности и кроется коренной смысл политических правопреемства и легитимности.

---

1 Ortega y Gasset J.Una interpretación de la historia universal. Madrid, 1960. 360 p. Перевод с испанского.

2 Ibid. P. 156.

3 Ibid. P. 157, 188.

4 Ibid. P. 158.

5 Ibid. P. 161.

6 Ibid.

7 Ciceron M. T. De legibus. 3, 4.

8 Ibid. P. 167.

9 Ibid. P. 168.

10 Jaspers K. Libertad y autoridad// Diógenes. Buenos Aires, 1952. № 1.

11 Ibid.

12 Аристотель. Политика. 1299 а.

13 Ortega y Gasset J. Op.cit. P. 190.

14 Ibid. P. 174.

15 Ibid. P. 226.

16 Ibid. P. 228.

17 Ibid. P. 170–171.

18 Аристотель. Политика. 1268 в.

Андрей Бертельс-Меньшой
Кадет 2-го выпуска Крымского К. К.

О традициях

В разное время, но в тот же период великого исхода с Родины, её рубежи покинули 4 группы российских корпусов: Полтавско-Владикавказская, Одесско-Киевско-Полоцкая, Донская и Сибирская. Группы, впоследствии Зарубежные корпуса, состояли из кадет всех возрастов, предписанных программой средних военно-учебных заведений, опекаемые воспитателями и обучаемые соответственными преподавателями. Все они, однородные по организации, естественно, еще в России, подвергались влиянию географической среды, в которой они воспитывались, принимая в свой быт специфические характеристики. Так создавались соответственные традиции, носившие иногда форму **неписаных обычаев**, а иногда выражавшиеся в сохранении **строгого ритуала**.

Вероятно, в силу географической близости Петровского-Полтавского кадетского корпуса к «славной южной школе» — Елизаветградскому кавалерийскому училищу, внутренний, скрытый от начальства быт, многое заимствовал от кавалерийских юнкеров. Можно предполагать, что географически близкие к Одессе стоянки 8-го гусарского Лубенского и 8-го уланского Вознесенского полков тоже влияли на форму традиций одесситов-константиновцев. Кадеты киевляне и полчане как будто не включали в свои традиции особо сугубо кавалерийского духа. Наши братья казаки-донцы в Донском, и кубанцы и терцы во Владикавказском корпусах полностью укладывались в свой казачий быт, не сходный с бытом кадет северян. Все старшие кадеты строевых рот и сотен, прошедшие почти полный курс корпусов в России, унесли с собой за рубежи и непревзойденный кадетский дух, и свои традиции.

Общей традицией для всех Российских корпусов было составление и пение **«Звериады»**. И вот, даже поверхностно, разбирая происхождение названия этой оды, составляемой всеми выпускниками, оканчивающими курс, о днях, проведенных в корпусе, в комическом, а иногда соленом духе, приходишь к вероятному первоисточнику этого вида поэзии в лице великого М. Ю. Лермонтова. Почему именно «Звериада» возникла среди юнкеров Гвардейской школы? Мы приблизимся к решению этого вопроса, если цитировать строфу, вероятно, созданную, если не самим Лермонтовым, то его окружением:

Споемте, братцы, Звериаду,
Собрались звери все толпой.
Бессмысленных баранов стадо,
Подтянет их корнет лихой.

Как видно, понятие корнета, то есть юнкера старшего курса, в мечтах уже офицера и «зверя» – юнкера младшего курса, мохнатого, хвостатого существа, пребывающего по воинскому уставу в звании рядового –, довольно логично возникло в бесшабашной компании гвардейских юнкеров. Строгая иерархия всегда была основой организации с вытекающей отсюда дисциплиной всех нормальных вооруженных сил. Шутливое наименование «зверь» не обижало юнкеров младшего курса, знавших, что проникновенная песнь – гимн Николаевского кавалерийского училища, словами:

За друга друг стоял горой,
В беде друг друга выручал,
И были вечными друзьями
Солдат, корнет и генерал.

... выражала настоящие чувства и дух всех: и старых, и молодых николаевцев. Шутки или обычаи, созданные гениями, запоминаются последующими поколениями, и, естественно, становятся традицией.

Схожесть организаций, интересов и быта способствовали распространению в точной или несколько измененной форме традиций, принятых в Николаевском училище, в Елизаветградском, Тверском, и в специальных классах Пажеского корпуса. Несомненно, первым, принявшим традиции Гвардейской школы, был Николаевский (кавалерийский) кадетский корпус, а за ним, в той или иной форме, другие корпуса.

Трудно утверждать, в какой период прошлого XIX столетия внутренний быт кавалерийских юнкерских училищ Германской

Империи и Соединенных Штатов Северной Америки (Вест-Пойнт) оказался в некоторых традициях, или в так называемом «цуке», поразительно схожим. Вероятно, общность этого явления была психологически оправдана в той части военной молодежи, каждой из упомянутых стран, которая, с одной стороны, сохраняла традиции своих предшественников, а с другой стороны, настаивала, опираясь на иерархическую подчиненность старшим младших, на постоянной готовности к особой отчетливости (по-немецки «цакиг», вероятно, отсюда «цук»), как результату условных автоматических рефлексов.

Небезынтересно даже и сейчас, когда уже всё в прошлом, проанализировать, хотя бы вкратце, эту часть быта старой России, перенесенной за рубежи.

К сожалению, оба понятия, как традиции и «цук», не всегда правильно истолковывались в большинстве случаев людьми мало осведомленными, или тенденциозными. Отдельные отрицательные явления, случайно имевшие место, муссировались, и создавалось неправильное представление. Главным пунктом обвинения «цука» является оскорбление личности, в упомянутой форме, подразделения на корнетов и «зверей» и необходимости выполнения последними, поражающих самолюбие, приказаний корнетов.

Было бы нелепо утверждать невозможность патологических случаев, когда корнет по недомыслию, или по отсутствию душевного благородства, переходил границы здравого смысла и требовал исполнения глупого или злого приказания. Опирающиеся в обвинении «цука» на такие печальные случаи, упускают из вида всю стройную систему, существующую в военных школах, для поддержания традиций и, естественно, для охранения и пресечения случаев поражения чести. В русских кавалерийских училищах, в Пажеском корпусе, в кадетских корпусах, принявших в той или иной форме лермонтовские традиции и «цук», существовал высший юридический форум в виде «корнетского комитета», или ему схожей организации, возглавляемой «генералом», с помощниками в разных мифических чинах, соответственно, но не всегда годам, проведенным в школе. Это высшее учреждение существовало для проведения в жизнь существующих традиций, и несло обязанности суда чести, подобного установленному дисциплинарным уставом для господ офицеров Русской Императорской армии. Каждый «зверь» или «племянник» имел своего «дядюшку», или «благородного корнета», и эта взаимная связь требовала от «дядюшки» всей заботы не только об отчетливости своего «племянника», но и защиты его самолюбия, если была в этом необходимость.

О безобидности, с одной стороны, и пользе, с моей точки зрения, «цука» – с другой, можно судить по краткой истории двух первых выпусков славного Крымского кадетского корпуса. Происходя из соединения, в основном, двух корпусов, часть Полтавская, с традициями, включавшими «цук», объединяла всех кадет, принимавших эти основные внутренние требования. Часть Владикавказская, в основном состоящая из казаков, имела свой уклад, соответствующий высшему форуму казачьей жизни – казачьему кругу.

Стоит упомянуть, что и в Петербурге Николаевское кавалерийское училище имело эскадрон с продолжателями лермонтовских традиций и казачью сотню, где о «цуке» не было и речи. По стечению обстоятельств, при возобновлении Николаевского училища, в 1920 году, в Симферополе, из вольноопределяющихся кавалерийской дивизии генерала Барбовича, был создан дивизион из двух эскадронов, без сотни. Волей блаженно почившего Короля Югославии Александра, из Галлиполи была принята кавалерийская дивизия и Николаевское училище, а впоследствии с Лемноса, Кубанская дивизия, но без училища.

Николаевское училище открыло свои двери для приема оканчивающих кадет из трех корпусов: Русского, Крымского и Донского. Для одесситов, полочан и киевлян традиции и «цук» кавалерийского училища были понятны, но, казалось, что решение этого вопроса будет трудно для казаков. И вот тут мы имели блестящий и достойный ответ хулителям традиций и непонимающим «цука»: наши братья-казаки – владикавказцы из Крымского корпуса – Протопопов, Черняев, Микулинский, Орел, Агрызков, Денисов и др., и донцы из Донского корпуса – Лашкарев, Греков, Дебенцов, вместе с нами, полтавцами, и остальными, с честью носили форму, и верю, что с трогательной любовью вспомнят и свое состояние «зверей» и «благородных корнетов» в Николаевском училище. О дисциплинарно-воспитательном значении «цука», не только для военной службы, но и для частной жизни молодого человека, нужно сказать, что пребывание в состоянии «зверя» дополняет и отшлифовывает требования строевого и дисциплинарного уставов, доводя исполнительность и отчетливость до инстинктивного рефлекса. Но стоит подчеркнуть, что звание «благородного корнета», несколько помпезное, обязывает к тому, именно благородному поведению, которым отличались воспитанники Русских кадетских корпусов и на Родине, и в милой нашему сердцу королевской Югославии.

(«Кадетская перекличка» № 3, 1972 г.)

Митрополит Виталий
Четвёртый Первоиерарх РПЦЗ
Кадет Крымского кадетского корпуса

О воспитании

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. В человеческую душу вложено глубокое чувство бессмертия. Это чувство заставляет нас верить, что физическая смерть не представляет конец пути человека, созданного для вечной жизни. В мире языческом это чувство – инстинкт, который религия преображает в чувство бессмертия. Желание продлить свою жизнь и после временной жизни выражается часто в уродливых формах. Мы знаем о подвигах в спорте, о желании взобраться на самую высокую гору, чтобы имя победителя было как-то отмечено и увековечено. Иногда даже дьявол смеется над нами, когда заставляет человека наполнять бутылку водой в Атлантическом океане и нести ее через всю Канаду или Америку, чтобы вылить в Тихий океан, и совершать другие смешные «подвиги». Все это происходит от этого глубокого инстинктивного, неизгладимого стремления в человеке к бессмертию.

Но для нас, православных христиан, таких уродливых форм желать бессмертия не существует. Православие само по себе религия смирения, и, веря в вечную жизнь, мы стараемся как-то стушеваться в жизни земной. Наши самые большие ученые показали поразительную кротость и смирение. Они всегда старались быть незамеченными, и это происходило от их глубокого сознания в себе православной души и того, что душа стремится всей своей жизнью на земле к вечности. Они верили в вечную жизнь.

Есть у нас совершенно законное чувство продлить себя. Продлить себя в своих детях. Это чувство глубоко в нас, мы хотим, если не сделать их лучшими, чем мы сами, то хотя бы такими, как мы, чтобы они придерживались тех принципов, которых мы придерживались в нашей жизни. Чувство это не только происходит от кровного нашего родства, это также желание, глубокое желание, чтобы они смотрели нашими глазами, чтобы думали как бы нашим умом и продлевали нашу жизнь после нашей земной жизни – нашей смерти. Наконец, мы

просто хотим, чтобы кто-то помолился о нас и вспомнил. Вот для этого мы хотим оставить детей наших. Это законное чувство. Долг наш оставить после нас детей, которые будут нас продолжать, и, конечно, вспоминать нас у Престола Божьего, в панихиде и у нашей могилы.

Таким образом, перед нами встает во всей своей полноте вопрос воспитания детей. Мы прекрасно знаем, что самый страшный, самый опасный – это возраст юношества. Но мы не можем его выделить из всего воспитания ребенка, потому что воспитание юноши вытекает и зависит от всего предшествующего воспитания. В нашем кратком слове мы хотим раскрыть вам, как Православная Церковь понимает воспитание.

Во-первых, дети – это наше продолжение. И мы вкладываем в них не только наше тело, но и свои души. Душа младенца зарождается вместе с телом. Поэтому для нас не существует вопроса о сокращении деторождения. Это всегда будет убийством, всегда будет грехом, потому что мы знаем, что в момент зарождения тела младенца зарождается в нем также и его душа, от души отца и матери, со всем тем, что родители несут в себе, — это фактически их продолжение. Господь Бог в седьмой день не творил ничего, значит, творения нового уже нет. И нельзя себя обманывать, что каждый младенец является новой тварью. Младенец душой и телом наше продолжение. Младенец выходит из утробы матери и сразу начинает плакать. Плачет от величайшего бессознательного горя, это крохотное существо, но уже плачет, потому что чувствует себя в величайшей беде, в горе, он потерян в некоем бесконечном пространстве. Его все время окутывала материнская утроба, он был со всех сторон как бы любовно сжат ею, а тут он вдруг появился на свет и чувствует себя потерянным, и первый его возглас – это плач. И также мы знаем, что младенец растет только в утробе матери, выходя из ее, он начинает шествие к своей смерти, как нас учит биология.

Когда спросили, когда начинается воспитание ребенка, кто-то очень умно сказал: «За девять месяцев до его рождения». Настолько этот человек понял по православному глубоко, что дети это мы – продолжающиеся. Младенец родился, и у него начинают развиваться различные чувства и воля. Самое последнее, что развивается – разум. В этом развитии начинается воспитание. Младенец, мы знаем, чего-то хочет, что-то отвергает, - это уже его воля. На нее влиять еще ничем нельзя, но мы можем влиять на младенца нашего Церковью Христовой. Мы должны приводить его в храм Божий, где аромат ладана,

который был принесен в дар Христу, запах благословенный, имеет силу Божьего благословения. Младенец обоняет уже с самых первых дней этот чудный духовный запах. Этот запах мы никогда не встретим нигде. Нас будет коробить, нам покажется кощунством, если где-нибудь в ресторане или другом непристойном месте, кто-то начнет кадить. Это нас оскорбит. Младенец уже начинает через обоняние, этот очень важный канал восприятий, принимать в душу свою что-то святое. Глазки его смотрят на бесчисленные горящие свечечки, и эти свечечки не просто фитиль, облитый воском с огнем, это мы все стоим, свеча – это каждый из нас, стоящий и горящий божественной любовью к Богу. И это младенец видит, он ничего не понимает, но мистически таинственно передается в его душу это глубокое чувство благоговения и страха Божьего. Самое главное, его причащать. Еженедельно, каждое воскресенье его причащать. Я вспоминаю свой лагерь в Германии, помню тот день, когда у нас родился сотый младенец, и всех их приносили причащать. Часто мне вспоминаются эти восторженные крики младенцев. Это не был плач или капризы, это были какие-то восторги, они чувствовали, что они приближаются к своему блаженству. Младенец безгрешен, он во всей полноте, не понимая, чувствует святость этого Причастия, что мы редко чувствуем из-за засоренности наших душ. А он чувствует эту святость и уже становится на путь христианского благочестия. Младенец вышел из утробы матери, но он еще от нее не отделился, он уже в люльке, но у него огромная связь с матерью. С отцом меньше, потому что мать его носила в себе, она его вынесла на свет, она его кормила. Уже в это время в присутствии ребенка нельзя ни ругаться, ни огорчаться, ни злиться. Мы имеем свидетельство о том, что младенец, находясь совершенно в противоположной стороне квартиры, начинает плакать, капризничать, начинает страдать только потому, что отец с матерью ссорятся. Он настолько связан с матерью, особенно с ее огорчением, что он это переживает все время, и мать должна быть очень осторожна по отношению к своему младенцу, и стараться в сердце своем не носить никакой злобы, никакой раздражительности. А мужья должны относиться к своим женам в это время с очень большим вниманием и большой осторожностью. Вот это начало воспитания уже с младенческого возраста.

Наконец начинается детство. Ребенок растет, в это время у него начинает развиваться воля, чувства и сила ума, которая самая последняя раскрывается в его маленьком существе.

Вот этот период самый главный. Все великие педагоги утверждают, что за семь, восемь или десять лет, зависит от младенца, создается ткань его души, по которой он будет жить всю свою жизнь, конечно, не мероприятиями деловыми, а духовно он будет эту канву все время разрабатывать. Это самый главный момент, и его пропустить никак нельзя. Надо христианским воспитанием в младенчестве, в детстве, подвести его к самому страшному, самому ответственному моменту – к его юности. Если мы это прозеваем, мы прозевали все, и тогда для нас только одни слезы и горе. Ребенок должен знать до этого момента, что есть слово «**нельзя**», он должен точно знать, что это значит. Мы знаем, что волю у человека можно развить только тогда, когда мы научим его поступать по совести, как бы это тяжело и неприятно ему ни казалось. Самая сильная воля та, которая умеет подчиняться. В подчинении не рабство, как нам говорят часто языческие писатели. Самые волевые люди развиваются, когда они знают послушание и умеют склонить свою волю перед волей своего родителя. Это настоящее воспитание воли, и этот момент пропустить мы не смеем, потому что если мы его пропустим, будет уже поздно, и волю, уже сформированную, будет тяжело исправить.

Ребенок должен понимать чувство долга – что можно и что нельзя. Ребенку нельзя все время делать подарки, в любое время. Каждая наша награда, каждый наш подарок должен быть связан с торжеством на Небе, с церковным торжеством, – только. А просто, бессмысленно дарить всякие вещи, это его развращает. Душа его не оценит такого подарка, он примет все, но не оценит этого. И вот часто мы делаем то, что можно назвать «шоколадным воспитанием ребенка», когда ему дается все безгранично. Это сделает из него человека, который потом почти что будет ненавидеть своих родителей. Казалось бы, ребенку дают все: дают ему образование, отправляют в лучшие школы, окутывают его всем вниманием, и родители думают, что они исполняют уже свой долг, они прекрасно вывели ребенка на путь успеха в жизни, но они забыли его душу. Они совершенно не воспитали его сердце. Это совершенно забыто. И ребенок, инстинктивно, конечно, не намеренно, начинает своих родителей ненавидеть. Это выражается во вспышках гнева.

Кто виноват? Виноваты родители. Потому что душа инстинктивно мстит своему отцу и матери, ужасно мстит. И что может быть хуже оскорблений от своего собственного сына, от своей собственной дочери? Пусть тогда родители не обвиняют их, говоря, «мы для тебя сделали все!» А воспитали ли они его сердце, научили ли они

его молиться по-настоящему? Или просто гнали его в церковь, подталкивая, чтобы он шел, и этим самым часто от церкви его отвращали. Объясняли ли они ему, как молиться Богу, как нужно молиться сердцем, а не одним умом, или одним стоянием. Этого они не сделали. Они не сделали ничего для его души, и вот почему, выросши, юноша или девушка, инстинктивно начинают мстить своему отцу и матери. Мы знаем бесчисленное количество семейных драм такого характера, где страшные страдания и раскол происходят оттого, что родители не исполнили своего долга по отношению к духовной жизни своего ребенка. Они сделали его калекой. Они воспитали его тело. Оно вскормлено, оно здорово. Они воспитали его разум. У него есть масса знаний, у него гипертрофия ума, он обо всем знает, обо всем слышал. Всякие вопросы он решил, а сердце у него молчит, сердце почти что умерло. Оно не реагирует, он холодный человек. Гипертрофия ума — это все понимать, но ничего не ощущать, и это вы сразу в нем почувствуете. Такой человек начинает, конечно, мстить. Он — урод. Это то же самое, если бы он был без ноги, но мы этого не хотим допустить даже в мыслях, потому что это ужасный факт для нас, чтобы дочь наша была без ноги, руки или без глаза. О, мы тут поможем всем, всякие усилия приложим для того, чтобы это не случилось. Но чтобы он не был уродом духовным, об этом мы почти не думаем.

Вот какая жалкая картина бывает оттого, что в детстве, этом самом главном периоде жизни, когда формируется ткань души младенца, мы о самом главном не позаботились. И таким образом, его неподготовленного, обезоруженного, без умения молиться, без развитого сердца подводим к возрасту юношества – самому опасному.

Как ни странно, юность может быть самым коротким периодом. Мы привыкли юность считать от детского возраста до брака. Брак накладывает сразу печать конца юношества. Чувство ответственности, новые ощущения, новые заботы, и... конец юношества. Это может быть самый короткий период во всей жизни человека, но самый ответственный, потому что в это время больше всего и легче всего совершаются падения, в которых затем человек кается всю свою жизнь и страдает. Как легко пасть в этом возрасте и как трудно потом снова восстать. Церковь отмечала это не раз. Вы знаете слова в песнопении Всенощного бдения: «От юности моея мнози борят мя страсти», или словами пророка Давида: «Грех юности моея и беззакония моего не помяни». Все Священное Писание, премудрости Соломоновы и прочие поучительные примеры из Ветхого и Нового Заветов нам

говорят, как юношество страдает, как легко оно падает. Оно полно радости жизни, полно творчества, но с этим переплетается суетность, легкость, с которой падают юноши, и легкомысленное отношение ко всякому греху. Почему на этот возраст и обращает самое большое внимание Церковь. Церковь старается подвести к этому возрасту младенца, затем уже ребенка, дитя, так, чтобы он был бы во всеоружии подготовленным встретить самый опасный возраст.

Сейчас мы совершенно одиноки. У нас нет помощи никакой ни от правительств, ни от школ. Очень тонко, очень хитро существуют силы, которые вошли в правительства почти всего мира. Они стараются наших детей от нас отделить. Положить вражду между нами — родителями и юношами. Это юноши и девушки не могут даже понять, почувствовать, как это тонко проходит, как тонко проводится это разделение, это сеяние искусственной вражды к своим родителям. Убеждают юношей и наших девушек, что они совсем какой-то особый класс, почти что особое сословие, особая часть человеческого рода, и значит, им все можно. Юноши и девушки переходят из юности во взрослый возраст, сами не замечая этого, набравшись гордости и грехов, и уже поздно, когда увидят, что они больше не юноши. Зло сыграло свою роль, оно убедило их в том, что они – особые люди. В таком духе сейчас и воспитывают в школах, и пишут во всех журналах и газетах, и повсюду проводят эту мысль. И они начинают чувствовать себя особыми, а раз особые, значит, начинается вражда с родителями.

В этот период мы бессильны что-либо сделать, ибо уже этот возраст сформирован, уже в нем действует воля и своя личность. Невозможно такого юношу просто сломить. Должна быть переменена вся тактика нашего воспитания. Если мы не позаботились в детском возрасте, как подойти, как внушить им мероприятия, о которых мы говорили, держать их как бы в святости и благочестии и подвести их к этому самому опасному возрасту подготовленными, тот тут уж горе нам.

Можно молиться и нужно молиться о таких непослушных детях. Надо также стараться, чтобы их товарищи и подруги были по нашему выбору. Если нас не послушают, но хорошего товарища и друга они послушают, если он добрый, если у него христианский фундамент души. За этим надо следить, надо стараться употреблять также и юмор. Юмор – это большое оружие отца и матери для взрослого сына. И нужно немножечко, очень умно и тонко уметь посмеяться над тем, что творится. Смех это большое оружие, и никто не хочет быть смешным. Надо показать им также, что они являются

игрушками злой силы, которая намеренно хочет их оторвать, чтобы погубить. Для этого можно привести очень много примеров: радио, телевидение, кино, литература, наркотики.

Всегда надо мужественно отвечать на все вылазки, которые производятся против наших детей. Пусть юноши и девы, если даже не будут внимательны к урокам христианства, исполнятся хотя бы чистого самолюбия, и не захотят быть простой игрушкой в руках людей, которые хотят их развратить и озлобить. Хотят снять их с руководства обществом. Ибо, что самое страшное, что уничтожает больше всего волю, конечно блуд, конечно похоть, она уничтожает волю человеческую. Человек может быть очень образованным, но никогда не достичь ему никакого руководства, никогда не быть ему руководителем в обществе, если у него нет воли, если он уничтожен внутренне, он выеден, душа его выедена внутри. Так пусть наши юноши и девы хотя бы исполнятся чистого самолюбия и перестанут следить за потоком развращения, зная, что это не случайная вещь, а это по плану намеренно сделано. Да неужели же мы этого не можем понять? Вот все эти, возлюбленные братья и сестры, способы и предлагаем, чтобы как-то удержать наших детей в нашей струе. Чтобы в конце нашей жизни могли сказать воистину, и на Страшном Суде в особенности: «Се аз и дети, яже ми дал есть Бог».

К этому конечному ответу нам надо стремиться и принять все меры, чтобы спасти своих детей. Самое главное, конечно, молитва. Научить наших детей молиться Богу – великое дело. Вы, наверное, читали уже чудное произведение праведного отца Иоанна Кронштадтского – «Моя жизнь во Христе». Но мало кто понял, что он хочет сказать. Это не просто рассеянные по страницам толстой книги благочестивые переживания и уроки. Каждый святой что-то хочет нам сказать определенное, очень и очень важное. Он нам в этой книге как бы все время кричит. Как преподобный Серафим Саровский нас поучал, что самое главное в жизни – стяжание Духа Святого, Божией благодати и удержания ее, так Иоанн Кронштадтский, в этот век гипертрофии всякой науки, развития ума, сказал нам всей своей книгой: «Обратите внимание на сердце». Воспитайте сердце вашего ребенка, он кричит об этом. Нет страницы в этой книге, чтобы не было сказано что-то о сердце. Сердце надо воспитать. Ибо без сердца нет молитвы. Молиться одним умом, это невыносимая вещь. Ум все время уходит за памятью своей, он все время витает, как бабочка, якорь же ума – сердце. И все святые угодники Божии, что они дела-

ли, какое внутреннее делание они проводили, чтобы совершенствоваться? Мы говорим «постились, молились», но, фактически, самое главное во всем этом делании, это стремление соединить ум с сердцем. Ввести ум свой в сердце, чтобы они были воедино соединены. И тогда молиться. Вот это и есть православная настоящая молитва. И мы упражняемся в этой молитве самыми короткими, простыми словами Иисусовой молитвы, мы говорим: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Умом говорим, но все время хотим, чтобы этот ум снизошел к сердцу, чтобы сердце как бы щипцами схватило эти слова и приняло в себя. И когда мы так научимся молиться, тогда наше сердце все время действует – от молитвы оно переходит к действованию. Оно говорит, как человек с человеком, с нашим умом, и вы чувствуете Его любовь. Дай Бог каждому из нас, в особенности юношам и девушкам, стоящим в начале своей жизни, научиться Иисусовой молитве, т. е. настоящей молитве, чтобы сердце молилось. Тогда мы сможем достичь и красоты, и глубины в нашей молитве. Это и есть заповедь. «Непрестанно молитесь», — говорит Священное Писание. Непрестанно молитесь. Это возможно, это действительно возможно! Сердце все время будет повторять помимо нас, мы будем спать, мы будем идти, будем работать, а оно будет повторять все время: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Это дивное состояние настоящей христианской души. Тогда ничего бояться не надо, ничто не страшно, какой бы грех ни подошел к вашей душе. Мы, воспитавшие ребенка в православном благочестии, по принципам православия, духовно создали такого человека, у которого совесть, как тончайший радар ощущает не только большие грехи, но даже тень греха, а это и есть самое главное для спасения души. Чтобы наша совесть была чистой, тонкой и воспринимала малейшее дуновение греха. И тогда мы можем совершенно спокойно уйти с этого света, зная, что наши дети будут спасены. Даже если они когда-нибудь падут, то совесть не позволит им остаться в грехе. Она будет кричать в душе их, она всегда выведет их с плачем и молитвой и снова приведет к тому спасительному пути, которому мы старались их научить во все главные дни воспитания их. Аминь.

(«Кадетская перекличка» № 4, 1972 г.)

Наш Полк

Наш Полк! Заветное чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою.
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк.

К. Р.

Песнь Дворянского Полка

Братья! Все в одно моленье
Души русския сольем!
Ныне День поминовенья
Павших в поле боевом.

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим:
На нетленныя скрижали
Имена их начертим.

Вот каким дееписаньем
Царь-Отец нам повелел
Сохранять воспоминания
Православных ратных дел.

Вот нетленные уроки.
Братья! Мы-ль их не поймем.
К этим строкам новы строки
Мы не все ли принесем.

Братья! Все в одно моленье
Души русския сольем.
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.

Урок истории

О, как я Богу благодарен,
Что ясность мыслей сохранил,
И яркость всех воспоминаний
В душе моей запечатлел.

А потому в моем изгнании
Никто не может мне сказать,
Что жизнь была плоха в России,
И в том царей России обвинять.

В те времена народ крестился,
Как и освящал свои поля,
А также в церкви он молился
И почитал он Батюшку Царя.

Куда исчезли эти пасторали
начала прошлого столетья,
С их вековым укладом жизни,
Как и в отсутствии сомненья.

Ответ тому – борьба с Христом
Людей, не верующих в Бога,
Но признающих силу злата,
Воспетую Фаустом когда-то.

Как учит нас былое,
Все революции и войны,
Кому-то были очень нужны,
Но большинству народа были чужды.

Поэтому, не слушай убеждений,
О демократиях, несущих всем свободы,
Спросите лучше вы у сербов
О стране их, нанесенных разрушений.

В. А. Корбе
Вице-унтер-офицер IX выпуска ПРВКККК
Сакраменто, Калифония, 26 июля 1906 года

Просьба Генералиссимуса А. В. Суворова

«Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убегать роскоши, праздности, корыстлюбия и искать славы через истину и добродетель, которыя суть моим символом».

И. Н. Андрушкевич

Основные функции государственных органов в исторической перспективе

Органы и структуры власти: публичные и оккультные

Государственные структуры в человеческих обществах стали возникать одновременно с первыми проявлениями исторической жизни этих обществ. Политические науки уже давно, еще со времен древнегреческих философов, определили элементы государственных структур, но в данном случае речь не об **элементах** государства, а о **сути** основных политических государственных **функций**.

Испанский философ Хозе Ортега-и-Гассет утверждает, что, в конечном итоге, политическая **суть государства** заключается в ответе на один единственный вопрос: **кому принадлежит реальная власть** в государстве.

Однако это утверждение нуждается в одном очень важном дополнении, а именно, что реальная власть, чтобы быть действительно таковой, нуждается в **стабильности** и в продолжительной **длительности во времени**, то есть в способности **выживания.** (Сам Ортега-и-Гассет обращает внимание на значение понятия политической «устойчивости», «стасии», которое ему придавалось в Древней Греции.) Причем длительность в человеческом обществе является реальной только лишь в случае, если она простирается, по крайней мере, на несколько поколений подряд.

Значит, достичь такой длительной продолжительности во времени, через собственное **выживание**, вопреки всем затруднениям и возникающим проблемам, является **первой основной**, **базисной функцией** любой власти, каковая для этого и создает соответствую-

щие органы и структуры. Однако эти органы и структуры имеют разные формы, независимо от форм самой власти.

Очевидно, что один человек единолично сам по себе не может обеспечить длительную устойчивость государства, ибо **власть одного человека** (будь то в монархии, в хорошем случае, будь то в тирании, в плохом случае) не может гарантировать стабильной и длительной реальной власти в государстве и его выживания при всех условиях. Длительность власти, даже формально единоличной, зависит от создания системы **постоянных долговечных структурных опор** для этой власти, существующих и действующих **надвременно**, на протяжении поколений, несмотря на их смену. Именно эти властные структуры, гласные или негласные, и являются костяком подлинной реальной (исторической) конституции государства, писаной или неписаной.

Второй основной функцией государственной власти и её органов и структур является сохранение во времени самой этой конституции государства, ибо, как утверждает Аристотель, когда конституция меняется радикально, меняется и само государство. Такое сохранение во времени относится и ко всем элементам государства: **населению**, **территории**, **верованиям** и власти. Причем сама по себе конституция является **пятым элементом**, элементом **фиксирующим** соотношения между остальными четырьмя элементами государства.

(Под **верованиями** надо понимать отличительные культурные ценности народа, унаследованные от предков. Основатель сионизма Теодор Герцль писал, что объединяющим началом нового государства Израиль будет «вера наших отцов». Таким образом, **патриотическая политика** и патриотическая **педагогика** должны обеспечивать сохранение этих исторических отличительных культурных ценностей народа, в согласии с «верой отцов», а также и сохранение населения и его территории.)

Все классификации разных видов власти, после Аристотеля, по признаку количества носителей власти, на самом деле являются лишь отвлеченными схематизациями, ибо в реальной жизни таких абсолютно чистых форм власти не бывает. Все виды власти в действительности почти всегда являются в той или иной мере **смешанными видами**, лишь с преобладанием той или иной формы. Посему даже сугубо монархическая власть никогда на деле не бывает в действительности **единоличной**, за редчайшими исключениями, так как она всегда опирается на те или иные политические и общественные

структуры. Таким образом, в данном случае, анализируя условия и функции реальной политической власти, а вследствие этого и структуру **органов, создаваемых этими функциями**, можно сказать, что такой анализ всегда, при любых видах и формах власти будет в конечном итоге анализом тех или иных сложных **властных структур**, видимых или невидимых.

Однако в данном конкретном случае, ввиду специфической цели этого анализа, классификация органов и структур политической власти должна иметь иной характер, чем классификация государственных форм и режимов. Максимально упрощая, можно предложить следующую классификацию политических структур и органов власти:

1. Структуры и органы власти **публичные**, гласные, открытые или **республиканские**, в древнеримском понимании этого термина.
2. Структуры и органы **закулисные**, **мистериальные,** частично **законспирированные**.
3. Структуры **оккультные** или мафиозные.

В последних двух случаях закулисные и мафиозные органы и структуры на практике почти всегда прикрыты **декоративными публичными элементами**, так что в действительности налицо структуры и органы **смешанные**.

Органы и структуры власти в Древнем Египте

По современному состоянию исторической науки, считается, что первым организованным государством был Древний Египет. Одной из основных функций этого государства, основанного приблизительно три тысячи лет до Р. Х. и просуществовавшего почти тридцать веков, была необходимость обеспечить ежегодное перераспределение засеваемых земель после разливов Нила. Ввиду необходимости уложить такие перераспределения земельных участков в кратчайшие сроки, зависящие от климатических годовых циклов, эта функция создала соответствующие необходимые органы, каковые должны были действовать неотлагательно и безапелляционно. Посему в данном случае монархическая власть в Египте и приобрела отличающие ее специфические характеристики.

Однако возникало естественное противоречие: единоличная и даже священная власть фараона была необходима для безапелляционности решений верховной власти, но она отнюдь не могла сама технически справиться со всей сложностью задач, которые перед ней

ставила ее основная функция. Так возник институт писцов и землемеров, которые именем фараона ежегодно проводили в кратчайшие сроки эту громоздкую работу. Однако, очевидно, что за системой и подготовкой писцов и землемеров должны были стоять какие-то более глубокие структуры научного, педагогического, организационного и, в конечном итоге, властного характера. В Древнем Египте эти последние структуры не имели открытого публичного характера и располагались в значительной мере в лоне разных жреческих институций, каковые в свою очередь зачастую носили мистериальный характер. Одним из проявлений такой действительности можно считать само иероглифическое письмо Древнего Египта, которое, как известно, зачастую имело два или три различных толкования.

Эти **постоянно и беспрерывно** действующие мистериальные структуры реальной политической власти в Древнем Египте восполняли и уравновешивали весьма сильную, но часто **прерывающуюся** монархическую власть. Правда, в Древнем Египте монархическая власть всегда сильно тяготела к династической (сиречь и генетической) устойчивости и стабильности, для чего даже прибегалось к поощрению браков фараонов с их родными сестрами. Однако на деле такая династическая длительная устойчивость достигалась редко, что подтверждается наличием в Древнем Египте тридцати династий за тридцать веков.

Мистериальные (то есть **не публичные,** а частично законспирированные) властные структуры и органы жреческих институций в Древнем Египте всегда, в течение всей истории этой цивилизации, неукоснительно принимали активное участие в решении судьбоносных государственных дел («великих государственных дел», как говорили в Московской Руси). Можно отметить изгнание в 16-м веке до Р. Х. гиксов, завоевавших за век до этого Египет; преодоление в 14-м веке до Р. Х. глубоких религиозных монотеистических реформ фараона Аменофиса IV; освобождение в 6-м веке от ассирийской оккупации; провозглашение в 332 году до Р. Х. оракулом египетского божества Амона, в оазисе Сива, Александра Македонского (после освобождения им Египта от персидского владычества) сыном греческого бога Зевса и одновременно сыном египетского бога Амона, что практически было провозглашением его фараоном Египта. С этого момента в Древнем Египте практически начинается последний (птоломеевский) период его истории, продолжавшийся три века, до включения Египта в Римскую Империю при Юлии Цезаре.

В заключение можно, обобщая, сказать, что Древний Египет имел **смешанные** органы политической власти: открытую и **публичную верховную власть**, которая, однако, опиралась не только на открытые бюрократические и военные структуры, но также и на стоящие за этими структурами постоянные жреческие институции и органы мистериального или полузакрытого характера.

Органы и структуры власти в Древнем Риме

Можно условно подразделить историю Римского государства на четыре периода: монархия соборного характера (753 г. до 510 г. до Р. Х.), республика соборного характера (до 30 г. до Р. Х.), абсолютная монархия (до 391 г. после Р. Х.) и христианское православное царство (от 391 г. после Р. Х. до падения Константинополя в 1454 году). В данном случае речь будет только о первых двух периодах, то есть о первоначальных монархии и республике. Интересно, что Цицерон называет оба эти периода одинаково – «**республикой**», ибо он пишет: «*когда в нашей республике было правление царей*» (Законы, III, 2).

Согласно легендам и хроникам об основании Рима Ромулом и Ремом в 753 году до Р. Х., сам акт основания, также как и «инаугурация» второго царя – Нумы Помпилия, сопровождались рядом символических действий глубокого значения. Цицерон в своем труде «Законы» говорит, что Ромул в самом зачатке Римского государства основал «*два славнейших учреждения:* ***авгуров и Сенат***». Ортега-и-Гассет, комментируя эти слова Цицерона, обращает особенное внимание на то, что Цицерон ставит на первое место **авгуров** и лишь на второе – Сенат. Действительно, сам Цицерон подчеркивает в указанном труде, что «*наивысшее понятие права в Римском государстве связано с авгурами*».

Таким образом, перед нами очевидный факт: славнейшими и важнейшими учреждениями римской монархии с самого начала являются **авгуры и Сенат**, но не сама по себе монархия. Значит, монархическая власть, просуществовавшая в начале Римского государства в течение 243 лет (с 753 до 510 гг.), не обладала в исключительной форме политической властью в Римском государстве, а **разделяла** эту власть совместно с авгурами и Сенатом. На нашем современном русском языке такой строй можно было бы назвать «**соборной монархией**».

В данном случае мы имеем дело с весьма сложной и весьма удачной структурой политических властей, отличающейся своей абсолют-

ной и **полной публичностью**, открытостью, гласностью, без каких-либо мистериальных или оккультных элементов. Причем самый существенный характер этих государственных структур весьма точно и четко, как всегда в римской терминологии, определен самим именем Римского государства: **республика**. То есть **общее**, общественное или публичное **дело**. Интересно, что другим официальным названием этого государства было: «Сенат и народ римский» («S. P. Q. R.», Senatus Populusque Romanus). Таким образом, в подлинной республике **декоративные и закулисные** структуры власти **совпадают**.

За два с половиной века существования этой первоначальной римской монархии в ней было всего семь царей. Когда пожизненные цари были заменены в 510 году двумя ежегодными консулами, то, казалось бы, что такая частая смена верховной власти может привести к некоторой анархии. Однако, отмечает Ортега-и-Гассет, рядом с ежегодными консулами всегда находился Сенат, как и во времена царей. Сенат обеспечивал устойчивость, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода осадком политической элиты римского государства.

Первоначально, цари назначали сенаторами **старейшин** трехсот традиционных родов Рима. Затем назначения сенаторов, из традиционных знатных родов, производили цензоры. Кроме того, выбираемые (из бывших консулов) каждые пять лет два цензора, для составления цензовых призывных списков всех граждан, имели право безапелляционно вычеркивать из списка сенаторов его недостойных членов. После конституционных реформ Корнелия Суллы (+ 78 до Р. Х.), сенаторами назначались квесторы, когда они заканчивали свой годичный срок служения.

В Риме ежегодно выбирали квесторов (сначала четыре, потом десять, и, наконец, двадцать), являвшихся самыми младшими сановниками Римской Республики. (Кандидаты в квесторы должны были быть старше 30-ти лет.) После отбытия своей годовой службы на этой должности, квесторы кооптировались, то есть включались **пожизненно** в Сенат.

Таким образом, Римский Сенат состоял из пожизненных сенаторов, число каковых варьировало в зависимости от ежегодной смертности сенаторов. (Теоретически, до Суллы Сенат должен был состоять из 300 сенаторов, а после Суллы — из 600 сенаторов). Кандидатами на более высшие республиканские должности эдилей, преторов, консулов и цензоров могли быть только лишь члены Сената, причем в порядке прохождения ими «курса чести» вышеназванных должностей (cursus honorum).

Таким образом, римским государством управляли одновременно два ежегодно сменяющихся верховных возглавителя (консула) и **никогда не меняющийся** Сенат, с постоянным составом из пожизненных сенаторов, лишь подновляющийся новыми сенаторами, в замену сенаторам умирающим. Третьим элементом был сам народ, то есть все граждане Рима, которые голосовали и принимали те или иные полагающиеся им решения на куриальных (родовых) сходках или по центуриям (сотням).

Вся эта тройственная система дополнялась весьма важным четвертым элементом **авгуров**. Это была жреческая коллегия, состоящая из шести членов, которая **сама кооптировала** (включала) в свой состав дополнительных членов, по мере необходимости. Она официально занималась **предугадыванием** дальнейшего развития военных и политических событий и процессов. То обстоятельство, что им одновременно было поручено и хранение государственных архивов, свидетельствует о характере и сути их деятельности: изучая и хорошо зная прошлое, они должны были предостерегать от повторения предыдущих ошибок. Они не обладали формальной властью принимать какие бы то ни было решения, но они имели право на **вето** по отношению к любым решениям власть имущих. Дабы обеспечить исполнительную силу для этих вето, их решения были с самого начала объявлены священными и никем не отменимыми. Более того, их приговоры имели трансцендентный характер, то есть они считались стоящими **над** человеческими притязаниями, ибо они формально зависели лишь от угадывания смысла и значения птичьих полетов. Таким образом, для начинания любого государственного дела, будь то военного дела или гражданского, была необходима предварительная положительная санкция авгуров. Это и было «**инаугурацией**» (буквально: «начинанием») не только нового годового периода вступающих на власть консулов, но также и началом любого государственного дела.

Во времена первоначальной римской монархии эта авторитарная политическая государственная система действовала следующим образом: после смерти предыдущего царя народ выбирал нового царя, Сенат его утверждал, а авгуры давали такому утверждению свою апробацию.

Однако в Римской Республике полная легитимность достигалась лишь после **назначения** нового царя или консула **предыдущими правителями**, так что после смерти предыдущего царя, если он за-

благовременно не назначил себе преемника, выбирали на пять дней между—царя, который не был полностью легитимным, ибо не был никем назначен, а лишь выбран. Основной функцией между—царя было **назначить** выбранного народом, утвержденного Сенатом и апробированного авгурами нового царя (или консула). Если всё это не удавалось сделать за пять дней, назначали по жребию из сенаторов следующего между—царя на пять дней, и так, доколе было нужно.

Затем, после 510 года, при ежегодных выборах двух консулов (верховных возглавителей республики), десяти преторов (военных предводителей или воевод, которые командовали легионами и были судьями) и других, более низких сановников республики, вся эта сложная процедура происходила так: народ голосовал за кандидатов, которые уже были сенаторами (за исключением впервые избираемых квесторов), в порядке их восхождения по иерархической лестнице, затем Сенат утверждал эти народные выборы, а авгуры давали заключительную санкцию для «инаугурации» выбранного кандидата, а затем предыдущие консулы их «**рукополагали**» на власть. (От сочетания слов manus dare — «дать руку», и происходят глаголы mandare и comandare — командовать.)

Вся эта сложная процедура была полностью **публичной**, сиречь **авторитарной**, то есть **гласной** и **открытой** на всех ее этапах. Не было **закулисных**, засекреченных или мистериальных инстанций, могущих оказать решительное влияние на результаты этих процессов.

Государственно-политический (а не чисто религиозный) характер функций коллегии авгуров явствует также из наличия в Римском государстве специфической религиозной жреческой коллегии «мостостроителей», «понтификов», состоящей из пяти членов, возглавитель каковой был верховным жрецом («pontifex maximus») Рима. Юлий Цезарь соединил обе эти коллегии понтификов и авгуров в одну, дав понтификам права авгуров, а его преемник Август (30 г. до Р. Х. – 14 г. после Р. Х.) сам принял титул «верховного понтифика» в 12 году до Р. Х., соединив в своем лице и многие другие титулы Римской Республики. Это и был конец соборной и авторитарной Римской Республики.

Все последующие римские императоры обладали также и этим титулом верховного языческого жреца, что давало им право на личную священную неприкосновенность, но одновременно подтверждало отмену соборного характера этой новой монархии, ибо принципиально сводило все государственные функции к одному

единственному лицу. Таким образом, это уже была **абсолютная монархия**, вплоть до 391 года, когда император Феодосий Великий отказался от этого языческого титула верховного понтифика, ибо к этому времени все члены Римского Сената в Константинополе уже стали христианами, и вследствие этого император конституционно стал **христианским царём**.

Через полтора века, в 533 году, император Юстиниан Великий провозгласил свою Шестую Новеллу (Новый Закон) о **Симфонии**, не только регламентирующую **характер разделения** между Церковью и государством, но также и восстанавливающую старый римский принцип необходимой **нравственной цензуры** над носителями государственной власти. Православные цари были **самодержцами**, то есть полностью **независимыми** арбитрами в государстве, но принципиально они **не были абсолютными властителями**, ибо Православная Церковь выполняла функции прежних авгуров и цензоров, и вообще должна была действовать **в симфонии с верованиями народа**, что возводилось в высший конституционный принцип.

(Посему, церковные реформы Петра Великого, каковые официально оправдывались Феофаном Прокоповичем новым **императорским** титулом царя, который Феофан Прокопович ошибочно считал неразрывно связанным с титулом «верховного понтифика», на самом деле были реакционными абсолютистскими реформами, несомненно, повредившими соборный характер Русского Государства.)

Однако, несмотря на все эти конституционные перемены в Римском Государстве, оно продолжало во все периоды своей истории оставаться государством с **публичными**, гласными структурами и органами власти, без мистериальных и без оккультных элементов.

Органы и структуры власти в Западной Европе

Как известно, раскол между Западной Европой и Восточной Европой произошел формально в 1054 году. Однако, как и все исторические процессы, этот процесс раскола начался гораздо раньше, хотя вначале и подспудно, а затем, уже после формального раскола еще продолжался некоторое время со значительной энергией. В действительности этот процесс не закончился полностью и до наших дней.

Первым видимым проявлением отхода Запада от церковного единства и от Восточной Римской Империи можно считать принятие римским папой в 391 году древнего языческого жреческого ти-

тула pontifex maximus, после отказа императора Феодосия Великого от него. Следующим проявлением этого процесса был захват в 756 году администрацией папы римского, с помощью франков, некоторых территорий в северной Италии, ранее принадлежавших Римской Империи (Византии). В 781 году римские папы начали чеканить свою собственную монету со своим собственным изображением, вместо монеты с изображением византийского императора, как это было до тех пор.

Вскоре, в 800 году, папа римский короновал короля франков Карла как императора Западной Римской Империи, на что он не имел никакого политического ни юридического права. Известный английский историк Арнольд Тойнби считает этот 800 год символической датой **зарождения Западной Европы**, в которой, по его словам, до этого времени еще преобладали имперские структуры. С этого же момента в Западной Европе начинают преобладать **феодальные** и **корпоративные** общественно-политические структуры, **вместо имперских и соборных**.

Карл Великий стал раздавать своим приближенным во временное или постоянное пользование отдельные крепости, вместе с прилегающими к ним территориями, ранее входившими в состав римской укрепленной границы между Римской Империей и варварами. Это и было символическим концом имперских структур, когда бывшие имперские крепости становились частной собственностью вассалов франкского короля. Сам термин «феодализм» происходит от германского слова на франкском диалекте fieh-od, что значит: скот, **имущество**. Взамен за имущество, его получатель был обязан оказывать военные и политические услуги своему благодетелю. Таким образом, этот феодальный принцип смешивает политические отношения с **имущественными**, что со временем станет отличительной чертой западноевропейской цивилизации.

Нельзя забывать, что Западная Европа первоначально возникла как **конгломерат варварских германских княжеств** на завоеванных ими территориях Римской Империи. Готы, англосаксы, лангобарды и франки возводили свои собственные примитивные государственные структуры на обломках завоеванных ими римских провинций. Таким образом, местная **политическая власть** в этих новых государственных образованиях принадлежала не их коренному населению, а **завоевателям**, каковые одновременно являлись и новыми **собственниками** практически всего имущества на территориях этих

образований. Однако кое-какие остатки прежней цивилизации всё же еще продолжали сохраняться. Кроме того, готы, которые первоначально осели на территориях Восточной Римской Империи, где частично приобщились к её цивилизации, принесли с собой в пятом веке из Византии в Западную Европу Свод римских законов императора Феодосия Второго (Codex Theodosianus), ставший первым источником римского права в Западной Европе.

Вторая волна германских варваров, на этот раз норманнских пиратов, обрушившаяся в девятом веке на Западную Европу, смела большинство еще сохранившихся остатков древней цивилизации и одновременно снова нарушила устоявшийся, было, новый политический порядок. При этом норманны тоже смешивали имущественные отношения с политическими. Таким образом, в этой новой Западной Европе политика не была выражением **внутреннего политического согласия** граждан между собой, собранных на форуме, в агоре или на вече, а результатом **владения завоевателей**. **Власть и владение** сливались в одно понятие. Так, например, звание «лорда» этимологически первоначально обозначало «хлебодатель».

Римская церковь тоже оказалась вовлеченной в такую политическо-общественную модель. Во-первых, она сама проявила формальные притязания на владение государственной территорией. Во-вторых, некоторые её ордена со временем превратились в организации, владеющие несметными богатствами, одновременно претендующими на **подспудное политическое влияние**. Этим страдали не только ордена храмовников (тамплиеров) и иоаннитов (сегодня – Мальтийский орден), но также частично и современный орден иезуитов. Даже можно частично провести некоторую параллель, с точки зрения технических структур, с некоторыми современными мафиозными организациями, в которых **имущественное значение** сопрягается с **политическим влиянием**, в обоих случаях подспудно. В-третьих, формально и реально выйдя в 11-м веке из соборных структур вселенской Христианской Церкви (до этого возглавляемой «пентархией» пяти патриархатов), Римская Церковь нарушила соборный принцип также и внутри самой себя, заменив его принципом абсолютизма папской власти. Такое развитие оказало влияние и на развитие государственной власти в Западной Европе.

Многие историки объясняют формальное уничтожение публичных структур ордена храмовников притязаниями королевской власти во Франции на колоссальное имущество этого ордена. Возможно,

что вынужденное в результате этого частичное маскирование этого ордена под вывесками других рыцарских орденов (как, например, Тевтонского ордена меченосцев на границах России, из которого со временем развилось Прусское государство), а также и частичный его уход в подполье, привели к созданию сложных **технологии и символики** закулисной системы теневых властных структур в Западной Европе, конкурировавших за реальную власть с Римской Церковью и с западноевропейскими монархиями.

Вообще, тысячелетняя история Западной Европы, от провозглашения в 800 году папой римским Карла Великого франкским императором, до самоличной коронации Наполеона Бонапарте французским императором в 1804 году, лишь в присутствии папы Римского, была не только историей притязаний пап на политическую власть, но также и историей борьбы с этими притязаниями. Эта борьба зачастую принимала формы крупных восстаний и религиозных войн (например, альбигойцев — в 12-м и 13-м веках во Франции, гусситов — в 15-м веке в Чехии, а затем и протестантских войн в разных странах). Согласно И. Шафаревичу, в недрах некоторых из этих ересей подспудно развивались зародыши расцветших впоследствии идеологий социализма и фашизма.

После тридцатилетней религиозной войны между католическими и протестантскими государствами в Западной Европе, войны, обескровившей её народы, был подписан в 1648 году Вестфальский мир, установивший в ней очередной западноевропейский «новый порядок». Этот порядок был основан на дуализме между двумя западными христианскими конфессиями, при мультиполярности западноевропейских сил, при их стремлении к внутреннему равновесию между ними. Однако по отношению ко всему остальному миру, как православному христианскому, так и инославному, Западная Европа стремилась действовать как **одна цивилизация**, с претензией на **гегемонию** над всеми остальными культурами и цивилизациями.

Одним из последствий всех этих процессов в Западной Европе было восстановление в новых формах абсолютизма в государстве и его установление в Западной Церкви, что практически являлось реакцией на первоначальное христианство, после Константина Великого преодолевшего римский языческий абсолютизм. Причем этот новый двойной абсолютизм в Западной Европе был вынужден отказаться от **соборных открытых структур** и вследствие этого опереться на **корпоративные** структуры, иногда мистериального характера,

а посему частично засекреченные. В протестантских же государствах эта реакция на преодоление римского абсолютизма Константином Великим и Юстинианом Великим была выражена еще резче, вплоть до прямого подчинения Церкви государству, как в Англии.

Затем, уже после революций в Англии и Франции, на смену феодальному абсолютизму к реальной власти приходят олигархические элементы, которые прикрываются ссылками на народное представительство. Таким образом, возникают **двойные политические декорации**: с одной стороны, еще кое-где сохраняющаяся монархическая власть деградируется до представительных функций, и одновременно создается **фикция народного представительства** через корпоративное средостение политических партий, идейное и реальное руководство каковых в основном является закулисным.

Именно эти сложные и многоярусные **закулисные структуры** реальной власти во многих современных государствах обладают характером системного **длительного постоянства**, ибо их руководство является в большинстве случаев несменяемым. Это дает известную стабильность их неустойчивым неодемократическим партийным режимам, с постоянно меняющимися носителями формальной декоративной власти. В результате, получаются смешанные режимы: **декорации публичны**, хотя и часто сменяемы, но **закулисная режиссура** их выставляемости строго **законспирирована**, если не мафиозна.

В заключение необходимо отметить политическо-общественную роль современных СМИ, одной из функций каковых является **политическая доминация** над коллективным мнением большинства населения, от имени какового действует политическая олигархия. Для этого, основное направление оркеструемой СМИ политической пропаганды компонуется и дирижируется их закулисным руководством, каковое также разрабатывает в законспирированных мастерских большинство муссируемых идеологических и политических концепций и терминологий.

И. Р. Федоровский
Капитан 1-го ранга

О преемственности кадетского дела в России

(Судьбы кадетской корпорации в Советской России; выпускники русских императорских кадетских корпусов в становлении суворовских военных, нахимовских и подготовительных военно-морских училищ в России в 40-е годы XX столетия)

«Всерьез можно говорить только об одной традиции корпуса, о действительно древнем неистребимом законе братства всех воспитанников, о строгом законе, не допускающем даже малейших проявлений неверности. И во все времена измена братству каралась с предельной жестокостью»
(Сергей Колбасьев, выпускник Морского корпуса, писатель, в 30-е годы репрессирован)

«Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии или самопожертвовании»
(«12 заповедей товарищества»,
Великий Князь Константин Константинович)

«Любить корпус. Не грязнить свое гнездо. Соблюдать дружбу и гостеприимство к старым кадетам. Не набрасывать тень на корпус своим поведением»
(Из заветов директоров старых кадетских корпусов России; был рекомендован в Первом Русском Кадетском Корпусе в Югославии)

«И вот мы... реально встали туда, где мы идеально всегда стояли. Мы символически встали в общий строй»
(Из выступления И. Н. Андрушкевича на I Съезде кадет России, сентябрь 2007 г.)

1. Судьбы кадетской корпорации в Советской России в 20—30-е годы XX столетия

Из истории кадетских корпусов России известно, что они создавали военную касту, проникнутую лучшими историческими традициями, благодаря чему вырабатывался тот слой русского общества, на костях и крови которого создавалась российская слава. Сама среда и обстановка в корпусах воспитывали жертвенность. Отсюда и возникновение старого кадетского лозунга: «Сам погибай, но товарища выручай».

Кадетские корпуса были укомплектованы начальствующим, учительствующим, воспитывающим и обслуживающим персоналом высокой квалификации, с великолепно оборудованными помещениями классов, лабораторий, мастерских, с налаженным снабжением продуктами питания, прекрасным обмундированием, благоустроенными спальнями, гимнастическими залами. Численность выпускников из кадетских корпусов в юнкера была вполне достаточной, чтобы, как говорится, «заквасить» общую юнкерскую массу, пропитать ее тем духом, который выносился каждым кадетом из корпусных стен, и которым проникались насквозь те, кто приходил в училища со стороны.

(По материалам журнала «Военная быль» № 1, 1952 г., издание ОКО, г. Париж)

1.1. Обстановка в связи с преследованием старых военных кадров в армии и на флоте. Кадеты в оперативно-следственном деле «Весна»

По состоянию на начало 1921 года в РККА служило 14 390 генералов и офицеров, ранее бывших в различных Белых армиях. После 1921 года приток в Россию бывших белых офицеров обеспечивался общим процессом реэмиграции, в основном с Балкан и в том числе из состава офицеров Врангелевской армии. Следует сказать, что они возвращались в Россию не десятками, а сотнями, если не тысячами. Это были в основном боевые генералы и офицеры.

С 1924 года в Красной Армии с той или иной регулярностью происходили политические компании и срежиссированные акции против бывших офицеров армии и флота. Одним из первых арестованных был преподаватель Военной академии бывший известный генерал А. Е. Снесарев. Далее, в 1926 году проводилось

расследование по делу о так называемой «организации генштабистов» и «контрреволюционной офицерской организации». Новое преследование бывших царских и белых офицеров началось в 1929 г. и получило свой пик в 1930—1931 гг. в ходе проведения так называемой операции «Весна». В ходе расследований заводились дела на целые группы бывших кадровых военных, по признакам их корпоративной однородности: преображенцев, константиновцев, михайловцев, семеновцев, военных моряков и т. д. То есть в борьбе с офицерской кастой, выделялись самостоятельные корпоративные группы. Среди кадет с этой целью в действительности были выделены выпускники 1–го и 2–го Московских и Александровского кадетских корпусов. Разумеется, что в основе таких преследований лежало недоверие со стороны существовавшей в стране политической системы к кадетам.

По данным петербургского отделения общества «Мемориал», число расстрелянных бывших офицеров и их «сподвижников» по делу «Весна» колеблется от трехсот до двух тысяч человек. Все были расстреляны в начале мая 1931 года. Следователями была выстроена картина грандиозного «заговора» бывших офицеров в СССР. Поводом для последовавших арестов послужили регулярные встречи заслуженных ветеранов в домашней обстановке. В ходе следствия все это было квалифицировано как участие в контрреволюционной организации. Тогда же органами следствия была выявлена так называемая «контрреволюционная организация бывших кадет».

Что же касается кадет, то в ходе расследования выяснилось, что выпускники последних выпусков 1–го, 2–го, 3–го Московских кадетских корпусов весьма часто устраивали дружеские вечеринки, по жизни держались вместе. В большинстве, это были участники юнкерского восстания в Москве в октябре 1917 года, или, иными словами, людьми с определенным антисоветским прошлым. Среди кадет были и бывшие белогвардейцы, попавшие в плен в 1920 году, либо вернувшиеся из эмиграции. Они как раз и играли первую скрипку в своих организациях (по крайней мере, среди бывших кадет 2–го Московского корпуса).

Следствием было установлено, что после ликвидации советским правительством старых императорских кадетских корпусов как привилегированных учебных заведений «для детей буржуев» оставшиеся преподаватели и кадеты торжественно простились со своими корпусами, разрезав корпусные знамена на равные кусочки

материи. Для кадет, в тех условиях, это было частым явлением. В последующем, эти кусочки знамени являлись паролем в общении бывших кадет, а разрезание знамени стало для следователей отправной точкой в выводе о создании кадетами их «контрреволюционной организации». Различные корпусные кадетские товарищества были соединены следствием в качестве единой кадетской организации контрреволюционного толка.

Наиболее молодой, а потому, если так можно выразиться, и более белогвардейской среди других была группа выпускников 2–го Московского кадетского корпуса. Участников антисоветской борьбы в прошлом в ней было достаточно; в этом отношении всех «превзошли» братья Вадим и Всеволод Успенские, служившие в Гражданскую войну в 1–м Офицерском генерала Маркова полку. Причем Всеволоду Алексеевичу Успенскому выпала вообще уникальная и трагическая судьба. Будучи на службе в Марковском полку, он долгое время был членом военно-полевого суда и выносил смертные приговоры. Попав же в плен, Успенский скрыл свое членство в суде от органов ЧК, был отпущен и рьяно работал на различных ответственных должностях, состоял в ВКП(б). Перед арестом он занимал должность помощника начальника уголовного розыска Кунцевского района г. Москвы. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 3710, сборник показаний членов Московской контрреволюционной организации, показания Успенского В. А., с. 83—85).

В результате расследования так называемого «дела кадет», было арестовано около 50–ти бывших воспитателей и воспитанников 1–го и 2–го Московских кадетских корпусов. Среди них были и те, которые не успели в результате революции закончить кадетские корпуса. Все они обвинялись в создании контрреволюционной организации бывших кадет.

Чем закончилась история с кадетами, сейчас точно сказать нельзя. Непосредственно по операции «Весна», приговоры бывшим кадетам не выносились. Однако по ряду сопоставлений (в т. ч. расстрельных), с высокой степенью вероятности можно полагать, что тогда же гибельно решилась судьба некоторых членов «контрреволюционной кадетской организации».

Маховик арестов, раскрученный в 1930 году, далее работал уже без остановок. В мае 1931 года в Москве было принято решение закончить дело «Весна», ограничившись произведенными к тому времени арестами.

В заключение следует сказать, что масштабы погрома офицерской касты в СССР в начале 30–х годов до сих пор неизвестны. Можно полагать, что общее количество арестованных и осужденных бывших военных может достигать 10 тысяч человек. Все они, в своем большинстве, кадровые русские военные, а их некоторая часть принадлежала к Генеральному штабу — военной элите русской армии.

Если в 20–е годы XX столетия кадетская корпорация охватывала значительные массы выпускников русских императорских кадетских корпусов, то к началу 30–х годов она в основном самораспустилась. Здесь речь идет о корпоративных группах бывших военных в форме корпусных или полковых семей, и об их традициях. Для выпускников кадетских корпусов это было бы правильнее назвать — товарищества или землячества. В дальнейшем, к 1932—1933 гг., интенсивность арестов и репрессий снизилась. В качестве причин преследований и репрессий был кризис в социальной и экономической политике государства в ходе интенсивных попыток индустриализации первых советских пятилеток.

1.2. «Контрреволюционные организации» на флоте

В 20–е годы XX столетия большинство отставных русских моряков проживало в Кронштадте и Петрограде. Здесь летом 1921 года органами новой власти была проведена тотальная регистрация, и, как следствие, «на крючок» различных следственных и исполнительных органов попало 80 бывших гардемарин.

Следующий виток репрессий на флоте пришелся на лето 1930 года. Репрессии были, в основном, связаны с арестами крупных военно-морских руководителей в Главном управлении военной промышленности. Морским ученым вменялось в вину завышение планов строительства флота, провал ремонта старых кораблей, дороговизна отечественных мин, торможение в разработках торпед. Начавшиеся аресты бывших морских офицерских кадров были связаны с тем, что советское правительство в экономическом отношении так и не смогло вытянуть программу большого кораблестроения.

В период с декабря 1930 г. по январь 1931 г. только на Балтийском флоте были разоблачены 13 «контрреволюционных организаций». В частности, на всем известном крейсере «Аврора» были выявлены пять «заговорщиков».

1.3. Кадетские корпусные товарищества (землячества) в Советской России в 20—30-е годы XX столетия

1.3.1. 1-й Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус (1778—1918)

Собрания бывших кадет Московского кадетского корпуса, проводились к 1925 году на частных квартирах и обязательно в дату корпусного праздника. На них кадетами произносились речи против существовавшего тогда строя, произносились тосты: «За кадет», «За ближайшие кадетские встречи», «За единую неделимую Россию», «За монархию»; хором исполняли «Боже, царя храни», «Гром победы, раздавайся», другие старые песни. Кадеты призывали укреплять свою организацию и привлекать в нее новых членов. Не исключено, что на собраниях ставился вопрос об объединении кадет и офицеров. Кадетская организация продолжала существовать, и связь с ней кадет была известна до 1926 г. В 1924—1925 гг. в Москве существовал ряд ячеек организаций кадетских корпусов, связанных между собой. Некоторые из таких ячеек собиралась весьма часто; иногда раз в неделю.

Покидая свой корпус, кадеты 1—го Московского кадетского корпуса разрезали свое знамя на куски. Кадет Хомутов свидетельствовал, что свой кусочек корпусного знамени он получил от князя Н. А. Вяземского в 1924 г. Вяземский имел большой лоскут знамени, который постоянно носил при себе вместе с грамотой, удостоверяющей его княжеское происхождение.

Кадет Шлессман-Шатов в выступлении говорил, что он поддерживает связь с находящимся в эмиграции на территории Сербии бывшим директором 1-го Московского кадетского корпуса генералом В. В. Римским-Корсаковым, и что если кадеты организуются и проявят себя, то они получат из-за границы моральную и материальную помощь. Шлессман-Шатов также свидетельствовал, что генерал-лейтенант Владимир Валерианович Римский-Корсаков состоял на тот момент времени директором кадетского корпуса в Сербии, в котором воспитывались русские дети.

Приглашенный на собрание представитель полоцких кадет Корчагин свидетельствовал, что кадеты Полоцкого корпуса также объединены в свою корпусную организацию, и что им желательно было бы более полно связаться с московской кадетской организацией.

Известно также, что в 1927 году собрание кадет-москвичей происходило на квартире кадета Алалыкина. На нем освещалось поло-

жение Белой эмиграции и доводилась информация о том, что полки Белой армии к тому времени были не распущены, что они проходят обучение и готовы к выступлению; все ждали, когда начнется восстание внутри Советской России.

По мнению кадет, основные линии, по которым должна была действовать их организация, заключались в следующем: кадеты должны организовываться по принадлежности к своему корпусу или по типу «однокашничества», устанавливая при этом связи с другими корпусами.

(ГАСБУ, фп., д. 67093, т. 3708, с. 123–134, сборник показаний по делу «Весна» в Москве, показания Хомутова А. Г., Вяземского Н. А., машинопись.)

1.3.2. 2-й Московский Императора Николая I кадетский корпус (1849–1918)

Бывшие кадеты корпуса, в своей массе, были настроены монархически и легко вступали в корпусную организацию. На встречах они давали слово встречаться и продолжать работу. В знак верности общему делу кадеты разобрали по частям свое корпусное знамя. Кусочки знамени в дальнейшем должны были служить кадетам стимулом к объединению (кадеты пребывали в самых разных условиях), а также доказательством верности убеждений и принадлежности к корпусной организации.

Связь кадет 2–го Московского корпуса с другими корпусными организациями поддерживалась встречами их руководителей, а также играющих в них наиболее видную роль кадет. Разговоры на встречах сводились к сохранению верности общему делу.

Созданная в кадетском корпусе организация, существовала до 1931 г.; к концу – уже в новой, более скрытой от посторонних, форме. К этому времени она уже не проявляла себя активно, в основном поддерживала учет своих членов, рассчитывая использовать их в более благоприятный момент времени.

Органы следствия присвоили корпусным организациям кадет наименование «контрреволюционной организации кадет», а для, якобы, единой кадетской организации, состоящей из кадет московских корпусов, наименование «Орден Романовцев». По их отчетности, «Орден Романовцев» просуществовал до 1931 г.

Задачи организации сводились к тому, чтобы держать на учете своих членов, бывших воспитателей. Особенностью организации

была ставка на самостоятельность ее членов, так как члены организации были вполне выверенными людьми и, по состоянию на 1930 г., координация действий им не требовалась, и, более того, такая координация была опасна в смысле конспирации. В целях такой конспирации ее члены очень редко общались небольшими группами, а в остальное время старались держаться друг от друга как можно дальше, используя для редких встреч подмосковную местность, куда можно было свободно выезжать и встречаться, скажем, под видом занятий спортом, не вызывая при этом ни у кого никаких подозрений.

По свидетельствам самих кадет, аналогичная организация московских кадет имелась в Ленинграде. Ее члены устраивали встречи в церквях, приурочивая их ко дню храмового праздника корпуса. Одной из таких церквей была церковь Бориса и Глеба на Калашниковской набережной. Встречи были нерегулярными и вполне редкими. Как и в Москве, установки для кадетской организации были связаны с поиском и взаимодействием бывших кадет корпуса. Была ли установлена постоянная связь между корпусными организациями в Москве и Ленинграде, сказать затруднительно.
(ГАСБУ, фп., д. 67093, т. 3708, с. 76–85, сборник показаний по делу «Весна» в Москве, показания Лебедева В. С., Ивашкевича Д. Б., машинопись.)

1.3.3. Александровский Императора Александра II кадетский корпус (1873–1918)

Организация «александровцев», судя по всему, была достаточно многочисленной: около 450–ти вполне организованных, достаточно молодых людей. Из них примерно 200 человек были бывшими офицерами царской армии. Из наиболее молодых кадет (выпуски 1919–1923 гг.) было примерно 120 человек. Организацией на «александровцев» возлагались задачи по оказанию помощи, по реставрации и по взаимной поддержке друг друга.

Кадетами было принято собираться не реже одного раза в год в годовщину корпусного праздника (7 ноября) в подвале церкви Бориса и Глеба, в Ленинграде на берегу Невы, на песках. Церковь Бориса и Глеба являлась местом сборов потому, что в нее до этого была переведена бывшая корпусная церковь. Решались только основные организационные вопросы, остальные — решались руководящей головкой организации, и далее — распорядительным порядком. Собрания происходили периодически, но не реже одного раза в

год. На них говорилось, что «александровцы» должны прямо нести свой стяг, жить тесной семьей и что заветы, которые они получили в корпусе, должны выполнить. Было принято обязательство, что между собой кадеты должны поддерживать связь, и если кадет—«александровец» будет обнаружен, скажем, в другом городе, то он должен также войти в общую семью «александровцев». Организация имела свой руководящий центр в Ленинграде, который состоял из нескольких лиц — головки организации. Проводился кружечный сбор под видом пожертвований на храм.

Сплочение кадет и офицеров Александровского корпуса в единую корпусную кадетскую организацию произошло уже в 1918 г. Символ корпуса, его Знамя, подлежавшее сдаче в Ленинградский военный арсенал, сдано не было. По предложению одного из офицеров-воспитателей его разобрали и разрезали на куски кадеты. Знамя было разобрано, с целью, чтобы кадеты имели память о своем корпусе, а также факт подтверждения принадлежности к семье (товариществу) кадет-«александровцев». Основная идея состояла в том, что в дальнейшем наличие частичек знамени являлось доказательством принадлежности кадет к корпусной организации. И еще, кусок корпусного знамени был символом тесной кадетской связи и одновременным требованием к безоговорочной исполнительности кадетами данного им распоряжения со стороны лица, которое предъявило им такую частичку знамени. Кусочки имели размер около 8x10 см. Раздача кусочков знамени производилась на территории корпуса в квартире одного из его офицеров. Во время указанной процедуры присутствовало свыше 10 преподавателей и офицеров-воспитателей, а также 15—17 кадет. Присутствовавшие поклялись на знамени выполнить обещанное друг другу, а также то, что предъявление кусочка знамени бывшему «александровцу» является для него приказом. Таким образом, признавалось, что наличие у кадет таких кусочков являлось доказательством того, что они принадлежали к руководителям в семье «александровцев».

(Справка. Старое Знамя Александровского (бывшего Брестского) кадетского корпуса было передано в Санкт-Петербург в Императора Александра II кадетский корпус в сентябре 1904 г., чтобы увязать традиции молодого учебного заведения с именем старого кадетского корпуса. Позднее, 16 февраля 1906 г., корпусу было пожаловано новое Знамя, освящение которого состоялось 13 мая того же года. Император Николай II лично вбил первый гвоздь в древко

знамени. После освящения состоялся парад с выносом обоих знамён. Корпус располагался в выстроенном специально для него каменном здании на углу Итальянской и Садовой улиц.)

Определенной цели кадетская организация «александровцев», скорее всего, не имела; но она могла быть частью более крупной организации, которая координировала общую работу. Хотя и это не более чем предположение. Документы свидетельствуют, что к 1930 г. организацией была выработана новая стратегия работы для того периода времени: подготовка к внешней военной интервенции, диверсионным актам, а также поддержка нуждающихся бывших кадет и сохранение своих кадров.

(ГАСБУ, фп., д. 67093, т. 3708, с. 86—95, сборник показаний по делу «Весна» в Москве, показания Огородникова Г. Ф., машинопись.)

Резюме: по своей сути, кадетская корпорация как общественная прослойка в России перестала существовать в начале 30–х годов XX века. Однако в интересах настоящего изучения, продолжим рассказ о явлении кадета в новейшей истории России, но уже в связи с обучением и подготовкой будущих офицеров армии и флота.

2. Судьбы кадет и кадетской корпорации в 30–е годы (и в начале 40–х) XX столетия на примере выпускников Морского корпуса

С начала 30–х годов выпускники Морского корпуса и другие офицеры флота были отлучены от возможности занимать самостоятельные командные должности в соединениях и на кораблях ВМФ. Им оставляли возможности занимать должности, связанные с преподавательской и воспитательной работой, скажем, в Военно-морской академии, училищах, на должностях, связанных с научно-исследовательской деятельностью; некоторые должности в организационных управлениях центрального подчинения, в том числе в подразделениях, связанных с обучением и подготовкой личного состава флота, на строевых должностях. На периоды 1931—1934 гг. и 1937—1939 гг. приходятся пики репрессий офицеров флота, из числа военспецов. Репрессии носили различный вид и имели различные последствия. Во многих случаях, если улики против офицеров (бывших кадет) в ходе следствия не подтверждались, они освобождались и восстанавливались на флотских должностях. Однако решения по их реабилитации в отдельных случаях не оформлялись. При этом офицеры могли продолжать исполнять свои

воинские обязанности, воевать на флотах и фронтах Отечественной войны, но дела, возбужденные против них ранее, формально могли не прекращаться. Чаще всего, в этом случае, офицеры даже не знали о таком положении своих дел и возможных последствиях в будущем.

Неожиданной стороной в проявлении морскими кадетами себя в общественной жизни страны в 30–е годы стала художественная литература. Заметную роль в ней стали играть талантливые писатели нового поколения – бывшие гардемарины Морского корпуса. Среди них исключительно популярным стал выпускник корпуса 1917 г. Сергей Адамович Колбасьев (1899—1937). В 1935 году он опубликовал свою повесть «Арсен Люпен» — о гардемаринах перед революцией. Литературные критики и некоторые писатели организовали травлю С. А. Колбасьева. В 1937 г. он был арестован. Колбасьеву была вменена статья 58–1-а УК РСФСР (измена Родине) и статья 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда). «Особая тройка» вынесла С. А. Колбасьеву решение о применении высшей меры наказания. Писателя реабилитировали в 1956 г. Сегодня имя С. А. Колбасьева широко известно среди читателей: он классик литературы своего времени.

Другим известным писателем стал Леонид Сергеевич Соболев (1898—1971), опубликовавший в 1932 г. свой нашумевший роман "Капитальный ремонт" — о Морском корпусе перед событиями осени 1917 г. В течение шести лет подряд роман переиздавался семь раз. О нем много спорили. Роман Л. С. Соболева высоко оценил А. М. Горький на Первом Съезде советских писателей. До революции Л. С. Соболев учился в Третьем Александровском кадетском корпусе, в мае 1916 года поступил в Петроградское Морское училище (переименование Морского корпуса).

Вместе с тем можно с полной ответственностью полагать, что с началом 30–х годов кадетская корпорация как добровольная общность или общественная прослойка перестала существовать.

Слишком значительными стали риски для жизней кадет и членов их семей. Кадеты старались не подчеркивать свое прошлое и не вызывать опасный интерес к себе со стороны общества.

Как выглядели участники кадетской корпорации в эти, прямо скажем, сложные времена? Как говорят историки, наступило время «Большого табу»! Кадеты замолчали и перестали общаться между собой в неслужебной обстановке. Как свидетельствуют очевидцы того времени, каких-либо упоминаний ими о своей учебе или службе в до-

революционное время не возникало. В противном случае, это могло свидетельствовать о продолжавшихся связях кадет со своей прежней «кастовой» сословностью, либо, говоря просто, со своим «прошлым». В смысле политических оценок того времени, это могло свидетельствовать об их принадлежности к несуществующей организации кадет.

3. Использование кадет в новейшей истории Советской России (преамбула)

О корпорации кадет и кадетах в прямом смысле в Советской России вспомнили в середине 40–х годов, когда возникло предложение о создании суворовских училищ типа кадетских корпусов. Инициатором этого обращения к оставшимся к тому времени бывшим членам кадетской корпорации — действующим офицерам и генералам, стал выпускник Пажеского Его Императорского Величества корпуса генерал-лейтенант (с 1943 г.) А. А. Игнатьев.

У моряков к старшим кадетам первым обратилось командование Военно-морским флотом в лице адмиралов Н. Г. Кузнецова, И. С. Исакова и Г. А. Степанова. Несомненным автором замысла был идеолог создания в стране системы подготовительных военно-морских училищ Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, сам бывший курсант подготовительного училища ВМФ в 1920–22 гг. Период времени, связанный с интересом в привлечении морских кадет к созданию образовательных учреждений нового типа на флоте сейчас известен: 1943–1945 гг.

Привлечение бывших царских офицеров к воспитанию будущих офицеров-моряков – явление для советского времени почти невероятное, но именно оно и было характерной чертой в организации новых нахимовских и подготовительных военно-морских училищ.

4. Выпускники русских императорских кадетских корпусов в становлении суворовских военных, нахимовских и подготовительных военно-морских училищ в 40–е годы XX столетия

Это сообщение не столько об исторических процессах, сколько о наших соотечественниках, родившихся на рубеже XIX—XX веков, получивших военное образование в стенах русских кадетских корпусов и их дальнейших судьбах в новейшей истории России.

И еще, исторический анализ процесса создания учебных заведений «типа кадетских корпусов» и выводы в настоящем

докладе будут, главным образом, сосредоточены в отношении военно-морских учебных заведений. Это объясняется тем, что сам автор принадлежит к «морским кадетам», то есть является выпускником нахимовского военно-морского училища, и такое изучение материала показалось ему наиболее наглядным и новым. Это относится к большей части настоящего доклада.

4.1. Образование суворовских военных училищ как военно-учебных заведений для сирот военного времени. Участие выпускников старых кадетских корпусов в создании СВУ

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» в Советской России были впервые созданы девять суворовских военных училищ (СВУ). Последовавшая за Постановлением директива Генерального штаба ВС N 8 орг/7/13865/с от 27 августа 1943 г. и дальнейшее разъяснение ее содержания начальником Управления ВУЗ генерал-лейтенантом В. И. Морозовым говорило о том, что главным в новых суворовских училищах была «забота о детях воинов, детях-сиротах … в стенах училища они найдут отеческую заботу, родной кров и получат пожизненную профессию в рядах … армии и в офицерском звании… Воспитанники получат не только законченное среднее образование, но элементарные познания в военном деле… они станут достойными… офицерами. Вся система воспитания будет построена так, чтобы воинское начало впиталось в плоть и кровь воспитанников еще с ранних лет». Таким образом, основной замысел в создании СВУ лежал в создании системы военно-сиротских учебных заведений закрытого (т. е. интернатского) типа на полном государственном обеспечении до достижения суворовцами возраста, необходимого для поступления в специальные военные учебные заведения (училища) сухопутных войск. Это подтверждает содержание Постановления СНК СССР от 21 августа 1943 г., согласно которому развертывались и другие учебные заведения, для малолетних мальчиков и девочек (в возрасте 12—13 лет и младше) и имеющие схожие цели: специальные ремесленные училища, детские дома и приемники-распределители. Другими словами, суворовские военные училища отличались от старых кадетских корпусов по своему первоначальному предназначению.

В директиве также говорилось о том, что формирование новых СВУ следует провести по штату № 017/464 численностью воспитанников 500 человек. Далее, в том же документе следует, что для создаваемых СВУ следовало «отобрать лучший офицерский состав, имеющий достаточный опыт в педагогической и воспитательной работе и практический стаж в командовании подразделениями и частями Красной Армии. При наличии всех этих качеств, преимущество следовало отдавать офицерам, имевшим боевой опыт. СВУ во всех отношениях подчинялись Начальнику Управления ВУЗ КА». Назовем девять первых суворовских военных училищ, образованных в августе 1943 г.: Краснодарское (г. Майкоп), Новочеркасское (г. Новочеркасск), Сталинградское (г. Астрахань), Воронежское (г. Воронеж), Харьковское (г. Чугуев), Курское (г. Курск), Орловское (г. Елец), Калининское (г. Калинин) и Ставропольское СВУ (г. Ставрополь).

Основной состав воспитанников принимался в училища в 10 лет сроком обучения на 7 лет. В 1943 г., в виде исключения, принимая во внимание особенности военного времени, в СВУ принимались воспитанниками дети в возрасте до 13 лет. В приготовительные классы СВУ принимались дети от 8 до 10 лет. Структура приготовительных классов представляла собой младшие и старшие классы со сроком обучения в 1 год в каждом классе. В суворовские училища иной раз брали и без образования (в военное время были такие подростки). Известный певец Герард Васильев учился в Горьковском СВУ с первого класса.

Инициатором создания суворовских военных училищ «типа старых кадетских корпусов», по мнению ряда военных историков, был генерал-лейтенант А. А. Игнатьев, который весной 1943 года представил командованию Вооруженных сил основные положения по их организации. Следует сказать, что перед началом Великой Отечественной войны тогда еще генерал-майор А. А. Игнатьев в течение некоторого времени был инспектором военных учебных заведений по иностранным языкам и был хорошо знаком с их организацией. Не исключено, что именно А. А. Игнатьевым были сформулированы рекомендации по комплектованию суворовских училищ кадрами бывших выпускников кадетских корпусов, находившихся в тот момент на военной службе.

Сама идея руководству страны понравилась, судя по всему, еще и потому, что тяжелая война оставила без родителей огромное количество детей. А воспитание офицеров с раннего возраста в духе

абсолютной преданности государству всегда было важнейшей задачей русских кадетских корпусов.

В основу внутренней организации суворовских училищ был заложен ряд основных принципов организации старых кадетских корпусов, хотя это и не афишировалось. Суворовские военные училища отличались от прежних кадетских корпусов классовым составом воспитанников. В остальном же А. А. Игнатьев ничего не упустил. К примеру, он добился того, чтобы зарплата гражданских преподавателей была в полтора раза выше, чем в школах, а потому на каждую вакансию всегда был конкурс из числа лучших учителей. Режим питания суворовцев резко отличался от питания кадрового состава остальной армии. В перерыве между уроками имел место второй завтрак, обед же начинался в четыре часа дня, и лишь ужин более или менее совпадал со временем вечернего приема пищи в других армейских частях. Весьма продолжительное время после уроков и до обеда, по традиции, использовалось для строевой подготовки. Ни офицерам, ни суворовцам о традициях кадетских корпусов никто ничего не рассказывал. Вместе с тем довольно скоро суворовцы стали называть себя «кадетами», и большая часть старых кадетских традиций восстановилась как будто сама собой. Даже такая старая кадетская традиция, как не вполне полноценное преподавание армейских дисциплин, при котором суворовцы узнавали только самые азы военного дела. На высокий уровень было поставлено и преподавание иностранных языков.

Спрос за невыученные уроки с суворовцев был столь же строгим, как и с кадет в дореволюционное время. Однако вместо запрещенных телесных наказаний, теперь за различные провинности виновные получали наряды вне очереди. Вместе с тем, следует признать, что такие наказания, как чистка до идеальной чистоты отхожих мест или натирание до зеркального блеска паркетных полов, вместо сна в ночное время, давало ничуть не худший результат, чем давали в старое корпусное время розги. Проделав эту процедуру раз-другой, отстающий, к примеру, по учебе начинал предпринимать меры для ликвидации пробелов в своих знаниях.

По порядку создания и нормам обеспечения СВУ ставились в привилегированное положение по сравнению с ремесленными училищами и детскими домами, которые были созданы в рамках одного и того же постановления. Организация училищ была во многом похожа на прежние кадетские корпуса. Вначале суворовские училища

должны были напоминать военно-сиротские учебные заведения дореволюционного времени. Это придавало им серьезное отличие от существовавших в артиллерии, авиации и на флоте полугражданских спецшкол, бывших открытыми учебными заведениями.

Семилетний срок обучения в СВУ, как и в кадетских корпусах, значительно повысил возможности в воспитании суворовцев и способствовал развитию старых воинских суворовских традиций, ритуалов, сплочению коллектива.

Не стоит исключать, что после образования системы СВУ, с производством А. А. Игнатьева в генерал-лейтенанты, руководство Вооруженных сил рассматривало вопрос о его дальнейшем использовании в качестве инспектора суворовских училищ. Но это предположение.

Немаловажной деталью являлось и то, что суворовские военные училища с самого начала, как и в дореволюционное время, вошли в подчинение начальнику Управления ВУЗ армии, или, другими словами, военному ведомству. До этого, специальные школы, на базе которых развертывалась СВУ, были подчинены Наркомпросу РСФСР.

(Справка. Граф Алексей Алексеевич Игнатьев — военный дипломат, писатель, генерал—лейтенант (2(14).03.1877, г. Петербург — 20.11.1954 г., Москва). Окончил Владимирский Киевский (1894 г.) и Пажеский (1896 г.) корпуса, Академию Генерального штаба (1902 г.). Бывший командир Кавалергардского полка. В русско—японскую войну 1904—1905 гг. — адъютант Главнокомандующего русской армии генерала А. Н. Куропаткина. В 1908—1912 гг. военный атташе в Дании, Швеции и Норвегии. В период Первой мировой войны представитель русской Ставки при французской главной квартире. В 1924 г. сдал представителям первого советского посольства документы и значительные казенные суммы. Был принят в советское гражданство, поступил на работу в советское торговое представительство. В 1937 г. переехал в Москву и вступил в РККА. В 1940 г. — генерал-майор, с 1943 г. — генерал-лейтенант. Начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. Книга мемуаров Игнатьева “50 лет в строю” (ч. 1—2, 1939— 40 гг.) описывает жизнь высшего общества и двора, русско-японскую войну, причины поражения русской армии, жизнь в России, странах Скандинавии и Франции в период до Первой мировой войны и после нее. По мнению ряда специалистов, А. А. Игнатьев, входит

в список 100 великих дипломатов, оставивших наиболее яркий след в истории.)

В организации и становлении суворовских училищ участвовали их первые начальники, некоторые из которых были выпускниками кадетских корпусов в дореволюционной России. Среди них: начальники Куйбышевского СВУ генерал-лейтенант Г. Г. Невский (1891—1961), выпускник 2–го Оренбургского КК (1908 г.); Воронежского СВУ (1943—1946 гг.), Куйбышевского СВУ (1947—1954 гг.) генерал-майор В. В. Баланцев (1901–?) из Псковского КК (1918 г.); а также Орловского (Свердловского) СВУ (в 1946—1948 гг.) генерал-майор А. Н. Афанасьев (1894—1950), выпускник Сибирского КК (1914 г.). К этому следует добавить бывших кадет – начальников артиллерийских подготовительных училищ (созданы в 1946 г.): Ленинградского АПУ – генерал-лейтенанта Р. И. Бриченок и Киевского – генерал-майора А. А. Свиридова. Именно эти люди, а также ряд других офицеров суворовских училищ – также бывших выпускников старых кадетских корпусов (в званиях от старшего лейтенанта до полковника), поддерживали базовые традиции, усвоенные ими в старых корпусах до 1917 г.

Кандидаты на должности начальников СВУ подбирались по линии Начальника Главного Управления кадров Народного комиссариата обороны (ГУК НКО). Списки кандидатов были включены в проект приказа Народного комиссара обороны, который затем был представлен на утверждение руководству страны. Заместители начальников училищ по учебно-строевой части назначались и утверждались приказом ГУК НКО за № 01093 от 28.8.1943 г. Кандидатуры командиров рот также подавались на утверждение Начальнику (ГУК НКО).

По состоянию на 05.09.1943 г. были отведены квартирные помещения для расквартирования образованных СВУ. Ремонт и восстановление отведенных зданий проводился приказом № 205 от 25.08.1943 г. Главвоенпромстроя. Выполнение работ было возложено на военно-строительные управления фронтов и округов. Срок окончания ремонтов был назначен на 10.10.1943 г. До 10.09.1943 г. были подготовлены к отправке и отгрузке кровати с сетками, котлы, керосиновые лампы.

Были также размещены заказы на предприятия на изготовление обмундирования, обуви, белья, обуви, снаряжения к 20.09.1943 г. Бельевые фабрики приступили к пошивке белья 02.09.1943 г., а обмун-

дирования — 04.09.1943 г. Первый выпуск обуви и снаряжения был произведен 06.09.1943 г. Медицинское имущество было отгружено 6—7.09.1943 г. с Центрального склада Главвоенсанупра. К 1 декабря 1943 г. в девяти новых СВУ начали обучаться 4500 подростков.

Должности руководящего состава суворовских училищ были протарифицированы из расчета в среднем на 25% выше окладов аналогичных должностных лиц в военных училищах в армии.

В дальнейшем, Постановлением Государственного комитета обороны от 04.06.1944 г. было образовано еще шесть суворовских военных училищ: Горьковское, Казанское, Куйбышевское, Саратовское, Тамбовское и Тульское СВУ.

Стало ясно, что новые военные училища перенимали лучшие черты старых кадетских корпусов. По их примеру, в СВУ каждый класс должен был иметь офицера-воспитателя. Использовались прежние корпусные методические документы и пособия. Перенимались и организационная структура старых кадетских корпусов. На практике создаваемые суворовские училища в дальнейшем сочетали парадность кадетских корпусов с простотой и непритязательностью военно-сиротских кадетских учебных заведений.

4.2. Система подготовительного образования в Военно-морском флоте (далее – Подготовительная школа ВМФ). Опыт создания подготовительных и нахимовских военно-морских училищ.

Моряки приняли свою систему с 1944 г., двухуровневую, наподобие обучения в Морском корпусе. Причем, вероятно, это было не самым простым и заранее определенным для командования флота решением, так как первоначальный срок обучения в Тбилисском НВМУ был определен в 8 лет. Следовательно, и принципы подготовки нахимовцев, становившихся впоследствии курсантами военно-морских подготовительных училищ или подготами, были иными, нежели в суворовских училищах. Сама методология военно-морского воспитания и образования, некоторые ее цели — отличались от суворовцев и строились у моряков по-другому. В состав Подготовительной школы, созданной в ВМФ, вошли все военно-морские подготовительные и нахимовские училища.

В 1944 году в двухуровневой системе подготовительного образования в ВМФ были объединены два нахимовских (в Тбилиси и Ленинграде) и четыре подготовительных (в Баку, Ленинграде, Горьком

и Владивостоке) военно-морских училища. Таким образом, было создано и объединено в систему подготовки и воспитания будущих курсантов высших военно-морских училищ шесть училищ подготовительного профиля. Из них в нахимовских обучались воспитанники общей численностью 1000 человек, а в подготовительных ВМУ — 4000 курсантов. Общая численность обучавшихся в них молодых людей подросткового и юношеского возрастов составила 5000 человек. В 1945 году было открыто третье НВМУ в Риге, и таких военно-морских училищ Подготовительной школы ВМФ стало семь, а численность обучавшихся в них увеличилась до 5500 человек.

Таким образом, в Советской России были впервые созданы подготовительные военно-морские общеобразовательные учебные заведения в системе Военно-морского флота.

Новая система учреждений подготовительного образования пришла на смену системе военно-морских спецшкол (ВМСШ), образованных в 1940 г. в семи городах Советского Союза, но бывших открытыми учебными заведениями и входивших в систему Наркомпросов союзных республик (Постановление СНК СССР № 1316 «Об организации специальных военно-морских средних школ» от 22 июля 1940 г.). Тогда было образовано семь таких специальных школ.

Рассмотрим систему военно-морского образования образца 1944 г. более детально.

4.2.1. Выпускники Морского корпуса – руководители ВМФ в создании военно-морской Подготовительной школы в 1943—1944 гг.

4.2.1.1. Сведения о создателях Подготовительной школы ВМФ

Создание закрытых военных учебных заведений нового типа — подготовительных военно-морских училищ и НВМУ, на практике осуществили упоминавшиеся выше адмиралы Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков и Г. А. Степанов. Характерным в их организации явилось привлечение к воспитанию будущих офицеров ВМФ офицеров и педагогов из числа бывших царских офицеров и гардемаринов флота, в том числе окончивших Санкт-Петербургский Морской корпус. Именно они — бывшие гардемарины, а потом и морские офицеры под руководством бывшего «подгота» Н. Г. Кузнецова определили создание всей Подготовительной школы ВМФ на многие последующие годы.

4.2.1.1.1. Народный комиссар ВМФ Адмирал флота Н. Г. Кузнецов

Инициатором создания новых образовательных учреждений в 1943 г. стал Николай Герасимович Кузнецов (1904—1974), в разные годы (1939—1947, 1953—1955 гг.) Нарком ВМФ, Главнокомандующий и Министр ВМС, в 50-е годы — Адмирал флота Советского Союза. Н. Г. Кузнецов сам прошел обучение в стенах Подготовительной школы при Военно-морском училище РККФ (бывшем императорском Морском корпусе) в 1920—1922 гг.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов всегда очень деятельно занимался вопросами довузовского образования во флоте. В 1943 г. он лично принял специальные решения об организации Бакинского подготовительного и нахимовского военно-морского училищ (последнее — по типу суворовских военных училищ). В ближайшие два года были образованы и другие аналогичные военно-морские училища. Нахимовские училища должны были взять на себя заботу о детях военного времени и, главным образом, о детях-сиротах.

4.2.1.1.2. Первый заместитель Народного комиссара ВМФ Адмирал флота И. С. Исаков

В создании училищ большое участие принимал адмирал Иван Степанович Исаков (1894—1967), который до революции окончил Отдельные Гардемаринские классы (1914—1917) в Санкт-Петербурге. Следует отметить, что классы не были кадетским учебным заведением. По своему назначению они были «морским училищем военного времени», для производства офицеров в более короткие сроки. В период с 1939 по 1946 гг. И. С. Исаков занимал должность Первого заместителя Наркома ВМФ СССР. Одновременно до 1942 г. он занимал и должность Начальника Главного морского штаба. В 50-е годы он – Адмирал флота Советского Союза.

4.2.1.1.3. ВРИО Начальника Главного морского штаба; затем — Начальник Управления Военно-морских учебных заведений (ВМУЗ) ВМФ вице-адмирал Г. А. Степанов

Еще одна важная историческая фигура в этой истории – это человек, пользовавшийся очень высокой репутацией на флоте, вице-адмирал Георгий Андреевич Степанов (1890—1957), окончивший Александровский кадетский корпус в 1907 г. и Морской корпус в

1911 г. В Первую мировую войну Г. А. Степанов — минный офицер на линкорах «Андрей Первозванный» и «Слава», лейтенант. Награжден орденами св. Владимира 4 степени, св. Анны 3 и 4 степени, св. Станислава 3 степени (все – с мечами и бантом). С 1928 года Г. А. Степанов был отставлен от командных должностей, последняя из которых ВРИО Командующего Морских сил Черного моря (прежнее наименование Черноморского флота) и переведен на преподавательскую и начальствующую работу в Военно-Морскую академию. С началом Отечественной войны, он – командующий Беломорской военной флотилии, а с 04.1943 г. по 03.1944 г., он — ВРИО Начальника Главного морского штаба. В июле 1944 г. он был назначен Начальником Управления ВМУЗ. Под непосредственным руководством Г. А. Степанова осуществлялся процесс становления подготовительных и нахимовских военно-морских училищ. Он лично инспектировал создаваемые новые учебные заведения. В 1947 г. Г. А. Степанов был арестован вместе с адмиралами Н. Кузнецовым, М. Галлером (выпускником Морского корпуса 1905 г.) и В. Алафузовым. Вся группа адмиралов была незаслуженно осуждена к различным срокам тюремного заключения (Г. А. Степанов – к 10 годам заключения и лишения воинского звания). В 1953 г. он был полностью реабилитирован.

4.2.2. Замысел руководителей ВМФ при организации Подготовительной школы в 1943—1945 годах. Опыт военного времени.

С 1944 г. согласно замыслам руководства Наркомата ВМФ на флоте создавалась система военно-морского подготовительного образования, которая состояла из подготовительного (для юношей среднего и старшего возраста) и военно-сиротского (подростковые возрасты) образования. Важно отметить, что система образования в ВМФ создавалась как самостоятельная и не всегда отражала подходы в организации училищ для аналогичных возрастов юношей в других войсках (родах) Вооруженных сил.

Замысел Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова предусматривал: покровительство мальчишкам, оставшимся без отцов в годы Отечественной войны и создание основы для подготовки офицерских кадров ВМФ. Основная задача заключалась в подготовке кандидатов для поступления в высшие военно-морские училища, дальнейшей военно-морской службы в офицерском звании.

4.2.2.1. Военно-морские подготовительные училища: учреждения подготовительного образования военного времени для старших юношей

Возраст поступавших в военно-морские подготовительные училища (ВМПУ) в основном составлял 14—16 лет для дальнейшего обучения в 8, 9 и 10 общеобразовательных классах и с целью поступления курсантами в высшие военно-морские училища.

Это были подготовительные военно-морские учебные заведения военного времени наподобие отдельных классов для обучения гардемарин в период Первой мировой войны (для призывных возрастов). Историки знают, что это так называемые «черные гардемарины», отличавшиеся недворянским происхождением своих питомцев. В данном случае подготовительные училища были созданы главным образом для более младших возрастов юношей. Здесь надо отметить, что возрастной уровень курсантов подготовительных училищ мог часто отличаться от положенных «школьных» возрастов. Дело в том, что подготами принимались и более старшие возрасты юношей, которые до того были призваны в армию и на флот, и уже были призывниками. Некоторые из них имели старшинские и сержантские звания. В таком смысле подготовительные ВМУ следует рассматривать более близкими к Отдельным Гардемаринским классам старого времени. Но это только одна из сторон для сравнения.

Целью ВМПУ было дать максимально серьезную учебную и общевоинскую подготовку для последующего обучения курсантов по морским офицерским специальностям. Это был новый и весьма редкий случай в российской военной истории: введение специализированных образовательных подготовительных учреждений военного времени с требованиями, «как для строевых рот» и продолжительностью обучения в них для старших юношей допризывного возраста на протяжении трех лет.

Курсанты подготовительных училищ ВМФ приводились к присяге. В училища привлекались лучшие преподавательские кадры, преимущественно из офицеров запаса. Внутренний распорядок организовался согласно действующим уставам ВМФ, с регламентацией и планированием по линии ВМУЗ ВМФ. Учащимся присваивалось звание «курсант». Курсанты имели личное оружие – винтовки и несли караульную службу.

4.2.2.2. Нахимовские военно-морские училища: опыт военно-сиротского образования. Создание военно-морских образовательных учреждений для подростков-сирот Великой Отечественной войны

(Справка. Опыт военно-сиротского образования в России ранее был получен в результате деятельности Александровского кадетского корпуса для малолетних (1829—1862), из которого кадеты по возрасту переходили для обучения в обычные кадетские корпуса и Александринского сиротского кадетского корпуса (1850—1863).)

Похожая форма обучения применялась с самого начала в нахимовских военно-морских училищах. Первоначально подготовка будущих офицеров флота в 1944—1945 гг. в составе Подготовительной школы ВМФ мыслилась так, что с третьего по седьмой класс мальчики обучались в нахимовском училище, а затем должны были переводиться в подготовительные военно-морские училища (письмо Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова председателю Ленгорисполкома). Такое разделение функций имело целью отделить учащихся детского возраста от старших возрастов. Руководство всеми делами по организации нахимовских училищ осуществлял адмирал, а затем Адмирал флота И. С. Исаков. Он докладывал руководству страны об устройстве первого Тбилисского НВМУ: «докладываю, что нахимовское военно-морское училище является единственным подобного типа морским учебным заведением в нашей стране и что это дает ему некоторое преимущественное право на нормальные условия обучения и воспитания сыновей воинов Военно-морского флота и партизан Отечественной войны».

(Справка. В 1945 г. была разработана специальная норма питания для нахимовцев: увеличено количество продуктов, содержащих витамин «D», повышена калорийность, разнообразие пищи. Норма довольствия именовалась нормой «№ 8—а». Вместе с тем организм у подростков активно рос, и потребность в еде ощущалась постоянно. В училищах большое внимание уделялось спорту. Воинское звание у нахимовцев было – «воспитанник». Позднее, летом 1951 г., было официально введено звание «нахимовец». Тогда же, в 1951 г., первая рота НВМУ переводилась на положение строевых рот: жизнь выпускников подчинялась общевойсковым уставам во всей их строгости. Последний нахимовец мог быть принят в Нахимовские училища на льготных условиях как сирота Отечественной войны в 1955 г. С 1956 г. требование о зачислении сирот в НВМУ было снято.)

4.2.3. Руководители подготовительных (ВМПУ) и нахимовских (НВМУ) военно-морских училищ

4.2.3.1. Начальники военно-морских подготовительных училищ

Бакинское ВМПУ

Начальником училища был назначен выпускник Морского корпуса из рода старых морских офицеров капитан 1 ранга Борис Николаевич Апостоли, до этого командовал 76–й морской стрелковой бригадой, был заместителем начальника ВВМУ им. М. В. Фрунзе (бывшего Морского корпуса). Курсанты относились к нему с большим уважением. Б. Н. Апостоли был начальником БВМПУ в период с 1943 по 1945 гг. При нем в училище был подобран опытный и квалифицированный состав преподавателей. В январе 1944 г. курсанты БВМПУ приняли присягу. Курсанты периодически проверялись на профессиональную пригодность и по окончании училища направлялись для дальнейшего обучения во ВМУЗ.

Ленинградское ВМПУ

Начальником Ленинградского ВМПУ (1944—1946) был назначен капитан 1 ранга Николай Юрьевич Авраамов (1892—1949), опытный моряк, отлично подготовленный и прекрасно образованный офицер-воспитатель с огромным служебным, боевым и педагогическим опытом, участник Первой мировой и Великой Отечественной войн, выпускник Морского корпуса в 1912 г., бывший старший лейтенант, командир эсминца «Лейтенант Ильин». Был награжден орденами св. Анны 3 и 4 степени, св. Станислава 3 степени (все — с мечами и бантом). В 1930 г. Н. Ю. Авраамов был арестован как бывший царский офицер по сфабрикованному делу «о контрреволюционной деятельности монархической организации в Морских Силах». Николай Юрьевич попал в мясорубку поиска ОГПУ виновных в невыполнении пятилетнего плана и сокращении кораблестроительной программы. Его спасли безукоризненная репутация честного человека и высокий авторитет на флоте как грамотного и культурного боевого командира. Ему не смогли предъявить никаких обвинений, кроме одного, связанного со службой офицером в Императорском флоте и дворянского происхождения. В результате последовало двухлетнее тюремное заключение в Севастопольской и Симферопольской тюрьмах. В 1932 г. Н. Ю. Авраамов был также без

суда освобожден и восстановлен на службе с понижением в должности и звании, но при этом с лишением права занимать командные должности; был удален от службы на командных должностях. Н. Ю. Авраамову было позволено заниматься преподавательской деятельностью, и он был направлен на преподавательскую работу во ВВМУ им. М. В. Фрунзе, а затем в высшее военно-морское инженерное училище. В 1940 г. Н. Ю. Авраамов — инспектор ВМУЗ, а с 1943 г. — начальник Школы юнг на Соловецких островах. Трижды Н. Ю. Авраамов занимал адмиральские должности, но звание контр-адмирала так и не получил. Н. Ю. Авраамов был официально реабилитирован после своей смерти в 1958 г. Всю свою деятельность как создатель и руководитель Соловецкой школы юнг и ЛВМПУ Н. Ю. Авраамов оставался политически репрессированным: случай уникальный даже по стандартам того времени. Он был отставлен с должности начальника ЛВМПУ в 1946 г. без объяснения причин; занимал должности в учреждениях ВМФ. Его сын в 70—80–е годы XX столетия стал вице-адмиралом, известным на флоте командиром соединений кораблей.

Горьковское ВМПУ

Первым начальником училища был назначен выпускник Морского корпуса капитан 1 ранга Константин Александрович Безпальчев (1896—1973). Безпальчев в 1915 г. окончил Морской корпус в Санкт-Петербурге. Служил вахтенным офицером, младшим штурманом на крейсере «Россия». Затем окончил штурманский класс в Гельсингфорсе (1917—1918). Участник Первой мировой войны. Кавалер ордена св. Станислава 3 степени. В 1930 г. был переведен с действующего плавсостава флота на должности, связанные с комплектованием и обучением личного состава курсантов учебных заведений. В 1938—1940 гг. был репрессирован: на основании ложного обвинения арестован по ст. 44 УК РСФСР. До своего назначения на ГВМПУ К. А. Безпальчев — начальник кафедры военно-морской географии и начальник курса во ВВМУ им. М. В. Фрунзе. В дальнейшем он стал первым начальником Рижского НВМУ. Его сын стал также контр-адмиралом, внуки – капитаном 1 ранга и полковником ВМФ. И это еще одна морская династия.

Владивостокское ВМПУ

Начальником училища был назначен капитан 1 ранга Лев Андреевич Поленов (1894—1958) – командир отряда учебных кора-

блей Каспийской флотилии, выпускник Морского корпуса 1914 г., потомственный дворянин, мичман. Л. А. Поленов, как и многие его коллеги по Морскому корпусу, был репрессирован в начале 30–х годов, будучи начальником Управления комплектования Балтийского флота. Заключенным был направлен на принудительные работы на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Освободили Л. А. Поленова благодаря усиленным хлопотам руководства ВМФ. В 1944 г., в связи с плохим состоянием здоровья своего отца, известного нейрохирурга А. Л. Поленова, Лев Андреевич попросился у командования флота перевестись по службе в г. Ленинград, для решения необходимых проблем. Л. А. Поленова назначили на преподавательскую работу в Ленинградское НВМУ. На его место начальником ВВМПУ был назначен капитан 2 ранга Георгий Васильевич Парийский (1904—1974), начальник штаба бригады строящихся кораблей, в последующем контр-адмирал. Кстати говоря, в дальнейшем Л. А. Поленов был внезапно уволен со службы в 1948 г., несмотря на только что полученную им положительную служебную аттестацию.

4.2.3.2. Начальники нахимовских военно-морских училищ

Тбилисское НВМУ

Первым начальником училища был назначен выпускник Морского корпуса 1910 г., бывший лейтенант Императорского флота и потомственный дворянин контр-адмирал Владимир Юльевич Рыбалтовский (1889—1951), до того времени начальник кафедры морской тактики и организации училища им. М. В. Фрунзе. В дореволюционное время контр-адмирал В. Ю. Рыбалтовский был награжден императорскими орденами св. Анны 3 степени и св. Станислава 3 степени (все – с мечами и бантом).

В. Ю. Рыбалтовский родился в семье действительного статского советника Юлия Александровича Рыбалтовского (1844—1901), в которой семь сыновей стали военными моряками, а шестеро из них закончили Санкт-Петербургский Морской корпус в период с 1906 по 1917 годы. В дальнейшем трое из братьев Рыбалтовских погибли в 1918—1919 гг. в ходе белой борьбы, а один из них — в период Первой мировой войны — Александр Юльевич служил адъютантом командующего Черноморского флота вице-адмирала А. В. Колчака. Следует здесь сказать еще об одном из братьев — капитане 1 ранга Ю. Ю. Рыбалтовском, который в период Белой борьбы

руководил боевыми действиями морских бронепоездов в составе войск Северной области, под командованием генерал-лейтенанта Е. К. Миллера. Как упоминают историки, после переворота в г. Архангельске Ю. Ю. Рыбалтовскому следовало бросить технику и отступить к Мурманской железной дороге. Однако, не доходя станции Сорока, он был окружен в деревне Сухое и принужден сдаться. В результате морские офицеры бронепоезда «Адмирал Колчак» и других бронепоездов были расстреляны в лагере около г. Холмогоры.

Начиная с 1930 г., В. Ю. Рыбалтовский не занимал командных должностей; все должности относились к преподавательской работе в военно-морских учебных заведениях и на курсах. После Тбилисского НВМУ и до своей отставки в 1947 г. В. Ю. Рыбалтовский возглавлял ВВМУ им. М. В. Фрунзе (наименование Императорского Морского корпуса в советское время). Ему было присвоено звание вице-адмирала. Училище им. М. В. Фрунзе В. Ю. Рыбалтовский возглавлял тоже всего два года, когда возникла необходимость налаживать его организацию после возвращения из эвакуации в войну. Было и прозвище, которое ему дали курсанты: «Папа Рыба».

Сейчас мы поддерживаем самые теплые отношения с его внучкой Ириной Тимофеевной Аствацатуровой. Она замужем за выпускником Ленинградского НВМУ 1971 года Александром Аствацатуровым; в настоящее время проживает в подмосковном г. Зеленограде. Изучением династии морских офицеров Рыбалтовских занимается другой выпускник Ленинградского НВМУ первого выпуска (1948 г.), доктор военно-морских наук, профессор, контр-адмирал Коршунов Юрий Леонидович, который в последние годы много пишет по истории российского флота.

Ленинградское НВМУ

Начальником училища был назначен капитан 1 ранга Николай Георгиевич Изачик (1901—1997), не кадет, бывший до этого начальником учебного отдела Управления военно-морских учебных заведений ВМФ. Он положил много сил на поиск места и организацию первого Тбилисского НВМУ. В дальнейшем Н. Г. Изачик стал контр-адмиралом. В конце 30–х годов Н. Г. Изачик пострадал от политики руководства в отношении военных кадров: его уволили из кадров флота, однако в конце того же года он был восстановлен на военной службе.

Рижское НВМУ

Возглавил училище (1945—1951) переведенный с должности начальника Горьковского ВМПУ выпускник Морского корпуса капитан 1 ранга Константин Александрович Безпальчев. После закрытия Рижского НВМУ он был назначен начальником созданного на базе нахимовского училища Рижского ВВМУ (1951—1954), а затем 2—го ВВМУ подводного плавания в Риге (1954—1956).

4.2.4. Сведения о военно-морских училищах в составе Подготовительной школы ВМФ

4.2.4.1. Военно-морские подготовительные училища

4.2.4.1.1. Общие сведения

Как уже говорилось ранее, когда встал вопрос о формировании ВМПУ, командование ВМФ решило привлечь к этой работе флотских офицеров, которые в свое время прошли обучение в Санкт-Петербургском Морском корпусе.

ВМПУ были образованы Постановлением СНК СССР № 330 от 31 марта 1944 г. «Об организации Военно-морских подготовительных училищ закрытого типа в системе Наркомвоенморфлота». Во исполнение Постановления СНК был издан Приказ Наркома ВМФ № 0346 от 30 апреля 1944 г. «О формировании Военно-морских подготовительных училищ». Образование Бакинского ВМПУ произошло за год до выхода Постановления СНК № 330 на основании Приказа Наркома ВМФ от 25 июня 1943 г., или за два месяца до Постановления об образовании первых суворовских военных училищ.

Комплектование ВМПУ производилось учащимися в возрасте 14—16 лет (в некоторых случаях и старше); образование поступающих кандидатов строго в объеме 7–9 классов средней школы. В старшие 9 и 10 классы ВМПУ принимались военнослужащие действительной срочной службы. При приеме предпочтение отдавалось сыновьям офицеров Военно-морского флота и армии. Лица офицерского (постоянного) состава назначались на должности преимущественно из числа участников Отечественной войны.

Целеустановка для ВМПУ имела следующую редакцию: «ВМПУ готовят кандидатов, обладающих достаточной общеобразовательной и военно-морской подготовкой для поступления в высшие военно-морские училища». Курсы училища были образованы следующим

образом: 1 курс соответствовал 8–му, 2 курс – 9–му и 3 курс – 10–му классам средней образовательной школы. Разбивка на классы производилась по общекурсовому ранжиру. В программе наряду с образовательными предметами были военно-морская, общевойсковая и физическая подготовки. Общеобразовательные предметы преподавались с военно-морским уклоном. Распорядок дня был жестким, строевые занятия на гране муштры. В училищах было установлено казарменное содержание курсантов, обучающихся полностью на государственном обеспечении. Курсанты подчинялись общим для курсантов ВМУ «Положению о военно-морских училищах и правилам повседневной службы в них», введенному в действие Приказом Народного комиссара ВМФ СССР № 250 от 23.07.1943 г. От курсантов требовалось выполнение общих для военнослужащих срочной службы уставных требований и соблюдение воинской дисциплины: Корабельного устава ВМФ, Строевого устава, Устава гарнизонной и караульной службы. Курсанты несли дежурную, вахтенную и караульные службы с оружием. Форма одежды имела восемь разновидностей, в зависимости от времени года. Курсанты участвовали в парадах и строевых прогулках. Старшины взводов и отделений при увольнении в город носили палаши. Условия жизни в училищах подчас были весьма суровыми. Вместе с тем, например в ЛВМПУ, во время обеда в столовой играл духовой оркестр училища. Курить запрещалось. Денежное содержание курсантов устанавливалось в размере одинаковом для рядового и старшинского состава срочной службы ВМФ. Обеспечение довольствием производилось по одинаковым нормам с основными военно-морскими училищами.

Вступительные экзамены были серьезным испытанием для кандидатов: отбирали лучших. Приемные экзамены принимали также преподаватели и офицеры, бывшие старыми кадетами. Они поддерживали высокий уровень требований к знаниям, на которые делался серьезный упор. Это помогло дальнейшей успешности в их офицерской службе при создании ракетно-ядерного ВМФ. Отчисляли за нарушения и неуспеваемость, часто без оглядки на военные заслуги: так, из четырех Героев Советского Союза, поступивших в Ленинградское ВМПУ в 1944 г., трое были отчислены в первый же год обучения. Из них закончил ЛВМПУ лишь В. Забояркин, герой форсирования реки Днепр в 1944 году, будущий капитан 1 ранга.

В ряду тем воспитания в ВМПУ были: «Гвардия в военно-морском флоте», «Взаимная выручка и помощь в бою как важная традиция

русских воинов», «Этапы победоносной истории русского флота».

Инспекции ВМПУ проводились под руководством вице-адмирала Г. А. Степанова. Учебные планы и программы ВМПУ по военным дисциплинам утверждались Управлением ВМУЗ ВМФ, по общеобразовательным предметам – Наркомвоенморфлотом совместно с Наркомпросами союзных республик.

Несмотря на подчеркнутое военное содержание ВМПУ, главной задачей курсантов была учеба. Преподавательский состав училищ был исключительно сильным. Среди предметов основное внимание уделялось математике, русскому языку и литературе. Это способствовало развитию нравственных убеждений и благородных чувств. Книги читались всегда и везде, где только можно было их читать. Проходили читательские конференции, Пушкинские вечера, математические и географические олимпиады. Воспитание у курсантов общей культуры считалось также важной задачей. Культуре поведения, манере держать себя достойно курсанты учились у офицеров и преподавателей училища. Моряков воспитывали на примерах подвигов русского флота. Для желающих всегда были походы в театры и филармонии. На высоком уровне стояла художественная самодеятельность: чтецы, певцы, поэты, музыканты, танцоры и хор.

Как училищам военного времени им не хватило времени обрасти традициями и особым состоянием кадетского духа. Училища выполняли образовательную задачу военного времени. Задачи же воспитания решались, как следствие строевых отношений: главными действующими лицами были строевые старшины, помощники и командиры рот, курсов. Не было офицеров-воспитателей и младших командиров (или, как в старое время, «дядек»). Не было и особого упора на методы воспитания. К примеру, старшины-воспитатели, введенные в училищах в самом начале их становления, были затем заменены строевыми старшинами. Офицерами были только командир курса, командир и помощник командира роты. Воспитание исходило из занятия военным делом или обучением, и это было его основным содержанием. По существу, ВМПУ решали задачи выпускных строевых рот старых кадетских корпусов по выходу кадет в училища.

По своему составу ВМПУ были некастовыми училищами: среди курсантов присутствовали все социальные слои общества. В этом «котле» переваривались культуры представителей не только разных слоев, но и разных национальностей. Училища были суровой школой начальной военной подготовки курсантов.

В ВМПУ шел интенсивный отбор курсантов в процессе обучения; отсеивались неподходящие к дальнейшему использованию. Руководители флота не решали задачи по подготовке особой касты молодых людей для будущего служения Родине. Шла война и велась работа с человеческим материалом на отсев. В качестве корпорации для курсантов должен был выступать сам Военно-морской флот страны. Задача подготовки курсантов-подготов, в первую очередь, отличалась прагматичностью главной цели – решать задачи военного времени.

Справка. Приказом НК ВМФ № 335 от 18.11.1946 г. курсанты ВМПУ были переведены в «воспитанников».

4.2.4.1.2. Бакинское ВМПУ (1943—1947, 1947—1948 гг. – в Калининграде; выпуски до 1950 г. из подготовительных классов 2–го Балтийского ВВМУ)

Создано на основании Приказа Наркома ВМФ от 25 июня 1943 г. «О создании на базе Бакинской военно-морской спецшколы Бакинского ВМПУ». Это первый был опыт создания ВМПУ инициированный Наркомом ВМФ еще за два месяца до известного Постановления СНК об организации суворовских военных училищ. Присягу курсанты приняли в январе 1944 г.

Бакинское военно-морское подготовительное училище было создано на базе 7–й Бакинской военно-морской спецшколы, и было укомплектовано учащимися ряда других военно-морских спецшкол, военнослужащими срочной службы, учащимися средних школ. Всего комплектование предусматривало 1200 человек переменного состава курсантов.

Деятельное участие в становлении БВМПУ принял адмирал И. С. Исаков. Организация службы, учебного процесса и внутренний распорядок в БВМПУ определялись общим с ВМУ «Положением о военно-морских училищах и правилам повседневной службы в них», введенным приказом НК ВМФ № 250 от 23.07.1943 г. За период своего существования училище выпустило 2374 человек.

В дальнейшем БВМПУ было передислоцировано в Калининград. Основанием для такой передислокации (и переименования его в КВМПУ) стал Приказ Министра Вооруженных Сил СССР № 089 от 24.11.1947 г.

4.2.4.1.3. Ленинградское ВМПУ (1944—1948 гг., выпуски до 1950 г. из подготовительных классов 1–го Балтийского ВВМУ)

Ленинградское ВМПУ было образовано на базе 1–й Московской и 2–й Ленинградской ВМСШ, служащих срочной службы ВМФ и школьников старших классов численностью 1000 человек. ЛВМПУ размещалось в здании старого приюта принца Ольденбургского в бывшем Морском переулке в Ленинграде. Всего из ЛВМПУ было сделано 6 выпусков и выпущено во ВМУЗ 2167 человек.

4.2.4.1.4. Горьковское ВМПУ (1944—1947 гг.; до 1952 г. — Саратовское ВМПУ)

Горьковское ВМПУ начало учебный процесс в сентябре 1944 г. и завершило свое существование в г. Саратове в 1951 г., сделав 7 выпусков курсантов общей численностью около 1150 человек.

Передислокация Горьковского ВМПУ в Саратов и образование на его базе Саратовского ВМПУ были произведены на основании циркуляра начальника Главного штаба ВМС от 15.09.1947 г.: «В связи с передислокацией ГВМПУ переименовать в СВМПУ» на основании Приказа Министра Вооруженных сил СССР от 04.09.1947 г.

4.2.4.1.5. Владивостокское ВМПУ (1944—1948 гг.)

2 октября 1944 г. начались занятия во Владивостокском ВМПУ численностью 600 человек. Владивостокское ВМПУ сделало 4 самостоятельных выпуска в период 1945—1948 гг. и еще один выпуск в составе ТОВВМУ им. А. Макарова. Всего из его стен выпустилось 830 человек.

4.2.4.1.6. Историческое резюме

Несмотря на историческую краткость своего существования, военно-морские подготовительные училища сыграли значительную роль в подготовке кадров для комплектования военно-морских учебных заведений.

К примеру, число воспитанников ВМПУ, получивших медали за отличие в учебе, в процентном отношении намного превышало число медалистов в обычных средних школах.

В сравнении с дореволюционным временем, курсанты ВМПУ, как уже упоминалось выше, походили, скорее всего, на «черных гардемарин» Отдельных Гардемаринских классов. При этом «черные

гардемарины» не были частью того, чем были учебные заведения в форме кадетских корпусов в дореволюционной России. В ВМПУ высокий уровень обучения сочетался с не менее высокими требованиями к дисциплине и несению караульно-вахтенной службы военного времени.

ВМПУ не успели обрасти собственными и подобными кадетскими традициями. Нельзя сказать, что ВМПУ себя полностью исчерпали ко времени их закрытия в 1948 году, но строгая система военной подготовки и учебы превалировала в них над корпоративным воспитанием, которое всегда ставилось особо высоко в учебных заведениях кадетского типа. ВПМУ напоминали строевые (выпускные) роты кадетских корпусов только на протяжении периода в три года, вместо одногодичного. Это объяснялось повышенными требованиями продолжавшейся войны.

О традициях своего училища подготы могли только догадываться и создавать, как говорится, методом проб и ошибок. Традиции формировались стихийно, и в разных училищах по-разному. Выстроенных традиций, или хотя бы определенных целей в их формировании, не существовало. Офицеры училищ также не способствовали какому-то отдельному самоопределению подготов в некую прослойку или корпорацию.

Впоследствии, по истечении лет, подготы выстроили свои традиции и свою историческую систему, подчеркнули свои ценности и подарили читателям и историкам многие книги воспоминаний, чудесную флотскую лирику, стали регулярно проводить общеподготские (общероссийские) встречи, но к этому времени они уже стали ветеранами. И это уже другая история.

Качественный состав курсантов военно-морских училищ из числа выпускников-подготов был особенно высок: на выходе из ВМПУ был высокий уровень образования и дисциплины, что позволяло выпускникам успешно обучаться в ВМУ, в полной мере реализовав тем самым заказ государства на высокий уровень образования будущих флотских офицеров. Следует сказать, что именно выпускники ВМПУ в дальнейшем оказались наиболее подготовленными для обучения по сложным программам освоения новой флотской техники и для дальнейшей офицерской службы. В 50–е годы завершались послевоенные кораблестроительные программы, и именно выпускникам ВМПУ предстояло развивать качественно новый военно-морской флот. Что они и выполнили в полной мере.

4.2.4.2. Нахимовские военно-морские училища

4.2.4.2.1. Тбилисское НВМУ (1943—1955 гг., выпуски до 1957 г. из подготовительных классов Рижского ВВМУ)

Создано на основании Приказа Наркома ВМФ № 0785 от 16.10.1943 г. «Об организации Нахимовского военно-морского подготовительного училища в г. Тбилиси» (представление начальника Управления ВМУЗ контр-адмирала С. С. Рамишвили). Это было решением об организации нового типа военно-морского училища наряду с организованным БВМПУ — нахимовского военно-морского подготовительного училища.

К становлению Тбилисского НВМУ имели также непосредственное отношение Постановление СНК Союза ССР № 745 от 21 июня 1944 г. «О Нахимовских военно-морских училищах», (п. 2 — «Разрешить … сохранить ранее организованное … в г. Тбилиси НВМУ на 500 воспитанников») и Приказ Наркома ВМФ Союза ССР № 280 от 23 июня 1944 г. «О Нахимовских военно-морских училищах» (п. 1 — «По этому же штату содержать «Тбилисское НВМУ, сформированное 1 января 1944 г..:»).

В результате, в Тбилиси было сформировано новое «Нахимовское подготовительное ВМУ» численностью 600 воспитанников и сроком обучения 8 лет. Потом численность училища была скорректирована до 500 человек. Цель НВМУ – дать общее среднее образование и подготовить воспитанников к поступлению в высшие военно-морские училища. Формирование ТНВМУ было завершено к 10.01.1944 г. Училище подчинялось начальнику Управления ВМУЗ ВМФ. С 1 января 1944 г. – оно было переименовано с «Нахимовского военно-морского подготовительного училища» в г. Тбилиси на «Тбилисское Нахимовское ВМУ». Командование укомплектовало училище воспитанниками — почти исключительно участниками Отечественной войны: было много юнг с боевых кораблей. Офицеры-воспитатели, также участники войны, сопровождали своих подопечных от младшего класса до выпускного. Возраст поступающих был 10—14 лет, с общеобразовательной подготовкой в объеме 2—6 классов. Были, однако, и такие, которым было всего по 8 лет. Разница в возрасте в классах иногда достигала четырех лет. Тбилисское НВМУ сделало 10 выпусков. Начало обучения было увеличено до 4–го класса в 1946 г., 5–го — в 1947 г., 6–го — в 1948 г. Более половины принятых воспитанников составля-

ли сироты. Училище было расформировано Приказом Главнокомандующего ВМФ № 1065 от 10.09.1955 г.

4.2.4.2.2. Ленинградское НВМУ (1944 г. – настоящее время)

Ленинградское НВМУ было создано Постановлением СНК Союза ССР № 745 от 21 июня 1944 г. «О Нахимовских военно-морских училищах». В Постановлении говорилось, что Ленинградское НВМУ создавалось на 500 воспитанников для устройства, обучения и воспитания сыновей воинов ВМФ, Красной армии и партизан Отечественной войны, а также сыновей рабочих и колхозников, погибших от рук немецких захватчиков. В развитие этого Постановления СНК был издан Приказ Наркома ВМФ Союза СССР № 280 от 23 июня 1944 г. «О Нахимовских военно-морских училищах». Приказ устанавливал, что НВМУ были предназначены обучать воспитанников училищ в объеме 3, 4, 5, 6 и 7 классов средней школы (по учебно-воспитательному плану и учебным программам, утверждаемым Начальником ВМУЗ ВМФ, а по общеобразовательным предметам — совместно с Наркомпросом РСФСР). Для дальнейшего обучения в 8–10 классах, как уже говорилось, воспитанники направлялись в подготовительные военно-морские училища.

Воспитанники училищ находились на полном государственном обеспечении. Первый набор в 1944 году производился с 3 по 7 классы. Общая тяжелая судьба до поступления и трудные условия обитания первых 2—3 лет отличали жизнь воспитанников военного набора. Реальные знания кандидатов при поступлении практически не учитывались. Сказать, что в это тяжелое время в училище брали только сирот, тоже нельзя – около половины воспитанников имели родителей. К 1947 г. были ликвидированы 3 и 4 классы, и обучение стало шестилетним. В 1957 году был добавлен 11–й класс.

Оправдано будет отнести к числу военного и набор 1945 года. Эти нахимовцы также «хлебнули» военных невзгод. Как и их предшественники, третьеклассники 1944 года, они учились в училище больше всех — 8 лет, и окончили училище в 1952 и 1953 годах (5–й и 6–й выпуски).

В НВМУ было введено педагогическое совещание роты при командире роты, которое кроме рассмотрения вопросов учебы и успеваемости, устанавливало единство и согласованность между офицерами и преподавателями в работе с нахимовцами.

«Воспитанник» – было первым официальным воинским званием; хотя ребят в народе сразу стали называть нахимовцами. Но сами они стали называть себя «питонами». Звание «питон» считается в военной среде очень почетным. Из числа наиболее активных воспитанников назначались младшие командиры. Им присваивалось звание «вице-старшина». На погончиках нахимовцев была учреждено ношение буквы «Н», которая в первый период рисовалась по образцу литеры на погонах кадет старого Николаевского кадетского корпуса (литера Императора Николая I).

Кстати сказать, старое кадетское наименование «бляха», что носится на форменном ремне, было использовано нахимовцами с самого начала и до настоящих дней, в отличие от «пряжки». Справедливости ради за это нахимовцам следует «благодарить» флот и его матросский быт, в котором существует именно это наименование.

4.2.4.2.3. Рижское НВМУ (1945—1953 гг., выпуски до 1957 г. из подготовительных классов Рижского ВВМУ)

Рижское НВМУ было создано Приказом Наркома ВМФ СССР № 394 от 21.07.1945 г. За весь период существования училище выпустило 399 человек. Рижское НВМУ было расформировано на основании Директивы Генерального штаба Вооруженных Сил СССР № орг/4/572829 от 26.08.1953 г. В исполнение этой директивы Генштаба ВС СССР была издана директива Главного штаба ВМС № ОМУ/56714 от 05.09.1953 г. *Справка. Учеба и жизнь нахимовцев строилась в соответствии с «Положением о нахимовских военно-морских училищах Военно-Морских Сил», введенным в действие Приказом Главнокомандующего ВМС № 100 от 12.07.1948 г.; и позднее — «Положением о нахимовских военно-морских училищах», введенным Приказом Военно-Морского Министра СССР № 155 от 06.09.1951 г.*

4.2.4.2.4. Общий взгляд на систему образования, созданную как Подготовительная школа ВМФ. Сравнение особенностей НВМУ и ВМПУ

С самого начала в нахимовских училищах был очень высокий уровень организации. Приказом начальника ВМУЗ ВМФ № 163 от 12 декабря 1943 года была введена «Инструкция по организации и методике учебного процесса в нахимовских военно-морских подготовительных училищах» (это произошло за полгода до Постановления СНК об образовании второго НВМУ – Ленинградского).

Если уделить особое внимание развертыванию в 1944 г. двухуровневой военно-морской Подготовительной школы, то общему обучению отводилось 5 лет (с четвертого класса до седьмой), а обучению в строевых ротах – 3 года (с восьмого класса по десятый). Максимальный срок обучения составлял 8 лет. Это само по себе интересно, так как в Приказе Наркома ВМФ № 0785 от 16.10.1943 г. «Об организации нахимовского военно-морского подготовительного училища в г. Тбилиси», т. е. еще за восемь месяцев до образования Ленинградского НВМУ, срок восемь лет был определен для всего срока обучения в нахимовском училище.

С июня 1944 г. это положение было пересмотрено, и процесс обучения в Подготовительной школе ВМФ стал единым или системным, образуя общий цикл образования. В нем военно-сиротский или собственно нахимовский компонент составил лишь начальную часть для перехода воспитанников НВМУ после 7 классов в курсанты ВМПУ. Группа так называемых военно-сиротских учебных заведений, состоящая к тому времени из двух нахимовских военно-морских училищ, существенным образом перестраивалась и объединялась с подготовительными училищами в единую систему Подготовительного образования в ВМФ. Этот процесс происходил на фоне образования в том же 1944 г. других СВУ (к примеру, Тамбовского), которые по-прежнему предусматривали полную общеобразовательную программу с обучением в училище в течение 7 лет. Таким образом, с 1944 г. нахимовская и суворовская системы обучения развивались по-разному. И у каждой системы был свой путь. И создание этой системы у моряков проходило с участием бывших императорских морских кадет.

В результате, в советское время в ВМФ воссоздавалась старая структура кадетского образования. Речь идет о том, что ранее кадеты до поступления в специальные военные учебные заведения несколько лет обучались в общих ротах, а в последний год обучения в корпусе – в строевой роте. Только после выпуска из строевой роты кадеты направлялись юнкерами в училища. В 40–е годы XX столетия в Советской России система образования в ВМФ повторяла эту структуру с поправкой на военное время (вместо одного года строевых рот – три в ВПМУ).

Говоря об обоих типах военно-морских училищ в отдельности, то, начиная с 1944 года, ВМПУ представляли собой в своем роде выделенные из Подготовительной школы ВМФ строевые роты и не

проводили акцент на тот тип образования и воспитания, который обычно называют кадетским или суворовско-нахимовским (по специальным программам, с офицерами-воспитателями и т. д.). Они представляли собой более суровый опыт повседневной строевой службы и обучения с применением отчислений курсантов за различные нарушения (письмо Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова Начальнику Ленинградского НВМУ контр-адмиралу В. Г. Бакарджиеву, в 1969 г. в связи с его приглашением на празднование XXV–летнего юбилея ЛНВМУ).

Здесь имеет смысл еще раз повториться о том, что военно-морские подготовительные училища следует определять как подготовительные училища военного времени. Этому соответствует и принятие курсантами ВМПУ воинской присяги в допризывном возрасте, приятие в процессе обучения курсантами новых лиц, в том числе гражданских лиц, на обучение в 9–м и 10–м классах ВМПУ. Все эти особенности не позволяют отнести, на мой взгляд, подготовительные ВМУ к учебным заведениям кадетского образования. ВМПУ предлагали курсантам достаточно суровый опыт подготовки к их дальнейшему обучению во ВМУЗ и не предназначались для их подготовки к обучению в других учебных заведениях, скажем, в интересах гражданской карьеры. Не подходящие по своим качествам курсанты попросту отчислялись.

Справедливости ради, отметим, что по завершению Великой Отечественной войны необходимость в таких строго ориентированных на военный характер подготовки учебных заведениях постепенно отпала, статус и потребности в училищах, военного времени понижались (в 1946 г. курсантов переаттестовали в «воспитанников»). Начиная с осени 1946 г., два из четырех ВМПУ были передислоцированы в другие города страны, а с 1947 г. – стали переводиться в иное качество: их использовали как учебную базу для создаваемых высших ВМУ в Ленинграде, Калининграде; усиления ТОВВМУ во Владивостоке.

Здесь необходимо сделать важное заключение, что НВМУ только совместно с ВМПУ образовывали полный цикл сравнимый с кадетским типом образования и воспитания. В этом случае создавалась единая учебная и строевая база в процессе обучения подростков и юношей различных допризывных возрастов.

К осени 1945 г. единая система ВМПУ и НВМУ была разъединена и до 1948 г. (для Саратовского ВМПУ – до 1952 г.) эти две группы

учебных заведений существовали параллельно. В дальнейшем они так никогда и не объединились; воспитанники обеспечивались разными нормами довольствия и имели отличные друг от друга стандарты внутренней училищной жизни: более «жесткая» — в ВМПУ и более «мягкая» — в НВМУ.

К 1946 г. началась замена начальников военно-морских училищ Подготовительной школы ВМФ с кадетским прошлым на кадры руководителей флота, подготовленных в советское время.

Справка. К 1946 г. воспитанники старших классов в нахимовских училищах сравнялись по возрасту с курсантами ВМПУ и они приняли воинскую присягу.

Целесообразность в поддержании параллельной системы обучения и подготовки кадров в форме одновременного существования НВМУ и ВМПУ после 1945 г. не может быть до конца объяснена. Процесс, скорее всего, шел по инерции, и просто выполнялись действующие Постановления Правительства страны. В дальнейшем, с учетом потребностей в подготовке большей численности офицеров флота и решением использовать ВМПУ для создания базы для новых высших училищ, ВМПУ были ликвидированы или, если быть совсем точным, были преобразованы в ВВМУ. Опыт подготовительных училищ оказался не вполне соответствующим для мирного времени. Последнее из подготовительных училищ (Саратовское ВМПУ) было закрыто в 1952 г. Как уже говорилось выше, причиной такой переориентации в подготовке кадров стала новая Кораблестроительная программа Военно-морского флота, принятая Правительством страны после войны. Наступили новые времена. Появились новые стратегии ведения войны на море. Новые потребности в офицерах флота.

Следует сказать и то, что ровно через год после создания двухуровневой системы военно-морского подготовительного образования (в 1944 году), закончилась Отечественная война. Вскоре особый «военно-сиротский статус» нахимовских училищ был скорректирован. Воспитанники НВМУ стали обучаться в 8–х классах, и далее — в своих училищах, по мере их возрастного роста.

Со временем нахимовские военно-морские училища полноправно заняли место наиболее близкое к кадетским корпусам дореволюционной России (речь идет, прежде всего, о сухопутных корпусах). В 1951 г. в них были введены строевые выпускные роты. Статус НВМУ «типа кадетских корпусов» оставался и в дальнейшем.

Это традиционно создавало в НВМУ демократизм и похожую, если так можно сравнивать, на прежнюю лицейскую, образовательную и всесторонне развивающую ориентированность, а также спорт. Общий уровень обучения к началу 50–х годов в НВМУ стал очень высоким. К примеру, в выпуске Ленинградского НВМУ 1954 года из 96 человек 24 выпускника были медалистами за учебу. Воспитанники занимали все первые места по различным предметам на учебных Олимпиадах города среди школ. В 50–е — начале 60–х годов многие нахимовцы после окончания НВМУ поступали в гражданские учебные заведения страны. Многие из них стали известными людьми в несвязанных с флотом областях деятельности.

С самого начала методическая и плановая работа по обучению и воспитанию нахимовцев и курсантов ВМПУ строились «по вертикали» от Начальника ВМУЗ ВМФ (бывшего кадета вице-адмирала Г. А. Степанова) до подчиненных ему начальников училищ (также бывших морских кадет; при первоначальных назначениях). Именно в это время (1943—1945 гг.) кадетами Морского корпуса был сделан наибольший вклад в создание Подготовительной системы ВМФ.

4.2.4.2.5. Сравнительное резюме

В 1943—1948 гг. и позднее НВМУ стояли ближе к тому, что можно было бы назвать «кастовым» воспитанием и образованием кадетского типа. Для такой оценки имеются необходимые основания: качественная учебная подготовка, переходы по выпуску в гражданские учебные заведения, успешные карьеры на ниве государственной службы, развитое чувство личности, спортивные, литературные, художественные пристрастия, ставшие для некоторых дальнейшими профессиями в их жизни, а также выделение друг друга на фоне других, наличие общих специфических корпоративных ценностей (традиций) или ценностные ориентиры, свой особый менталитет и пр. Но и такие признаки кастовости в разные периоды нахимовских училищ были разными.

В сравнении с ВМПУ из двух систем образования именно НВМУ с их воспитательно-образовательной моделью лучше всего соответствовали образовательным учреждениям мирного времени. И в целом, именно для системы нахимовских училищ старые морские кадеты были ближе, чем для системы ВМПУ. В ВПМУ были более сильными отбор кандидатов, общая учебная и строевая

подготовки. Это было важным для непосредственной военной подготовки будущих офицеров. В НВМУ сильнее реализовывалась воспитательная модель и индивидуальные подходы в силу наличия младших и средних подростковых возрастов воспитанников.

Имея опыт, полученный в 40–х годах, в дальнейшем уже в 70–х годах, когда Военно-морскому флоту понадобились просто хорошо подготовленные кандидаты для высших военно-морских училищ, срок обучения в единственном Ленинградском НВМУ был сокращен с семи до двух лет. Училища перестали быть военно-сиротскими и стали более требовательными к подготовке своих выпускников. То есть стали более всего похожими на те самыми подготовительные военно-морские училища флота, нежели на училища для обуче-ния воспитанников, начиная с малолетних возрастов. Здесь и пригодилось понимание различий в стандартах и процессах обучения, полученных при организации Подготовительной школы ВМФ в 40–х годах прошлого столетия. А заметными офицерами в НВМУ к тому времени были как раз выпускники Подготовительной школы ВМФ в 40–е и более поздние годы.

4.2.5. Итоги деятельности Подготовительной школы ВМФ в 40–е годы XX столетия

4.2.5.1. Общие сведения

Как мы уже узнали, военно-морские подготовительные и нахимовские училища по своей сути и назначению являлись восприемниками кадетских корпусов. Используя возможности для многих бывших кадет заниматься только преподавательской деятельностью, Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов сохранил для флота многих выдающихся или просто грамотных офицеров старого Императорского флота в качестве преподавателей академии, военно-морских училищ, в Управлении ВМУЗ ВМФ.

4.2.5.2. Офицеры, преподаватели и воспитанники дворянского происхождения как часть корневой системы и традиций флота

В НВМУ поступали и дети, бывшие потомками известных русских морских и дворянских фамилий. Нам известно о таких потомках дворян, как: Владимир Бобрищев—Пушкин, Михаил Глинка, Роберт Семевский, Александр Нахимов. Образцом

дворянского воплощения в моряке для нахимовцев был капитан 1 ранга Л. А. Поленов.

Были потомственные дворяне и среди офицеров и преподавателей училищ. Так, при создании Ленинградского НВМУ три ключевых должности: заместителя начальника училища по учебной части, начальника цикла военно-морской подготовки и русского языка и литературы были отданы потомственным дворянам. Дворянами были и вернувшийся после 15–летнего заключения Сергей Александрович Муравьев (с восстановлением в звании капитан-лейтенанта, затем он — капитан 3 ранга) — внучатый племянник генерал-губернатора Н. Н. Муравьева–Амурского, Кира Панина – внучка последнего Морского министра России адмирала И. К. Григоровича, и Софья Николаевна Мещерская – дочь капитана 1 ранга князя Н. И. Мещерского,

Здесь следует упомянуть, что понятия дворянской и офицерской чести весьма близки. Понятие чести определялось, в том числе принадлежностью к особой корпорации, ответственностью перед сообществом таких, каким являешься ты сам. В этом смысле, к примеру, бывшие дворяне являли собой нахимовцам пример для уважения и подражания.

4.2.5.3. Исторические судьбы кадет — создателей ВМПУ и НВМУ

Вклад в подготовительное военно-морское образование.

История кадетского дела в лице выпускников Морского кадетского корпуса в Советской России закончилась участием прежних императорских кадет в становлении военных и военно-морских учебных заведениях в целях довузовской военно-морской подготовки юношей в 1953 году. В 1956 г. вышел в запас последний из организаторов Подготовительной школы — начальник Рижского нахимовского училища К. А. Безпальчев (к тому времени он руководил Высшим военно-морским училищем в Риге).

Восстановлением системы кадетского образования занимались офицеры, лишенные в результате политических процессов 1930—1931 годов прав занимать командные должности. Так было на флоте. Некоторых из них использовали для передачи методического и организационного опыта при создании нахимовских и подготовительных училищ. Но не более. Большего делать им не позволялось. Государство, скорее всего, не полностью доверяло их лояльности, от-

деляя профессиональную полезность от политической идентичности. Политическую же лояльность со стороны власти они, вероятно, так в полной мере никогда не получили, оставаясь в глазах государства лишь «военспецами», теми же, как и ранее, кадетами, дворянами или как в то время их именовали — «сопутствующими».

Что могли сделать, вовлеченные в это дело, бывшие императорские кадеты? Заложить основы флотского и воинского духа, методически выстроить систему преподавания и занятий, саму училищную жизнь изнутри. Но кадетам в полной мере не дозволялось строить прочные основания человеческой личности, к примеру, связанные с традициями, непосредственным процессом общечеловеческого воспитания личности, ибо в политически ориентированном советском обществе это могло приравниваться к формированию через его граждан и самой идеологии этого общества. Государство не собиралось отдавать это представителям прежней военной школы, остерегалось использовать чуждые ему исторические и социальные стандарты. В результате, после одного-двух лет руководства училищами их начальников – бывших кадет переводили на другие должности. Бывало что и с понижением. И без каких-либо необходимых оснований и объяснений.

Любое учебное заведение сильно своими традициями. Они составляются не столько начальниками учебных заведений, сколько всем учебным заведением постепенно, на протяжении всей его истории. Без традиций не может быть крепкого военного или военно-морского учебного заведения. Основными известными традициями старых кадет, с которыми знакомились воспитанники, были традиции товарищества, честности и чести («Жизнь Родине, честь никому»). Из них честность и честь поддерживались на высоком уровне. Офицеры младшего звена – командиры рот и воспитатели, выросшие при советской власти и выдвинувшиеся в годы Великой Отечественной войны, не могли быть носителями таких высоких моральных традиций и передовой русской культуры, которые были одновременно и самой памятью истории.

Программы военно-морских училищ в урезанном виде брались из программ старых кадетских корпусов. Обучение предполагало что, по образцу кадетских корпусов выпускники должны свободно владеть иностранным языком, иметь высокие спортивные результаты, танцевать, играть на музыкальных инструментах. Уровень знаний выпускников должен позволить им поступать в любые высшие учеб-

ные заведения, как в России, так и за рубежом. Как и в старое время в корпусах образовательный уровень воспитанников был значительно выше, чем в гражданских средних учебных заведениях.

В результате, на выходе из СВУ, НВМУ, ВМПУ получались лучшие военные кадры. В военно-морских училищах, скажем, формировался человеческий стандарт с развитыми возможностями личности, ибо офицер военно-морского флота должен был быть разносторонне образованным и культурным. К. А. Безпальчев, скажем, уверенно входил в актовый зал на урок танцев, вставал в пару с одним из нахимовцев или с преподавателем и показывал, как надо танцевать вальс, или как флотский офицер должен ухаживать за дамой. Он мог сам заменить заболевшего преподавателя и провести интересный урок по целому ряду предметов.

Что в итоге отличало в дальнейшем в высших военно-морских училищах нахимовцев и спецов от школьников? Они были более дисциплинированными, хорошо знакомы с основами военно-морского дела, хорошими спортсменами.

Резюме. Система военных подготовительных учебных заведений в России в середине 40–х годов складывалась во многом под влиянием и с использованием корней прежней общественной системы — Императорской России, в частности в лице выпускных кадет кадетских корпусов и их знаний предмета кадетского образования. Особо ценными здесь оказались не только опыт и знания подходов к делу, но и личный нравственный пример. Другой, не менее важной, стороной был личный опыт организаторов училищ и офицеров — участников Великой Отечественной войны. Во многих случаях эти две стороны совпадали.

4.2.5.4. Увольнения кадет с должностей начальников училищ в ВМФ

В 1946—47 гг. офицеров и адмиралов – бывших кадет, стоявших во главе училищ, стали неожиданно увольнять в отставку или переводить на другие места службы. В училищах не стало их начальников: Б. Н. Апостоли, В. Ю. Рыбалтовского, Н. Ю. Авраамова,

В 1947 г. был незаслуженно арестован вице-адмирал Г. А. Степанов. Предпоследнее, более или менее существенное соприкосновение с кадетской корпорацией как кастой старого времени можно связать с неожиданным увольнением в запас заместителя Ленинградского НВМУ Л. А. Поленова, который только

что к тому времени получил отличную служебную аттестацию, подписанную лично Н. Г. Кузнецовым. Сам же Н. Г. Кузнецов к тому времени был понижен с должности Народного комиссара ВМФ до Начальника Управления ВМУЗ.

Компетенцию в кадровых решениях в связи с увольнением кадет следует усматривать не столько со стороны главного командования флота, сколько со стороны организаторов нового внутреннего политического курса в государстве во второй половине 40–х годов XX столетия. Кадетская корпорация к тому времени уже в реальности не существовала, но ее прежние представители – непосредственные носители прежних знаний и представлений — все еще обучали молодых воспитанников и будущих офицеров флота.

Последним из морских кадет, до 1953 г., оставался капитан 1 ранга К. А. Безпальчев. Он так и не получил звание контр-адмирала на должностях начальников ГВМПУ и РНВМУ в течение девяти лет. К. А. Безпальчев был пожалован контр-адмиральским званием позднее, будучи Начальником Рижского ВВМУ подводного плавания на закате своей служебной карьеры. Он был уволен в запас в 1956 году.

На этом закончилась история с привлечением выпускников Санкт-Петербургского Морского корпуса в целях восстановления образования кадетского типа на флоте в новейшей российской истории.

4.2.5.5. Из наследия русских кадет — создателей СВУ, ВМПУ, НВМУ

Что стоит на первом месте в наследии начальника военного училища? Это его приказы, отчеты об учебных заседаниях, советах, педагогических комитетах командованию ВУЗ и ВМУЗ.

Позволю себе напомнить, что создание Подготовительной школы в ВМФ осуществляли выпускники Императорского Морского корпуса. Вспомним еще раз первых начальников созданных в войну подготовительных и нахимовских военно-морских училищ. Все три нахимовских ВМУ получили руководство со стороны моряков, бывших в свое время кадетами и гардемаринами: в Тбилисском НВМУ – это В. Ю. Рыбалтовский; в Ленинградском НВМУ – заместитель Начальника училища Л. А. Паленов; в Рижском НВМУ – К. А. Безпальчев. В системе ВМПУ все четыре училища получили соответствующие назначения: в Ленинградском – это Ю. Н. Авраамов, в Горьковском — К. А. Безпальчев (в 1944—1945 гг.), в Бакинском – Б.

Н. Апостоли, во Владивостокском – Л. А. Поленов (был назначен).

Что же можно сказать о наследии директоров суворовских и нахимовских училищ – выпускников российских императорских кадетских корпусов? Вот некоторые из их мыслей и педагогического наследия:

Начальник Куйбышевского СВУ (1944—1946) Г. Г. Невский разработал «Памятку суворовца», которая включала в себя морально-этические нормы поведения воспитанников. Он прививал суворовцам лучшие армейские традиции, любовь к Родине, дружбу и товарищество, стремление к знаниям. Смотрел на суворовцев глазами бывшего кадета, заранее знал все их шалости, проказы и многое прощал. Старался перенести в учебный процесс все хорошее, что было в старых кадетских корпусах. Г. Г. Невский был новатором педагогики, определял профессиональную пригодность преподавателей и офицеров с применением тестов в отношении их общения с суворовцами. Вот слова из приказа Г. Г. Невского в 1945 г.: «В нашем распоряжении много разнообразных приемов воспитания и мер поощрения и принуждения. При этом меры поощрения, кропотливое, систематическое, любовное и ласковое отношение к воспитанникам должны быть доминирующими. В большинстве случаев добрым отношением к воспитанникам, как отец к сыну, можно достичь лучших результатов, чем отношением сухим и черствым. Меньше окриков, больше ласки». Во всем облике Г. Г. Невского чувствовались воспитанность и внутренняя культура педагога.

Начальник Тбилисского НВМУ (1943—1944) В. Ю. Рыбалтовский изложил свои мысли по кадетскому воспитанию моряков в своей статье «Воспитание офицера в царском флоте».

Начальник Горьковского ВМПУ (1944—1945), Рижского НВМУ (1945—1953) К. А. Безпальчев. Его воспитательный опыт запечатлен в одном из приказов: «... Помните, что, воспитывая ребенка, мы должны проявлять великое терпение и искренность, всячески искоренять имеющиеся еще у многих воспитателей недостатки, но не грубостью и издевательством, а упорной и повторной требовательностью добиваться нужных результатов, так, чтобы воспитанник видел в своих воспитателях старших и любимых товарищей, а не грозных карателей». Его же, из инструкции по подготовке к летней практике 1947 года: «...На всех занятиях использовать больше игровых элементов, больше увлекательности и азарта. В целях воспитания чувства ответственности, воли и выносливости никогда не подчеркивать, что воспитанники – это дети.

Но всегда подчеркивать и поддерживать их самостоятельность, даже их небольшое самолюбие и всегда проявляемую ответственность».

Начальник Бакинского ВМПУ (1943—1945) Б. Н. Апостоли; приказ по поводу принятия военной присяги: «...Выражаю полную уверенность, что каждый из вас будет честно выполнять свой воинский долг, упорно и настойчиво овладевать военно-морскими знаниями и в бою с врагами высоко держать знамя чести русского воина, приумножая славу русского оружия».

Заместитель начальника Ленинградского НВМУ (1944—1948) Л. А. Поленов: «Требовательность к себе, доведенная до степени привычки и высокая внутренняя и внешняя дисциплинированность. Исключительная честность, правдивость и прямота... Сказанная неправда, попытка обмануть, списать, подсказать – должны быть доведены до степени тягчайшего преступления. Здоровое самолюбие – боязнь оказаться в числе «последних». Не страх, а любовь и уважение к начальникам... Уважение к старшим, даже к воспитанникам старше себя на один класс. Степень развития чувства долга, дисциплинированности, правдивости – важнейшие моменты, представляют собой моральный облик офицера. Кроме воспитания внутренних моральных качеств, необходимо прививать бытовую культурность: умение держать себя в обществе, быть корректным, вежливым, уметь вести себя за столом, культурно есть, пить, танцевать, поддерживать разговор ...».

Старшие кадеты принимали во внимание, что в русских кадетских корпусах возраст от 10 до 15 лет считался временем, когда подростку можно внушить истины, которые останутся с ним на всю жизнь. В результате их знаний и умений, к примеру, у выпускников нахимовских и подготовительных училищ ВМФ, общими чертами являлись широкий кругозор, творческое начало и хорошая обучаемость. Это позволило им в условиях дальнейшей научно-технической революции в военном деле осваивать новые образцы вооружений и техники и новые профессии, а наиболее талантливые из них участвовали в процессе создания и в организации эксплуатации этой техники.

4.2.5.6. Историческое наследие Подготовительной школы ВМФ в ее «кадетский период»

Сравнивая суворовскую и нахимовскую образовательные системы в «кадетский» (первый) период ее формирования (1944—1945 гг.), можно увидеть, что они серьезно различались. Руководство ВМФ СССР не позволяло воспитанникам НВМУ использовать «сиротские» привилегии в части воинского обхождения, воспитания, питания,

других видов снабжения дольше, чем до поступления ими в 8–й класс или на 1–й курс Военно-морского подготовительного училища. Далее для них начиналась совершенно взрослая жизнь, в соответствии с действующим «Положением о военно-морских училищах и прохождения службы в них», по нормам для срочной службы в военное время. Суворовские же училища оставляли основные «сиротские» привилегии до конца 10–летнего обучения, т. е. на три года дольше. Поэтому, у нахимовцев «кадетское детство» должно было заканчиваться на три года раньше. Разумеется, для роста организма и здоровья юношей суворовская система была полезнее и, наверное, правильнее. Но была война, и руководство ВМФ было убеждено в необходимости большей строгости в интересах дела.

В ВМПУ было найдено решение по подготовке юношей для нужд военного времени, в котором выдающимися элементами были: строевая, военная, военно-морская, отдельно — гарнизонно-караульная подготовка, интенсивная учеба на результат и спорт. Воспитательная функция в своем основном значении была снижена. Внутренние училищные традиции развивались слабо. Здесь старые кадеты были полезны как организаторы, педагоги, методологи с прошлым опытом. Все начальствующие кадетские кадры в них были заменены к 1945—46 гг. Корпорацией для курсантов Подготовительной школы ВМФ должна была стать не какая-либо отдельно созданная «кадетская» корпорация или среда, а в целом Военно-морской флот, в котором они должны были раствориться и занять свои места.

В НВМУ, как в военно-сиротских учебных заведениях с малолетними возрастами, собственно, воспитательная функция была определена как более значимая или основная. Кадеты задержались в НВМУ дольше: до 1948 г. — А. Л. Поленов и до 1953 г. — К. А. Безпальчев. Еще интересным фактом остается то, что кто-то брал в училища на работу дворян. Скорее всего, это были сами кадеты – начальники НВМУ, то есть те, кто заботился о культуре и просвещении своих питомцев. Командование ВМУЗ также об этом не могло не знать. Все это напоминает, говоря современным языком, матрицу единого понимания вещей или единой образовательной культуры. Это положение дел оправдывало себя при том подходе в воспитании подростков и юношей, когда система воспитания выстраивалась более осмотрительно и была более «мягкой», нежели у подготов.

Бывших кадет Морского корпуса использовали таким образом, что сроки их пребывания на должностях Начальников училищ были в итоге незначительными. Требовалось включить их опыт

организационного и методического решения вопросов становления образования в ранних возрастах, но не самого комплекса воспитания. Комплекс воспитания должны были реализовывать уже следующие, более молодые начальники училищ, полностью связанные с советской общественной системой, получившие в период войны новый опыт воспитания подчиненных.

Практически, все назначенные на должности начальников НВМУ и ВМПУ были ранее по службе связаны с бывшим Санкт-Петербургским Морским корпусом или ВВМУ им. М. В. Фрунзе. Таким образом, лучшие традиции Морского корпуса и других закрытых военно-морских учебных заведений были не только сохранены, но и получили дальнейшее развитие, но уже на новой основе и в новых исторических условиях. Вместе с тем, стоит отметить, что приемы и методы обучения и подготовки кадров флота допризывного возраста были в некоторой степени утрачены с закрытием в России старых кадетских корпусов.

Во вновь нарождавшихся училищных традициях широко использовались прежние девизы войскового братства: «Жизнь Родине – честь никому», «Один в поле и тот воин», «Дисциплина прежде всего», «Сам погибай, а товарища выручай», «Один за всех и все за одного». Занятно, что во Владивостокском ВМПУ родилась летопись в стихах и прозе «Его превосходительство Звериада» — история родного училища с его обычаями, нравами, атмосферой, в которой формировались души мальчишек. Среди ее авторов Валентин Сахаров (выпускник 1945 г.), Анатолий Мастеренко и Вениамин Фасанин (оба — выпускники 1948 г.).

Система подготовительных училищ ВМФ в период с 1948 по 1951 гг. была преобразована в высшие военно-морские училища: 1–е Балтийское ВМУ (в дальнейшем — ВВМУПП им. Ленинского Комсомола), 2–е Балтийское ВМУ (в дальнейшем – Калининградское ВВМУ). За счет ликвидации Владивостокского ВМПУ было усилено Тихоокеанское ВВМУ. Рижское НВМУ стало базой для Рижского ВВМУ подводного плавания.

4.2.5.7. Судьбы выпускников Подготовительной школы ВМФ как опыт подготовки и воспитания будущих офицеров флота ВМПУ

За период своего существования с 1944 по 1952 гг. ВМПУ выпустили 6762 воспитанника. Из них 125 человек стали генералами и адмиралами. На их плечи легла задача по созданию океанского

ракетно—ядерного флота России. Треть их выпускников стали командирами на различных командных должностях в ВМФ. Всего система ВМПУ, созданная выпускниками Морского корпуса, подготовила Главнокомандующего ВМФ Адмирала флота В. Н. Чернавина, министра иностранных дел и премьер-министра Правительства России Е. М. Примакова, начальника Главного штаба ВМФ Адмирала флота К. В. Макарова, командующих флотами и соединениями кораблей ВМФ. ВМПУ, несмотря на краткость своего существования, сыграли значительную роль в подготовке кадров для высших военно-морских учебных заведений страны. Многие питомцы училищ стали государственными деятелями, руководителями предприятий, дипломатами и пр. 14 выпускников ВМПУ стали Героями Советского Союза.

НВМУ. Нахимовские училища выпустили за все время около 16 тысяч человек. В их числе, нынешний Главнокомандующий ВМФ адмирал В. Высоцкий (выпуск ЛНВМУ 1971 г.), командующий Северным флотом вице-адмирал Н. Максимов (выпуск ЛНВМУ 1973 г.), трагически погибший Герой России, организатор палубной авианосной авиации ВМФ генерал—майор Т. Апакидзе (выпуск ЛНВМУ 1971 г.), два Героя Советского Союза — выпускники Тбилисского НВМУ, трое офицеров Героев России — выпускники Ленинградского НВМУ. Из выпускников НВМУ значительное число стало адмиралами и офицерами в старших воинских званиях. Многие нахимовцы отличились и на гражданском поприще. Известен министр образования Российской Федерации в 1990–1992 гг. Э. Д. Днепров (выпуск ЛНВМУ 1954 г.), разработчик концепции новой российской школы. Именно он свидетельствовал, что воспитание в НВМУ в 50–е годы было построено на чувстве чести и ответственности. Судьбы выпускников в совокупности являются оценкой работы училища и такая оценка неоспорима, поскольку ее ставит сама жизнь.

Хотелось бы завершить справку о выпускниках нахимовских училищ словами поэта-нахимовца В. Валунского (выпуск ЛНВМУ 1975 г.): «Мы в жизнь входили по железным трапам, нахимовскими песнями звеня…». По-прежнему живы традиции. По-прежнему выпускники училища сотрясают монотонность флотских буден, принося с собой отблеск романтики и отчаянного героизма. Их дела еще впереди.

Резюме. Общая численность выпускников военно-морских училищ в составе созданной в 40–е годы Подготовительной школы ВМФ за весь период с 1945 по 2008 годы составила около 22 тысяч человек.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать о следующем:

1. Несмотря на то, что первые организаторы ВМПУ и НВМУ – морские кадеты были начальниками училищ продолжительностью чаще всего не более двух лет, они создали в училищах вполне нормальную организацию и планирование учебного процесса.

В чем же была причина их скорой должностной замены в том деле, которое всегда признавалось успешным? На мой взгляд, это в первую очередь связано с тем, что бывшим кадетам, отлученным с начала 30–х годов от командной деятельности на флоте по политическим причинам, естественно, не доверяли до конца. Почему им не следовало доверять? Скорее всего, потому, что кадетам нельзя было доверить воспитания самого духа и основных свойств личности будущих офицеров. Формирование духа во многом повторяет по своей структуре нравственные основы личности воспитателя, его менталитет, установки и деловые подходы. Даже повседневное отношение к деталям учебы и службы показывает основные формирующие установки на воспитание. Конечно, такой воспитатель не будет много говорить о роли партии, ее руководителей, прочие идеологически необходимые инструменты советской общественно-политической среды. Он будет убедительным, прежде всего, своими знаниями, умениями, навыками, отношением к службе и к людям. Не всегда такая убедительность, прямо скажем, была исчерпывающей в требованиях политически противоречивых 40–х годов. На первом месте здесь всегда требовались воля, настойчивость в выполнении указаний старших начальников, политическая грамотность и несомненная лояльность.

Офицеры старого времени были в главном равны самим себе и не могли во всем пропагандировать новые веяния и меняющиеся требования к личности. Они, еще не старые по возрасту офицеры, не всегда могли отделять воспитание военное от воспитания общественного и эстетического. Скажем, при определении принципов воспитательного процесса для будущих морских офицеров, они могли заменить слова о верности Царю и Отечеству на новые формулировки, но при этом основное содержание этих принципов для них оставалось прежним. Кроме того, офицерами-кадетами вырабатывалось воспитание характера и качеств уверенности, влияющих на их поведение и личное достоинство.

В историческом смысле образование суворовских и нахимовских училищ дали некоторый шанс кадетам, лишенным общественной и служебной инициативы, почувствовать себя теми, кем они всегда

были до этого – собственно, кадетами. Новые училища, хоть в некоторой степени, но все же спасли небольшую часть кадет для организации в стране нового дела, разумеется, уже не как часть старой кадетской корпорации, а как отдельных личностей и профессионалов военного дела.

Вспоминаются слова И. Н. Андрушкевича, произнесенные им в Москве на I Съезде кадет России в сентябре 2007 г. Вот эти слова: «Продолжайте предыдущий опыт, не пресекайте корни предыдущей России, а наоборот, восстанавливайте эту живую связь, и она будет давать плоды потому, что она была прервана на поверхности, так сказать, в надстройке, но внутри, в душе, в подсознании, в генетическом базисе она осталась и сохранилась». И мы это дело продолжаем. Сегодня и здесь.

Замечательна и еще одна деталь. Выпускные знаки СВУ и НВМУ считаются арматюрами, ибо их нельзя приравнивать к прочим знакам, свидетельствующим об окончании военных учебных заведений или, другими словами, к свидетельствам об уровне образования. Суворовские и нахимовские знаки означают большее: они говорят о принадлежности к определенной военной прослойке, имеющей свои традиции и остающейся верной им, независимо от места службы их владельцев. Короче говоря, эти знаки не просто удостоверения об образовании; они говорят о принадлежности к особой касте.

Не случайно в правилах ношения нагрудных знаков предусматривается, что знаки об окончании суворовского и нахимовского училищ носятся на всех формах одежды постоянно и размещаются на уровне со знаками об окончании высших военно-учебных заведений, и правее их. При наличии знака об окончании высшего учебного заведения, знак об окончании другого военно-учебного заведения по правилам не носится. Из этого следует, что знаки об окончании СВУ и НВМУ, хотя и служат свидетельствами об образовании, но это их не основное назначение: в большей мере они являются знаками корпорации (В. В. Похлебкин «Словарь международной символики и эмблематики», Москва, 2004 г.).

1. В заключение скажу, что опыт СВУ, ВМПУ, НВМУ должен быть более тщательно изучен и использован при подготовке молодых людей к службе в Военно-морском флоте и Вооруженных сил России в XXI веке.

2. Мне хотелось бы закончить это сообщение обращением уже во второй раз к первому номеру журнала «Военная быль» (1952 г.) Обще-Кадетского объединения во Франции под девизом «Дружным,

кадеты, строем сомкнитесь», где в редакционной статье говорилось: «Немногие дойдут. Но те, кому будет суждено это Великое Счастье, должны будут донести туда все, что сохранят их благородные сердца. Всю детскую и нежную радость нашей молодости, проведенной в стенах наших родных корпусов, всю Веру и Верность, пронесенные сквозь годы тягчайших испытаний».

Консультантам

При подготовке этого материала было важным, что в консультировании принимали участие исследователи истории флота: доктор военно-морских наук, профессор, контр-адмирал Ю. Л. Коршунов (1–й выпуск ЛНВМУ, 1948 г.); автор книг по истории Ленинградского НВМУ и кадетской истории В. К. Грабарь (17–й выпуск Ленинградского НВМУ, 1965 г.), автор книг по истории артиллерийских подготовительных училищ Сыченков Борис Петрович. Всем им огромная благодарность.

В заключение, позвольте, мне еще раз поблагодарить вас, дорогие старшие кадеты, за приглашение принять участие в работе XX Съезда; пожелать крепкого здоровья, счастья и кадетского долголетия! Вам и Вашим семьям. И низкий Вам поклон!

Да здравствует наше Кадетское дело!
Слава Русским Кадетским Корпусам!
Пусть всегда будут Кадеты России!
Спасибо за внимание.

5 сентября 2008 года
Отель «Хайатт», г. Вашингтон, США.

(Доклад выпускника Ленинградского Нахимовского военно-морского училища XXV выпуска (1973 г.), капитана 1 ранга И. Р. Федоровского на XX Съезде Объединений Кадет Русских Кадетских Корпусов, г. Вашингтон, 3—11.09.2008 г.)

Борис Плотников

Волшебный сон

Горажде спит. Спят кадеты, спят воспитатели, и даже дежурный кадет ночной смены клюет носом и вот-вот заснет за своим маленьким столиком с коптящей керосиновой лампой. Огонь в большой железной печке давно потух и в спальне также холодно, как холодно на дворе, где дождь вперемешку со снегом старается забраться к спящим кадетам через щели больших окон старой австро-венгерской казармы. Кадеты съежились под дырявыми солдатскими одеялами, и снятся им волшебные сны.

Где-то на экваторе, где бирюзовое море плещется и сверкает, и далеко-далеко незаметно сливается с таким же бирюзовым и сверкающим безоблачным небом, лежит на золотом песке один из кадет большой холодной спальни Донского кадетского корпуса в Горажде. Рядом качаются под дуновением теплого ветерка высокие пальмы и под тяжестью спелых кокосов клонятся к земле. Там на берегу, не знающие забот счастливые люди, большим «мачете» ловко срезают верхушку ореха и пьют прохладную кисло-сладкую влагу, которая переливается по подбородку на загорелую бронзовую грудь, и по животу и ногам стекает к золотому горячему песку. Но это никого не волнует: кокосов вокруг много, а теплое море рядом принимает и очищает загорелых «робинзонов» от всякой скверны. Сверкающее море смоет липкий кокосовый сок с загорелой груди. Нужно только броситься в белую соленую пену и проплыть под гребнем огромной волны в открытое море. Оно принимает всех в свои горячие объятия, и словно дышит своей огромной грудью, то поднимая высоко, почти что до самого синего неба, то опуская до самого песчаного дна, до подводного сада, где в коралловых рощах цветут нежные стыдливые анемоны. В этом саду плавают, как по команде,

стаи пестрых рыбок-попугайчиков. В синем небе парят альбатросы, и куда-то спешат неуклюжие пеликаны. Наш кадетик там, в теплом раю, и жизнь кажется ему прекрасной и бесконечной.

Но твердый матрас, набитый соломой, холоден и тверд, как глыба льда, похожая на те, что раскалываются с грозным грохотом и скрипят и скрежещут в набухшей совсем рядом желто-шоколадной реке. Наш будущий «робинзон» поворачивается, поправляет одеяло и спешит догнать упущенный сон.

Но бирюзовое море куда-то ушло, и снится ему могучая река. Она с трудом катит свои мутные коричневые волны. Противоположного берега не видно, и река кажется странным грязным желтым морем. Возле берега качаются лодки, вырубленные из стволов гигантских деревьев. Полуголые черные их капитаны жуют табак, и то и дело сплевывают черную жвачку за борт. За щекой у них порции жгучего табака, а в руках острые широкие «мачете». Вокруг летают с громкими криками чайки, альбатросы и пеликаны, вылавливая из мутной воды выброшенную рыбью требуху, а мошкара так и липнет к знойным блестящим телам черной команды. Купаться в реке не рекомендуется: слишком много в ней всякой хищной твари: скатов, электрических угрей и даже крокодилов. Но кадет счастлив в тропическом раю, в этой огромной турецкой бане, где жарко, как в печке, где совсем рядом лежат горы желтых спелых бананов и соленой рыбы, а под деревянной скамьей в лодке покоится бутыль мутной целебной настойки из странных диковинных ягод, — все, что нужно, чтобы забыть жару, комаров и мошкару…

А в Горажде печка потухла, стекла окон покрыты причудливыми ледяными узорами, одеяло не греет. Греют кадета вещие сны, которые видятся каждую ночь, а утром, просыпаясь, вспоминает он их на миг и сразу забывает.

Вот видит он большой, богато убранный стол в каком-то далеком, неслыханном на уроках географии городе. В этом далеком городе будто бы живет наш кадет много-много лет. Он за столом окружен друзьями. Некоторые из них товарищи-кадеты, такие же старики, как и он, другие же, представьте себе, кадеты молодые и красивые, прилетели на этот странный пир из далекой России!

Вот встает лихой моряк-подводник[1]. Он как будто стоит на командном мостике диковинной подводной лодки, которая вся содрогается от только что покинутой невероятной глубины. Его рука

[1] Юрий Петрович Филипьев.

покоится на устройстве перископа, в который он видит то, чего нам видеть не дано. С брабантских манжет его мокрой просоленной куртки стекает на пол морская пена. В глазах решимость и буря. Он поднимает хрустальный бокал, в котором сверкает тысячами искр вино, и чеканит команду, которую все принимают как закон. Он провозглашает торжественный тост за Россию: «Дорогие друзья! За Россию нам выпить пора. Гип, гип, ура! Ура, ура, ура!» Этот тост-заклинанье знаком участникам пира, он привезен из Пунто Фихо в Венесуэле, где первый раз в этой форме провозгласил его Дима Брылкин[2], старый кадет Донского корпуса в Горажде.

Встает и он. В руках у него скромная потрепанная беленькая кепочка, с которой не расстается он никогда, а в глазах у него глубины, неведанные нам, простым солдатам нашей сборной разношерстной команды. Ему перископа не нужно, он ясно видит вдали все, что было, и даже иногда все, что будет. На его плечах генеральские погоны с вензелями, которые в России забыты, и о которых в России рано или поздно вспомнят. Его рука дрожит, но голос тверд, как алмаз. Он поднимает свой бокал за дорогих гостей, которые прилетели к нему издалека. Он не опускает случая пожаловаться на членов венесуэльского объединения, которые, живя под боком (всего лишь 700 км), не находят времени приехать к нему в гости и рассеять его тоску и одиночество. Но в голосе и угроза: «Я приготовлю невиданный пир для званых, и если никто из званых не появится, я пошлю слуг моих на улицу и приглашу случайных прохожих!»

За ним встает моложавый председатель венесуэльского объединения[3]. Он в безупречном штатском костюме. Малиновый галстук с застежкой с двуглавым орлом, а в руках булава, пожалованная ему общим собранием венесуэльской кадетской Сечи — внешний атрибут его власти. Он приветствует гостей и надеется, что они и впредь будут баловать нас своим посещением, потому что контакт с русскими людьми и с русскими кадетами нужен нам, как воздух.

Вот встают два кадета-суворовца[4] из далекой Азии, из Екатеринбурга. Они передают привет и подарки заграничным кадетам от суворовцев далекого прекрасного города. Малахит и опалы в их руках загадочно блестят и напоминают присутствующим о невиданных сокровищах седого хмурого Урала. Они зовут всех в гости

---

[2] Дмитрий Михайлович Брылкин

[3] Георгий Григорьевич Волков.

[4] Григорий Ефимович Александров и Александр Иванович Дурнов.

и предлагают устроить следующий съезд в святом для всех русских людей городе. За кадетский съезд зимой в Сибири поднимают они свои бокалы, и у всех присутствующих от одной только такой мысли кружится голова!

Встает другой суворовец[5] и рассказывает о корпусе в прекрасной Казани, о сказочном городе, о большой реке, матушке Волге, о кадетах, о воспитателях и преподавателях. Лицо его сияет, он говорит, что в его корпусе, как и в Донском, живут такие же кадеты, как и мы. Он приглашает всех на следующий съезд к себе, в «порт семи морей», в Казань, где огромное Суворовское училище примет всех в свои объятия. Жена казанского суворовца и поэтесса[6], стараясь завлечь присутствующих, читает свои замечательные стихи, и все переносятся с ней в русский лес, видят золотые купола казанских церквей и кувыркаются вместе с гномами ее стихов в снежных сугробах далекой России.

Какая сказка за окном!
Стоят деревья в серебре,
А из сугроба смотрит гном,
Ему не спится в красоте.

Как быстро ночь моя прошла,
Уж утро брезжит за окном,
И в доме сказка родилась
В союзе с этим волшебством.

Всю ночь трудился добрый гном.
Развесив иней—кружева,
Он заглянул в мое окно:
«А ты что за ночь создала?»

Мой милый гном, смотри, дивись.
Я лето с осенью сплела,
И в доме у меня тепло,
Хоть за окном январь, зима.

---

[5] Анатолий Владимирович Хронусов.
[6] Ольга Сергеевна Хронусова.

Цветы июля с веткой сентября
Я обручила любящей душой,
И, стоя у природы алтаря,
Смотрю на мир в согласии с собой.

Но вот встает суворовец, бравый танкист из восточной Пруссии[7], отошедшей после Второй мировой войны к России. В просаленной кожаной куртке, он стоит перед нами суровый и закручивает свой колючий ус, не предвещая ничего хорошего каждому, кто осмелится ему противоречить. Его руки в мазуте и в масле, и бокал сжат так крепко, что вот-вот лопнет. Только что закончен танковый рейс по бурным волнам Карибского моря. Его танки и команда стоят внизу на улице и ждут его приказаний, не допуская никого на пушечный выстрел.

Суровый полковник рассказывает о корпусе на янтарных берегах Балтийского моря, и мы видим, как маршируют, как живут там кадеты, небесный покровитель которых — Великий князь и святой Александр Невский. Полковник поднимает свой бокал за славные кадетские корпуса, и сиплым, охрипшим от команд голосом требует, чтобы кадеты заграничных объединений взяли под свое покровительство его кадет.

Вот встает представитель Северной Пальмиры, кадет душой и востоковед[8], и переносит всех нас на берега холодной Невы, где красуется Мраморный дворец, резиденция отца всех кадет, Великого князя Константина Константиновича. Мы слушаем, затаив дыхание, его золотые слова, потому что большой он знаток славной русской военной были. Мы при этом стараемся молчать: нам страшно, что выслушает он нас со вниманием, откроет толстый том, который всегда у него под рукой и выставит в графе успешностей всем нам на древнем санскрите или красивой арабской вязью жирную двойку. Он вспоминает недавно прогремевший 16-й Кадетский Съезд и приглашает нас поднять кубки за кадетскую нерушимую дружбу.

И тут маленький кадетик в большой холодной спальне отдает себе отчет, что тот, который сидит за богатым столом на «камчатке», это он, и с ужасом видит, что очередь доходит до него и что придется ему сейчас встать и сказать что-то особенное, подходящее для такой важной и уникальной встречи. Полковник, капитан, профессор, по-

[7] Сергей Афонский.
[8] Эржан Сагимбекович Юсупов.

этесса, сибиряки прилетели из далекой России его слушать и потом рассказывать дома! Ведь Россия прилетела в гости!

Бокал дрожит у него в руке, он отстраняет все мешающие слова испанского, немецкого и английского языков и ищет нужные слова родного, и, как в трансе, бормочет на всю спальню спящим своим товарищам свое слово.

«Дорогие друзья! В моей долгой жизни я наделал много ошибок, а в моей скромной общественной деятельности наговорил много глупостей. Вся наша жизнь соткана из таких ошибок, и я совершенно не намерен сейчас исповедоваться перед вами и перечислять их. Но хочу рассказать о моей одной особенно курьезной ошибке. Десять лет тому назад, на кадетском съезде в Каракасе я заявил публично, что нам, кадетам-венесуэльцам, смены нет!

Дорогие друзья, дорогие товарищи! Десять лет тому назад я ошибался! У нас есть смена и эта смена вы, нахимовцы и суворовцы и стоящие вам в затылок новые кадеты новой России.

Мы уходим, а вы и новые кадеты должны продолжить наше дело и дело наших отцов и дедов. Вы должны позаботиться о том, чтобы идеалы нашего отца, Великого князя Константина Константиновича, восторжествовали в обновленной стране, чтобы кадеты стали, как было это всегда, опорой и поддержкой строителей великой России, государства, в котором настоящая свобода и настоящее равенство всех его граждан будут главной задачей его правителей.

Я повторяю и еще раз повторю, что в 1988-м году мое заявление было, к счастью, ошибочным. У нас есть смена, и я поднимаю мой бокал за вас, за новых кадет новой России! Я поднимаю этот бокал за нашу смену! Ура, ура, ура!»

Без четверти шесть. В темное утро пасмурного зимнего дня горнист в кальсонах и солдатских ботинках на босу ногу, направляющийся в коридор, чтобы дать первый сигнал, услышав мои крики, ткнул меня в бок своей трубой и бесцеремонно прервал мой волшебный сон и мой тост. Этот сон показался мне тогда странным и неинтересным. В то далекое время я, подобно пушкинскому хлопцу[9], был «может быть не трус, да глуп» и не успел еще повидать «виды». В то время меня больше интересовали вороньи яйца, которые я обнаружил в дупле большого дерева на берегу разбухшей коричневой Дрины.

Сейчас, семьдесят лет спустя, я не могу не удивляться пророчеству моих ночных видений далеких, далеких лет. Большой тропи-

[9] ... в стихотворении «Гусар».

ческий город, теплое море, желтая река, званый ужин, заморские дорогие гости, — все это тут. Но совсем не случайно видятся они мне во сне, — действительность конца двадцатого века похожа на волшебный сон.

Я бесконечно рад, что в России, наконец, знают о существовании заграничных кадетских корпусов. И то, что у заграничных кадет появилась новая смена, настолько фантастично, что вижу я ее, как в волшебном сне, в волшебном сне ребенка. Мы, кадеты заграничных корпусов, прожив десятки лет с чувством одиночества, мы, как дар Божий, находим наследников, с которыми совсем недавно, на 16-м съезде, сидели за одним столом, маршировали по широким русским улицам и даже танцевали на балу! Подобным фейерверку, которым нас потчевали кадеты-нахимовцы на берегах Невы на прошедшем съезде, мы видим будущее кадетских корпусов России!

Прожив десятки лет последними могиканами в далекой тропической Венесуэле, мы дожили, наконец, велением судьбы, в квартире Юрия Львовича Ольховского, до повторения волшебного сна, и подняли там свои кубки за долгожданную смену. В далекой Венесуэле мы приветствуем директоров, воспитателей, преподавателей и кадет русских кадетских корпусов России. Мы знаем, что их ждут большие трудности, но мы знаем также, что, подхватив знамя, которое мы несли все эти страшные годы, они поднимут его высоко-высоко «на славу нам и на страх врагам...»

Каракас, декабрь, 1998 год.

Почему я?
Биографический очерк

Я помню день свой поступленья,
Когда венчались мы с тобой;
Я отдал Вакху приношенье
И окропил тебя вином.

(Второй куплет «Фуражки»)

Русский кадетский корпус в Югославии, в 1937—1938 годах, II класс

Конечно, я ещё не знал, кто такой Вакх, и у меня и в мыслях не было окроплять вином выданную мне кадетскую фуражку, но из песни ведь слов не выбросишь.

(**Вставка** из заметки полковника Е. П. Исакова:

«Вакх — античный бог вина и веселья. Ясно, что двенадцатилетний мальчик не мог знать этого имени, как и не мог «окроплять» фуражку вином. Это задор и фантазия старших кадет, которые заменили второй куплет песни, и её, логически нелепую, пели не только кадеты Российских корпусов в Зарубежье, но и возрождённых теперь в России. А куплет-то правильно поётся так:

Я помню день свой поступленья:
Тобой венчался, как венцом.
Надев тебя с благословеньем,
Семь долгих лет носил потом».)

Конец августа 1937 года наступил очень быстро. Отец не мог отвезти меня в корпус — не хватало денег. Я ехал с Юрой Козорезом, моим будущим одноклассником, которого отец вёз на переэкзаменовку. Мы выехали за неделю до занятий.

В Белграде меня встретил ротмистр Л. В. Ольховский, однополчанин отца. Его сын Юрий, XXI выпуска, перешёл в пятый класс корпуса. Переночевав у них, на следующее утро Юра посадил меня на поезд, который шёл в Белую Церковь.

Эту первую поездку я совершенно не помню, а описал её только потому, что она на самом деле состоялась, но воспоминаний о ней никаких не осталось, кроме удивления громадным размером военной казармы, где находился корпус. Мне казалось, что я там потеряюсь, заблужусь.

Я не буду описывать всего корпуса. Всё его внутреннее расположение уже так красочно и точно описано в нашей «Юбилейной Памятке» 1997 года, стр. 145—152, что я, определённо, не смогу лучше описать.

Моего вступительного экзамена я не помню, но так как я остался в корпусе, значит, я его выдержал. Меня приняли во второй класс XXIV выпуска. Всех нас, новичков, отправили в лазарет на медицинский осмотр, которого я тоже не помню, но могу его описать со слов моего старшего товарища, кадета XX выпуска, Валентина Ермакова[1].

— Я помню тебя потому, что доктор тебя долго осматривал и выслушивал, — рассказал мне Валя. — У тебя была большая голова на худом теле с большим животом и кривыми ногами, ты был похож на рахита.

Это его дословное выражение. Валя был немного грубоват по своему характеру, и таким остался до самой смерти. Однако из всех моих физических недостатков, так красочно описанных Валей, через пару лет ничего не осталось, так как я уже в третьем классе стал одним из лучших гимнастов выпуска, но остались немного выгнутые «кавалерийские» ноги, как выражался отец.

После лазарета следовала стрижка наших штатских шевелюр.

Перед табуреткой, в коридоре, около которой стоял с нулевой машинкой Юра Козорез, образовалась очередь пугливых

---

[1] Теперь уже покойный, Валя был старшим сыном известного доктора Ермакова и, помогая корпусному доктору Алферову, уже в те годы готовился стать доктором.

«новичков»[2], которые не решались подставить свою буйную голову «Козорезу». Летом отец меня стриг коротко, но не под «ноль», и я, рассчитывая на старое знакомство с Юрой, сел первым. Юра особенно старался, кряхтел и пыхтел, однако машинка, несмотря на то, что он её несколько раз смазывал маслом из лампадки, всё равно заедала.

Одно из моих ярких воспоминаний о поступлении в корпус, которое осталось в памяти на всю жизнь, связано с выдачей формы.

Наш цейхгауз[3] находился на площадке второго этажа, между 2-й и 3-й ротами. Полным хозяином в этом громадном помещении с рядами полок, на которых аккуратно лежали сложенные формы, царил каптенармус, вахмистр Порфирий Кондратьевич Вербицкий. Несмотря на обильную седину в его длинных усах, из-под заломленной набок донской казачьей фуражки с красным околышем лихо выглядывал его чёрный вьющийся чуб. Над левым карманом форменной гимнастёрки, затянутой тонким кавказским поясом с серебряными накладками, красовался солдатский Георгиевский крест, а в начищенные до блеска сапоги были заправлены тёмно-синие, с красными лампасами, шаровары. От вахмистра пахло табаком, чесноком и иногда водкой.

Нам выдали две формы: повседневную, которую мы сразу одевали, и парадную, которая после длительной примерки, с отметками, где укоротить или удлинить, оставалась в цейхгаузе. Мы уже знали, что её будут выдавать по праздникам. Повседневная форма состояла из гимнастёрки прочного полотна зеленовато-защитного цвета, с высоким воротником на пуговицах, которая носилась с простым широким кожаным поясом и обыкновенной пряжкой, чёрных брюк и чёрных ботинок. Длинные брюки я надел впервые, и мне показалось, что я стал старше. Парадная гимнастёрка, того же защитного цвета, с гербовыми медными пуговицами, была сшита из толстого шерстяного сукна. Она носилась с широким кожаным поясом чёрного цвета, который застёгивался медной литой бляхой[4] с изображением Российского Герба в «сиянии». Летом суконные гимнастёрки заменялись полотняными белыми, того же покроя. Кадеты их называли «рубашками». Однобортные шинели были того же цвета, что и парадные гимнастёрки, и чёрные, с малиновым околышем и

[2] Вновь поступивший в корпус.

[3] Уцелевшее со времён Петра (в военном лексиконе) обрусевшее немецкое название.

[4] Парадный пояс.

солдатской кокардой, фуражки. (Первая Рота Его Высочества носила чёрные шинели с одним рядом медных гербовых пуговиц и белые перчатки — предмет зависти и мечтаний всех младших кадет.)

Вахмистр долго примерял на мне фуражку — то маленькая, то лежит на ушах, а когда выбрал, отогнул внутреннюю подкладку и написал мой номер. Нижнее бельё состояло из белой полотняной рубашки без воротника, кальсон и портянок[5]. Господин вахмистр показал, как их заворачивать, чтобы ноге было удобно. Это искусство требовало длительной практики, и я осилил всю эту премудрость только после мучительного испытания «моих двоих» несколькими волдырями.

Предупредив, что менять выданные портянки и носовые платки нужно приходить самому (если то или другое выпачкается), вахмистр, наконец, протянул мне тёмно-малиновые погоны (с жёлтым трафаретным вензелем из двух «К» под короной) и показал, как их закреплять в тренчиках на плечах. На всю жизнь запомнил эти слова вахмистра: «Теперь, в погонах, ты — настоящий кадет».

Когда кто-то из старших кадет показал мне, как двумя большими пальцами вдоль пояса расправляются все до единой складочки, я впервые почувствовал на плечах лёгкую тяжесть погон и машинально их приподнял. Даже сейчас, на старости лет, ловлю себя на том, что делаю это движение, вошедшее в привычку.

Всех — и новичков, и приехавших держать переэкзаменовку — разместили в спальне Роты Его Высочества, на втором этаже, так как наши помещения ещё не были готовы. Мне попалась кровать, на «цигеле»[6] которой была написана фамилия «Ламзаки»[7].

В течение нескольких дней, до съезда всех кадет к началу учебного года, кадеты старших классов и офицеры-воспитатели взяли нас в строевое обучение. По всему Полоцкому коридору разносились чёткие команды:

— Направо! Налево! Кругом!

И тут же следовали объяснения:

— Налево поворачиваются в два приёма: на каблуке левой ноги и на носке правой — раз, и приставляем правую ногу — два.

---

[5] Вместо чулок прямоугольный кусок полотна, которым умело заворачивали ноги.

[6] В голове кровати, на деревянном столбике — жестяная малиновая табличка с фамилией кадета, написанная жёлтой краской.

[7] Мог ли я тогда предвидеть, что Юра, доктор Ламзаки, будет мне резать грыжу?

— Смирно! Лермонтов, ты что, не знаешь, где у тебя правая, а где левая сторона? Какой ты рукой крестишься?

Показываю правую руку.

— Так чего крутишься в обе стороны? Стой смирно, убери живот, набери полную грудь воздуха — выпусти воздух, а грудь оставь на месте, подбери подбородок. Чего насупился? Кадет должен смотреть весело, но без улыбки! Понял?!

Сколько сотен раз я всё это слышал в течение двух-трёх последующих месяцев, пока не выдержал строевого экзамена, на котором нужно было показать не только то, что научился строевым приёмам, но и что знаешь правильные ответы на уйму всяких вопросов. Например, на вопрос «Кто ты?» отвечать следовало: «Я — кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, Михаил Лермонтов». Это звучало, как начало присяги.

Я не помню точно, сколько «новичков» поступило в корпус в этом году (сентябрь, 1937 год), но в мой второй класс поступили: Курицкий Дмитрий, Выдыхан Николай, Балашев-Самарский Николай и я. Кто-то обратил внимание на то, что мы похожи, и это сходство в некоторых случаях нам помогало.

Список XXIV выпуска (1937 год, II класс):

1. Алексеев Роман — «Ромка» или «Адмирал» (по дедушке)
2. Алферов Сергей — «Жила»
3. Артонов Сергей — «Артошка-картошка»
4. Балашев-Самарский Николай
5. Бараненко Александр — «Культяпка» (убыл из III класса)
6. Боголюбов Николай — «Ника», «Сёмка» (по отцу)
7. Де Боде Константин — «Кот»
8. Бурлаков Пётр — «Пера»
9. Верчик Александр
10. Выдыхан Николай — «Выдыханчик»
11. Герлах Георгий (умер в 1939 году)
12. Горлов Степан
13. Граф Георгий — «Блёс» (по химику Фетингу, блондину)
14. Григорьев Юрий — «Гришка»
15. Демьянюк Евгений
16. Капуста Иван — «Качан»
17. Козорез Георгий — «Козуля»

18. Компаниец Николай — «Ниц»
19. Копач (убыл из III класса)
20. Криницкий Александр
21. Курицкий Дмитрий
22. Кутепов Павел — «Пи-пи»
23. Кучинов Пётр — «Князь»
24. Леонтьев Алексей — «Лёшка»
25. Лермонтов Михаил — «Гулька»
26. Лесниченко Николай — «Лёс»
27. Мингин Валерий — «Луна»
28. Мирошников Евгений
29. Нестеренко Николай — «Нос»
30. Орловский Владимир — «Орлик»
31. Николаев Дмитрий
32. Парижский Николай — «Кока»
33. Полубелов Виктор
34. Рачковский-Шевченко Николай — «Рачко»
35. Сараев Николай
36. Скрылов Валерий
37. Скуратович Георгий — «Голова-ящик»
38. Скрябин Владимир (приходящий)
39. Спокойский-Францевич Евгений — «Спайк»
40. Стекольников Венедикт — «Баран»
41. Табуч-Ющенко Михаил — «Табуч»
42. Ульянцев Николай — «Урлик»
43. Фау Павел — «Пи-пи»
44. Хилинский Сергей — «Цыган», «Скаут»
45. Хоренко Игорь — «Китаец»
46. Шереметов Николай — «Шеря» (приходящий)
47. Шехавцов Анатолий — «Зёська»
48. Шостаковский Максим — «Макс» и «Косой»
49. Шпора Александр — «Клинац»
50. Янушевский Александр — «Янош»

В 1937 году в I класс поступил XXV выпуск, кончал корпус XVIII выпуск. В корпусе было две роты: VI, VII и VIII классы в 1-й роте, и I, II, IV и V классы во 2-й роте (III класса в этом году не было). Фельдфебелем 2-й роты был назначен кадет VIII класса, XVIII выпуска, Николай Каменев, а помощниками офицеров-воспитателей

(или «дядьками»): в I классе — Роман Образ («Пека») и Алексей Попов («Слон»), во II классе — Валентин Мантулин («Нос») и Олег Лобов («Шарик»), в IV классе — Алексей Нещерет («Дунька») и в V классе — Всеволод Высоцкий.

Когда съехались все кадеты, и мой класс был в полном сборе, старший кадет класса Константин де Боде («Кот») оставил за дверью всех нас, «новичков»: Колю Балашева-Самарского, Колю Выдыхана, Диму Курицкого и меня, и приказал ждать, пока он не позовёт. Впускали нас поодиночке. За дверью слышался шум, а потом всё затихало. Когда подошла моя очередь, и я вошёл в класс, меня на секунду остановили пристальные взгляды: все смотрели на меня, чего-то ожидая. В этот момент меня чуть не сбил с ног удар по шее. Поворачиваюсь: плотный (чуть выше меня) кадет стоит за дверью и улыбается в ожидании моей реакции. Я сильно его толкнул в грудь, так, что он, попятившись, сел в мусорный ящик. В классе послышались одобрительные возгласы, и я сел за свою парту.

(**Вставка**. *Я забыл, от кого я тогда получил по шее. В течение всех этих лет многие подробности изгладились из памяти, и только сейчас, в семидесятых годах, когда я встретил своих одноклассников на съезде в Санта Розе, в Калифорнии, вспоминая нашу жизнь в кадетском корпусе, я рассказал этот случай. Миша Табуч-Ющенко признался, что это был он.*

Моим соседом (по предпоследней парте в среднем ряду) оказался Женя Демьянюк. Позади нас сидели Пётр Кучинов («Князь») и Николай Боголюбов («Ника»), сын преподавателя природоведения Семёна Николаевича Боголюбова. Впереди была парта Алёши Леонтьева («Лёшка») и, кажется, Александра Верчика, перед нами — Павлик Кутепов с Павлом Фау («Два пи-пи»). И, наконец, на первой парте в нашем ряду сидели Константин де Боде («Кот») и Пётр Бурлаков («Пера»).

Так хочется припомнить, кто где сидел, но, к сожалению, память стёрла почти все подробности. Вижу почти весь класс: четыре ряда парт и только одинаково выстриженные головы. Воспитатели обыкновенно не меняли распорядка в классах, и многие кадеты просидели все годы с одним и тем же соседом. Как мне недавно рассказал о. Георгий Григорьев (Юра Григорьев — «Гришка»), он все годы просидел на пятой парте в левом ряду с Колей Компанийцем («Ницом»).

Я знаю, что в этом году состоялось ежегодное соревнование по пению. Что мы пели, не помню, но взяли приз. Уж больно давно это было. Каждая рота, а их в этом году было две, пела отдельно, на свой ротный приз. В 1-й Роте Его Высочества — Российский Императорский герб с миноносца «Могучий» на деревянном полированном щите; во 2-й роте — чугунная фигурка стрелка, стреляющего с колена, которая называлась «Серёжа Бухвостов», в честь первого русского солдата.

Также помню, что наш преподаватель пения Михаил Степанович Собченко на одном из первых уроков пробовал наши голоса. Он пришёл в класс со скрипкой, и каждый из нас должен был тянуть разные ноты «а...». Михаил Степанович у себя в тетрадке что-то отмечал. Не успел я протянуть первое «а...», как он посадил меня на место. Так я на всю жизнь остался «козлетоном», хотя очень люблю петь. Тех, кто оказался со слухом и голосом, приняли в церковный хор, а нашим классным регентом стал Юра Григорьев («Гришка»).

Из 50-ти кадет выпуска я знал своих скоплянцев и раньше: Юру Козореза («Козуля»), Колю Компанийца («Ница»), Алёшу Леонтьева («Лёшка»), Колю Сараева, Сашку Шпору и Мишу Табуч-Ющенко («Табуч»). Также жил в Скопле и Шура Ратнов («Жук»), вице-унтер-офицер, знамёнщик XIX выпуска.

* * *

Перед тем как писать дальше, я должен объяснить значение всех этих слов в кавычках, для тех непосвященных, кому случайно попадет в руки моя «писанина».

Прозвища, которые я пишу в кавычках, давались в корпусе почти что всем, начиная от директора генерал-майора А. Г. Попова («Генпоп», он так расписывался в журналах) и кончая кухаркой («Милка»), которая, когда мы возвращались из столовой, подсовывала нам коржики или куски вкусного белого хлеба. Большинство прозвищ появлялось в первых классах, и, конечно, не ко всем они пристали, но за многими сохранились на всю жизнь. Моё прозвище «Гулька»[8] закрепилось за мной с первых дней в корпусе, так как пять моих одноклассников были, как и я, из Скопля, и знали меня и моё прозвище ещё с детства. До сих пор, слава Богу, прошло уже

[8] Ещё в младенчестве, когда мать со мной на руках кормила наших голубей, подзывая их: «гуль, гуль, гуль», первым мне понятным словом было слово «гуль...» Так я и стал « Гуля», «Гулька».

больше шестидесяти лет, мои одноклассники, да и старшие кадеты, называют меня по прозвищу «Гулька», и это нас сближает, духовно роднит и напоминает, хотя это и лишнее, о принадлежности к одной дружной кадетской семье.

Недавно умер «Шарик» Лобов. Я из некролога узнал, что его звали Олегом. Только в семидесятых годах, из газетной заметки с фотографией о выступлении «Русского Академического хора» под управлением Владимира Руденко, узнал, что нашего «Гуся» зовут Владимиром. Я могу перечислить больше половины моего класса, тех кадет, чьи имена я не знал в тот корпусной период, и до сих пор запомнились только прозвища и фамилии (ведь не у всех были прозвища). Сейчас, заглянув в нашу последнюю «Седьмую Памятку», я могу восстановить их имена, но они мне всё равно чужды.

Прозвища употреблялись, главным образом, среди одноклассников и в обращении к младшим кадетам. К старшим обращались по имени — по традиции и из уважения к ним. Да и по шее можно было получить. Прозвища обидного характера редко слышались. Они не прививались, потому что, во-первых, из-за них происходили драки, а во-вторых, считалось не по-товарищески оскорблять своего брата-кадета.

В моё время офицеров-воспитателей называли «зверьми». Родилось это слово ещё в суровую эпоху царствования Императора Николая I, когда «за битого двух небитых давали». Тогда, в армии, по регламенту, существовали телесные наказания, которые считались лучшим методом воспитания, и тогда же это наименование закрепилось за корпусным начальством.

«Дядьки»

Дядьки», так мы называли наших старших кадет, назначенных к нам директором корпуса. Официальное название звучало сложно, хотя и внушительно: помощники офицеров—воспитателей.(По словарю Даля: 1 — приставленный для ухода или для надзора за ребёнком; 2 — приставленный к рекрутам старый солдат; 3 — пестун.)

По рассказам старших выпусков, этот порядок воспитания младших кадет был привезен из России, но из-за отсутствия старых опытных солдат, которые исполняли эту должность, в наших корпусах назначали старших кадет, для поддержания порядка в младших классах, в помощь офицерам-воспитателям. Все зарубежные корпуса продолжали эту традицию. (Пишу: традицию, так как не уверен,

было ли назначение «дядек» оговорено военным уставом. В то же время, из второго пункта в словаре Даля видно, что такая должность в русской армии существовала.)

«Дядьками» назначали кадет VII или VIII классов, которые хорошо учились, имея, в среднем, не меньше четырёх баллов как по учению, так и по поведению. Большинство из них кончало корпус вице-унтер-офицерами.

В этом 1937—1938 учебном году «дядьки» жили с нами в отдельной маленькой комнате, и с утреннего подъёма, в шесть часов, и до укладки в девять часов, за исключением своих уроков, были с нами. Каждый класс имел своего офицера-воспитателя, но воспитывали нас и внедряли дух настоящих кадет — старшие кадеты, наши «дядьки».

Начиная от простой военной выправки, которая не всем сразу давалась на строевых занятиях, они внушали нам своим примером, что строй — святое место, учили нас, как надо вести себя в строю, посвящали нас в тайны традиций и заповедей товарищества. Были справедливыми судьями наших ссор, драк и проказ, безжалостно наказывали за недопустимые в кадетской среде проступки, и кончали, поздно ночью, перед тем как самим уходить на покой, обходом спальни, бережно укрывая своих питомцев, разбросавших во сне одеяла. В младших классах мы на них «молились». Это были не только старшие кадеты, но — братья, которым мы старались подражать, с которыми мы делились самыми сокровенными тайнами, и знали, что «зверям»[9] они нас не выдадут. О да, они нас наказывали, ведь из жёлтоклювых птенцов в два-три года надо было создать настоящих кадет на всю жизнь, — и им это удавалось. Положив руку на сердце, каждый из нас должен признать, что все те подзатыльники, наряды[10] и стояния на штрафу[11], и самое главное — товарищеское отношение, дружеское покровительство, взаимное уважение с добровольным подчинением младшего старшему, определённо помогли нам стать исправными кадетами, сохранить на всю жизнь кадетский дух и всей душой полюбить родной корпус. Рукоприкладства и «цука»[12] официально в нашем корпусе уже давно не было.

Я лично обязан многим моим «дядькам». В 1937 году наш «дядька» Валя Мантулин, вместо того чтобы ставить меня на штраф или

---

[9] Весь персонал корпуса, за исключением священника.

[10] Дежурство вне очереди.

[11] Стоять смирно в течение положенного времени.

[12] Форма наказания, существовавшая в некоторых кадетских корпусах в России.

давать наряды, которых у меня и так хватало, запирал меня в классную комнату.

— Ты, Лермонтов, пиши стихи!

Это, кажется, было первый раз, когда я пожалел, что у меня громкая фамилия, и, возможно, тогда понял, почему мой отец часто повторял: «**Помни, кто ты**».

Валя «Нос» (прозванный за свой немного удлинённый гоголевский нос, как он сам его назвал), сдержанный, точный и аккуратный, не особенно любил нас наказывать, а находил «полезные» наказания. Как-то раз, играя в отбойку[13], кто-то сильно загнул матом. («Литературный» русский язык у нас был в обиходе, но «дядьки» постоянно нас сдерживали.) Валя его вызвал, но не поставил на штраф и не дал нарядов, а послал в роту почистить ботинки. Каждый раз, когда он возвращался, Валя его отсылал обратно, находя, что ботинки недостаточно блестят. Так он (мне кажется, что это был Володя Орловский («Орлик») до конца прогулки и не успел поиграть в отбойку, но зато перестал ругаться и ходил в самых ярко начищенных ботинках. Своими длинными разносами Валя доводил нас до точки. Как схватит «за пуговицу» — держись! Не отпустит, пока не убедится, что его наставление попало в эту точку. Прошло много лет, и из этих разносов, как в граните высеченные, остались на всю жизнь кадетские законы дружбы и заповеди товарищества.

Я помню, как я себя чувствовал одиноким и обиженным, сидя один в классе. Мне всегда казалось, что меня наказали не за что. **Почему я?** И где-то там, в глубине души, накапливалась обида до тех пор, пока я не осознавал своей вины. Как мне было тяжело придумывать рифмы. Сначала я просиживал часами и потел, исписывая по несколько листов черновой тетрадки, пока не получалось терпимое четырёхстишие. Со временем я наловчился, и рифмы всё чаще и чаще попадали на своё место. Когда я начал в пять минут кончать своё наказание, Валя перестал меня запирать в класс, а ставил на штраф, как всех, где я, уже по собственной воле, сочинял стихи. Мне понравилось!

Наказание, возможно, навеянное моей фамилией, по воле строгого и изобретательного «дядьки», возбудило во мне интерес к русской поэзии и литературе. Совершенно неожиданно, но постепенно, я почувствовал, что во мне открылся новый чудесный мир поэзии, в который мне захотелось окунуться с головой и посвятить ему всю

[13] Волейбол.

свою жизнь. Конечно, моей главной мечтой осталось стать военным, но разве нельзя соединить эти две мечты воедино? А ведь Михаил Юрьевич Лермонтов смог! «Мечты... мечты... где ваша сладость?»

Своему физическому развитию я должен быть благодарен «дядьке» Олегу Лобову («Шарику»). (Он был одним из лучших гимнастов выпуска.)

На вечерней укладке, после того, как мы умылись, «дядьки» заставляли каждого подтягиваться на гимнастической лестнице, которая стояла в ротном коридоре. После того как весь класс проходил, «Шарик» оставлял меня и Павлушу Кутепова на добавочную гимнастику. Я не знаю, почему он выбрал именно нас, но предполагаю, что наш совершенно противоположный вид — я худой, а он толстый — имел на это некоторое влияние, или обе громких фамилии, но, тем не менее, мучил он нас долго. Все уже лежали в кроватях, когда «Шарик» нас отпускал. Я потом продолжал, в течение всего пребывания в корпусе, заниматься гимнастикой и стал одним из лучших гимнастов своего выпуска. Я Олега действительно запомнил «шариком» — круглым, мягким, но сильным, когда он легко меня поднимал подтягиваться до подбородка на лестнице. На Корпусной праздник, когда рекордная группа в пятнадцать лучших гимнастов (XVIII, XIX и XX выпусков) выступала на параллельных брусьях, мне больше всего понравилось выступление «Шарика» (несмотря на то, что все хвалили Костю Курицкого), которое отличалось мягкостью приёмов и плавностью махов, создавая впечатление лёгкости тяжёлого упражнения. Потом, уже в старших классах, я старался все эти махи, скобки и стойки исполнять так, как «Шарик».

Алёша Нещерет («Дунька»), высокий, тонкий красавец-брюнет, с только что начинающими пробиваться усиками, научил меня выдерживать щекотку. Это требует некоторого пояснения.

Я не был особенно щекотливым. Почему-то «дядьки» и старшие кадеты считали своим долгом, проходя мимо, обязательно пройтись кулаком по моим рёбрам. Я сгибался, и им это давало повод меня «разнести», прочитав целую лекцию о выправке кадета. (Мне доставалось чаще, чем другим, возможно, опять была виновата моя фамилия.) Я до сих пор помню, как, проходя по коридору Роты Его Высочества (за химическими или физическими приборами), Жедилягин Георгий (XIX выпуска) своим костлявым кулаком пересчитывал мне рёбра. Это было не только щекотно, но и больно. (И не только он, его я запомнил только потому, что у него был действительно костлявый кулак.)

Как-то на вечерней укладке мне передали, чтобы я явился в комнатку «дядек». Это считалось привилегией, так как в их комнату, нам, малышам, вход был строго запрещён. Я не помню всех подробностей, и как это всё произошло. Хорошо помню, что я висел за окном, выходящим на фронт здания, с третьего этажа, держась обеими руками за шею Алёши, который меня одной рукой щекотал, а другой держал за пояс, строго приговаривая:

— Держись, держись, а то упадёшь!

Конечно, мне было щекотно, но я терпел, и когда мои пальцы вокруг шеи Алёши начали расходиться, и я мог упасть, он с «Шариком» Лобовым меня подхватил и втащил в окно.

Перед тем как совершенно раскрошились отдельные листы из моей тетрадки со стихами, уцелевшие после войны, я успел их переписать и сохранить, а некоторые сохранились в памяти.

Скучно в классе мне сидеть
И писать стихи.
Это может надоесть,
Даже можно и вспотеть.

Расцвела акация...
Валькина нотация:
Длинная предлинная,
Полная шипов.

В парте есть чернильница,
Грязная, как мыльница,
Постоянная виновница
Неожиданных громадных клякс.

Нет, не «Коча» Кучерявый,
А Зиолковский «Кочияш»
Грел, гонял и очень «гнявил»
В строевых занятьях нас.

На дворе зима,
На столе тетрадка.
На душе тоска,
В сердце институтка.

Длинный, добрый и не строг
«Слон» полковник Прибылович.
Правда, сыпется песок,
Но «ловчил» он ловко ловит.

Посмотри! Снег выпал,
Ночью, видно, сыпал.
Утром солнышко пригрело,
Но растаять не успел он.

«Ать - а - и - иире» —
Голос тонкий и паршивый...
Нету «зверя» хуже в мире,
Чем «Иван» — отец фальшивый.

На дворе воробей замёрз,
Я его домой принёс,
Уложил в коробочку,
Схоронил под ёлочку.

На окне повис паук,
В паутине муха.
Скоро будет ей каюк —
Пауку житуха.

(1937—1938)

После почти неограниченной свободы прошлого года в гимназии, попав в строго распределённый порядок не только дня и ночи, но и в совершенно новый и ещё непонятный круг своих одноклассников и старших кадет, мне было очень тяжело разобраться и освоиться во всех этих новых понятиях, чувствах и переживаниях. Оказалось, что я, Михаил Лермонтов, полусирота, не один, у меня целый класс друзей, нет, не друзей, а целый выпуск, целая рота, целый кор-

пус товарищей. А что такое товарищ? Разве это не друг? Какая разница между другом и товарищем? Помог мне в этом разобраться не кто иной, а «дядька».

Наши офицеры-воспитатели беседовали с нами, но это скорее были строгие нравоучения, касающиеся нашего учения и поведения. Иногда, в исключительных случаях, мы с ними могли поговорить, как с «отцом родным», но душу-то свою отводили с «дядьками», которые нас понимали гораздо лучше, чем любой «зверь», — ведь они не так давно были в таком же положении.

Кадеты 1-й Роты Его Высочества всегда отличались умением носить форму. Их аккуратность, выправка и поведение служило для нас, малышей, примером, но «дядьки» выделялись даже среди них.

Дима Иванов («Ивась»), старший кадет VIII класса, XIX выпуска, был назначен к нам в первой половине 1938 года. В свободное время на заднем дворе или на «холмах», куда мы ходили гулять, вокруг Димы всегда собиралась куча кадет, задавая всевозможные вопросы, неизменно начинавшиеся с «а почему?» Высокий блондин (тогда он, конечно, был выше меня) с добрыми светло-голубыми глазами, всегда в опрятной гимнастёрке с заправленными назад складками и тщательно выглаженными брюками «клёш» (у них, в комнатке «дядек», был утюг), казался нам олицетворением «лихача», «тоняги»[14]. Покорял он нас своим невозмутимым спокойствием (даже в момент наших самых непростительных проказ) и добрым, ласковым обращением. Дима заполнил тот пробел «теплоты», которой в нашей сугубо военной жизни не хватало, — во всяком случае, мне не хватало. В знак нашей любви и уважения, после его производства в вице-унтер-офицеры на праздник Роты Его Высочества, когда он пришёл к нам в роту в «лычках»[15], мы его на руках «качали»[16]. Нам, малышам, конечно, было тяжело, однако, подбрасывая его к потолку, мы его не выпустили, хотя он этого боялся (как мне сам Дима недавно об этом сообщил).

Несмотря на то, что моими любимыми играми были отбойка (название «волейбол» пришло значительно позже), которой я увлекался на заднем дворе, и запрещённый футбол на «холмах», желание посидеть и поговорить с Димой было сильнее. Его живые рассказы из кадетской жизни старых корпусов (Донского, Крымского и наше-

---

[14] Лихой, тонный.

[15] Золотые нашивки на погонах.

[16] Подбрасывать вверх на руках.

го), которые так наглядно подчёркивали корпусные общепринятые правила, по которым мы жили. И наши, передаваемые из выпуска в выпуск кадетские традиции, так увлекали и выделяли нас в одну обособленную — кадетскую семью, что с тех пор у меня стало много друзей, однако товарищами остались на всю жизнь только кадеты *— моя семья.*

«Дядьки» моих первых классов заложили тот фундамент, на котором потом, в течение четырёх лет моего пребывания в стенах родного корпуса, последующие «дядьки»: Владимир Гавлицкий («Маца»), Валерий Завальевский («Зайка»), Павел Наумов («Пая»), Александр Думбадзе («Шиша»), Алексей Иордан («Клык»), Виктор Степанов («Паровоз») и Степан Демченко, с той же настойчивостью продолжали создавать кадета, со всеми вытекающими из этого гордого звания последствиями.

Не только корпус, офицеры-воспитатели и преподаватели оставили неизгладимый след в нашей юной душе, но и старшие кадеты (наши «дядьки») предопределили наш моральный и духовный облик.

Сейчас, когда я это пишу (январь 1998 года), многих уже нет в живых, но те, с которыми я ещё встречаюсь на наших собраниях, съездах или по делам, до сих пор мне кажутся теми бравыми старшими кадетами, которых я запомнил шестьдесят лет тому назад. И, несмотря на разницу лет, которая сейчас сравнялась, наши отношения остались теми же товарищескими отношениями, полными взаимного уважения.

Серебром усеяны вихры,
Лишь, как в старь глаза горят задором,
И коль в эти загляну глаза,
На плечах мне чудятся погоны,
Молодые слышу голоса.

(Из стихотворения «Кадету» Н. Воробьёва, кадета Донского корпуса.)

Кем бы я стал, если бы у меня не были такие «дядьки»?

Судьба? Возможно, но не всё судьба. Счастье? Нет, не думаю. Счастье вроде женщины: «Коль полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец».

От первого сигнала до отбоя

Наш обычный день начинался с первого сигнала на побудку в 5:45 утра. Длинный и тягучий, — мы его ненавидели. Да ещё попадётся сонный горнист, да начнёт «козлить»[17] — сон сразу пропадает. Но всё равно закрывали подушкой голову и старались ещё поспать до второго сигнала на подъём в 6:00. Ко второму сигналу горнист уже успевал проснуться и трубил бодро и весело, хочешь не хочешь, а вставать надо.

«Дядьки», уже аккуратно одетые, ходили по спальне и поднимали проспавших сигнал и любителей поспать. «Ромку» Алексеева всегда будили криком: «Буря на море, буря на море!», у него дед был адмирал.

В любое время года мы должны были в одних кальсонах и ботинках на босу ногу бежать в умывалку мыться. Время было рассчитано не по минутам, а по секундам: почистить зубы, помыть с мылом, холодной водой, лицо, шею, уши, ноги, и до пояса освежиться холодной водой. Горячей воды не было. (Раз в две недели мы ходили в баню, где наш банщик «Дид» (Дидько) растапливал печи и грел воду, и мы мылись и парились.)

При входе в спальню стоял «дядька», вылавливая сухих, неумывшихся «ловчил»[18]. Таких «ловчил», в особенности в зимнее время, находилось много, но были и любители, которые растирались холодной водой, и их называли «обливцы». Большинству же не хотелось обливаться холодной водой, бежать по холодному коридору в спальню, где печка к утру уже перегорала. Я сам «ловчил», но после того, как кто-то из «дядек» облил меня с головы до ног холодной водой, и мне мокрым пришлось бежать к вахмистру в цейхгауз за сухими кальсонами, я решил, что мыться холодной водой гораздо легче, чем обмануть «дядьку», а с годами это вошло в привычку. (За всё моё пребывание в корпусе я никакими кашлями, простудами не болел, даже моя малярия оставила меня в покое!)

Вернувшись в спальню, надо было быстро и аккуратно одеться, застелить наполовину кровать (оставляли проветриваться, летом открывали окна, а зимой форточку) и построиться в коридоре на утреннюю гимнастику. Тут мерзляки могли разогреться вольными

---

[17] Не в тон играть или петь (без слуха и голоса).

[18] Ловчить — ловчила – словчить. Избежать, незаметно обойти, нарушить правило или порядок.

упражнениями, приседанием и бегом на месте, а в хорошую погоду — бегом на дворе.

После гимнастики фельдфебель выстраивал роту по классам на молитву. «Дядьки» производили осмотр своих классов. Опрятность и чистота одежды тщательно проверялась, начиная с погон и до ботинок. Опытный глаз «дядьки» замечал малейшую неисправность: незастёгнутая или оторванная пуговица, складки на пузе, неаккуратно заправленные портянки и недостаточно блестящие ботинки. Проверяли шею, уши и руки. «Шея грязная, в ушах хоть огород разводи, а под ногтями пахать можно» — любимые разносы «дядек». Попавшиеся отправлялись мыться, начищать ботинки и «пахать под ногтями», и надо было торопиться, так как опоздавших в столовую сажали на левый фланг, где можно было остаться и без хлеба, и без чая.

После осмотра «дядьки» становились на правый фланг роты. Из дежурки[19] выходил новый дежурный офицер-воспитатель, который на последующие 24 часа постоянно находился в роте, и здоровался с кадетами. По команде «На молитву» старший церковник[20] читал «Царю Небесный...» После молитвы строем спускались на первый этаж в столовую на утренний чай. Если войти в парадную дверь и пройти вестибюль, столовая 2-й (а потом и 3-й) роты находилась с правой стороны, во Владикавказском коридоре, а столовая 1-й роты — с левой стороны, в Полтавском коридоре.

Столы и скамейки были расставлены перпендикулярно к стенке с окнами, выходящими на задний двор. В дальнем углу находилась икона-складень. Посередине — икона св. Николая Чудотворца, слева — св. Кузьмы Чудотворца и справа — св. великомученицы Екатерины. Все иконы — под золотыми ризами. (Икона-складень — Сибирского кадетского корпуса.)

За каждым столом сидели 10 кадет: пять — с одной стороны и пять — с другой. За первым столом, у иконы, в голове стола сидел офицер-воспитатель, затем «дядьки», и за остальными столами — кадеты старшего в роте выпуска. Все поворачивались к иконе, и опять старший церковник читал «Очи всех на Тя Господи уповают...» Когда садились, старший кадет стола первым брал кусок белого хлеба (обыкновенно горбушку), а остальное разбирали мы, стараясь схватить кусок побольше. Если на подносе попадалась вторая

[19] Комната дежурных офицеров—воспитателей.

[20] Прислуживающий в церкви.

горбушка, то тогда весь хлеб разыгрывали по способу «кому?» Отвернувшийся, не подглядывая, называл чьё-нибудь имя, и тому доставался указанный ломоть. Обычно везло Женьке Демьянюку или Павлику Кутепову. Женька съедал горбушку мгновенно, а Павлик, толстяк и неженка, ел её медленно, сначала выщипывая мякиш, а потом, отламывая мелкими кусочками корочку, медленно отправлял их в рот. Я почти всегда сидел рядом с ним, и не только мне, но всем нам казалось, что он нас дразнит. Хлеб был очень вкусный. Верхняя выпеченная корочка хрустела, а мякиш так замечательно пах, что иногда жаль было её есть. Чай умеренно сладкий, но горячий, — от него зимой грелись, а летом потели.

Я долго не мог привыкнуть к тому, чтобы, не отвлекаясь и не разговаривая, быстро съесть всё, что было подано, и многое у меня оставалось на столе. По команде «Встать! На молитву» есть было уже нельзя. Читалась молитва «Благодарим Тя Христе, Боже наш...», и рота строем поднималась к себе в классы.

В 7 часов утра проходил приём в лазарет, который большую часть года пустовал. Настоящих больных почти не было. Изредка попадал туда действительно простудившийся или умелый «ловчила». Чего мы только не придумывали перед экзаменами или письменными работами, чтобы попасть в лазарет хотя бы на день. Натирали докрасна подмышки, чтобы поднять температуру; полоскали горло солью, чтобы оно покраснело, и жаловались, что оно болит; глотали карандашный грифель, который, якобы, поднимал температуру; самый последний, с испокон веков испытанный приём, который обеспечивал минимум половину дня пребывания в лазарете, — наедались сырой картошкой. Доктору В. И. Алферову все эти ухищрения были давно известны, и он встречал «ловчил» во всеоружии. На столике в амбулатории уже стояла замасленная бутылка касторки, флакон с йодом, коробка аспирина, а с крючка угрожающе свисала клизма. Перед тем как измерить температуру мудрецу, усердно натёршему себе подмышки, доктор неожиданно спрашивал: «А куда тебе вставить термометр?» Пойманный врасплох «ловчила» начинал заикаться, и, получив от сестры милосердия Доминики Саменовны Жолткевич аспирин, возвращался в класс на растерзание строгих преподавателей. По указанию доктора, Доминика Семёновна раздавала соответствующие лекарства (по признакам «внезапных заболеваний»): наевшийся карандашного грифеля получал хорошую порцию касторки; «больное» горло густо мазали йодом, и только

бледный «ловчила», на которого начала действовать сырая картошка, оставался в лазарете на час или два, пока ему не поставят клизму. Это, кажется, был единственный приём, который освобождал «ловчилу» от первого урока, если он был готов перенести невзгоды — как «болезни», так и «лекарства». Не раз бывал у доктора Алферова и я, но всё даром. (На сырую картошку у меня не хватило храбрости.)

В это время кадеты сидели в классах на утренних занятиях. Повторяли уроки, выученные накануне вечером, а некоторые, вроде меня, впервые открывали книжки. В 8 часов, по удару небольшого колокола на лестнице и по звонку, начинались первые четыре урока до обеда. На первом уроке, когда входил преподаватель, дежурный по классу подходил с рапортом: «Господин преподаватель, во втором классе по списку кадет *столько-то*, в лазарете *столько-то* и налицо *столько-то*». Классный церковник читал молитву «Преблагий Господи...» Преподаватель здоровался с классом: «Здравствуйте, кадеты!», и после нашего ответа: «Здравия желаем, господин преподаватель!» командовал: «Сесть!» Рапорт дежурного предшествовал каждому уроку. Переменка между уроками давала нам десять минут «отдохнуть». После сорокаминутного «умственного напряжения» определённо хотелось размяться, и я пулей выскакивал в коридор. Конечно, нам не хватало времени на все затеи и игры, которые мы начинали, но я часто умудрялся своими проказами привлечь внимание офицера-воспитателя в первые же две минуты и угодить на штраф до звонка на следующий урок.

После четвёртого урока опять строем шли на обед. Друг у друга узнавали, что будет на обед, так как только любители знали наизусть всё расписание на целую неделю вперёд, висевшее в коридоре. В этом возрасте мы всегда были голодные, и могли есть когда угодно и сколько угодно, хотя нас довольно хорошо кормили.

Я до сих пор не могу забыть дебреценские колбаски с тушёной капустой, борщ и «джювеч»[21] тётки Харитины, её котлеты с макаронами, зразы с луковым соусом и фасоль с томатом в канун Корпусного праздника. Коржики! Разве можно забыть коржики? Коржики и котлеты у нас считались разменной валютой. Конечно, расплачиваться ими за услуги не разрешалось, но честь уплаты долга стояла выше наказания и голода.

За столами почти всегда сидели одни и те же кадеты, и со временем мы тонко изучили вкусы своих товарищей. Когда на обед по-

[21] Сербское блюдо из свинины с макаронами.

давали зразы с рисом и луковым соусом, я уже после супа начинал громко сморкаться и не особенно прятать запачканный платок от Павлика Кутепова, моего соседа. Когда на его тарелке появлялась зраза, обильно политая серым скользким луковым соусом, он отодвигал тарелку и закрывал рукой рот, а я уплетал две зразы.

Старшими за столами в этом году сидели кадеты XXII выпуска: Толя Взыск или кто-нибудь из братьев Михеевых — Максимилиан («Макс») или Михаил («Мориц»). Они следили за тем, чтобы мы вели себя пристойно, сидели прямо, держали обе руки на столе («Что ты там под столом делаешь рукой?»), не облокачивались на локти; аккуратно ели, держа ложку или вилку в правой руке, и не балаганили. Разговаривать запрещалось («Пока я ем, я глух и нем»).

Иногда, правда, получалось, что «яйца курицу учат».

Я не уверен, но мне кажется, что это был Толя Взыск, который очень шумно «сёрбал» суп, и я, заметив это, тоже начал громко тянуть с ложки суп. Весь стол, догадавшись, в чём дело, последовал моему примеру. На Толю это произвело должное впечатление, и его следующая ложка бесшумно отправилась в рот. Впоследствии, когда Толя сидел за нашим столом, я часто простаивал на штрафу, и считал, что он ко мне придирается, забывая о том, что и у других старших кадет я стоял не меньше, чем у него. Справедливости ради скажу, что когда я был в третьем классе, Толя не только научил меня играть в пинг-понг, но и посвятил во все премудрости этой, тогда ещё новой игры. После обеда мы возвращались в классы на последние два урока.

Наши педагоги умно распределили уроки: после сытного обеда, а особенно после двух зраз, заниматься арифметикой, физикой или химией не имело никакого смысла. Поэтому на послеобеденный период они оставили уроки рисования, пения, гимнастики и гигиены. Я наслаждался, когда было два урока рисования подряд. (Во II классе физики и химии ещё не было, они начинались в III и IV классах.)

С конца последнего урока, после молитвы «Благодарим Тебе, Создателю...» мы были «свободны» до чая в четыре часа. С этого часа до укладки мы находились под полным надзором «дядек». Поэтому я слово «свободны» поставил в кавычки.

В хорошую погоду ходили гулять на «холмы», на «пруды» или в Рудольф-парк. В плохую погоду на некоторое время выходили на задний двор, а остальное время проводили в классах. В этот же период, кто хотел, ходили в разные кружки, которых было уйма, и всех

я даже не перечислю. С первого года я попал, с разрешения М. М. Хрисогонова, нашего преподавателя, в кружок рисования, где пробыл все четыре года, не особенно регулярно его посещая, — надо же было поиграть в отбойку (волейбол) и в футбол.

Перед зданием корпуса находился садик и «треугольник», где гуляла 1-я рота, а дальше простиралось сравнительно ровное поле — бывший аэродром. На этом поле происходили строевые занятия, обыкновенно перед Ротным или Корпусным праздниками. Поле кончалось каштановой аллеей, которая вела из города в Рудольф-парк. Где-то посередине, между корпусом и парком, вдоль аллеи тянулись «холмы». Это были высокие насыпи, когда-то вырытые, как барьеры для стрельбища. Старшие кадеты рассказывали, что там находили свинцовые пули. Перед «холмами» играли в разные игры, а позади — играли в футбол. Играть в футбол строго запрещалось (во избежание серьёзных повреждений и порчи казённых ботинок), а «холмы» частично укрывали нас от офицеров-воспитателей, которые с третьего этажа в бинокль могли за нами наблюдать. Футбольный мяч с выпущенным воздухом проносился под шинелью или под гимнастёркой, конечно, с разрешения «дядьки», и на «холмах» надували его «губным» способом. (Тогда мячи имели внутреннюю камеру, которая часто пробивалась и требовала сложной починки.)

Если продолжить идти дальше по аллее, то мы приходили в Рудольф-парк, за которым протекала пограничная с Румынией речка Нера. По традиции считалось, что на Пасху надо было выкупаться в Нере. Меня это не привлекало, так как я не умел плавать, но всё-таки, когда предоставлялась возможность, заходил в речку и делал вид, что плаваю. Вода, конечно, была ледяная, в особенности, если Пасха была ранняя. Парк — довольно громкое название, так как это был лес с дорожками вдоль речки. Мы расходились группами и играли в «прятки» или в «казаки-разбойники».

В корпус возвращались по аллее, и почти всегда с песнями. Вот, когда я впервые услышал и выучил наш кадетский песенный репертуар. С песней всегда веселей и легче идти. Тем не менее, вернувшись назад в корпус, я ложился на кровать и клал ноги на цигель, чтобы, как меня учили старшие кадеты, кровь отлила от ног.

Цигель — в изголовье кровати была прикреплена деревянная планка в метр высоты, на верхушке которой прибивалась жестяная табличка малинового цвета, с фамилией кадета, написанной жёлтой краской. На крючке под цигелем почти у всех висели иконки.

В 1-й Роте Его Высочества периодически выпускался рукописный кадетский листок, под названием «Цигель», с юмористическим содержанием на злобу дня. Я помню, что в издании «Цигеля» принимали деятельное участие братья Мистуловы: Эльберт и Эльмурза («Мурза»), XXI выпуска. Передавался он тайно (из рук в руки), и я не уверен, видели его «звери» или нет.

После чая оставалось свободных полтора часа, в течение которых происходили сыгровки оркестра, спевки хора и посещение всевозможных кружков. Затем все расходились по классам, и начинались вечерние занятия — приготовление уроков в присутствии офицеров-воспитателей, которые к этому времени приходили в корпус. Вечерние занятия продолжались два урока с переменкой. Для большинства прилежных кадет этого времени вполне хватало, но для таких шалунов, как я, который занимался чем угодно, но не приготовлением уроков, конечно, времени не хватало, и, когда раздавался звонок к ужину, я непременно опаздывал. И опять наряды или штраф.

Некоторые предметы я любил и учил, другие учил только по необходимости. Первый и самый любимый предмет — история. Преподавал её во втором классе М. В. Тычинин («Тыча»), он же преподавал и русский язык. Я его плохо помню, также как и полковника К. Д. Красовского, который был у нас в третьем классе. Очевидно, что именно полковник Красовский заложил во мне первые семена любви к родной истории, которую мне последующие два года преподавал В. П. Курганский.

Второе место занимал русский язык, но не грамматика и синтаксис. Начиная с третьего класса, его преподавала Мария Мечеславовна Кожина («Пакля»). Ох и не любил я её! «Мягко стелила — да жёстко спать». Я только сейчас узнал её имя и отчество, а в кадетские годы она всегда для меня была «Пакля».

Дальше в перечне моих любимых предметов следовали: рисование, которое преподавали М. М. Хрисогонов, а потом Н. И. Александров, и гимнастика, которой руководил полковник П. В. Барышев. К остальным предметам я был равнодушен, — иногда учил, иногда нет. Однако я не любил и подчас просто ненавидел арифметику и немецкий язык.

Арифметику, по учебнику Л. М. Рыбкина, преподавал полковник Даниил Даниилович Данилов («Де в кубе»). Он никогда не носил формы, хотя, как я узнал из «Памятки», был полковником. Его сухое, однообразное преподавание и так трудного предмета, и его,

обижающее нас, кадет, обращение: «Вам, госпожа, коров пасти, а не математикой заниматься»[22], возможно, настроили против него и, вместе с тем, против всего предмета. Плюс, у меня непонятным образом появилось довольно глупое предубеждение, что я в будущем буду военным и мне математика не нужна.

Немцев я не любил, и поэтому вообще отказался учить немецкий язык, который преподавал В. Н. Кожин («Бульдог»), и, получив семнадцать единиц подряд, этим побив рекорды всех наших корпусов, возненавидел как язык, так и очень доброго и прекрасного преподавателя. (Потом, во время войны, очень жалел, что не учил немецкий язык.)

На вечерних занятиях (на первом уроке) я пытался одолеть арифметику и решения многочисленных задач; грамматические правила и упражнения русского языка, постоянно повторяя слова на букву «ять», которые, хоть убей, не мог запомнить. Учил Закон Божий, чтобы не огорчать батюшку о. Иоанна Федорова, но часто — кое-как. «Князю» Кучинову, который сидел позади меня, приходилось часто мне подсказывать. Он знал Закон Божий лучше многих из нас, хотя и был буддистом. Остальные предметы я и не трогал, надеясь на то, что запомнил всё во время урока. На втором уроке я читал. Иногда — заданное по курсу, но чаще — книги, взятые в библиотеке. Чтением, по-моему, увлекались все у меня в классе. К примеру, мне пришлось долго ждать, пока пришла моя очередь получить «Айвенго». Читали мы запоем — на вечерних занятиях, украдкой под партой на уроках, вместо прогулок, и, «словчив» от церковных служб, в субботу и в воскресенье под кроватями в спальнях. (Чтобы читать по ночам под одеялом, имели мы и электрические фонарики, однако батарейки скоро садились, а новые по нашим ресурсам стоили дорого.)

К концу вечерних занятий в расположении роты опять появлялись «дядьки», и по звонку фельдфебель выстраивал роту на ужин.

В столовой пелись молитвы. Кроме «коржиков»[23], которые все любили, на ужин давали макароны с мясом, картофельное пюре с копчёным салом, рагу, фасоль с томатом и наши знаменитые котлеты, величиной с ладонь, с разным гарниром. Ел я котлеты и после корпуса, так почему же мне кажется, что таких вкусных, сочных, с поджаренной корочкой, котлет, я никогда больше не пробовал?

[22] Д. Д. Данилов преподавал математику и в Мариинском Донском институте.
[23] Круглый корж из теста с молотыми шкварками.

По окончании ужина, поротно, в своих коридорах, весь корпус, по сигналу горниста «Сбор», выстраивался на «Зарю». Ротный фельдфебель командует: «Рота становись!.. Равняйсь!.. Смирно!.. По порядку номеров рассчитайсь!» Получив число от левофлангового, командует: «Вольно!» и докладывает дежурному офицеру-воспитателю: «Господин полковник, во второй роте в строю *столько-то* кадет». И становится на правый фланг роты. Офицер-воспитатель читает приказ по корпусу и делает сообщения, если таковые есть. Горнист даёт сигнал «Повестка». Фельдфебель производит поверку, читая фамилии кадет по классам в алфавитном порядке, на что кадеты отвечают «я». За отсутствующих отвечает старший кадет класса: «В лазарете» или «В отпуску». Дальше читался наряд на следующий день: дежурные по классам, дневальные по спальням, дежурный по коридору. Горнист играет «Зарю», ротный запевала даёт тон «до-ля-фа». Рота поёт «Отче наш...» и «Спаси, Господи...» Церковник читает краткий синодик — «Упокой, Господи, рабов Твоих: Государя Императора Николая Александровича, Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича, Короля Александра Объединителя, шефа нашего корпуса Великого Князя Константина Константиновича, боярина воина Петра, воина Бориса, новопреставленных (имена тех, кто умер) и всех воинов на поле брани живот свой положивших». Горнист трубит «Отбой». Офицер-воспитатель желает кадетам спокойной ночи, и фельдфебель подаёт последнюю команду: «Разойтись!»

Укладка

В моём выпуске, во втором классе, было 47 кадет, и все спали в одной спальне. Кровати размещались в длину комнаты: по две вместе и две - в изголовье. В ногах и по краям были проходы. В ногах стояли табуретки, на которых лежали чемоданы с нашими вещами. Высокие окна с форточкой выходили на передний фасад здания. В пролётах между окнами висели шинели, а на полках лежали фуражки. На одной из свободных стенок висели полотенца, на полочках лежали мыло и зубной порошок. Около двери в углу стояла высокая чугунная печь и мусорный ящик. Как часто, «дядьки», сжалившись, зимой ставили нас на штраф не в холодном коридоре, а около мусорного ящика (хорошо мне знакомое место).

Почем-то укладка осталась у меня в памяти, как самое интересное время из целого дня. Надо было быстро помыться, подтянуться

несколько раз на лестнице и скорее бежать в спальню, а то там могли «подставить» кровать или подстелить «мешок».

Наши железные кровати разбирались на две спинки и две боковых жерди, на которых в длину лежали доски, матрац, набитый соломой, две простыни, подушка и одеяло. Осторожно вынув из пазов спинки боковую жердь и вложив её обратно только так, чтобы она еле держалась, «подставлялась» кровать. К тому же, для уверенности, что кадет раскачает кровать, в самой кровати стелился «мешок». Верхняя простыня складывалась пополам и на нижнюю часть клалась подушка, а верхняя половина закатывалась на одеяло, как должна выглядеть застеленная кровать. Когда кадет, укладываясь спать, бережно старался залезть под простыню, чтобы не портить аккуратно застеленной кровати и сэкономить время завтра утром, опять её застилая, его ноги на половине кровати упирались в «мешок», и он, конечно, стараясь его проткнуть, раскачивал кровать, которая разваливалась. Ему потом, бедняге, надо было наново собрать всю кровать и постель. Всё это я, как новичок, испробовал на «собственной шкуре» и сам выучил премудрость этих шалостей, которыми неоднократно пользовался.

В половине десятого тушился свет и горел только «ночник». К этому времени все должны были лежать в кроватях на правом боку и держать левую руку поверх одеяла. Спали мы в одних рубашках, а кальсоны, сложенные аккуратным квадратом, лежали на гимнастёрке и брюках, тоже сложенных квадратом на чемодане в ногах кровати. «Дядьки», перед тем, как самим ложиться спать, обходили спальни и сбрасывали неаккуратно сложенные кальсоны на заснувших кадет. Поздно ночью сам директор с дежурным офицером-воспитателем иногда обходил все спальни корпуса.

Владимир Васильевич Казимиров, кадет 43-го выпуска Донского корпуса, мне рассказал, что у них были «дядьки», которые линейкой проверяли квадраты сложенных кальсон.

На укладке устраивали «бой подушками». Сбивали пух в подушках в один конец, и этим «оружием» тузили друг друга. Устраивали «кучу малу». В большинстве случаев она начиналась случайно и не обязательно в спальне. Во время возни или случайной драки, когда кто-то оказывался на полу, с криком «куча мала» кидались на лежащих. «Куча» иногда доходила до больших размеров, и внизу лежащим приходилось туго. Не раз побывав на дне «кучи» и выдержав тяжесть чуть ли не целого класса, я на другие «кучи» старался по-

пасть повыше. Поводов к тому, чтобы устроить «кучу малу», было много. Кроме того, что это перебивало монотонность нашей однообразной жизни, она имела и некоторый воспитательный характер. Разнимали двух драчунов и не давали возможность сверху сидевшему «тузить» лежачего, по старой военной традиции — «лежачего не бьют».

«Выжимали масло» из толстяков без всякой причины, или нарочно (Павлик Кутепов). За партами мы сидели по двое, кто-нибудь подсаживался с края, и из среднего давили «масло».

Удобнее всего устраивать «тёмные» было в спальнях. Провинившегося кадета накрывали одеялом и били. За все эти годы, что я провёл в родном корпусе, я помню один такой случай — за «ябедничество»[24]. Кадетская среда не переносила доносов, ябедничества и воровства в своей среде, и с виновными сама расправлялась. Это была часть наших традиций.

За все эти шалости нам попадало, но не от «дядек», а от «зверей». Так как виновных, в большинстве случаев, не оказывалось, выставляли всю спальню на продолжительный штраф или оставляли класс без отпуска.

Воскресенье

По воскресеньям и праздникам распорядок дня менялся. Вставали мы в 7 часов, и всё равно «дядькам» приходилось нас вытаскивать из кроватей. Также занимались гимнастикой, пили утренний чай с хлебом и добавочным маслом и шли на утренние занятия. Так как офицеры-воспитатели на них регулярно не присутствовали, то толку от этих занятий было мало. Конечно, прилежные кадеты занимались, — нам на понедельник задавали больше, чем среди недели. В моей, тогда ещё глупой башке, никак не совмещались воскресенье и уроки. Если я не читал какую-нибудь интересную книгу или не писал на пару с Женькой Демьянюком стихи, то рисовал.

К десяти часам надо было быть в церкви. Нам выдавали парадную форму. Любил я её, в особенности наши летние белые рубашки — чистые, свежие, от них так чудно пахло не то травой, не то мылом или цветами, каким-то таким знакомым запахом — домашним. Доставали из под матрацев брюки, что запрещалось (надо было их сдавать в цейхгауз), которые там, завёрнутые в простыню, «гладились». Перед тем как одеться, надо почистить пуговицы на рубашке,

[24] Выдача или донос на товарищей «зверям».

бляху и ботинки. Пуговицы мы чистили «Сидолью»[25] на «гербовке»[26]. Так как у меня её не было, а у тех, кто имел, образовалась очередь, и ждать было долго, я зажимал пуговицу между пальцами и, налив на тряпочку «Сидоли», чистил, предпринимая все осторожности, чтобы не запачкать рубашку. Суконкой или, если её не было, концом одеяла, доводили пуговицы и бляху до «ослепительного блеска». «Дядьки» выстраивали класс в одну шеренгу и тщательно проверяли нас, придираясь к самым мельчайшим пустякам: блеск пуговиц на рубашке и погонах; бляха наоборот, или висит на пузе; не торчат ли портянки из-под брюк; не болтаются ли шнурки. А если брюки превратились в «макароны», в исключительных случаях разрешали в комнате «дядек» погладить утюгом. «Дядьки» показали, как безошибочно надевать бляху: если её держать в правой руке, никогда не ошибёшься. Длина пояса на бляхе должна была быть в обхват головы. С нас этого ещё не требовали, но проверяли, проходит ли палец между поясом и гимнастёркой. Недаром нас гимназисты дразнили:

Кадет на палочку надет,
Затянулся в корсет,
Вздохнул и умер!

Фельдфебель выстраивал роту по общему ранжиру (по росту).

— Становись...

И шеренга, начиная от правофлангового, виляя, как змейка, вытягивалась в длинную, ещё живую линию, почти до конца коридора.

— Равня... йсь, — тянет фельдфебель и подходит к правофланговому, чтобы выровнять шеренгу.

— Середина... подай вперёд, левый фланг... назад.

Рота выровнялась, как стрела, и замерла.

— Смирно!

Фельдфебель обходит роту, делая отдельные замечания:

— Убери живот... руки назад! Вот так и в церкви стоять.

Разбив по рядам, как стоят в церкви (кажется, по пяти), отдаёт команду:

— На первый, второй рассчитайсь!

---

[25] Жидкость для чистки меди.

[26] Железная или деревянная планка с отверстием, куда зажимались пуговицы с российским гербом, чтобы не пачкать рубашку.

Понеслось, удаляясь по шеренге: первый... второй... первый... второй... с отчётливым поворотом головы в левую сторону, пока не дошло до левофлангового первого класса Федорова, который спокойно, довольно тихо заявил:

— Первый.

Фельдфебель погрозил ему кулаком, на что Федоров ему ответил скромной улыбкой. Федоров был ротным любимцем, и это повторялось на каждом построении. Вся рота ждала, когда он выговорит свой номер (иногда — первый, иногда — второй). Фельдфебель его никогда не наказывал. (Вот запомнилась такая мелочь, а имени его не помню.)

— Ряды вздвой!

Шаг назад и шаг вправо, отчётливо приставили ногу.

— Направо сомкнись... Равняйсь... Смирно!

Стоит рота, не шелохнётся.

— Направо... Шагом марш!

И ведёт роту по лестнице вниз в зал. Перед входом в зал, который сейчас нам служит как церковь, фельдфебель командует:

— В одну шеренгу стройся!

И мы по одному входили в церковь, и по пяти становились с левой стороны зала. «Дядьки» выравнивали шеренги, а затем становились у стенки за выступом арки.

Сразу за нами входила Рота Его Высочества. Ещё издалека мы слышали тихие, но отчётливые шаги, и хотя нам нельзя было поворачиваться, мы осторожно, с большим любопытством оглядывались на старших кадет. Они заходили ровными шеренгами на правую сторону, останавливались на своих местах и, как один, тихо, почти бесшумно поворачивались налево. Красота! И так — вся рота.

Посередине зала, между ротами, был оставлен широкий проход, на котором лежала ковровая дорожка, и перед алтарём стоял аналой. За белыми перегородками со стилизованным Владимирским крестом, которые выставлялись, обозначая клиросы, с левой стороны уже стоял хор под управлением М. С. Собченко. Из боковой двери выходил «Генпоп» в сопровождении дежурного по корпусу кадета. Директор становился сразу за хором на маленьком коврике, а дежурный кадет — позади него, с левой стороны, и служба начиналась.

Стоять в церкви смирно и не шевелиться — нелегко, а выстоять так всю службу, без привычки, даже очень тяжело. Для меня это было впервые. Незаметно переминаться с ноги на ногу, оказалось,

ещё хуже. Позади, у стенки, стоял «дядька», я его не видел, но чувствовал, как его пристальный взгляд жёг мне затылок. Посмотрел на соседей: стоят спокойно, — вот, что значит практика! Слева от меня стоял Верчик Александр (кажется), а у стенки, перед «дядькой», торчало пузо Павлика, он усердно крестился. Женька стоял позади меня (он был выше ростом).

Понравилось мне пение хора, хотя сам был «козлом»[27]. Особенно мне запомнился Михаил Степанович Собченко, наш преподаватель пения и регент церковного хора, который, стукая камертоном по голове кого-нибудь из «козливших» хористов, задавал тон.

Чтение Апостола, как в этот первый раз, так и впоследствии, всегда привлекало моё внимание. Его читали басом кадеты Роты Его Высочества: Лашкарёв Александр («Ушкарь», XIX выпуска) и Бабушкин Владимир (XXI выпуска).

Лашкарёв, останавливаясь перед аналоем, перед тем, как начать читать, закрывая одной рукой ухо, задавал себе тон «ми...», который мы слышали.

«Верую...», которое я тогда не знал, пели всем корпусом, а на «Отче наш...», которое я знал, становились на колени. Пока опустишься на колени и потом поднимешься, можно было немного размяться. Я должен признаться, что тогда, в тот первый день, под конец я уже не молился, а ожидал конца службы. Когда церковники начали закрывать алтарь панелями с разрисованным Кремлём, и фельдфебель тихо скомандовал: «Направо! Шагом марш!», всё моё тело ныло. Бодрый шаг до помещения роты вернул к жизни мои закоченевшие суставы. Тем не менее, когда нас распустили, чтобы переодеться в повседневную форму, я лёг на кровать и поднял ноги на цигель (уже испытанный способ после футбола) — дать ногам отдых.

Как быстро в детстве мы одолеваем те тяжести, которые нам попадаются на пути? К концу года я спокойно простаивал всю службу, и потом уже не задирал ног на цигель. Запомнив распорядок богослужения, прислушиваясь к песнопениям и ожидая те, которые мне особенно нравились, я неизменно, после службы, чувствовал себя как-то радостно и спокойно. Это совершенно не мешало мне «ловчить» от церкви, но не потому, что я не хотел идти на службу, а потому, что мне надо было дочитать интересную книгу, которую надо было уже возвращать в библиотеку, или находились ещё какие-

[27] Без слуха и голоса.

нибудь глупые причины, которые могут показаться очень важными в двенадцать лет.

Переодевшись в повседневную форму, мы шли на обед, который не отличался от каждодневного. После обеда — прогулка, потом — чай с булкой, и в остальное время (до ужина) — прогулка на дворе. После ужина бывали лекции, доклады или какие-нибудь выступления, или вечерние занятия. Укладка спать — и день кончался, а завтра уроки... Какие уроки? А что было задано?

И так изо дня в день! Кажется монотонным? О нет! Каждый день приносил новые впечатления, всё новые и новые испытания, с которыми изобретательная кадетская натура гордо справлялась. Недаром кадеты Суворовского корпуса, у которых на погонах был вензель — Сув с точкой, сдирали точку, ссылаясь на то, что Суворов ни перед чем не останавливался, — и мы тоже. Это нам «дядьки» рассказали.

Наш зал

Пока идёт служба, и я первый раз стою в нашем зале, который на сегодня преображён в церковь, и, несмотря на то, что слежу за службой и стараюсь молиться, зал на меня производит огромное впечатление. Он описан почти во всех «Памятках» и во многих кадетских изданиях, но я хочу о нём написать от себя.

Я стою в середине шеренги, между третьей и четвёртой аркой. Всего в зале восемь пологих арок, которые покоятся на выступах примерно пятьдесят-шестьдесят сантиметров в длину (от стенки) и двадцать сантиметров — в ширину. В зале светло и празднично. Светло потому, что в каждом пролёте с фронтовой стороны большие высокие окна. Утреннее солнце освещает всю правую сторону зала. А празднично потому, что зал белый, и только на высоту в полтора метра от пола выкрашен глянцевитой тёмно-малиновой краской. Мне стало как-то тихо, приятно-празднично.

Церкви в Скопле, в которые я ходил с покойной матерью и с отцом, были старинной византийской архитектуры, довольно мрачные, и стены в потемневших от времени росписях и фресках, правда, располагали к молитве, но меня пугали. В раннем детстве, я, стараясь побороть страх, был беспокойным и шалил.

Сейчас, стоя в нашей светлой церкви, чувствуя тихую радость праздника, отдыха, хотелось благодарить Бога за духовное обогащение, за мир и спокойствие в душе. Возможно, что тогда, в моё первое

воскресенье, я все эти чувства ещё не осознавал, но со временем они осели в глубине потаённых хранилищ моей души. Я часто говорю: «Родной корпус», — он стал мне родным, и также наша беленькая церковь стала мне родной.

Алтарь, который возвышался на три ступеньки, занимает два пролёта, и клирос, где стоит хор, — один пролет. Иконостас перед алтарём — классического стиля, белый, с золотой оправой; замечательные иконы — в неоклассических арках (под Васнецова). В алтаре вижу запрестольную икону «Нерукотворный Спас». (Потом я узнал, что это знамя Сумского кадетского корпуса.)

Моё внимание сразу привлекли надписи над арками, которые я не сразу мог прочитать, так как они были написаны стилизованным шрифтом, с которым я не был знаком. Надпись над алтарём была первая, которую я полностью разобрал: «Не в силе Бог, а в правде» (Александр Невский). Это мне понравилось. «Бог правду видит, да не скоро скажет», — так часто повторял дядя Ваня, вестовой отца. По бокам надписи нарисованы ордена. Что это орден, я догадался, но какой?.. Форма была такая же, каким был крест у отца, который я не раз держал в руках, но этот, на арке, был чёрного цвета, а у отца — малинового. (Орден был св. Александра Невского, а у отца — св. Владимира.)

На арке, перед которой я стоял, была длинная надпись, и по бокам — золотой вензель Императора Николая II (которому и принадлежат эти слова). Я долго её разбирал, и, по правде сказать, не очень старался, ведь надо же было и креститься, и с преклонной головой слушать Евангелие, но к концу службы я всё-таки её разобрал: «Только та страна сильна, которая свято чтит заветы родной старины». Я сообразил: надо учить историю, это легко.

Надпись на арке в самом алтаре я не разобрал. Её никогда полностью не было видно с того места, где я стоял, и прочитал я её всю уже в третьем классе, когда начали учить порядок церковного богослужения, и каждый из нас назначался в алтарь держать двери, когда батюшка выходит и входит. (Переписываю её из «Памятки»: «Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною», от Матфея 26, 40)

Остальные надписи я читал, когда церковь закрывалась разбирающейся перегородкой с громадной, во всю арку, картиной Кремля, нарисованной кадетом Прутковым Крымского корпуса, и превращалась в парадный зал.

На следующей арке, на противоположной от алтаря стороне, был нарисован беленький орден св. Георгия Победоносца, который

я тоже узнал, и надпись: «Храбрым — бессмертие». Я ещё не совсем хорошо понимал, что такое бессмертие, и храбрость представлял себе очень смутно, но решил расспросить «дядьку», и этому научиться.

Следующая арка: «Один в поле и тот воин». Это мне было совершенно понятно: сколько раз мне приходилось одному защищаться от целой кучи сербов. Это девиз Виленского военного училища, и по краям нарисован их значок: прямоугольный крест, концы которого поделены пополам и покрашены в чёрный и жёлтый цвет.

Дальше, между Российскими Императорскими гербами: «Жизнь Родине — честь никому». Тут у меня возник вопрос: значит, кроме Бога, жизнь моя принадлежит и Родине? Вспомнил я, что отец как-то говорил: «Береги честь смолоду...», и ещё там что-то... Это смутное понятие о чести опять заставило меня обратиться за разъяснением к «дядьке».

Следующая надпись — девиз лейб-гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка, в котором служил покойный первый директор корпуса генерал-лейтенант Б. В. Адамович: «Рассеяны, но не расторгнуты». Смысл девиза до меня не дошёл. Что рассеяно и кто не расторгнут? Тоже надо с «дядьками» переговорить. По бокам надписи — полковой значок в форме удлинённого белого креста, который я видел на портрете, нарисованном нашим преподавателем рисования М. М. Хрисогоновым.

На последней арке, у входа в зал, перед сценой, девиз родного корпуса: «Помните, чьё имя носите» (Цесаревич Константин Павлович), и наш корпусной жетон. Это изречение мне было хорошо знакомо, правда, не во множественном числе и не в этом падеже, но суть одна и та же. Отец мне не раз повторял: «Помни, кто ты».

Сцену, то есть разрисованный плафон сцены, я подробно рассмотрел потом, когда мы бывали на праздничных представлениях. К великому своему удовольствию, я, на этих копиях иллюстраций русских сказок моего любимого художника Билибина, нашёл давно знакомые сюжеты: проснувшегося Иванушку, который успел выдернуть золотое перо из хвоста жар-птицы (это была моя первая работа красками, где, заполняя обведённые контуры краской, я впервые держал в руке кисточку), «Избушка на курьих ножках», «Кощей Бессмертный», «Баба-яга в ступе» и другие сюжеты, так умело собранные в одно целое панно кадетом Крымского корпуса бароном Корфом, настойчиво твердили: «Тут русский дух, тут Русью пахнет...»

Конечно, все эти подробности я узнал гораздо позже. То первое, самое сильное впечатление, которое остаётся на всю жизнь, несмотря ни на какие перемены в дальнейшем воспитании: в чужой окружающей среде с постоянным влиянием как моральным, так и духовным, во мне оставило навсегда непоколебимую веру в Бога и Церковь и возбудило детское любопытство к нашим, как кто-то их назвал: «говорящим стенам».

Первый отпуск

Как я не старался вспомнить последовательно и подробно это полугодие, у меня ничего не вышло. Я даже заглянул в «Памятку». Там в Хронике всё написано — все главные события, которые я совершенно не помню. Забыл — и всё. Конечно, я бы мог описать все наши праздники так, как я их запомнил в последующие годы, но кривить душой не буду и опишу их в хронологическом порядке. Некоторые моменты всё-таки остались в памяти: бесконечные строевые занятия с репетициями парадов, производства в вице-унтер-офицеры на Корпусной праздник и на праздник Роты Его Высочества. Нашего праздника 2-й роты вообще не помню. Вспомнил, что несколько раз, по воскресеньям, ходил в отпуск. Это было в самом начале года, когда мне, после сдачи строевого экзамена, выставили «пятёрку» по поведению, которая продержалась недолго. Тогда я побывал в городе у Семёна Николаевича («Сёмки») Боголюбова, который преподавал географию и природоведение. Меня пригласил его сын, мой одноклассник Ника, по наследству — тоже «Сёмка». Я плохо помню его маму, Елену Михайловну, но хорошо запомнил его сестру Тасю. Тоненькая высокая девица со светлыми косичками, по лицу которой можно было сразу узнать, что она сестра Ники. Меня угостили ароматным чаем с печеньем, а Семён Николаевич расспросил меня о родстве с М. Ю. Лермонтовым, на что я не мог ему подробно ответить, так как сам мало об этом знал.

В одно из таких счастливых воскресений, когда полковник Зиолковский, мой классный офицер-воспитатель, выдал мне целых два динара, из денег, которые присылал мой отец, я мечтал пойти прямо в кондитерскую «Могоша» и съесть его знаменитый «наполеон», что считалось «сверх блаженством». (Счастливое детство! Сколько раз потом менялись эти степени блаженства!) К «Могошу» я не пошёл, — меня предупредили, что там много старших кадет, и во избежание возможных последствий, лучше пойти к «Побединской», где за

те же деньги можно съесть два пирожных. Действительно, у «Побединской» «чёрных шинелей»[28] не было, и я среди своих, чувствуя себя свободно, слопал две трубочки с кремом. А потом болел живот. Сладкое я не люблю. Не то что не люблю, а равнодушен — могу есть, а могу и не есть, — таким остался и по сей день.

Занятия кончились в конце декабря. Когда полковник Зиолковский сообщил мне, что отец берёт меня на рождественские каникулы домой, моей радости не было конца, и в то же время — удивлению, так как я не мог себе представить, каким образом у отца нашлись деньги на мою поездку. Ему, наверное, пришлось очень экономить из и так скудного жалованья.

Помню поезд, который направлялся из Белой Церкви в Белград, переполненный кадетами, уезжающими на рождественские каникулы. Все мои скоплянцы (все жили в городе Скопле) сели вместе. В Белграде пересели на другой поезд, который нас довёз до Скопля.

....

Каникулы промчались быстро, но я не жалел, и с радостью возвращался в корпус.

1938 год (второе полугодие)

Корпус меня встретил дружной кадетской семьёй. Начались занятия, и я опять втянулся в строго распределённый уклад нашей жизни. Пока были ещё свежи рождественские впечатления, мы с Женей делились своими переживаниями и, конечно, писали стихи. Я задумал писать роман о пиратах и красавице Анжелике. Женское имя должно было обязательно начинаться на «А». Для этой цели я разделил мою исписанную черновую тетрадку на две части, снова каждую сшил, и получил от полковника Зиолковского две новых. В одной из тетрадей начал писать первую главу. К «настоящему» роману понадобились иллюстрации, к которым я немедленно приступил. На заглавной странице красовался трёхмачтовый корабль под вздутыми ветром парусами, волнистое море, а на горизонте — большое солнце. Корабль был нарисован чёрным карандашом, море — синим, а солнце и название «Анжелика» — красным карандашом. На этом мой «роман» закончился, вся тетрадка была заполнена парусными кораблями разных видов и размеров, и, по моей неосторожности, была отобрана полковником Зиолковским.

[28] Кадеты Роты Его Высочества.

Регулярно занимался гимнастикой и лазил по канату до потолка. По вечерам подтягивался на лестнице, — «Шарик» уже не должен был меня заставлять.

Из-за плохой погоды мы чаще оставались в помещении роты и играли в разные игры, а когда они надоедали, выдумывали новые. Так как в коридоре бросать мяч было строго запрещено, мы играли, подбивая его головой, и так доводили до гола противника — ширина коридора, и забивали гол. В классе за партами или за столом играли в «Бобчинский-Добчинский, руки на стол», или обманывали — «под стол!» Можно было играть вдвоём, но чаще — садились по два-три кадета напротив друг друга и старались спрятать пуговицу или деньгу в руках, которые по команде надо было выложить на стол. Те, кто сидел напротив, старались угадать, под какой ладонью пуговица, и прибегали к всевозможным разрешённым уловкам и обманам. Надо было слушать только того, кто командовал, и только по его команде «убери» — убирать руку. Если в руке оказывалась пуговица, то прячущая сторона выигрывала и прятала опять, но если он сказал «дай», и там была пуговица, то они её получали и начинали сами прятать.

Была ещё игра в «зёську»[29], и мне никак не удавалось побить Толю Шеховцева («Зёську»).

Сначала надо было смастерить эту «зёську». Из старых тряпок вырезали квадраты или круги и, сложив в стопку, прошивали их насквозь посередине. Чаще всего употребляли две пуговицы. Потом каждый кусок, с края до пуговицы, нужно было разрезать на тонкие полоски, распушить, и получалось что-то вроде лёгкого мяча. Определялись голы. В коридоре — по просветам окон, а в классе — от стенки до стенки перед доской. Подбивая ногой «зёську», играющий пододвигался к противнику и бил по голу. Если «зёська» во время хода падала на пол, противник получал ход и наступал тем же способом. Толя в этой игре всех побеждал, и я не помню, получила ли эта игра название по Толиному прозвищу, или наоборот. Он сидел на первой парте, с правой стороны, у окон, с Вениамином Стекольниковым («Бараном»), который беспрерывно теребил Толе ухо.

В феврале посетил корпус высокопреосвященнейший митрополит Анастасий. Я первый раз присутствовал на архиерейской службе, из которой в памяти остались только два момента. Первый: служба была торжественная и очень длинная, и второй: запомнились иподиаконы, одевавшие митрополита и подававшие ему светильники (дикирий и трикирий).

[29] Мяч из тряпок.

Великий пост впервые оставил на меня незабываемое впечатление, которое сохранилось на всю жизнь. Батюшка о. Иоанн, которого мы очень любили, и на уроках, даже не сговариваясь, сидели тихо и мирно, рассказал нам, приводя понятные нам примеры о важности и необходимости Великого поста. На каждое особое посвящение поста (смирение, прощение и покаяние) о. Иоанн привёл наглядные примеры из нашей кадетской жизни, которые на меня произвели огромное впечатление. Я перестал задираться, спорить и драться. Начал лучше учиться и вести себя спокойнее. Очевидно, это заметил полковник Зиолковский, так как к Пасхе мне прибавили балл за поведение (с «единицы» на «тройку»).

Я не помню, каким образом я скатился с «пятёрки» на «кол» в первый же год. Предполагаю, что за драки, к которым я тогда был большой охотник, — надо же было установить своё место, мне, новичку, в классной иерархии.

Корпус постился на 1-й, 4-й и 7-й неделях и говел на Крестопоклонной неделе. На всю жизнь я впитал то молитвенное спокойствие, я бы даже сказал: блаженное состояние, во время продолжительных великопостных богослужений, с бесконечным чтением псалмов и молитв. Глубоко, на всю жизнь запомнилась покаянная молитва Ефрема Сирина: «Господи и Владыка живота моего...» Также помню, как во время чтения шестопсалмия, я, да и не только я, но все мы ждали того места, где чтец с особым выражением, за что рисковал быть наказанным, произносил: «...и зубы грешников, сокрушил еси ...», мы со сдержанной улыбкой переглядывались. Во время поста это звучало особенно сильно. Также помню, и это уже не в посту, как чтецы на клиросе умудрялись, за коржик или за котлету, читая это же самое место, быстро произнести: «...и зубы Грещенко сокрушил еси ...» Полковник А. К. Грещенко был офицером-воспитателем и ктитором церкви.

От этих длинных, монотонных служб я в этот первый год не «ловчил». Меня покорило это тихое, спокойное чувство перемены всего уклада нашей жизни. И не только я переменился, но и все мои товарищи менялись в этот период. Заметно прекратились смех и шутки, в коридорах не было видно возни и штрафных, прекратились всякие игры.

В течение всего поста, в среду и пятницу, подавали постную пищу, которую я очень любил: картофельные котлеты с грибным соусом, рисовые котлеты с черносливом, оладьи с мёдом и знаменитый постный борщ с маслинами и сушёными грибами. В борщ, очень редко, но по-

падали с грибами и червячки. Мы ходили к батюшке повторно исповедоваться — съел, мол, мясо. Батюшка заставлял нас класть земные поклоны не за червяка, а за то, что несерьёзно относились к посту.

Когда мы говели на Крестопоклонной неделе, меня поразила полная тишина, наступившая в роте. Смутно помню мою первую исповедь... тёмный алтарь, еле мерцает одинокая свеча на подсвечнике, у аналоя тёмная фигура о. Иоанна. На всю жизнь, после исповеди, осталось неизменное радостное чувство духовного обновления, когда на душе становится так легко и свободно.

Пасхальные каникулы я провёл в корпусе. Опять должен признаться, что от этого года мало что осталось в памяти. Помню, с каким восторгом я надел первый раз белую рубашку к Заутрене, крестный ход вокруг здания, «колокольный звон» (я не знал, откуда он идёт), христосование с директором корпуса; пасха и куличи; катание яиц и больной живот после того, как я съел все выигранные яйца.

После Пасхи быстро вернулось моё нормальное воинственное настроение, и последние три месяца, до конца учебного года, промчались почти незаметно.

Корпус кончал XVIII выпуск. Прочитав в «Памятке» список выпуска, я, конечно, вспомнил всех. Однако тогда в памяти остались только некоторые. Вице-фельдфебель Пётр Маслов, в последний раз, перед концом года, зашёл к нам во вторую роту, и мы его чуть не растерзали. Смуглый, невысокого роста, хороший гимнаст, он был полным воплощением того облика настоящего кадета, которым мы стремились стать. Это был наш «бог», недоступный нам, малышам. Мы его видели только на построениях всего корпуса. Мне так хотелось, хотя бы до него дотронуться, и я, пробившись через кучу окружающих его кадет, всё-таки добрался до его руки и, крепко пожав её, что-то ему пожелал. Фельдфебель 2-й роты вице-унтер-офицер Коля Каменев, которого я очень боялся, а он на самом деле был добрый и ласковый. Конечно, запомнил знамёнщика вице-унтер-офицера Юру Ламзаки и кумира всех гимнастов вице-унтер-офицера Костю Курицкого. Ещё остался в памяти, за его институтские проказы, смуглый красавец-ухажёр князь Голицын Кирилл, и, как ни странно, запомнился правофланговый вице-унтер-офицер Плотников Борис и левофланговый — Иованович Велимир.

Вопреки полученным хорошим отметкам во время поста, которых не хватило на годовой переходной балл, я уехал домой на летние каникулы с двумя «дрыгами»[30] — по арифметике и русскому языку.

[30] Переэкзаменовки.

....

Кадетский корпус в 1938—1939 годах, III класс

Сборы мои были невелики. В мой небольшой чемодан, кроме формы и книжек, которые я брал из корпуса на лето, поместились: мёд, коробка рахат-лукума и повидло из слив, подаренное нашей хозяйкой. Я ей собирал сливы с самой верхушки дерева.

Отец проводил меня на станцию. Посадил, как всегда перекрестил и на ходу выпрыгнул из поезда. Чуть было не опоздали. В этот раз мы ехали без старших. Сидели все вместе: Юра Козорез, Саша Шпора и Жорж Козловский (XXV выпуска). Каждый делился своими летними воспоминаниями, но никто не вспоминал «дрыги». У кого-то нашлись печенья, и когда мы подъезжали к Нишу, от моего повидла уже ничего не осталось. Угостили, конечно, и кондуктора, которому было поручено за нами присматривать. Я вылизал баночку, и в Нише, где поезд стоял несколько минут, мы все успели из неё напиться воды.

Уже стемнело, когда мы приехали в Белград. Я был очень собою доволен, что, не блуждая, добрался до Ольховских. Напоили, накормили и спать уложили. Я до сих пор помню гостеприимство этой семьи. Наутро, после завтрака, Юра Ольховский проводил меня на станцию, где уже собиралась «братва», ведь у нас у всех были переэкзаменовки.

На перроне родители, не особенно веселые, стоят подальше друг от друга, провожая своих сыновей. Какая-то мама пытается обнять и поцеловать отбивавшегося первоклашку:

— Перед экзаменом, обязательно повтори таблицу умножения, не забудь!

Первоклашка вырывается из объятий матери и, заправляя рубаху в штатские штаны, широким, размашистым шагом идёт к вагонам. Раздаётся пронзительный свисток, и начальник станции поднимает руку. Поезд тронулся. Какой-то строгий отец, идя рядом с вагоном, крикнул:

— Если не выдержишь переэкзаменовки — не возвращайся домой!

Поезд, набрав скорость, выехал со станции. В вагонах некоторое время было тихо, а потом все сразу заговорили, и в соседнем вагоне, где сидели старшие кадеты, раздалась «Звериада»[31], наш корпусной

[31] Традиционная корпусная песня.

традиционный «гимн». Это был первый раз, когда я её слышал полностью. Она довольно длинная (21 куплет), и я все куплеты на память никогда не знал, однако среди нас всегда находился кто-нибудь, кто помнил все куплеты.

«Звериада»

Товарищ, будь кадет — кадету,
В несчастье смело помогай,
И наши скромные заветы
Всегда и всюду исполняй.

А тот, кто подло нам изменит,
Забыв о корпусе родном,
И шкуру новую наденет,
Тому проклятья дружно шлём!

Державной волей Николая,
Всесильной волею царя,
Его заветы исполняя,
Возникли два монастыря.

Один — безмолвно и угрюмо
В старинном Киеве стоял,
Другой — в дали мирского шума,
В Одессе стены возвышал.

Но не монахи обитали
В стенах тех двух монастырей,
Их Корпусами называли
По всей Руси среди людей.

Угрюмо, мрачно, молчаливо
Они стояли много лет,
Храня в стенах своих ревниво
И строго множество кадет.

Но вот, минули годы счастья:
Настал ужасный смутный год,
И знамя красного безвластья,
Поднял в безумии народ.

Вскипели силы роковые,
И безмятежный день угас,
И кровью собственной Россия
Во мраке скорби облилась.

И оба Корпуса, гонимы
Пожаром общего огнём,
Предел покинули родимый
И гнёзда старые на нём.

И после долгих испытаний
За рубежом родной земли,
Они предел своих страданий
В унылой Сербии нашли.

В горах средь Боснии далёкой,
В долине дикой и глухой,
Лежит Сараево глубоко,
Над быстрой горною рекой.

И там, на площади угрюмой,
Безмолвна, сумрачна на вид,
Как бы полна тяжёлой думой,
Казарма старая стоит.

Она уныла, как могила.
Над ней всегда висит туман,
Но та казарма приютила
И одессит и киевлян.

В стенах казармы этой душной,
Забывши ненависть свою,
Они слились единодушно
В одну кадетскую семью.

Там Русский корпус был основан,
Сплочённой массою кадет.
Одною верой крепко скован,
Одной традицией согрет.

Далёкой Родины заветы,
Средь гор чужой для нас страны,
В сердцах измученных, кадеты,
С любовью свято сберегли.

В нём сердце трепетной России
Хранит свой прежний гордый вид,
Наперекор чужой стихии
В нём дух воинственный горит.

В нём не для праздности, забавы,
Собрался тесный круг кадет,
Но для созданья вечной славы
Гнезду, где жили много лет.

Седых заветов, Русь Святая,
Мы не могли здесь позабыть,
Венок терновый заплетая,
Мы будем их в душе носить.

Пусть муки жалкого изгнанья;
Наш путь тернистый не пригрет,
Но старины святой преданья,
Рождают силы у кадет.

Мы верим в силу Провиденья:
Взойдёт счастливая заря,
Когда в пылу святого рвенья
Умрём за Русь и за Царя.

И полились наши кадетские песни в такт равномерному стуку колёс, возбуждая кадетскую гордость и задор. Одна из песен Крымского корпуса, которую мы называли «Гей! Прохожий», пелась с особым подъёмом.

Песнь Крымского кадетского корпуса

Мы, бывалые кадеты,
Поносились по волнам,
Говорят, что мы отпеты,
По колено море нам.

Припев:
Гей! Прохожий, дай дорогу,
Крымский корпус наш идёт.
Ну-ка, братцы, твёрже ногу,
Впереди нас счастье ждёт.

В грязь лицом мы не ударим,
Отходи-ка поживей,
А не то, мы так нагрянем,
Не сберёшь своих костей.

Тяжело нам на чужбине,
Не поймёт нас здесь никто,
Но постигшей злой судьбине
Не сдадимся ни за что.

В Белой Церкви всё лишенья,
Нет веселья капли тут;
И одно лишь утешенье,
Здесь родной нам институт.

От земли вдали родимой,
Сбережём кадета честь;
Для врагов нашей любимой,
Только горе, только месть.

И как русские кадеты,
В сердце носим мы не зря
Дорогие нам заветы:
Веру, Родину, Царя.

Строчку «Крымский корпус наш идёт» мы заменяли: «Славный корпус наш идёт». Пели мы эту песню всегда с подъёмом, с задором, и даже такие «козлетоны», как я, громко и воодушевлённо присоединялись к общему хору. Особо выразительно пелся куплет с институтками.

После традиционных песен кто-нибудь начинал «Крокодилу» или «Золотую азбуку». У меня осталось в памяти, что я эти песни слышал чаще всего в поезде или на «холмах», во всяком случае, не в присутствии «зверей». Кадеты прекрасно знают эти песни, а для непосвящённых я сделаю пояснение.

«**Крокодила**» — шутливая песенка, иногда с вульгарными словами. Пелась она на мотив марша «Дни нашей жизни», который оркестр корпуса, по традиции, играл на прогулках, проходя мимо института.

По улице ходила
Большая крокодила.
Она, она голодная была.

Во рту она держала
Кусочек одеяла,
И думала она,
Что это ветчина.

Увидела француза
И хвать его за пуза.
Она, она голодная была.

И так на разные темы, и по всем государствам, вплоть до китайцев. Жаль, что прогнила моя тетрадка, — там было много «крокодиловых» куплетов.

«Золотая азбука» пелась на мотив «Алла верды» (кавказское приветствие: «Бог дал»). На каждую букву алфавита срифмованы две строчки: первая — безобидная, которая даёт рифму второй нецензурной строчке.

Арбуз на солнце любит греться.
. . . .

И последняя:

Ямайка остров в океане.
. . . .

Я ни разу не слышал всего алфавита. Во время пения часто пропускались многие буквы. Среди старших кадет, наверное, были любители, которые знали всю азбуку, но я сомневаюсь, что она где-нибудь полностью сохранилась.

Вспомнил ещё одну шутливую песенку — «**Горшочек**». Судя по её содержанию, она, наверное, сохранилась ещё из России.

Когда я был ребёнком,
Ходить ещё не мог,
Любезная мамаша
Купила мне горшок.

Припев:
Мой маленький горшочек,
Мой маленький горшок.
Мой малый, малый, малый,
Малюсенький горшок.

Подрос, остепенился,
И двадцать лет спустя,
Превыгодно женился
На старой деве я.

Я поздно возвращался,
И громко песни пел.
С женою я ругался,
Мне в голову летел:

Мой маленький горшочек...

Помимо общих песен, в каждом классе был свой «Журавель», также «Журавель» на персонал корпуса и на все Кадетские корпуса (Перекличка № 16), который пелся на мотив «Журавля».

«**Журавель**» на наш корпус:

Жура, жура, журавель,
или: Как солдаты разодеты,
Журавушка молодой,
Адамовича кадеты.
Задаёт повсюду тон,
Наш малиновый погон.

Уже не первый раз мне хочется забежать вперёд и отметить, как в течение всей нашей жизни эти песни — наши кадетские песни — сопровождали нас везде: и в горе, и в беде, и в час веселья, и в радости.

* * *

И так, с песнями, поезд прибыл на станцию Белой Церкви. Нас встретил дежурный офицер-воспитатель, и старший из присутствующих кадет построил и повёл в корпус. «Лихая вольница» приняла свой обычный строгий облик. Стало как-то спокойно, почувствовав себя опять в привычном строю, в среде своих товарищей, снова в родном корпусе.

Переэкзаменовки я выдержал. Меня «за уши перетащили» в третий класс (как выразился директор корпуса, с которым свела меня судьба в 1949 году). Очевидно, за лето я выучил больше теннисных приёмов, чем ответов на арифметические задачи и слов на букву «ять».

В этот период, до приезда всех кадет, мы жили в помещениях 1-й роты. Вместе спали, обедали, вместе гуляли. Когда в уборной собирались курильщики, нас, малышей, выставляли на «шесть». Попался как-то и я на «махалку». Стою, стенку подпираю в коридоре и не спускаю глаз с дверей дежурки. Через приоткрытую дверь уборной просунулась голова восьмиклассника Бобки Фомина (XIX выпуск).

— Иди сюда. На, докури... — А сам ушёл.

Зашёл я в уборную, а все на меня смотрят, ну... я и затянулся — чуть глаза на лоб не выскочили, но сдержался, не подал виду, что первый раз курю. Осторожно затянулся ещё пару раз, и отдал Шурке Кравченко («Масику»), который просил «кечик»[32]. Так я начал курить.

В этом году в I класс поступил XXVI выпуск и кончал корпус XIX выпуск. Опять стало полных три роты. I и II классы — 3-я рота;

[32] Оставить немного докурить, или на принятом жаргоне — «сорок».

III, IV(новый) и V классы — 2-я рота; VI, VII и VIII классы — в 1-й Роте Его Высочества. Нашим воспитателем остался полковник Н. В. Зиолковский, фельдфебель роты Алексей Нещерет («Дунька»), и «дядьки»: Алексей Попов («Слон») и Дима Иванов («Ивась», XIX выпуска), Владимир Гавлицкий («Маца», XX выпуска), Валерий Завальевский («Зайка») и Павел Наумов («Пая», XXI выпуска).

Год начался молебном в церкви и панихидой на кладбище. Борис Ященко был произведён в вице-унтер-офицеры и назначен фельдфебелем Роты Его Высочества. Когда возвращались с кладбища, полил дождь, и все промокли. По всем спальням на цигелях висели рубашки и брюки. Печей ещё не топили.

К нам в класс поступило несколько «новичков». Всех я не помню, но в памяти остались некоторые имена: Леонтий Белозубов («Лёнечка»), который приехал к нам из Бельгии, Николай Выдыхан, Алексей Лишенко, кажется, Валерий Мингин, и Александр Балевич.

Маленькая спальня

В классе было больше пятидесяти кадет. Так как мы не смогли поместиться в одной спальне, то маленькую комнатку, которую обыкновенно занимали «дядьки», превратили в нашу спальню, а «дядьки» спали вместе с классами в больших спальнях. В эту отдельную комнату «звери» выделили самых «отпетых» кадет. («Говорят, что мы отпеты, по колено море нам».)

От дверей с левой стороны, головой к стенке, стояли шесть кроватей, на которых спали: Георгий Граф и рядом — Николай Сараев, через проход — я и Евгений Демьянюк, и через проход — Евгений Спокойский-Францевич («Спайк»), у стенки — Иван Капуста («Кочан»). Вдоль правой стенки — Володя Орловский («Орлик») и сразу около дверей спал Пётр Бурлаков («Пера»). Он был подстаршим класса, и его назначили к нам как старшего.

Комнатка была маленькой, тесной, но уютной. В проходах можно было еле-еле повернуться. В ногах у Бурлакова стояла печка, которая зимой действительно нагревала спальню. (Нам давали столько же дров и угля, сколько и в большие спальни.) Летом открывали окно и двери и устраивали сквозняк. (Назло мне, так как я ещё помнил, как мать боялась сквозняков.) У нас был свой дежурный по спальне, а список дежурств вёл «Пера», включая и самого себя. Почему-то я помню нашу «маленькую спальню» чистой и аккуратной. Возможно, что это воспоминание осталось у меня от частых «ловчений» под

последней кроватью, где спал Капуста. Там пол, как ни странно, был чистым, и когда я вылезал, то не надо было долго отчищаться от пыли. (Мелочь, а вот в памяти сохранилась каким-то образом.)

Всегда весёлый и готовый на любые шутки Юра Граф, молчаливый и угрюмый Коля Сараев (он был старше многих из нас), спокойный, шепелявивший Женя Демьянюк (мой сосед по парте, он хорошо учился, и я не знаю, каким образом он попал в компанию «отпетых»), живой проказник и весельчак Женя Спокойский-Францевич, здоровый покладистый силач Иван Капуста, хитрый забияка Володя Орловский и я, который не отличался особенными добродетелями, сплотились в один твёрдый кулак.

Жили мы дружно и весело. Выделив нас из класса, «звери» намеревались держать нас под особо строгим надзором, но этим же заставили нас ещё больше сплотиться в тесную и дружную семью, и дали нам возможность сохранить это, ещё детское чувство дружбы, на всю жизнь.

Несмотря на то, что дежурные офицеры-воспитатели к нам заглядывали значительно чаще, чем в другие помещения, у нас в спальне всегда что-нибудь случалось, и на укладке можно было увидеть кого-нибудь из нас, стоящего на штрафу. В начале года бедному «Пере» от нас доставалось. Он хорошо учился, прислуживал в церкви, был хорошим товарищем и обладал спокойным, терпеливым характером, но с нами даже у него это терпение лопалось. Чего мы только ему не устраивали. Подкладывали «мешок», подставляли кровать, устраивали дыру — вынимали среднюю доску, а крайние — раздвигали под матрацем (когда кадет ложился, то проваливался вместе с матрацем). Даже, как-то, налили ему воды на нижнюю простыню, и ему, бедняге, пришлось менять промокшую солому в матраце. Эти шутки производились не только с ним, мы также, если оказывалась возможность, проделывали то же самое и с другими товарищами.

Как-то раз, вечером, после того, как все умылись на ночь и стали укладываться в кровати, они начали разваливаться, пока все мы не очутились на полу. Всё произошло очень быстро: первым полетел Демьянюк (он первый залез в кровать), который толкнул меня, я зацепил Сараева, а он — Графа. Остались Капуста, Спокойский и Орловский, который, уже лёжа на полу, пихнул ногой кровать Капусты. Спокойского повалили «за компанию». «Пера» в это время спокойно лежал в своей кровати и «спал». Шум валившихся кроватей привлёк

внимание дежурного офицера-воспитателя подполковника Филимонова, который застал всех нас лежащих на полу.

— И...и...и... что это тут такое?.. — качая своей бритой головой, спросил подполковник Филимонов. И, не получив, конечно, ответа, строго приказал: — И..и...и... все — на штраф. А увидав «спящего» «Перу», добавил, уходя в «дежурку»: — И..и... кроме Бурлакова.

Наша семёрка выстроилась в коридоре. Запоздавшим с укладкой кадетам представилась довольно комичная картина: семь печальных физиономий в нижних рубашках и в ботинках на босую ногу. Опять «маленькая спальня» отличилась!

Спустя некоторое время из спальни вышел «Пера» и спокойно присоединился к нам. Я думаю, что это был единственный раз, когда он стоял на штрафу, и то по своей воле, из чувства товарищества. Мы удивлённо переглянулись, но стояли молча, перебирая в памяти прошедшие минуты и соображая, каким образом все кровати оказались подставленными.

Из «дежурки» вышел подполковник Филимонов и, увидав «Перу», удивился:

— И...и...и... Бурлаков, ты не должен стоять на штрафу, иди спать.

«Пера» молча продолжал стоять.

«Звери» — хитрый народ, и подполковник Филимонов, наверное, догадавшись, в чём дело, опять покачал головой и сказал:

— И...и... стой, если тебе так хочется. — И ушёл.

Через несколько минут он вернулся и отпустил нас со штрафа, приказав привести в порядок спальню.

На следующее утро мы узнали, что подполковник Филимонов не записал нашу проделку в журнал дежурств, и наказаний не последовало. Нас спас «Пера», став с нами на штраф. Ведь нельзя же было наказать «Перу» за то, что он сам стал на штраф.

Этот чисто товарищеский поступок Бурлакова, вероятно, произвёл должное впечатление на нас, так как я больше не помню особенных происшествий в нашей «маленькой спальне», кроме того, что Женьке Демьянюку на ротный праздник почему-то прибавили балл за поведение, и мы его поздравляли тумаками и «качали низом пуза»[33].

(Уцелевшая песчинка воспоминаний превратилась в целую «Сахару» благодаря Юре Графу и о. Петру Бурлакову, которые помогли мне восстановить многие подробности.)

[33] Качают, взяв за руки и за ноги, вниз лицом, держа за пояс, чтобы не ударить об пол.

* * *

Этот учебный год для меня оказался самым тяжёлым. Во-первых, прибавились новые предметы: немецкий язык, который я наотрез отказался учить, что привело к печальным последствиям (я уже об этом писал), и физика, которую преподавал Н. Я. Писаревский («Коля-пук»). Во-вторых, Мария Мечеславовна Кожина («Пакля») начала преподавать русский язык, и в-третьих, мне сбавили балл с моей несчастной «троечки» на «кол», за драку.

Новый IV класс состоял из бывших гимназистов, и тогда мы относились к ним с некоторым «презрением» — «шпаки»! (Я должен оговориться — потом это оказался наш последний традиционный выпуск.) Старшим класса стал Всеволод Михайлов, который при построении роты по общему ранжиру шёл впереди меня. У него вечно болтались плохо завёрнутые портянки, и я, зная, что умение аккуратно заправить портянку требовало практики, несколько раз его предупреждал, и он, выйдя из строя, их поправлял. Но это повторялось довольно часто, и мое терпение, а терпение и задор в тринадцать лет висят на тонком волоске, в конце концов лопнуло, и я наступил на волочившуюся его портянку. Он споткнулся и чуть не упал, толкнув меня, я — его, а потом пошли в дело кулаки. Порядок в строю нарушился, нас разняли. Беда в том, что всё это видел дежурный офицер-воспитатель полковник Ивановский («Иван») и записал в журнал. Мне сбавили балл, а Михайлов научился заправлять портянки. В течение долгого времени я ходил по коридору очень осторожно — вдоль стенки, опасаясь одноклассников Михайлова (Севы Каяндера), которые могли мне «намылить шею» за своего старшего.

Единственным утешением в этом году оказалось то, что историю начал преподавать Вадим Павлович Курганский, которого я потом полюбил, и не только я, мы все к нему хорошо относились.

Осенью я ещё кое-как занимался и получал удовлетворительные отметки, но как только проходила «хандра», сыпались опять «двойки». Гимнастика, рисование и некоторое время переплётная мастерская — занимали всё моё свободное время. В период «хандры» я писал. Сосед мой, Женя, тоже писал, и самое тяжёлое в нашей «писанине» оказалось... недостаток бумаги. Получить от «Кочи»[34] (полковника Зиолковского) лишнюю черновую тетрадку было невозможно

[34] Прозвище полковника Зиолковского было «Извощик», по—сербски — «Кочияш», кратко — «Коча».

— он был строгий и проверял каждый лист, но кадетская смекалка находила выходы и не из таких тяжёлых положений. Старую тетрадь делили пополам, наново сшивали, и по очереди, с некоторым интервалом, меняли обе на новые тетради. Так как «звери» иногда осматривали наши парты, то мы прятали наши тайные тетради в специально сделанную из картона полочку под партой. Мало кто, даже в классе, знал, что мы пишем стихи. Жаль, что они безвозвратно пропали, только некоторые сохранились в памяти или в альбомах, написанные на память.

Муза

Муза тройного союза:
Смеха, печали и слёз.
Жалкая, бедная муза:
Любви, надежды и грёз.

Нет у меня подруг.
Радость знавала мгновенья,
С музой вдвоём, мой друг,
Делим тоску и лишенья.

(1938 год, как я помню)

Радость знавала мгновенья,
Бедная муза, мой друг.
Чаще тоску и лишенье,
Муза мой верный досуг.

(Нашёл в чужом альбоме, но не от меня.)

Щедрая зима

Здравствуй, краснощёкая
Раскрасавица зима!
Ты, как родина далёкая,
Сердцу радость принесла.

Нет тебе подобной
Чистотой лица,
Красотой холодной
Радуешь меня.
Нет границы и предела

Щедрости твоей,
Раздаёшь алмазы снега,
Покрываешь льдом ручей.

Ты богатством и добром
Щедро рассыпаешь,
Жемчугом и серебром
Землю одаряешь.

Ты и лесу подарила
Шапку меховую,
Шапкой белою накрыла
Голову седую.

1939 год, февраль, Белая Церковь.

«Нет худа без добра»

Ещё в начале учебного года поймал меня наш «дядька» «Маца» Гавлицкий, когда я в парте жарил сало. Я был один в классе, все были на прогулке. «Маца» здорово рассердился, его чёрные брови над очками почти что сошлись:

— Завонял весь класс! Пошёл на штраф, надо было окно открыть!

Потушил я свечку, закрыл парту, открыл форточку и отправился на штраф.

Стою под стенкой около нашей «маленькой спальни», где висят портреты наших писателей и поэтов, начиная от Державина и кончая, кажется, Зайцевым, как раз напротив окна. На дворе солнечный осенний день. Играют в отбойку. На душе тоска... Знаю, что буду долго стоять, — «Маца» на пять минут не ставил.

Возвращается из класса «Маца». Посмотрел, как я стою, а потом перевёл взгляд на стенку позади меня:

— Иди на эту сторону. И поставил меня в пролёте между окнами, напротив портрета М. Ю. Лермонтова.

— Стой тут и смотри на своего родственника, да вспомни, что я тебе о нём рассказывал.

Как когда-то в «Славной Гвардейской Школе», имена Пушкина и Лермонтова занимали особое место, так и у нас. Их духовная сила, несмотря на столетнюю давность, несомненно, влияла на наши юные сердца и воспитывала в нас уважение и почтительность к старшим, что-то вроде рыцарского отношения к барышням и, самое главное, в

любви ко всему русскому: истории, литературе, искусству, обычаям и традициям.

Мой первый «дядька» Валя Мантулин зажёг во мне огонёк к познанию нашего «великого и могучего русского языка», а Володя Гавлицкий подлил масла.

В период, когда я «болел хандрой»: занимался, готовил уроки и получал приличные отметки, «Пакля» нам задала выучить на память стихотворение Лермонтова «Спор». Под конец вечерних занятий, с разрешения офицера-воспитателя, я вышел в пустой коридор и вслух начал учить стихи. Учить стихи на память давалось мне легко. Увлёкшись, я не заметил, как «Маца» вошёл в роту и, наверное, слышал, как я «зубрил». Я не помню точно, что именно тогда «Маца» говорил, но он был первый, кто мне рассказал о Лермонтове, как о нём лично, так и о его поэзии. «Маца» умел лучше всякой «Пакли» заинтересовать любой литературной или исторической темой; задеть моё любопытство и укорить лермонтовским родством; рассказать забавную историю из юнкерской жизни Михаила Юрьевича, или: как Пушкин выступал перед Державиным. На прогулках я всегда торчал возле него, пренебрегая футболом и отбойкой, и одноклассники начали меня называть «любимчиком», как называли Хоренко «любимчиком»[35] «дядьки» Димы Иванова (у Хоренко была старшая сестра в институте). Я помню, что «Маца» иногда называл меня «Маешкой», по прозвищу Михаила Юрьевича в юнкерском училище.

Итак, стою я напротив знаменитого тёзки, и в уме начинают складываться стихи, которые потом подлежали поправкам со стороны того же «Мацы», которому я их давал читать, и, как ни странно, «Пакли». (Это Женька, мой сосед, дал ей, без моего ведома.)

М. Ю. Лермонтову

Здравствуй, тёзка знаменитый!
Ты, стоишь неколебим,
Как утёс гранитный,
Миром почитаем и любим.

Песнь твоя столетья пережила,
Поколеньям радость принесла,
Славой родину покрыла,
Тебе имя создала.
Слыша твой столетний зов,

[35] Кадеты, к которым «дядьки» относились более благосклонно, но и строже наказывали.

Стоя смирно на штрафу,
Я рифмую вновь—любовь
И тайком стихи пишу.

Тяжело мне на чужбине,
Жить с чужими, русским быть,
Русского кадета имя
С гордостью носить.

(1938 год, Кадетский корпус)

(Ещё одно кадетское воспоминание, связанное с именем М. Ю. Лермонтова, которое мне рассказал в 1948 году Владимир Васильевич Казимиров, кадет 44-го выпуска Донского корпуса. Кадет, получивший неудовлетворительную отметку за сочинение по русской литературе, рассердившись, разбил все портреты писателей и поэтов, которые у них так же висели в коридоре, как и у нас, за исключением Лермонтова, и когда его спросили: «Почему ты оставил Лермонтова?», он ответил: «А, он военный!»)

* * *

Я совершенно не помню вечера 2-й роты, посвящённого «Белому движению» (по «Памятке» — 13 ноября), кроме того, что я чуть было на нём не осрамился. «Пакля» всучила мне стихотворение Константина Оленина «Спите, орлы боевые», которое я должен был выучить и говорить на вечере. Выучить-то его я выучил — коротенькое, но когда пришло время его говорить, произошла неприятная заминка. Выпустили меня перед занавесом (на сцене что-то меняли или переставляли), и когда я очутился перед полным залом, где в первом ряду сидел «Генпоп» и начальница института Н. В. Духонина («Ева»[36]), воспитатели и преподаватели, а позади — институтки и кадеты, и все смотрели прямо на меня, — я опешил, на минуту растерялся. С задних рядов раздались смешки, и в первом ряду я увидел «Паклю», которая, как мне показалось, ехидно улыбалась и кивала головой. Кто-то из первого ряда, видя моё замешательство, спросил: «Что ты будешь говорить?» Это меня вывело из оцепенения, и я, придя в себя, начал декламировать.

Первое выступление на сцене, первая робость, первый страх,

[36] Первого директора нашего корпуса генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича, кадеты называли «Адамом», и было совершенно понятно, почему начальницу Донского Мариинского института называли «Евой».

которые я впоследствии научился скрывать, но никогда не мог окончательно от них избавиться, сохранились в моей памяти каким-то совершенно непонятным чудом.

Или — или

Мои увлечения — гимнастика, рисование и переплётное дело — занимали большую часть моего свободного времени, и сейчас, обернувшись назад, я знаю, что корпус, предоставив нам возможность развивать наши таланты по своему личному желанию, углублял в этих отдельных ячейках чувства товарищества.

У меня остались особо тёплые воспоминания о моих одноклассниках: об «Урлике» Ульянцеве, о «Нике» Боголюбове и «Китайце» Хоренко, которые были со мной в художественном кружке.

На уроках рисования (после обеда два урока подряд) мы единственные не выходили на переменку, а оставались в классе, не в состоянии оторваться от любимого занятия. Начинали мы рисовать карандашом, потом углём, и в конце — акварелью. Игоря Хоренко («Китайца») я плохо помню, он любил яркие краски, без определённых рамок. «Урлик» сидел недалеко от меня, и я до сих пор помню его толстую кисточку, которой он мог протянуть тонкую, как волосок, линию. Рисовал он размашисто, уверенно и всегда с азартом.

— «Гулька», п...п...посмотри, как небо с...с...с...ветится! — И его толстенная кисточка ходила, заполняя ультрамарином весь рисунок от одного до другого края. «Ника» сидел в противоположном ряду у окна.

Был период, когда мы все увлекались цветами, в особенности, рисуя программки к корпусным вечерам. У «Ники» они получались особенно живые. Как он умудрялся достигать этих красок при его грязной палитре, я до сих пор не понимаю.

Вот ещё одно необъяснимое воспоминание. Своей палитры не помню, а «Никина» — как живая, до сих пор в памяти — вся в темных подтёках, грязных красках, и губы у него вымазаны с правой стороны рта той же краской. Мы все обсасывали кисточки, чтобы получить острый конец, и делали это совершенно машинально, и результат этого мы могли видеть только глядя друг на друга (я не помню ни одного зеркала в помещении роты).

Будет несправедливо по отношению к моим товарищам, если я не напишу о себе.

Самое большое впечатление, в период, когда я начал рисовать,

на меня оставляли рисунки Билибина. В том же духе я и продолжал: обводил контур и заполнял краской. Наши удачные композиции на эту тему выставлялись в коридоре.

Так как мы рисовали только акварелью, она, цепляя контур, нарисованный тушью, расплывалась, и получалось что-то вроде «Никиной» палитры. Мне пришлось, несмотря на то, что я старался быть очень аккуратным, изменить порядок: сначала рисовать акварелью, а потом обводить тушью. Я скоро перестал рисовать акварелью, хотя и приходилось рисовать на уроках и готовить программки. Наш преподаватель М. М. Хрисогонов всегда повторял: «Наложил краску и оставь, не трогай больше!» Мне этот совет не подходил, мне всегда хотелось где-нибудь подправить, затемнить или засветить, и получалась грязь. Карандаш и туш преобладали в моих рисунках до конца года.

Искусство рисовать погончики у нас стояло на высоком уровне, и мы просиживали часами, нанося на маленький (1/2 сантиметра на 1—1/2 сантиметра) медный погончик, покрытый малиновой краской, наш вензель. Я помню, как «Урлик», облизав свою толстую кисточку так, что на кончике оставалось два-три волоска, выводил этот замысловатый узор. В этом году я привёз мои краски и кисточки, которые здорово пригодились. Самой тонкой из них я рисовал наш вензель, — получалось неплохо. Большинство погончиков, которые я выменивал за «коржики», уходили институткам и также на обложки альбомов и дневников, украшенных спиленным сиянием с наших гербовых пуговиц. (За что строго наказывали.)

Выделенные в инструкторскую группу: де Боде, Артонов, Балашев, Ульянцев и я, став наследниками поколений блестящих гимнастов корпуса, с особым уважением относились к нашим старшим гимнастам (в моё время одним из инструкторов на уроках гимнастики всегда был старший кадет класса). Между нами на этой почве устанавливались более тёплые отношения.

«Переплётка» находилась в Полтавском коридоре в столовой 1-й Роты Его Высочества. Для того чтобы туда попасть, надо было пройти мимо дверей гимнастического зала. Каждый раз, направляясь в «переплётку», я не пропускал случая попробовать: закрыта ли дверь в гимнастический зал. Если закрыта, я шёл в «переплётку».

Хотя в этом году я и не был самым младшим, но мне часто доставалось варить клейстер. Наверное, старшим переплётчикам понравилось, как я его варил в прошлом году. Кроме этой «важной» части переплётного мастерства, я лепил прозрачной бумажкой порванные

страницы в книгах, сшивал их, но мне ещё не давали делать обложки, лепить уголки и обрезать сшитые на станке книги. Но я не подметал «переплётки», — это была работа Жоржа Козловского («Козла», XXV выпуск). Переплетали мы, главным образом, наши растрёпанные учебники, изредка, тайком, собственные альбомы, дневники и альбомы с «паутинкой» для фотографий. Старшие переплётчики меня вводили во все премудрости переплётного дела, но Жорж, который уже переплетал бархатные альбомы, был моим главным инструктором. Под его руководством, в прошлом году, я себе смастерил тоже альбом, правда, не из бархата, а в малиновом коленкоре. Вот только было жаль, что обрезал я его немного кривовато, но под обложкой это не было так видно — сошло!

В комнате стояли тяжёлые столы, полки с инструментами и книгами. Отдельно стоял громадный чугунный пресс с опускающимся стальным ножом для обрезки книг, печка, на которой варился клейстер, а все углы были завалены книгами, бумагой и картоном. Было тесно, но уютно. Можно было спокойно покурить, — «звери» к нам не заглядывали, а руководитель «переплётки» полковник А. Н. Азарьев редко появлялся, и то ненадолго.

Как ни странно, воспоминание, которое сохранилось в памяти, совершено не относится к переплётному делу, но произошло это в «переплётке». «Подрались» два силача XX выпуска: Александр Скивский и Леонид Кисиль. Что они не поделили, я так и не узнал, но когда они вцепились друг в друга, и началась борьба, то мы с «Козлом» залезли под тяжёлый пресс, в надежде, что нас там не заденут, но ошиблись. Под натиском этих двух громадин стол трещал, а пресс шатался. Они не дрались, а скорее боролись, и «сметали всё на своём пути». Столы переворачивались, с полок всё падало, стопки книг летели во все стороны, и я не знаю, чем бы эта борьба закончилась, если бы мне не удалось выскочить в коридор и хлопнуть дверью. Я не ушёл, любопытство заставило узнать — чья возьмёт. Я спрятался рядом, в прихожей лазарета. Очевидно, шум захлопнувшейся двери остановил их борьбу, так как оба они выскочили из «переплётки», поправляя одежду, и быстро ушли. В этот вечер я помогал Жоржу убирать «переплётку»: поднимали столы, собирали разлитый клейстер, ставили всё на свои места, и опоздали на вечерние занятия. Было обидно — получили по наряду за опоздание, конечно, мы умолчали о настоящей причине опоздания.

Вернусь назад. Дверь в гимнастический зал оказалась открытой.

(Пропала моя «переплётка»!). Если там никого не было, я, раздевшись, занимался гимнастикой до звонка. Прямо напротив дверей с потолка свисали кольца; справа у стенки — параллельные брусья; у правой стенки, ближе к середине — турник; у стенки с окнами — канаты. Если там занималась старшая группа без полковника Барышева, «Шарик» Лобов или кто-нибудь из старших гимнастов разрешали мне остаться и смотреть, как они ставят стойки, крутят «солнышко» и упражняются. Во время их отдыха мне разрешали показать им, что я умею, и давали важные советы, как брать скобку на турнике не силой, а махом — ловкостью, и так же на параллельных брусьях, где не так от силы, как от умения и ловкости многие упражнения даются гораздо легче. Эти «частные уроки» мне принесли больше пользы, чем все уроки гимнастики с полковником Барышевым, который как-то, застав меня в зале, отправил явиться дежурному офицеру-воспитателю. Такие самовольные поступки не разрешались. Опять наряды!

Как-то сам по себе мой интерес к переплётному делу угас, и я всё реже и реже бывал в «переплётке». «Третий» оказался лишний, — рисование и гимнастика заняли всё моё свободное время.

Физическое явление

Николай Яковлевич Писаревский («Коля-пук») сумел заинтересовать меня физикой. Полный, медленный как в движениях, так и в разговоре (с ударением на «о»), он приносил в класс разные приборы, колбочки, пробирки, и показывал, как многие из нас говорили: «фокусы». Когда его просили: «Николай Яковлевич, покажите нам фокус», он поднимал свой пухлый палец и с медленным спокойствием поправлял: «Это не фо...окус, а физическо...ое явление». Конечно, наш «кадетский глаз» подметил его медлительность, и над ним подшучивали. После урока, когда он возвращался в учительскую, кто-нибудь его нагонял и, похлопав по плечу, задавал глупый вопрос, вроде: «Николай Яковлевич, почему кошки едят мышей?» Он останавливался и медленно поворачивался в ту сторону, где его похлопали. (У него голова поворачивалась только вместе с туловищем.) Пока он поворачивался, кадет успевал забежать на другую сторону и, похлопав его опять по плечу, задать тот же глупый вопрос. Повторялась та же самая картина.

Многое необъяснимое мне стало понятным, но моё тринадцатилетнее любопытство требовало всё больше и больше. Как ни странно, но по физике у меня были приличные отметки, попадались даже

и «четвёрки». (Это было только начало физики.)

После того как Семён Николаевич Боголюбов («Сёмка»), преподаватель природоведения, нам рассказал о вулканах и землетрясениях, кто-то предложил спросить Николая Яковлевича: «Можно ли землетрясение назвать физическим явлением?» Не все относились к физике с таким любопытством, как я, и устроить Николаю Яковлевичу «бенефис», как выражались наши старшие кадеты, ничего не имели против.

Решили — сделали. Не помню, кто это начал, но знаю, что всё зависело от сидящих на задних партах. В классе с высокого потолка свисали четыре электрических лампочки, которые перевязали тонкой ниткой, и два конца спустили сидящим по углам на задних партах. Они должны были по очереди тянуть эти нитки, равномерно раскачивая все четыре лампочки. Когда Николай Яковлевич, открыв журнал, приготовился вызывать, лампочки начали медленно и равномерно раскачиваться. Раздались возгласы: «Землетрясение! Физическое явление!» Многие вышли из-за парт и качались в такт лампочек. Тем временем Николай Яковлевич старался посмотреть вверх. Как ему было тяжело смотреть по сторонам, так же было тяжело смотреть и вверх. В классе наступил беспорядок и поднялся шум — урок был сорван.

Николай Яковлевич, спокойный и уравновешенный, старался успокоить класс, но его никто не слушал. «Землетрясение» увеличивалось, и лампочки раскачивались почти от стенки и до стенки. Громкая команда «Смирно!» вошедшего в класс дежурного воспитателя (кажется, капитана Трусова) застала всех врасплох — не на своих местах, а лампочки продолжали качаться.

Так как виновных не оказалось, весь класс сидел без отпуска, а Николай Яковлевич, впоследствии, на уроках, откидываясь назад, ещё долго поглядывал на мирно висящие лампочки.

«Шеря», есть?.. «Шеря», принёс?..

После Корпусного праздника усиливалась переписка с институтками. В этом «козлином» возрасте, когда мы, ещё не понимая причины, начинаем смотреть на девушек «другими глазами», когда они становятся частым предметом наших мечтаний, когда при малейшем воспоминании о них вдруг начинаем глубоко вздыхать, появляется необъяснимая потребность им об этом поведать. Несмотря на запрещение, рискуя строгим наказанием, «письма» (скорее записочки) от-

правлялись в институт. Страдали опять общие тетрадки. Запасливые ухажёры иногда делились с новыми, «влипшими по уши» кадетами толстой розовой бумагой, на которой они, вздыхая и кряхтя от натуги, выводили: «Прелестная Танечка!», и, поставив восклицательный знак, долго не могли придумать, как начать письмо. Получалось что-то вроде: «У нас хорошая погода, а какая у Вас?» Никто нас не учил писать письма, писали, как Бог на душу положит, и получалось что-то вроде песенки из лубка «Крестьянская идиллия»:

Помнишь, Акулька, мгновенье
Нам взволновавшее кровь?
Первое наше сближенье,
Первый намёк на любовь?

Ты меня, милый, лопатой
Сильно огрел по спине.
Вскрикнувши: «Чёрт полосатый!»,
Я улыбнулась тебе...

Я определённо потел от натуги, когда писал мои первые письма в институт, но совершенно не помню, кому. Письма писали под большим секретом, во избежание задир, которые нам вспоминали Акульку. Все товарищеские узы кончались, когда дело касалось «дамы сердца». Благодаря этому, некоторые институтки — покрасивей — переписывались с несколькими кадетами (так же и кадеты). Я писал и стихи, это было легче. Спустя несколько лет и переделок, эта «записка» превратилась в целое письмо:

Дорогая, или милая, или прелестная, Таня, или Маня!
(В зависимости от степени влюблённости в 13 лет)
Я удивил Вас нежданною запиской?
Пожав плечом, с небрежною улыбкой
Возьмёте Вы её, готовясь прочитать
Банальные признанья и упрёки.
Неспешно вскрыв конверт, начнёте пробегать
Неровным почерком написанные строки.

(1938)

Многие мои письма начинались этими строчками, поэтому я

их запомнил. Ответы я получал, так как в моей тетрадке под партой хранилось несколько записочек, написанных прямым высоким почерком на простой тетрадочной бумаге. Мы писали, коверкая почерк, и подписывались вымышленными именами, цифрами и условными знаками. Если письма попадали в руки «зверей», то они не могли найти автора.

В этот период наш бедный «почтальон» Николай Шереметов («Шеря»), бывал нагружен до отказа. «Шеря» был приходящим — жил дома и приходил в корпус только на уроки. У него была какая-то лазейка в институт, так как за все годы нашего совместного пребывания в корпусе его ни разу не поймали. Кроме того что он передавал письма в институт, «Шеря» ёщё и покупал курильщикам папиросы. Он был одним из тех кадет в классе, которых любили. В чёрной рубашке на выпуск, с туго застёгнутым поясом, всегда весёлый, любитель попеть, с чёрным портфелем, куда между его книжками вмещалась кадетская «почта». Никому не отказывал в рискованных передачах, и мы это ценили. Исполнял он это совершенно безвозмездно, — его коржиками и котлетами не соблазнишь — ел дома. Иногда он морщился, когда Жорж Козловский («Козлич») передавал ему целую черновую тетрадку, а не записку, но брал, — и «почта» доходила.

Утром, перед первым уроком, когда уже все сидели по классам в ожидании преподавателя, у дверей в коридор собирались «курильщики» и «переписчики», выглядывая в ожидании «Шери». Не только из нашей двери, но из всех классов высовывались озабоченные лица, ожидавших передачи. И не успевал еще «Шеря» показаться в дверях коридора, как со всех концов приглушенным шёпотом сыпались вопросы: «“Шеря”, принёс? “Шеря”, есть?» «Шеря» улыбался, одобрительно кивал головой и махал на них рукой, чтобы шум не привлёк внимание дежурного офицера воспитателя.

(Свела меня судьба провести с ним жестокие годы войны, и слова: «“Шеря”, есть? и “Шеря”, принёс?», всегда вызывали улыбку на его лице, а у меня — связанные с ним воспоминания о родном корпусе.)

* * *

Корпусной праздник

Чем ближе приближался Корпусной праздник, тем чаще выводили нас на строевые занятия. В хорошую погоду — на поле перед корпусом, а в плохую — в коридоре. Гоняли нас «дядьки», но если выходила целая рота, то командовали офицеры—воспитатели:

— Первый взвод, на двухвзводную дистанцию, равнение направо, правое плечо вперёд, шагом марш!

Эта команда до того въелась в память, что я её и во сне слышу.

В этом году здорово досталось «новичкам», нашему IV классу, — гоняли их, когда только можно было. Мы все беспокоились, чтобы они нас не подвели.

Кроме строевых занятий, многие из нас учились танцевать (друг у друга), что обыкновенно происходило в коридоре (урока танцев у нас не было). «Дядьки» и офицеры-воспитатели учили нас манерам и обращению с нашими дамами. Под «раз... два... три» — «шерочка с машерочкой», выписывая разные «кренделя», мы старались выучить наши старинные танцы: польку, польку-бабочку, pas d' Espagne, краковяк, миньон и, конечно, вальс. Желание научиться танцевать у меня появилось ещё прошлой зимой на «Ёлке», когда все мои скоплянцы танцевали, а мы с «Лёшкой» Леонтьевым подпирали стенки. Я ещё с детства любил танцевать, и, помня, как дядя Коля Дикий научил меня танцевать лезгинку со стаканом воды на голове, сейчас воспринимал все танцевальные «па», как гимнастические приёмы, которые надо исполнять точно, легко и красиво, как «Шарик» Лобов. Часто упражняясь с Сашей Шпорой или с Колей Балашевым, мы дошли до того, что крутили вальс на вытянутые руки, и по прямой линии. Одним из лучших танцоров в классе стал наш «Лёнечка» Белозубов. Кроме этого, он стал старшим класса по новому приказу по корпусу: кадеты, имеющие больше «пятёрок», чем «четвёрок», и «пять» за поведение, получали поперечную нашивку на погоне, и автоматически становились старшими в классах, а у Белозубова были все «пятёрки», кроме гимнастики. Это чисто академическое постановление не всем пришлось по вкусу, и бедный «Лёнечка» первое время страдал — ведь он был ещё «новичком». Мы все ещё относились с полным уважением к «Коту» де Боде.

За два дня (4 декабря, новый стиль) до «Корпусного», как мы называли Корпусной праздник, производилась генеральная репетиция «Зари» и парада, и также репетиция музыкального выступления, на котором присутствовали кадеты 2-й и 3-й рот и институтки млад-

шего возраста. Это был наш Корпусной бал, который по программе ничем не отличался от бала в день праздника, когда присутствовала только Рота Его Высочества, институтки старших классов и приглашённые гости. На репетиции присутствовал «Генпоп», но не было «Евы», начальницы института Н. В. Духониной, а пришли классные дамы. Во время репетиции делали много фотографий. Почти после каждого выступления полковник Барышев с «Шариком» Лобовым выносили аппарат и устанавливали его в проходе, тушился свет, и раздавалась вызывающая у всех кадет улыбку команда полковника Барышева: «Вспышка!» Был слышен сухой щелчок. Вслед за тем весь зал единогласно, но тихо, провозглашал: «Осечка!»

В темноте слышались какие-то непонятные звуки, — это наши ухажёры, пользуясь темнотой, за спинами классных дам передавали письма. Часто осечка повторялась несколько раз, и когда магний в конце концов вспыхивал, заставал позирующих врасплох — с открытыми ртами, удивлёнными лицами и вытаращенными глазами.

Перед самым концом программы, в одну из таких осечек, у «Шарика» выпали запасные плёнки, наделав много шума. А так как я сидел тут же в проходе, «Шарик», подобрав их, сунул их мне. Когда зажгли свет, «Шарик», взяв аппарат, сказал мне следовать за ним. Мы вышли из зала в коридор, где он мне передал аппарат и, с разрешения полковника Барышева, ушёл переодеваться для выступления в гимнастической «девятке». Полковник Барышев приказал мне явиться к нему в день Корпусного праздника, чтобы заменить Лобова, когда он будет выступать. Я на это согласился, от неожиданной радости. Да, повезло... Я попал на бал Роты Его Высочества, и видел программу не один раз, а два. Но все-таки не всё запомнил[37].

Для того чтобы не повторять программу этого знаменательного концерта, я его опишу, присутствуя на нём в день Корпусного праздника, а сейчас продолжу наш «Корпусной».

На генеральной репетиции концертная программа закончилась выступлением гимнастов. И когда громкие рукоплескания немного смолкли, раздалась команда командира 2-й роты полковника Филимонова:

---

[37] Конечно, я не помню всех имён и подробностей как концерта, так и бала (ведь я забыл даже, если знал, имена своих дам), и поэтому считаю товарищеским долгом поблагодарить В. Мантулина, который с помощью А. Лашкарёва, Д. Иванова и С. Муравьёва — кадет XIX выпуска и других однокашников, восстановил программу концерта и подробности бала.

— Кадеты, приглашайте ваших дам на чай!

Отодвигая скамейки, первые смельчаки кинулись к ещё сидевшим институткам. Вежливо поклонившись, как нас учили воспитатели и «дядьки», приглашали своих дам, которые, изящно приседая в положенном реверансе, клали свои ручки в «кренделем» выставленную руку кадета, — и все парами выходили из зала. Нет! Я ещё не был готов к этому. Схватив скамейку, как многие «подпиратели стенок», я понёс её в столовую, с расчётом, что, когда я вернусь, уже разберут всех институток. В это время длинная колонна белых рубашек и белых пелеринок на голубых формах направлялась в столовую Роты Его Высочества и в гимнастический зал, из которого заблаговременно были вынесены все снаряды и внесены столы для чая с «наполеонами».

Когда мы вынесли скамейки и расставили кресла и стулья в зале, нас отвели в гимнастический зал и посадили на пустые места за последним столом. Уже пропели молитву, — и все ели и тихо разговаривали. Меня втолкнули в ту сторону стола, где последней сидела институтка, и я оказался единственным из нашей «братии», сидящим рядом с чужой дамой. Когда я садился, то нечаянно зацепил локоть соседки... и извинился:

— Простите, пожалуйста.

Она обернулась (о Всевышний, опять голубые глаза, и опять блондинка!) и, улыбнувшись, тихо ответила:

— Ничего... — И убрала локоть.

На другой стороне стола, напротив меня, сидел Алёша Леонтьев, один из не танцующих, это я хорошо помню, а вот кто сидел справа от него с институткой, не помню. Не то что забыл, а просто не помню, и хочется вспомнить, потому что он смешил институток разными комическими историями из нашей кадетской жизни.

Сейчас, вспоминая этот момент, я предполагаю, что это мог быть кто-нибудь из тех кадет, у которых были сёстры-институтки, так как они умели вести себя в присутствии женского пола: Константин де Боде, Женя Спокойский-Францевич, Шура Верчик, Коля Сараев, Игорь Хоренко или Миша Табуч-Ющенко, а также Юра Григорьев, у которого сестры не было, но он мог и мёртвого рассмешить. Единственные две дамы за нашим столом сначала улыбались, потом начали сдержанно «фыркать», и, не выдержав тона, откровенно смеялись. Классная дама, которая сидела к нам спиной за следующим столом (на наш, наверное, не хватило, потому что за остальными столами

сидели или «звери», или «классидры»), несколько раз поворачивалась в нашу сторону и строго посматривала на наших развеселившихся дам.

Туман... густой туман времени заволок лица этих двух институток, но даже в этой мгле я до сих пор могу разобрать профиль моей маленькой соседки с непослушным курчавым локоном, который она постоянно старалась подсунуть под гладко причёсанные волосы, и каждый раз, толкнув меня в плечо, извинялась:

— Простите, пожалуйста.

И я каждый раз отвечал банальным:

— Ничего...

Как будто со старой выцветшей фотографии мне чудится лицо институтки на другой стороне стола с более тёмным цветом волос и глаз на круглом лице, с маленьким носиком и ртом в широкой улыбке. Она держит перед собой кружку с чаем, изящно изогнув мизинчик.

Не покажется ли читателю это глупо? Но факт, — это то, что сохранила постаревшая память: «простите, пожалуйста», «ничего» и «мизинчик». Может быть и глупо покажется со стороны, но мне дороги, очень дороги эти четыре слова.

Одиноко вернувшись в зал, я увидел, как кадеты отводили своих дам и, усадив их на кресла под крылышко классных дам, отчётливо кланяясь, отходили к противоположной стенке.

Бал начался традиционным «коло»[38]. Мы танцевали под рояль и старый граммофон, который не всегда было слышно, но это совершенно не мешало нам выделывать наши «па», независимо от ритма музыки и такта. После «коло» следовал первый вальс, а потом по программе остальные танцы, включая гвоздь танцевальной программы — «Котильонный вальс». Модные танцы того времени у нас запрещались, но старшие кадеты незаметно отводили своих дам в глубину зала, под самый Кремль, и под прикрытием «запорожцев», не танцующей толпы кадет, в такт польки танцевали фокстрот.

В тот далёкий период ещё непонятных чувств и переживаний, я в присутствии институток был застенчив, стеснялся. Побороть эту робость и перейти это пустое «колоссальное» пространство до противоположной стенки, поклониться и пригласить совершенно незнакомую институтку на вальс — казалось невозможным, и я стоял

[38] Хоровод — национальный югославянский танец. Мы танцевали «Кралево коло».

и «подпирал стенку». Наверное, я бы остался там стоять в течение всего бала, если бы не полковник Филимонов. Заметив, что я не танцую, взял меня «за шиворот» и подвёл к институтке. Я поклонился, она встала и сделала реверанс, и мы начали танцевать. Что мы танцевали, что мы говорили, как её звали, ничего не помню — наверно не промолвили ни слова. Этот первый шаг оказался не таким уж страшным, и, набравшись храбрости, я начал приглашать и других институток на танцы. Танцевать подряд с одной и той же дамой не полагалось. Когда начинала играть музыка, вся ватага кадет бросалась к институткам. Запоздавшие возвращались назад с пустыми руками. (Институток было значительно меньше нас.) Несколько раз я старался найти тех весёлых институток, с которыми сидел за чаем, но безуспешно. После многих неудачных попыток мне всё-таки удалось кого-то пригласить на вальс. Когда моя дама встала и сделала реверанс, у меня ёкнуло сердце: она была пухленькая, круглолицая, с маленьким вздёрнутым носиком, но с голубыми глазами. (Везло мне на голубые глаза.) Вопреки моему предчувствию, она легко и свободно танцевала и наперёд угадывала мои движения. Мы обходили круг за кругом, не останавливаясь и не переводя дыхания, и я был очень огорчён, когда нам надо было покидать зал.

Много-много лет спустя, мне кто-то сказал, что, возможно, это была наша одноклассница Березнева.

Вечером, после укладки, в нашей «маленькой спальне» никто не спал, — и это вполне понятно. Впечатления и переживания мучили, и надо было с кем-нибудь поделиться. «Орлик» Орловский никак не мог себе простить, что он наступил своей даме на ногу; «Спайку» Спокойскому-Францевичу так и не удалось потанцевать с той институткой, с которой он хотел, и он был готов «вызвать на дуэль» кого-то из IV класса, кто танцевал с ней три раза, что не полагалось; Коля Сараев воздержался от собственных впечатлений, но зато передал последние институтские «сплетни», полученные от сестры «Пеночки», касавшиеся главным образом старших институток и предстоящего Корпусного вечера; Женька, мой сосед, «влип»[39] в институтку с родинкой на лице, и когда я его спросил: «Где на лице, и на какой стороне?», он запутался — так и не вспомнил.

На следующий день (5 декабря, новый стиль), в канун Корпусного праздника, уроки продолжались, но преподаватели, понимая, в каком приподнятом настроении мы находились, не проявляли

[39] Влюбился.

особой строгости. (Я, например, дорисовывал программки-папки, которые мне всучили в последнюю минуту.) Ужин подавали раньше. Возможно, это была традиция, так как в течение всех лет, что я был в корпусе, в этот день на ужин всегда подавали фасоль с томатом. («Пасул са пастермом» тётки Харитины, что давало повод острякам каламбурить: «Фасоль с томатом и заря с церемонией».) После ужина переодевались в парадную форму и шли в церковь. Служба торжественная, иногда служили несколько священников. После всенощной возвращались в помещение роты только для того, чтобы взять фуражки и последний раз привести себя в порядок перед построением на «Зарю».

Построившись поротно, по общему ранжиру, и вздвоив ряды, мы спускались в коридор Роты Его Высочества и становились на левом фланге, а к нам пристраивалась 3-я рота. На правом фланге Роты Его Высочества размещался оркестр, а за ним, поперёк коридора, стояли старые кадеты-гости. Выровнявшись по линии, начерченной на полу, батальон стоял «вольно».

Старший офицер Роты Его Высочества полковник Н. А. Чудинов («Чудо»), командующий батальоном, подает команду:

— Батальон смирно! Равнение налево! Господа офицеры!

И направляется вдоль строя навстречу директору корпуса.

Оркестр начинает играть встречный марш «Наш полк», и из своего кабинета, в конце коридора, выходит директор корпуса генерал-майор А. Г. Попов, в парадной форме с орденом св. Владимира 3-й степени над левым карманом, под которым наш корпусной значок, а на правом кармане — академический значок. Седые волосы подстрижены под машинку, как у нас; гладко выбритое спокойное лицо, и на носу пенсне; тёмно-синие бриджи и до блеска начищенные сапоги на выгнутых ногах «по-кавалерийски»; шаг — спокойный и лёгкий, как по воздуху идёт. Его сопровождает дежурный по корпусу кадет, который несёт в руке приказ и пакет с нашивками.

После рапорта, во время которого оркестр замолкает, полковник Чудинов сопровождает директора корпуса до середины батальона, откуда директор корпуса обращается с речью, которую я, конечно, не помню, но подобные речи всегда были воспитательно-исторического содержания (генерал А. Г. Попов преподавал историю в старших классах). В конце речи директор вызвал исполняющего должность фельдфебеля Роты Его Высочества вице-унтер-офицера Бориса Ященко и произвёл его в вице-фельдфебели, вдевая под по-

гон золотую нашивку. Потом, по старшинству, последовали производства в вице-унтер-офицеры старших кадет: Ратнова Александра (знамёнщик), Мантулина Валентина, Образа Романа, Сцепуржинского Федора и Фостикова Юрия. Я запомнил всех, даже в «Памятку» не надо было заглядывать.

Мне было видно, как вызванные старшие кадеты выходили из строя и, подойдя к директору, брали под козырёк; как директор вдевал «лычку»[40] под погон, поздравлял, и они становились на правый фланг роты опять под звуки музыки «Наш полк». Когда им директор провозгласил «Ура!», я со всем строем так громко кричал наше кадетское «Ура!», что пламя в лампадке колыхалось. Я был несказанно рад и чуточку горд за Валю Мантулина, — наш «дядька», мой «дядька»!

Со слабой надеждой ожидал я приказа по корпусу, который читал полковник Чудинов, где перечислялись все назначения, производства и прибавки баллов по поведению. Нет, мне не прибавили — крепко стоял мой «кол».

Потом дружно, с большим подъёмом, вместе с оркестром пропели «Наш полк», фельдфебели рот произвели поверку, прочитали наряд на завтра, и после того как горнист сыграл с оркестром «Зарю», пропели «Коль славен» и «Песнь Дворянского полка». Сняли на молитву фуражки, и под заданный тон запевалы («до-ля-фа») спели «Отче наш» и «Спаси, Господи...» Церковник прочитал «Великое поминание», начиная с Государя Императора Александра Павловича. Вслед за командой «Накройсь!» надели фуражки, директор корпуса пожелал спокойной ночи, на что мы дружно ответили:

— Покорно благодарим, Ваше Превосходительство!

Горнист звонко играет «Отбой». Наша 2-я и 3-я роты уходят в свои помещения. Мы не успели подняться по лестнице, как внизу прокатилось громкое «Ура!». Это Рота Его Высочества «качала»[41] произведённых.

(**Личная вставка**. Когда я, проверяя, прочитал до сих пор написанное, мне бросилась в глаза совершенно машинально напечатанная перемена обращения. В описании нашей повседневной жизни я всегда писал «Генпоп» — привык, по-другому я его и не называл, а

---

[40] Золотая тесёмка.

[41] Тесным кругом подымали кадета на руки и подбрасывали, принимая его опять на руки.

тут вывел даже его полный титул. Потом сообразил: строй! Строй — святое место! Вот въелось, и до сих пор держится!)

В день праздника св. благоверного Великого князя Александра Невского, 6 декабря (новый стиль), утром и потом весь день давались особые сигналы — «Русская побудка». Я хорошо помню, как их особенно красиво подавал Назаревский Костя или Макаров Юра («Микица», XXII выпуска). Их всегда можно было отличить от других горнистов.

За утренним завтраком нас ожидал приятный сюрприз: старые кадеты, которых мы вчера видели мельком на «Заре», расселись между нами за столами. Приезд «стариков» на Корпусной праздник родного корпуса ещё раз подчёркивал ту неразрывную связь между всеми кадетами Княже-Константиновцами, независимо от возраста и положения. Часто среди младшей 3-й роты XXVII — XXVIII выпусков сидели кадеты X или XI выпусков, и по традиции, требуя от малышей обращения к ним на «ты», этим вовлекая их в одну традиционную семью, создавали родственное чувство принадлежности к одному большому *Гнезду.*

За моим столом не было «стариков», но за соседним столом сидел в форме юнкера Югославянской Военной Академии Костя Курицкий, XVIII выпуска, рядом со своим младшим братом Димой, моим одноклассником. Костя, которого я ещё помню вице-унтер-офицером, лучшим гимнастом корпуса, а сейчас он — юнкер, — это всё то, о чём я мечтал в одном лице. Когда мы встали на молитву, на моём месте остался недопитый чай и кусок недоеденной сладкой булки, которую «Лёшка» Леонтьев ловко подобрал и сунул в карман. Мне было не до еды, когда передо мной сидел мой кумир, да ещё на «Корпусной».

После завтрака мне пришлось сходить в цейхгауз и выпросить у вахмистра чистую парадную рубашку, так как я свою закапал чаем, наверное, засмотревшись на Костю. Вахмистр всегда скажет что-нибудь приятное:

— Раззява, вот тебе настоящая рубашка, носи, не марай!

Рубашка действительно оказалась тонкого шерстяного полотна, со старыми «червонными»[42] гербовыми пуговицами, которую я потом долго носил, пока не вырос. Я успел начистить пуговицы так, что они блестели, как звёздочки, и когда нас выстроили двойными

[42] Пуговицы из красной меди (ещё из России).

рядами, чтобы идти в церковь, фельдфебель роты Алёша Нещерет выставил меня в первую шеренгу (я уверен — пуговицы помогли).

Литургия прошла торжественно. Много нарядно одетых гостей, все офицеры-воспитатели в парадной форме, с орденами, на форме произведённых накануне вице-унтер-офицерах блестят новые золотые нашивки, и у меня не воскресное, а особое, праздничное настроение. Тихо, и вместе с тем весело — «Корпусной»!

После литургии в церковь внесли наше знамя Полоцкого кадетского корпуса, которое встречал перед Музеем оркестр маршем военно-учебных заведений. Следуя за полковником А. Д. Шавровым, вице-унтер-офицер знамёнщик Шура Ратнов, в новых «лычках», гордо нёс знамя. Остановившись перед алтарём, знамёнщик опустил древко между носками ботинок и вложил его в согнутый локоть левой руки. Знамя колыхнулось и замерло. Начался молебен.

Вот и наше знамя вместе с нами празднует «Корпусной», и потянулась золотой нашивкой ленточка памяти в далёкое родное прошлое. Сколько кадет полочан, с момента пожалования Полоцкому корпусу Императором Николаем I этого знамени в 1845 году, так же как и я, с ним молились?.. Сколько кадет сумцов читали надпись «С нами Бог» на их знамени, которое сейчас служит запрестольным образом в нашей корпусной церкви?.. Сколько кадет сибиряков играли на жалованных юбилейных фанфарах, звук которых вчера меня так поразил особенным тембром?.. Сколько осталось тарелок с вензелем Владикавказского кадетского корпуса, которые иногда попадали к нам в столовую?.. Сколько из кадет погибли смертью храбрых в кровавые годы гражданской войны, защищая честь Родины, и эти знамёна от большевиков?.. И мне чудилась гора черепов с картины Верещагина, которая висела у нас в коридоре.

На каждом «сколько» память завязывала узел, и эта золотая ленточка дотянулась, через поколения наших дедов и отцов, до меня, и я крепко на ней завязал свой узел.

Пока я завязывал узлы и подсчитывал поколения, молебен кончился. Нечего греха таить, бывало, замечтаешься — и служба кончается.

Под звуки того же марша знамя вынесли, и нас развели по ротам на передышку перед последним построением на парад.

Весь корпус поротно, по общему ранжиру (по росту), в парадной форме, выстраивался в коридоре Роты Его Высочества для парада. Я не буду описывать всего парада, так как он подробно, со всеми

деталями, напечатан в нашей «Седьмой Кадетской Памятке», и весь его распорядок повторялся из года в год. Прошлогодний парад я плохо помню, но в этом году, попав в первую шеренгу, я сберёг некоторые воспоминания.

На этот раз я стоял ближе к середине батальона, чем в прошлом году. Напротив меня вдоль стенки стояли гости, и если скосить глаза вправо (голову нельзя поворачивать!), то я видел левый фланг институток, а сегодня вечером после концерта бал, на который придут эти институтки. Лезет в голову разная чепуха, а тут надо стоять смирно, набрать воздуха — выпустить, а грудь оставить на месте, да убрать живот. Ладони потеют, фуражка, надетая прямо, давит (я её всегда носил набекрень), но стою смирно, и приятно стоять — где-то под этой «грудью колесом» бьётся кадетское сердце от радости и гордости за свой родной корпус. До головокружения кричу «Ура!», когда возглашаются здравицы России и родному корпусу, и прихожу в себя только когда раздаётся команда:

— Батальон... направо!

Раз... два. Как один и замерли.

— К церемониальному маршу! Справа повзводно, на двухвзводную дистанцию, равнение направо, первая рота!

Оркестр заиграл Старый Егерский марш. Пошла повзводно 1-я Рота Его Высочества. Смотрю на них: красота... И душа радуется и завидует... когда же я буду в первой роте?

Пошла наша 2-я рота. Впереди — 1-й взвод. Идут хорошо — молодцы. Одним глазом слежу, как 2-й взвод идет — ничего, прошли — не подкачали, а за ними — мы.

Обошли правым плечом, потоптались на месте, выровнялись, да как вырвались с левой ноги, и пошли печатать... Взвод большой, и в узком коридоре каждый шаг, как громом гремит. На приветствие директора, как рявкнули, как из пушки залпом:

— Рады стараться, Ваше Превосходительство!

Мне показалось, что окна задребезжали и институтки зашатались. «Берегись! Славный XXIV идёт!» — мелькнуло у меня в голове.

Когда мы уже начали подниматься по винтовой лестнице, я обернулся: «семенила»[43] 3-я рота, но шли хорошо. Мордашки весёлые, радостные, и я подумал: «Таким, наверное, был и я в прошлом году».

[43] Мелким шагом.

После парада и обеда, который всегда отличался чем-то редким и вкусным — борщ с сосисками, телячье жаркое и пирожные от Могоша, во всём здании воцарялось предбальное настроение. Кроме редкого и вкусного, за обедом вместе с нами за столом сидели старые кадеты. По традиции в этот день нам разрешалось разговаривать, и столовая гудела несмолкаемым пчелиным ульем. Где бы не сидели старые кадеты, за столом шёл оживлённый разговор, и если бы посторонний человек заинтересовался, о чём могут так весело говорить этот взрослый господин и сияющий до ушей малыш, то ответ был бы таков: «Как о чём? Конечно о родном корпусе!» И улей шумел, пока не раздавалась громкая команда: «Встать! На молитву».

Я с некоторой тревогой наблюдал, как на моём дежурстве приходит в полный беспорядок спальня.

Чистят ботинки суконными одеялами, разбирают утром мною выровненные шинели, снова наводят блеск на уже начищенные пуговицы и бляхи, полотенца валяются где угодно, кровати помяты, повседневная форма не сложена. «Лёшка» Леонтьев попросил меня одолжить ему мою фуражку (в ней он выглядел «ахово»), так как на его фуражке сломалась тулия, обещал принести пирожное от Побединской, — я согласился.

Все надевали шинели, расправляли складки и являлись на проверку к дежурному воспитателю. Уходили в город к знакомым или просто погулять на свободе, без «дядек» и воспитателей. Гвоздём отпуска обыкновенно были две кондитерских: Могоша, куда, главным образом, ходили старшие классы, и госпожи Побединской, где собирались младшие классы, чувствуя себя более спокойно, при отсутствии зоркого глаза старших кадет, а в особенности таких, как Скивский Шура (XX выпуска), которого, встретив в городе, обходили «за тридевять земель». Я-то не знаю — в отпуск не ходил, но товарищи рассказывали, что он «придирался» к младшим кадетам и отсылал их назад в корпус за малейшие провинности: за набок надетую фуражку, за отданную честь не по уставу, и за разные мелочи, которые провинившиеся отрицали, но спорить со старшим кадетом не решались. Братья шли на приём в институт к сёстрам, исполняя секретную должность «почтальонов». Переписываться с институтками запрещалось, и за этим строго следили как «звери», так и «классидры»[44].

[44] Классные дамы.

Я не имел чести принадлежать к той «элите», которая ходила в отпуск. Надо было иметь «пять» или «четыре» за поведение, а «троечников» пускали в отпуск только на Корпусной и на Ротный праздники, Рождество и Пасху. Нашего брата с «колом» обыкновенно назначали в этот день на дежурство: по классу, по спальне или по коридору. Какой же это будет «отпетый» кадет, если он не умудрится попасть в город «самодралом». «Самодрал», а на языке «зверей»: самовольная отлучка, строго карался, вплоть до исключения из корпуса. На эту тему, наверное, у многих из нас найдутся интересные, курьёзные истории. Моя — ещё впереди.

В то же время в Роте Его Высочества также происходили лихорадочные приготовления к отпуску и балу.

Вчера на вечерних занятиях я закончил последние программки к корпусному балу для «дядек» Алёши Нещерета и Володи Гавлицкого, а также две — для гостей. Беспощадно «скатывал»[45] цветы с известных открыток Клайн, а рамки и узоры дул по Билибину. Под предлогом, что мне их надо лично передать, получил разрешение от дежурного офицера-воспитателя пройти в Роту Его Высочества. Спустившись вниз в Полоцкий коридор, я, как полагается, явился дежурному офицеру-воспитателю 1-й роты, и от радости, и в то же время от страха: а вдруг появится Скивский или Жедилягин Георгий, который опять начнёт мне рёбра считать, не знал, куда идти. В коридоре было довольно оживлённое движение, и на меня, слава Богу, мало обращали внимания, но душа-то моя, хоть и радовалась, но ушла в пятки. На каждого кадета Роты Его Высочества я смотрел вверх, даже левофланговый Дробышевский был выше меня, не говоря уже о таких верзилах, как Алёша Нещерет, Шура Ратнов и Юра Бендерович, — им я доходил немного выше пояса. Меня не так тревожила разница роста, как чувство, что я попал в предел, куда редко проникает младший кадет, будто передо мной открылась заветная дверь в какой-то новый мир, да ещё на «Корпусной»! Я остановился против открытых дверей спальни и, узнав знакомые лица старших кадет VIII класса, робко спросил:

— Разрешите войти?

В спальне от шума и оживлённого разговора меня не было слышно, и мне пришлось повторить громко мой вопрос.

— Да, входи! — крикнул кто-то.

Я увидел «Шарика» Лобова.

[45] Срисовывал.

— Лермонтов, здравствуй, смотри, не забудь сегодня вечером явиться полковнику Барышеву, а то я танцевать не смогу! — И «Шарик» улыбнулся. Он показал мне кулак (как будто луна выплыла из-за туч и опять скрылась), а потом спросил: — Ты чего пришёл?

Я объяснил, и, увидав Алёшу в другом конце спальни, начал пробираться к нему между кроватями.

В спальне кипела работа франтов и модников. Большинство рвалось в отпуск. Из-под матрасов извлекали спрессованные парадные брюки, натянутые на специальные формы из фанеры, и усердно гладили. (У нас во 2-й роте вставляли в раструб брюк учебник пения с твёрдой картонной обложкой.) Наверное, за утюгом была очередь, так как кто-то крикнул:

— «Жук», торопись, ещё три человека ждут утюг!

Я обернулся и увидел Шуру Ратнова, моего скоплянца, гладившего брюки. Я первый раз услыхал его прозвище и, конечно, не мог повторить не только его, но и прозвища всех старших кадет, — не полагалось (из уважения), но мы их знали и между собой говорили.

Шура кончил гладить и, передав утюг Липковскому, любовался своей работой. Самый шик заключался в том, чтобы «клёш» покрывал весь ботинок. Такому суконному «колоколу» позавидовали бы и сами моряки, хотя за подобное «повреждение» казённого имущества «грели». Так же, как и мы, готовясь к отпуску, кадеты начищали гербовые пуговицы на чёрных шинелях, бляхи и ботинки; на цигелях сушились белые перчатки; иные дошивали розетки. Проходя мимо пустой кровати, на которой аккуратно была разложена разглаженная парадная рубашка, я почувствовал запах «тройного одеколона», и, вспомнив отцовское «Чем тут воняет?», был рад тому, что это скорее исключение, чем правило. Когда я подошёл к Алёше, он, глядя в маленькое зеркальце, подстригал «усы». Если можно было принять этот пушок, который мы называли «сопленцами», за усы. Тем не менее Алёша очень осторожно, что-то выстригал с верхней губы, и я, стараясь ему не мешать, стоял в ожидании, пока он меня заметит. Позади меня кто-то рассказывал соседу:

— ... Помнишь, как несколькими годами ранее, он, игравший ответственную роль, вернулся из отпуска, точнее, от «Ку-ку»[46], еле держась на ногах, от чего режиссёр, полковник Левитский, впал в безнадёжное отчаянье. Все ожидали, что тщательно подготовленная драма сорвётся или обратится в трагедию, но к общему удивлению,

[46] «Шинок» на окраине города.

он за два часа до начала спектакля настолько протрезвел, что сыграл всю роль вполне прилично, даже с яростным подъёмом, хотя все мы всё это время сидели, как на иголках. Его, как героя и виновника торжества, не наказали. Даже не сделали выговора.

Я оглянулся, жалея, что пропустил имя артиста, и увидел своего «дядьку» Валю Мантулина, как всегда резонно и убедительно выводящего заключение. Валя был старшим музыкантом нашего оркестра, которому предстояло выступать на сегодняшнем концерте.

Алёша, окончив подстригать «усы» и приглаживая их, повернулся ко мне:

— Покажи, что ты там намалевал?

Он заказал красные розы, и чтобы было много листьев. Почему много листьев? Потому, что листья роз похожи на сердце! Ну, я и срисовал с открытки Клайн розы, и добавил листья.

— Да, ничего, хорошо. Спасибо! — И положил программку на кровать, а на неё — малиновую с длинными лентами розетку, на которой сиял погончик.

Я наклонился, чтобы ближе рассмотреть: мельчайший трафарет вензеля резко выделялся на малиновом погончике с унтер-офицерскими нашивками, сияющими золотой медью под несколькими слоями лака, — красота! Мне ещё далеко до такой работы. Я спросил Алёшу, кто делал погончик.

— Это наш художник-умелец Серёжа Муравьёв.

Я вспомнил, как у нас в роте говорили, что ему даже «Баран» (полковник Розанов), инспектор классов, заказывал погончик.

Передав две программки для гостей вице-фельдфебелю Роты Его Высочества Борису Ященко, я потом у себя в классе, как будто бы невзначай, рассказал, как я разговаривал с вице-фельдфебелем 1-й роты и как он улыбнулся и, похлопав меня по плечу, похвалил: «Вот молодец, спасибо».

Расспросив, где находится VII класс, я пошёл гордый и довольный — вице-фельфебель похвалил — искать тоже моего «дядьку», этого года, Володю Гавлицкого. Когда я проходил мимо VIII класса, в открытую дверь я увидел Серёжу Муравьева, доканчивавшего роскошную программку.

По коридору, по направлению к дежурке, проходили аккуратно одетые отпускные. Так у меня на всю жизнь и сохранилось восхищение строгой красотой формы Роты Его Высочества: чёрная шинель военного покроя, с одним рядом сияющих гербовых пуговиц,

малиновый погон с жёлтым вензелем; блестящая, как на тёмном небе звезда, медная с сиянием бляха; белоснежные перчатки; чёрные «клёш» брюки, покрывающие ботинки, доведённые до максимального блеска, и на весёлом лице («без улыбки») — чёрная фуражка с малиновой тульей и солдатской кокардой, надетая немножко набок. Идёт такой кадет лёгкой военной походкой по улице Белой Церкви — и тусклое зимнее солнце меркнет при блеске его молодцеватой фигуры! Чьё самое чёрствое девичье сердце не устоит перед такой красотой?!

Я остановился перед дверьми VII класса, вспомнив, что тут может быть Шура Скивский, и хотя он меня знал по переплётной мастерской, я поправил позади складки, одёрнул впереди повседневную рубашку (я же в отпуск не собирался), постучал в дверь и, получив разрешение, вошёл. Везёт мне, как утопленнику, — передо мной стоял Скивский, готовый идти в отпуск.

— Ага... Лермонтов, входи, входи, дай мне на тебя посмотреть... — говорит строго, а сам улыбается, — а ну, повернись... почему хвост торчит? Покажи, что ты принёс.

Поворачиваясь, я услышал хорошо знакомый голос «Мацы» и быстро про себя поправился: старший кадет Гавлицкий.

— Шурка, оставь его в покое, он ко мне пришёл, — выручил меня Гавлицкий.

— Иди, иди, валяй... — уже совсем весело отпустил меня Скивский.

В классе, где на стенке красовалась в рамке малиновых лент и розеток римская цифра двадцать, было не так много кадет, большинство уже ушли в отпуск. Около парт Лёни Кисиль и Бориса Ульянцева (старшего брата нашего «Урлика») собралась куча нетерпеливых клиентов. Художники дорисовывали шипы и стебельки ярким розам на роскошных программках из паспарту, и когда я на них взглянул, то ахнул, увидав художественное исполнение рисунков: тут не отделаешься котлетой или коржиками, как у нас, — бери выше. Тут же, передавая это произведение искусства (которое им, наверное, дорого обошлось) распорядителям на вечере, возбуждённые, предстоящими встречами с институтками, кадеты вдалбливали им: кому её вручать и что шепнуть.

Старший кадет Гавлицкий (тут я по-другому и думать не мог) одобрил мою работу. Я этот сюжет уже рисовал несколько раз: Билибинский Иванушка, проснувшись, выдёргивает перо у жар-птицы,

и показал Лёне, который, будучи здорово занят, только взглянул и также одобрил.

Возвращаясь назад к себе в роту, я не шёл, а летел по лестнице от возбуждения пережитых впечатлений. Как же! Побывать в помещениях Роты Его Высочества удаётся не каждому младшему кадету.

Вернувшись в роту, я зашёл в спальню, и пришёл в ужас. В ней стоял такой беспорядок, как будто тут только что кончили играть в «кукушку»[47]. На радостях я решил, что пока мои одноклассники гуляют, веселятся и уплетают пирожные, я приведу спальню в полный порядок, чтобы не осрамиться, когда придут после отпуска старые кадеты в гости.

По возвращению из отпуска, кадеты пили чай с булкой, а участвующие в концерте готовились к балу. Остальные приводили классы в порядок, ожидая старых кадет, которые, жертвуя общением с товарищами в Роте Его Высочества, всегда находили время навестить и младших товарищей. «Лёшка» — молодец, сдержал слово — принёс половину шоколадной трубочки, и мы её вместе слопали.

Я надел парадную форму и явился полковнику Барышеву, который мне объяснил премудрости «вспышки» и все остальные обязанности. «Шарик» широко улыбался и советовал поступить в «Кружок любителей фотографии». Я отказался — у меня тогда не было бы вообще свободного времени. Поставили мы аппарат у входной двери около первой арки, и я там встал, положив на всякий случай, если «звери» спросят, руку на треног аппарата, — я, мол, «фотограф».

Из моего угла направо я видел всю сцену, а в левую сторону — весь зал. Мной овладел «телячий восторг»: вот, где я смогу увидеть «девятку» гимнастов, почти перед собой.

В зале, в первом ряду, уже сидели полковник В. А. Розанов («Баран», инспектор классов), «звери», приглашённые гости, а впереди стояли кадеты-распорядители с малиновыми и голубыми розетками[48] на левом плече и художественными программками в руках. Эти кадеты встречали и рассаживали гостей. Позади, на скамейках из столовой, с правой стороны стояли пустые скамейки для институток, а левую сторону, через проход, занимали кадеты.

Я помню, у нас (2-я и 3-я роты) на генеральной репетиции всегда происходила толчея за места в проходе. Такое место можно было

[47] В спальне или в классе тушился свет, и в полной темноте кидали чем попало, на любой шорох.

[48] Малиновый — цвет корпуса, а голубой — института.

выменять за коржик у какого-нибудь отчаянного сердцееда. В проходе на специально расставленных стульях сидели институтские классные дамы, которые зорко следили за тем, чтобы не передавали письма и записочки, но это не помогало. Наши изобретательные ухажёры прибегали к разным уловкам. Для того чтобы «Манички» и «Танички» получили их пылкие послания, заранее прикрепляли их к низу скамеек, на которых сидели институтки, прятали под развешенными в нишах картинами, передавали через проход, когда в зале тушили свет во время фотосъёмки. Во всяком случае, бывалому кадету ничего не стоило перехитрить всюду вертевшихся «классидр».

Приступая к описанию бала Роты Его Высочества, надо упомянуть одно важное событие, предшествовавшее Корпусному празднику, а именно: концерт в память 950-летия Крещения Руси, который был перенесён на 6 ноября 1938 года, из-за того, что в самый день св. Владимира, 28 июля, все учащиеся были на летних каникулах. Хотя подобные представления нередко устраивались в большом городском театре «Бург», необычайность этого концерта заключалась в том, что кантаты в честь равноапостольного князя исполнял смешанный хор институток и кадет, тогда как в течение учебного года каждый хор должен был выступать и петь в церкви отдельно.

Известие о предстоящем праздновании послужило причиной к возрождению среди кадет всех видов искусства. Если на регулярные спевки хористов приходилось загонять чуть ли не батогами, и далеко не все признавали за собой певческий талант, то в данном случае голоса появились у самых отпетых «козлов», и к этому концерту пожелавших участвовать оказалось гораздо больше, чем нужно.

Во время общих спевок, когда разгорались юношеские волнения, не только старшему музыканту и старшему певчему приходилось следить за тем, чтобы кадеты не задерживались за кулисами, но и дирижерам Е. В. Говоровой и М. С. Собченко надо было устанавливать порядок, когда все выстраивались на сцене.

Короче говоря, хор оказался тем проводником, в котором нежданно-негаданно завязались узлы дружбы и из которого протягивались невидимые и роковые нити вплоть до самого Корпусного праздника. Поэтому многие происшествия, разразившиеся во время бала, явились только следствием того, что началось на предыдущем концерте.

В том возрасте моё увлечение гимнастикой было вполне понятно, но всё же такое событие, как корпусной концерт, было необыкно-

венной приятной редкостью, которой кадеты с вдохновением посвятили столько усилий, стараний и многообразных талантов. Обычно на Корпусной праздник ставили какую-нибудь одноактную пьесу патриотического содержания, но на этот раз решили отказаться от драматургии и сделать упор на другие виды искусства, вложив все силы в концерт. Но что это был за концерт! Нам, младшим их товарищам, было на кого любоваться, кем восхищаться и с кого брать многогранный пример.

Трудно себе представить атмосферу напряжённого ожидания в ярко освещённом вестибюле и в ведущем в зал коридоре, в котором дежурили услужливые и гостеприимные кадеты-распорядители. Шум в зале нарастал по мере появления всё новых нарядных и приветливых гостей, которых распорядители рассаживали в передних рядах.

К распорядителю Серёже Муравьеву подошёл его одноклассник Володя Просяниченко, недавно поступивший в корпус из гимназии, и, пожимая плечами и разводя руками, передал ему программку, которую Серёжа для него же только сегодня закончил, а сам забрался на сцену за закрытый занавес и начал оттуда выглядывать. Оказалось, что «Прося», как его называли товарищи, не отличался, мягко выражаясь, привлекательной наружностью, но, взамен тому, с неимоверной настойчивостью уговорил Серёжу нарисовать ему для Веры Дмитриченко программку. Но когда дело дошло до подношения, то по своей безграничной застенчивости поручил это «священнодействие» Серёже.

Когда распорядители, передавая друг другу, начали сигнализировать, что в вестибюле появились самые желанные гостьи-институтки, шум мгновенно перерос в радостный гул.

«Царицы юных грёз» входили парами так близко от меня, что я чувствовал свежий запах накрахмаленного полотна их пелеринок. Тогда, в тринадцать глупых лет, я ими откровенно любовался, как художник любуется красотой произведения искусства, но с открытым ртом, и жаль, что около меня в тот момент никого не было, чтобы меня одёрнуть!

Задние ряды кадет, как по команде, поднялись, и на лицах попеременно отражались то чувство радости, то разочарования, если желанная дама не прибыла. Институток встречали улыбающиеся распорядители, давали отпечатанные программки, а избранным по заказу — художественные программки-папки, и усаживали по

местам. Из моего угла я видел, как в разрез занавеса со сцены просунулась чуть ли не вся голова Володи Просяниченко, когда Серёжа Муравьёв передавал программку Вере Дмитриченко, и что-то ей сказал такое, что она улыбнулась.

Когда замолкли последние восклицания и все сидели по своим местам, а вокруг установилась волнующая полутишина, в зал вошёл «Генпоп», и сразу же раздалась команда:

— Встать, смирно!

Директор поздоровался с начальницей института и другими почётными гостями, сел в особое кресло и дал знак, что можно начинать программу.

Концерт начался фанфарным маршем «Герольд».

Из боковой двери перед сценой, на которой уже стоял в готовности оркестр в блеске своих начищенных труб, выходили четыре кадета в парадной форме и в фуражках, неся на вытянутой правой руке блестящие фанфары, с которых свисали малиновые прапора с вензелем шефа корпуса, как на нашем погоне. Остановившись на середине, перед сценой, и повернувшись в пол-оборота к залу, они одновремённо спускали фанфары на выставленное колено. Фанфары и оркестр начинали марш одновременно, а потом они чередовались.

Каждый раз, когда я его слышал, у меня замирало сердце, и я уверен, что у меня рот не закрывался до тех пор, пока не отзвучала последняя нота. Гордый настойчивый звук фанфарных труб требовал беспрекословного внимания и повиновения, и вместе с тем — бодрил и веселил. Сердце невольно билось в такт музыке, и в груди рос комок дикого восторга, так что по окончании марша хотелось бесконечно аплодировать. Как ни странно, но институтки ничуть не отличались от нас в этом восторге.

Духовой оркестр под управлением капельмейстера М. С. Собченко открыл программу прекрасным исполнением попурри из оперы Джузеппе Верди «Травиата». Затем последовало исполнение А. Лашкарёвым, XIX выпуска, арии Сусанина из оперы Глинки «Жизнь за царя». Мы тогда и не подозревали, что, может быть, единственные в мире слушаем слова этой арии в оригинале, так как в советской версии слова о царе давно уже были выброшены не только из оперы, но и вообще из употребления. Я первый раз слышал нашего «Ушкаря», исполнявшего что-нибудь другое, кроме чтения Апостола на воскресной службе в церкви. Так он у меня в памяти и остался: у

аналоя, посередине зала, с раскрытой книгой в одной руке, а другой, прижав ухо, задающим себе тон.

Присутствующий на концерте представитель русской белградской прессы впоследствии отметил внушительное исполнение нашей корпусной знаменитости[49].

Вскоре, тот же Лашкарёв с Володей Мартыненко (XX выпуска) спел дуэт Рубинштейна «Горные вершины». В завершение сольных выступлений, мой «дядька» Валя Мантулин, в новых блестящих нашивках, сыграл на скрипке «Песню без слов» П. И. Чайковского, изрядно меня этим удивив, так как я совершенно не подозревал в Вале такого музыкального таланта. Затем под управлением Лашкарёва, последовало выступление кадетского хора, исполнившего ряд народных песен, и в заключение — «Вниз по матушке, по Волге...» (в труднейшей аранжировке Калиникова), на что обратили особое внимание присутствовавшие в зале хористы знаменитого Донского казачьего хора Сергея Жарова.

Но особого одобрения публики удостоился великорусский струнный оркестр, пожалуй, самый большой в истории корпуса, созданный вице-унтер-офицером Юрием Фостиковым (XIX выпуска). Из народного репертуара публика оценила по заслугам песню «Вот мчится тройка почтовая...» и, фабрично-городскую, «По ком ты слёзы проливаешь?», которую спел Володя Мартыненко в сопровождении оркестра и хора.

Ещё не стихли аплодисменты, не отпускавшие «Мартына» и оркестр, когда внесли параллельные брусья для выступления гимнастов. Дождался — с моего укромного места я их буду лучше видеть.

Количеством и качеством своих гимнастов более всего славился XVIII выпуск, хотя и в XIX — они тоже были, среди которых я отдавал предпочтение Олегу Лобову. Повторяю: ему я был обязан моим физическим развитием и увлечением гимнастикой. Это были мои кумиры. Вот кем я мечтал стать, когда буду в первой роте.

Справедливости ради следует оговориться, что старшим группы являлся Сева Высоцкий. Он был у нас в роте «дядькой», когда я был во втором классе.

Свои его называли — Севка. Он начал серьёзно заниматься гимнастикой ещё в XVII выпуске, под «крылышком» известного в кадетской среде Кости Курицкого, который впоследствии, уже пос-

[49] См. «Седьмая Кадетская Памятка», ст. 434 , Александр А. Лашкарёв.

ле войны, стал инструктором спорта в Крыму. Будучи от природы мальчиком худеньким и сутуловатым, Севка силой воли заставил себя стать выдающимся гимнастом. Интересно будет вспомнить, что всего лишь за полгода до этого, в мае месяце, когда, согласно традиции, по окончанию 1938 учебного года, XVIII выпуск вывесил в коридоре Роты Его Высочества карикатуры на представителей XIX выпуска, одна из самых удачных оказалась карикатура на Высоцкого. Он был изображён в виде гладиатора с непомерно вздутыми бицепсами, с горделиво вскинутой направо головой (но всё-таки сутуловатым) и с победоносным трезубом в руке. Под рисунком значилась лаконическая надпись: «Dux Gimnastorum».

Когда Севка подошёл к своему образу, он сперва приглушенно хихикнул, а потом его охватил неудержимый хохот.

Одно появление гимнастов уже вызывало восторг, когда они, начиная от Севы Высоцкого и кончая Джабом Бурхиновым, прямо передо мной, бесшумно, отчётливо входили в зал под марш «Тоска по Родине», и останавливались позади параллельных брусьев. Не одно кадетское сердце трепетало от восхищения при виде стройных, мускулистых фигур в белых тельниках (майках) с чёрным двуглавым орлом на груди, и в синих гимнастических трико, которые пристёгивались к носкам лёгких тапочек.

Все сначала исполняли общее упражнение, а потом каждый своё — личное.

Я переживал вместе с ними каждое движение, каждый мах, каждую скобку и стойку. Затаив дыхание при каждом тяжёлом исполнении, я с облегчением вздыхал, когда оно кончалось. Ловил малейшие детали каждого приёма и старался их запомнить, — я тоже это когда-нибудь буду делать! И когда левофланговый Джаб Бурхинов XX выпуска, перейдя в стойке с двух брусьев на один, соскочил и ловко присел, заканчивая выступление, настала гробовая тишина на несколько секунд, а потом вдруг весь зал разразился громом аплодисментов, криком и шумом вставших кадет, мой восторг, и не только мой, а всего зала, достиг своего апогея. Беспорядочный шум перешёл в равномерное, в такт маршу, рукоплескание, провожающее покидавших зал гимнастов.

Не успели ещё заглохнуть рукоплескания, как раздался громкий голос командира первой роты полковника Н. А. Чудинова («Чудо»):

— Кадеты, приглашайте ваших дам на чай!

Тут я увидел разницу межу нами и кадетами Роты Его Высочества: они не бросались к институткам, как свора волков на ягнят, а чинно подходили, кланялись, и важно, шествуя под руку со своей дамой, покидали зал, направляясь в столовую 1-й роты и гимнастический зал.

Проходя мимо меня со своей дамой, «Шарик» Лобов строго сказал:

— Не уходи! На танцах будут фотографировать.

Из зала начали выносить скамейки, и я, вспомнив, что в классе ждёт меня хлеб и чайная колбаса, кинулся бегом в роту, опасаясь, что в моём отсутствии её могут съесть. В роте ходили из класса в класс старые кадеты, из которых я знал только Костю Курицкого, который сидел у нас в классе, окружённый моими товарищами. «Кот» де Боде, исполняя ещё свои старые обязанности, следил за моей колбасой, на которую уже с вожделением поглядывали «Два пи-пи»: Павлик Кутепов и Павел Фау. Налив горячего чая в кружку для чистки зубов, я умял этот толстый кусок чайной колбасы, который в своей пахучей розовой красоте свисал с куска хлеба, с таким большим удовольствием, что я до сих пор повторяю: такой вкусной чайной колбасы я больше никогда не ел!

Колбаса колбасой, а мне надо было возвращаться назад в зал, что мне не особенно хотелось. Программу я видел второй раз, вдоволь налюбовался гимнастами, а смотреть, как другие танцуют — неинтересно и скучно. Но я ошибся. Помимо того, что некоторые «дядьки» со мной откровенничали, я дружил с одноклассниками, у которых были сёстры в институте, и с таким запасом «секретов» открывался более широкий кругозор.

Когда я вернулся на своё укромное место, кадеты возвращались со своими дамами в зал, и я никак не мог понять, каким образом они так весело и непринуждённо между собой разговаривают, в то время как мы могли выдавить не больше двух вопросов: «Как Вас зовут?» и «В каком Вы классе?», и были рады, если получали хотя бы один ответ. Мимо меня прошёл «Жук» Ратнов, что-то восторженно рассказывая Тане Вертеповой, опустившей смущённо голову. Ну что можно ещё добавить, если он ей еженедельно посылает «пантофельной»[50] почтой целые тетрадки, переполненные всякой всячиной и, конечно, сердечными излияниями. (А один из «почтальонов» — наш «Шеря» Шереметов, приходящий.)

[50] Общее понятие передачи писем в институт. В данном случае — в калошах преподавателей, идущих из корпуса в институт на урок.

Пустой зал, где остались только в нишах белые скамейки-кресла, быстро наполнился вернувшейся с ужина публикой. Когда институтки расселись по скамейкам и перед ними почтительно стояли, продолжая разговор, кадеты, а «Генпоп», «Ева», «звери» и «классидры» разместились на стульях вдоль стенок, оставляя середину зала пустой для танцев, начался бал.

По традиции первым танцем был «Кралево коло». Образовывался большой круг, и в такт музыке двигались в соответственных «па» то вправо, то влево. Все знали эти простые движения. Кавалеры держали крепко своих дам за руки, так как это был единственный танец, когда неумевшие танцевать «запорожцы» могли подержать ручку своей симпатии, и разнимая руки танцующих, «врезались» в «коло» около неё.

Иногда первый вальс играл кадетский духовой оркестр, но неудобство такого распределения заключалось в том, что музыканты лишались возможности и удовольствия самим танцевать. Поэтому заменял оркестр один человек — наш бессменный тапёр, библиотекарь, статский советник, Александр Иосифович Котек. Он же аккомпанировал всем солистам. Милейший, обаятельный музыкант, он играл для нас в этот год с еле сросшейся сломанной рукой, и всётаки его недюжинный талант позволил ему заменить весь оркестр.

Громкий голос распорядителя танцев, которым обыкновенно бывали вице-фельдфебели, а сейчас Борис Ященко, объявил:

— Вальс.

И когда кадеты со своими дамами выстроились большим кругом, раздались первые звуки вальса.

Мой наблюдательный пункт стал негодным: передо мной высилось несколько спин гостей. Любопытство посмотреть, как и с кем танцуют старшие, заставило меня выйти из моего угла и осторожно пробраться вдоль стенки к середине зала, откуда я мог лучше видеть танцующих. Надо отдать должное кадетам Роты Его Высочества: помимо того, что вальс — красивейший бальный танец, старшие кадеты умели ему придать строгость и выдержку в плавном соблюдении круга и расстояния между парами, что создавало впечатление живого венка из белых ромашек и голубых васильков. Вот это да! А у нас толкотня: танцуют на середине зала, мешают друг другу, и негде развернуться.

Мимо меня проплывали танцевавшие пары весёлых кадет и, иногда, смущённых институток. И я не подозревал, что становлюсь

свидетелем возможных объяснений, влекущих за собой счастливые или печальные последствия, оставившие выпускному классу на всю жизнь неизгладимые воспоминания.

Танцы следовали по программе один за другим, с паузами, давая время институткам передохнуть. Их было меньше, чем танцующих кадет, и им услужливые кавалеры приносили лимонад. У противоположной стенки, напротив меня, в деревянном кресле сидела одна из самых миловидных институток, как я сразу определил, потому что только около неё могли сидеть сам вице-фельдфебель Борис Ященко и мой «дядька» Валя Мантулин. Белолицая брюнетка, Нюся Нарышкина, старшего класса, давно уже пользовавшаяся успехом у кадет старших выпусков, благосклонно принимала комплименты обоих поклонников и Славы Хлопова, подносящего ей стакан лимонада.

Оказывается, наш фельдфебель писал ей при свете ночника безответные сонеты, а безнадёжный воздыхатель Славка Хлопов поднёс ей стакан лимонада, в который он, озорства ради, подлил каплю коньяка, что, в свою очередь, вызвало взрыв негодования остальных двух. Но, к счастью, дело обошлось без конфликта. Наоборот, после рождественских каникул эти «три мушкетёра» узнают, что у их кумира, оказывается, есть в Белграде настоящий избранник. Тогда, в порыве товарищеского негодования, они сообща принимают мучительное, но кадетское решение, которое разразилось в институтских кулуарах маленьким взрывом.

На одном из самых последних кресел уединились Володя Полиевктов («Спартанец», как его называли товарищи) и хорошенькая Муся Кавазова. Они уже просидели вместе два танца, и нетерпеливые танцоры нервно прохаживались мимо них. Володю я знал как одного из лучших шахматистов XIX выпуска.

Для меня, тогда непосвященного в их тайны, объяснение между этой необычной и бездвижной парой (Володя не умел танцевать) не представляло никакого интереса, но для осведомлённых воздыхателей это было не только событием бала, но и всего года. Подумать только, неотразимые «львы» старших классов должны были ждать, пока они кончат беседу. Помимо того, что Муся была хороша собой, она вдобавок обладала пылким и решительным характером, который помогал ей держать под контролем вереницу поклонников, осыпавших её потоком душистых писем и приглашений на свидание.

Прозвище «Спартанец» соответствовало только греческой форме носа Володи Полиевктова. В остальном, своим хрупким

и хилым телосложением, он являл собой полную противоположность легендарным воинам древней Греции. Весьма возможно, что эта кличка укоренилась за ним, когда «Генпоп» на уроке истории рассказал классу, что спартанцы своих недоразвитых младенцев бросали в пропасть с известной мифической горы Тайгетус. Очевидно, в данном случае, наследники Ликурга не досмотрели. Тем любопытнее тот факт, что Полиевктов дерзнул написать вызывающее, но вполне вежливое письмо, пожалуй, самой популярной институтке, Мусе Кавазовой. И, что самое забавное, она ему ответила, хотя опытные ухажёры прочили «Спартанцу» полный провал. Между прочим, он берёг это письмо до конца своих дней, и оно сохранилось...

Тут, почти около меня, стоит фельдфебель моей 2-й роты Алёша Нещерет («Дунька»), высокий красавец, с только что подстриженными «усиками», и, склонившись над еле доходившей ему до плеча Верой Дмитриченко, рассказывает что-то весёлое, так как она звонко смеётся. Меня начинает мучить вопрос: как они, то есть Володя Просяниченко и Алёша, «поделили» эту весёлую красивую девушку?

В мае следующего года, примерно в той же позе и с той же дамой, Алёша попадёт на кадетскую карикатуру, под которой будут красоваться бессмертные строки из «Письма Татьяны». Вера действительно послала Алёше такое письмо. Решилась, значит.

Я не помню, во время какого танца, «Шарик» Лобов, увидев меня, строго кивнул головой в сторону выхода, к моему месту, что я поспешил исполнить, и натолкнулся на Романа Образа («Пеку»), общего любимца 3-й роты. Он был чем-то смущён, что так не шло к его мужественному лицу и могучему телосложению, и, закончив танец с княгиней Лихтенбергской, убедительно о чём-то рассказывал, разводя своими огромными руками. Поспел я к своему месту как раз в тот момент, когда было объявлено, чтобы кадеты и институтки подошли ближе к сцене, для фотографии. Притащил я треног, и полковник Барышев, установив его у самой сцены, приладил аппарат и, пока в зале позади стоящие старались протолкнуться в передние ряды, стал наводить камеру. Передние ряды успокоились. Впереди я заметил Алёшу Нещерета с Любой Безугловой, кто-то с правой стороны залез на скамейку под самую арку, а слева спокойно стоял Юра Фостиков со своей дамой. Потушили свет, разговоры замолкли, кто-то глубоко вздохнул... «Вспышка!»... Сухой щелчок... И весь зал весело подхватил: «Осечка!»

Наступила пауза... темно... в зале приглушенный шепот и смешки... Вспышка... Вспыхнувший магний ослепил всех стоящих. Юра Фостиков поспешно выпустил руку рядом стоящей дамы. Зал облегчённо вздохнул, и раздалась бодрая команда распорядителя танцев:

— Pas d'Espage.

И середина зала опять наполнилась танцующими парами.

После того как я отнёс аппарат в фотографический кабинет, проходя назад через вестибюль, чтобы вернуться к себе в роту, где, наверное, уже все спали, я услышал из зала первые, такие знакомые и, я бы сказал, родные звуки вальса «На сопках Манчжурии». Я не выдержал, вернулся в зал, сознавая, что это начинается «Котильонный вальс», может быть, последний танец этого бала.

Увлечённые знакомой мелодией и опьянённые обоюдной близостью, пары кружились в неудержимом водовороте, как вдруг раздался повелительный голос распорядителя:

— Grand rond![51]

И все уже после нескольких секунд послушно формируют огромный хоровод и мчатся в определённом направлении, перебирая ногами вольные «па» по ходу танца. Не дав кругу как следует набрать скорость, распорядитель провозглашает новую команду:

— Les dames au milieux![52]

И дамы на ходу создают внутренний круг, пока не раздаётся очерёдной приказ:

— Mesdames a droite et monsieurs a gauche![53]

От такой комбинации противоположных движений начинает рябить в глазах, но тут снова раздался голос распорядителя:

— Partagez![54]

Выстраивая каждую группу институток и кадет в отдельную шеренгу лицом друг к другу, даёт новую инструкцию:

— Avancez![55]

После чего:

— Reculez![56]

И таким образом, то удаляясь, то приближаясь друг к другу, каждый мог заранее ознакомиться со своим vis-à-vis. И что я вижу?..

[51] Большой круг!

[52] Дамы на середину!

[53] Дамы направо, господа налево!

[54] Разделитесь!

[55] Продвигайтесь!

[56] Отступайте!

«Крошка» Дробышевский оказался лицом к лицу с «Гренадером» (Диной Зиверт), — на то он и «Котильонный вальс» — полный сюрпризов! И когда раздалась вполне логическая команда продолжать вальс со своим новым партнёром, пары снова начали стройно проплывать перед стеной растроганных гостей и не очень доброжелательных лорнетов классных дам, пока танцующих не остановила заключительная инструкция:

— Cherchz vos dames![57]

И тут началось столпотворение — как бы не потерять «свою» даму, да ещё в последнем круге перед концом бала. Дима Иванов, мой добрый голубоглазый «дядька», который ни разу не поставил меня на штраф и не давал нарядов, растерянно поворачиваясь во все стороны, искал свою даму — Лиду Хоренко, одиноко ожидавшую его на середине зала. Увидел... нашёл и трогательно обнял её стан... и закружилась эта светловолосая пара в последнем вальсе.

Раздаются последние аккорды вальса, которые, проникая глубже в грудь, вызывают чуточку грусти, и исчезают улыбки с весёлых лиц. Последний замедленный поворот, и с последней утихшей нотой останавливается весь зал. Около «Генпопа» и «Евы» образуется круг кадет во главе с вице-фельдфебелем, но никакие мольбы продлить бал, хотя бы ещё на один вальс, не помогают. «Ева» неумолима:

— Девочки должны идти на отдых: уже восемь часов вечера.

«Генпоп» краснеет, морщит лоб и что-то ей, робко улыбаясь, говорит, но ничего не помогает. Всё тщетно.

Последнее пожатие пухленькой ручки, последний многообещающий взгляд, последний вздох, и «царицы наших грёз» покидают зал.

Не успел я спрыгнуть со скамейки, как передо мной появился полковник Чудинов.

— А ты что тут делаешь? Тебе давно пора спать, ступай к себе в роту!

Поднимаюсь я по лестнице и думаю: «Кто из них сможет молчать в такой вечер после укладки? Кто сможет подавить в душе напор изливающихся чувств при голубоватом свете ночника? Кто сможет заснуть в такую ночь?»

И «звери» это понимали (да благословит Господь их светлые души)... На следующее утро спи, сколько влезет, — горнист не будит, уроков нет! Это в Роте Его Высочества, а у нас — обычный день!

[57] Ищите ваших дам!

Мы видали роскошные балы на всех меридианах земного шара, танцевали на многих вечерах до рассвета, но **корпусной бал** останется для всех нас как единственный и незабываемый на всю жизнь бал нашей юности...

Наши дамы

В Белой Церкви всё лишенья,
Нет веселья капли тут;
И одно лишь утешенье:
Здесь родной нам институт.

(Песня Крымского кадетского корпуса)

«Здесь родной нам институт». С этого я и начну.

Первое упоминание об институтках и институте я услыхал ещё во втором классе от одноклассников, которые, уходя по воскресеньям в отпуск, навещали своих сестёр в институте. Потом мы их встретили на прогулке по аллее. Это было или осенью, или ранней весной. Их тёмные длинные, почти до земли, пальто и белые шапочки произвели на меня впечатление монашек. Я не помню, куда мы шли: в сторону парка или обратно в корпус, но наш строй и их «строй», как я тогда думал, молча прошли мимо друг друга и «разошлись, как в море корабли». Узнав, почему Д. Д. Данилов иногда называет нас «госпожа» (он преподавал также и в институте), у меня сложилось мнение, что институт — кадетский корпус для девиц. И я не был далёк от действительности.

Мариинский Донской Девичий Институт воспитывал русских девиц, как и корпус — кадет, в национальном патриотическом духе. В институте и в корпусе программы обучения в классах стояли на том же уровне, и дисциплина, порядок и внутренний уклад во многом были схожи с корпусным, как брат и сестра. Так я и усвоил тогда, и потом это как бы родственное чувство осталось на всю жизнь.

Кроме того, что в течение всего пребывания в корпусе в нас воспитывали уважение и почтительное отношение ко всем дамам, в младших классах перед Ротным или Корпусным праздниками офицеры-воспитатели учили нас, как подобает обращаться с нашими *дамами*-институтками: «Покажи, как ты будешь приглашать

даму? Как ты будешь обращаться к *даме*?» А «дядьки» наводили блеск на наши угловатые манеры: «Всегда обращайся к *даме* на «Вы». Не подходи близко к *даме*, остановись в двух шагах, когда будешь кланяться, чтобы дать ей место встать, а то она заденет тебя головой по подбородку. Не сгибайся, когда *дама* возьмёт тебя под руку, иди прямо, как подобает кадету. Не зажимай руку *дамы* в кулак, держи осторожно, как...» Тут сравнения зависели от «дядьки» и его представления ручки институтки: как хрустальный стакан, как розу с шипами, как полный стакан воды... Так у меня и укоренилось это особое, возвышенное и нежное, как бы рыцарское отношение к институткам — нашим *дамам*.

Что касается меня лично, то в моём, ещё неопытном суждении о барышнях, появился раздел на институток и всех остальных. Институтки остались неделимы, а все остальные делились на подотделы: русские, сербки и т. д. Соответственно отделу менялось моё внимание и обращение к девице.

В Скопле, на рождественской «Ёлке», когда я танцевал с Адой Христенко, она меня осторожно спросила:

— Почему ты «Пеночке» Сараевой говоришь «Вы», а всем нам «Ты»?

Даже не задумываясь, моментально ответил:

— Она — институтка.

Ада фыркнула и надулась, но продолжала танцевать.

В **«Колиной тетрадке»** прилично сохранился вдвое сложенный лист из нашей черновой тетради (видны дырки от иголки, когда сшивали тетрадь), на котором моим корявым почерком, чернилами, написаны несколько обращений:

«*Вы — лунная ночь с её загадочным светом. Вы — блеск зари. Вы — счастье. От Вашего голоса вздрагивает сердце. Пусть вечно сияет всё, что окружает Вас, что прикасается к Вам, и к чему Вы прикасаетесь, что радует Вас, и даже то, о чём Вы думаете*».

Некоторые обращения обведены.

Я уверен, что эти выражения, где-то «скатал»[58]. В четырнадцать лет я не мог так написать, но они определённо предназначались в письма институткам, и возможно, что некоторые и попали. Несмотря на то что «бумага всё стерпит», из этих списанных обращений можно себе представить степень нашей нравственности и высокой морали, в которых нас воспитывали наши «звери» и «дядьки».

[58] Списал.

Я начал эту заметку кадетской песней, а хочу закончить строфой из стихотворения воспитанницы Мариинского Донского Девичьего Института, посвященного друзьям-кадетам:

За милый корпус, за погонов алость,
За институт, за молодые сны!
Нас изменить не сможет даже старость,
Мы дружбе нашей навсегда верны.

(Нонна Белавина, май, 1969 год)

Знамя

В канун праздника Роты Его Высочества, 18 декабря, после всенощной и панихиды, состоялась «Заря с церемонией», принос знамени Полоцкого кадетского корпуса в Роту Его Высочества и производство старших кадет в вице-унтер-офицеры: Иванова Дмитрия, Нещерета Алексея, Попова Алексея и Самофалова Константина. Когда наши «дядьки» — Дима и два Алексея — пришли в роту с «лычками», мы их, как полагается, «качали» и, как ни странно, не уронили.

Место, где будет стоять знамя и дежурный кадет Роты Его Высочества, всегда украшалось лентами и цветами, и мы старались под разными предлогами попасть в Роту Его Высочества, чтоб пройти «смирно» мимо и посмотреть на знамя и на часового. Я не помню, под каким предлогом мне удалось попасть в Роту Его Высочества. Пройдя мимо разукрашенной ниши, я остановился, чтобы продлить этот счастливый момент. Полоцкий коридор был пуст. Кадеты Роты Его Высочества во время присутствия знамени в их роте соблюдали особую тишину и порядок.

Как в драгоценном хранилище, среди национальных и малиновых лент и вазонов с цветами, безмолвно и гордо, стоит в малиновом кисейном чехле наша святыня. Тускло сверкают шапочки гвоздиков на древке под золотым крестом, из-под которых конусом свисает ветхое полотнище, и сквозь чехол, на его середине можно различить контур «Николаевского орла». Я до того был поглощён созерцанием знамени, что не запомнил, кто стоял на часах. Да это и не было так важно. Так же безмолвно и гордо, как знамя, стоял дежурный кадет, сливаясь в одно нераздельное звено: знамя и кадет — кадет и знамя. Чувство благоговейного почитания проникло в грудь и разлилось

теплотой уважения к былым подвигам множества кадет в годы лихолетья на моей далёкой Родине.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты — бранной славою венчанное в бою,
Чьё сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

(«Наш полк» К. Р.)

«Полк» (сейчас) — наш корпус, знамя — наша святыня, как «дядьки» нам говорили.

* * *

Должен забежать вперёд, а то забуду.

В июле 1949 года, по указанию директора корпуса и решению правления нашего Объединения, в городе Мюнхен, Валентин Николаевич Мантулин и я получили наше знамя от генерала А. Г. Попова, который вывез его в Германию, для перевоза в США. До передачи его уезжающему в США кадету V выпуска Борису Белоусову («Борода») знамя хранилось у меня («Седьмая Кадетская Памятка», стр. 442). В том же малиновом кисейном чехле, сложенное квадратом и завёрнутое в чистое полотенце, оно лежало под подушкой на моей лагерной кровати. Нет, я не помню, что мне снилось, но, засыпая, я благодарил Бога за то, что мне посчастливилось так близко прикоснуться к нашей святыне и принять участие в её сохранении. **Почему я?**

Знамя благополучно прибыло в США, где по сей день хранится в синодальном соборе Знамения Божьей Матери, в Нью-Йорке, без права выноса из собора.

....

1939 год (второе полугодие)

Второе полугодие началось очень плохо. Нахватал я много «двоек», даже по истории у Вадима Павловича получил худенькую «троечку», а раньше были только «пятёрки». Начался клуб «женоненавистников», в котором могли быть только те, кто не переписывается с институтками и не будет с ними танцевать на балах. Сколько нас

набралось, я не помню, и продержались мы только до первого бала, но я выдержал до конца года.

По «Памятке» (стр. 256, 19 февраля 1939 года), 2-я рота (III — V классы) ставила «Недоросль», комедию Фонвизина. Из одного класса вынесли парты, соорудили сцену с занавесом из одеял и расставили скамейки для посетителей. Я стоял на занавеси, которая при всём моём старании, не открывалась, когда нужно было, и не закрывалась в конце действий. Содержания я совершенно не помню, и только с помощью Валентина Мантулина вспомнил крылатую фразу: спрашивают Митрофанушку, что ему снилось, а он отвечает: «Всякая чертовщина: то вы, батюшка, то вы, матушка»,

На аллее, по которой мы ходили гулять в Рудольф-парк, появились мальчишки в одинаковых формах, так же, как и мы, строем проходившие в тот же парк. Я обратил внимание, что у всех были красные нарукавные ленты, с какими-то чёрными иероглифами на белом фоне. Позже мы узнали, что это недавно образовавшиеся, под видом скаутов, Hitler Jugend из местного Volksdeutsch. Для нас они были просто немцы, которых я, имея семнадцать единиц по немецкому языку, моментально возненавидел. Не только я, у нас у всех появилась к ним какая-то неприязненность, и когда мы встречались на аллее, смотрели на них зверем. (В марте 1939 года Германия заняла Австрию, и нам это было известно. Тогда я впервые увидел «свастику».)

«Гришкин» приз

Межклассное соревнование по хоровому пению по обыкновению состоялось на масленицу, но мы начинали готовиться к нему гораздо раньше. Каждый класс выбирал три песни: две на соревнование и одну запасную, в случае равного счёта. В выборе песен часто помогали преподаватель пения М. С. Собченко и воспитатели. Спевки происходили тайно, так, чтобы другие классы роты не знали, что мы поём и как мы поём. Наш классный регент Юра Григорьев («Гришка»), ставил нас по голосам — все должны были петь. Задавал тон, у него был свой камертон, и мы разучивали наши песни. Я стоял позади, в неопределённой середине, между нашими «басами»: Димой Курицким, Юрой Графом, Петром Бурлаковым, Сергеем Хилинским и Павлом Фау. После нескольких первых репетиций, когда мы ещё пели неуверенно, «Гришка» остановил хор и, обращаясь к галёрке, спросил:

— Кто это там из вас «козлит»?

Фау посмотрел на Курицкого, Курицкий — на Хилинского, а он — на меня.

— Ты бы, «Гулька», помалкивал, если не можешь попасть в тон, — сказал «Гришка», отпустив немножко нижнюю губу.

Если бы это был кто-нибудь другой, я бы обиделся и, возможно, полез бы в драку (мне так хотелось петь!), но разве можно было на «Гришку» обижаться? Плюс, от качества нашего пения зависел приз.

В каждом классе есть неписаная и не обязательно соблюдаемая иерархия — какой-то порядок взаимных отношений дружбы, степень близости и откровенности между кадетами, помимо товарищества, которое ко многому обязывало и осталось навеки. Наравне с этим, были кадеты, которых «любили» или «не любили». Я специально поставил этих два понятия в кавычки, чтобы их объяснить в нашем обиходе. Например: «Я его не люблю, он меня всегда задирает». Или: «Я его люблю, он мне всегда подсказывает». Так вот, «Гришка» был таким кадетом, про которого все говорили: «Я его люблю...», и не за подсказки, а за его весёлый и благодушный нрав. Он умел, даже в «серьёзном» разговоре, что-нибудь подметить, безобидно подшутить, «сострить» так, что «серьёзный» разговор переходил в шутку. С ним всегда было весело, свободно, с ним даже подраться было невозможно. Мы все его любили. О нём и писать весело! (Таким я его помню — таким он и остался, только сейчас уже не «Гришка», а о. Георгий, архиерейский дьякон.)

На наши спевки приходил Михаил Степанович, послушать и дать некоторые советы, но главная работа лежала на «Гришке», который, главным образом, аранжировал исполнение, требуя от нас, где петь громче, где тише, быстрее или медленнее, заставляя дискантов тянуть, альтов вторить и басов не орать.

Репертуар песен был широк, состоявший из старых русских и малороссийских народных песен, казачьих, военных, исторических и бытовых.

При помощи моих товарищей я вспомнил некоторые песни, входившие в наш репертуар: «Ах вы, сени, мои сени», «Вдоль по улице метелица метёт», «Вдоль да по речке», «Калинка», «Во кузнице», «Соловей», «Слушай, братцы, мой приказ», «Слети к нам, тихий вечер», «Славное море, священный Байкал», «То не ветер ветку клонит» (эту песню любил покойный директор корпуса, генерал-лейтенант Б. В.

Адамович), «Запрягу я тройку борзых», «Дзинь-бом, слышен звон кандальный», «Громче, трубы боевые, раздавайтесь», «Первый корпус, славный корпус», «Стенька Разин», «Вот мчится тройка почтовая», и эти последние, сольные песни, которые я запомнил в исполнении Володи Мартыненко («Мартына», XXI выпуска): «Вечерний звон», «Однозвучно звенит колокольчик», «Белой акации» и «Замело тебя снегом, Россия».

Из трёх песен, которые мы разучивали, обыкновенно одна была хоровой, другая — сольной, а третья — маршевой. В день соревнования давали сырые яйца, главным образом — запевалам и голосистым (Криницкий, Козорез, Шереметов и Шпора). Яйца, вместо того, чтобы их пить сырыми, превращались с сахаром в гоголь-моголь, и даже у «козлов» менялся голос, но не слух.

Соревнования происходили в большом зале. На сцене за закрытым занавесом, чтобы жюри не знало, какой класс поёт. Поротно пел **весь** класс. В глубине зала, у Кремля, сидело жюри, состоявшее из офицеров-воспитателей и М. С. Собченко, под председательством «Генпопа». Перед соревнованием классы тянули жребий на очередь выступления. Вся рота собиралась в нашей столовой, и классы по очереди задним ходом выходили на сцену. «Гришка» нас построил и успокоил:

— «Не дрейфьте»[59], братцы, смотрите на меня и на мою руку.

Хлопнул по руке камертоном, задал тон, поднял обе руки, отпустил нижнюю губу, и по его взмаху мы начали петь. Я старался молчать.

Какую песню мы пели первую, а какую вторую, я не помню, но одна из них была — «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит», со вступлением вторы и наших «басов», которых «Гришка» сумел заставить действительно шуметь. После последней песни, возвращаясь назад в столовую и приоткрыв дверь в зал, подслушивали, как поют другие классы. Когда кончала петь вся рота, в столовой наступала зловещая тишина, пока жюри решало нашу участь, и все с замиранием сердца ждали, когда откроется дверь из зала и кто-нибудь из офицеров-воспитателей вызовет класс, получивший приз.

— Третий класс... выходи!

Класс выстроился перед жюри. «Генпоп» нас поздравил и вручил приз старшему класса и регенту, после чего, с песней и призом

[59] Не пугайтесь, не волнуйтесь.

на правом фланге, мы вернулись в роту. Радости, конечно, не было конца. Дискантов хлопали по плечам — молодцы! «Басы» шумели, что это их заслуга, а я, как «козёл», думал, что это был «Гришкин» приз. «Гришка» и XXIV выпуск брали призы во II, III и V классах.

Приз — бронзовый бюст Государя Императора Николая II — до следующего соревнования висел на стене класса под золотыми римскими цифрами выпуска, а под ним — полированная, тёмного дерева коробка-полочка, где под стеклом стояли миниатюрные головные уборы кавалерийских и пехотных полков Российской Императорской армии. Их сделал и подарил нашему выпуску отец «Гришки» — Пётр Иванович Григорьев.

Масленица

Прилетели грачи. Жаворонки, наверное, тоже прилетели, но я их не помню, а грачей запомнил. Может быть потому, что у нас в коридоре висела картина Саврасова «Грачи прилетели», которая мне нравилась. Я видел грачей из окон нашей спальни, когда был дежурным (наряды). Прилетали они небольшими стайками, не так, как осенью, — громадным чёрным облаком. Рассядутся на деревьях перед корпусом, да как подымут галдёж, хоть форточку закрывай. Сидят, чистятся... где-то в луже выкупались. То на одном, то на другом крыле пёрышки расправят, грудку почешут. Встрепенутся, хвостиком махнут — брызги летят. Взлетают, мошек каких-то на лету ловят, и вдруг как будто кто-то скомандовал «Смирно!», — все разом замолчали. Вылетит один — наверно их вожак — отдаст команду — и вся стая сразу снимется и улетит. Порядок — совсем как у военных.

К чаю нам дали «жаворонки». Красивые, румяные, с крылышками и хвостиком, и с гвоздикой или изюминкой вместо глаз и клювика, а пахнут ванилью и ещё чем-то. Жаль их есть, но мы их моментально разламывали, надеясь найти одну из серебряных монет, которые в них запекали.

На масленицу поротно к обеду получали блины.

Ещё задолго до блинов шли разговоры, кто может съесть больше всех блинов. Рассказывали всякие небылицы и анекдоты из домашней жизни (ведь многие уезжали домой на Пасху). Вспомнил и я, как в детстве мать пекла блины.

Наша маленькая печка, когда мы жили ещё в Ханриево, гудит. Раскрасневшаяся мама, в высоком переднике и с повязанной плат-

ком головой, печёт блины. Готовые блины ловко скидывает на уже высокую стопку. Пахнет кисловатым тестом и постным маслом. Рядом, на скамеечке, стоит опара, как живая дышит, а когда мама черпаком выльет её на горячую сковородку, зашипит, порозовеет и вспухнет пузырями.

Стол заставлен закусками, среди бутылок — икра, сметана, топлёное масло и разные приправы для блинов. Тосты, звон рюмок и стаканов. Шлёпаются парами, а то и больше, горячие блины по тарелкам; мажутся, поливаются, режутся и отправляются в рот с причмокиванием. Я любил есть блины руками, так отец иногда ел. Оторвет кусочек, обмакнёт в сметану и — в рот. После первых блинов отец становился к печке, а мама садилась к столу. Любил отец печь блины. Ловко подбрасывая блин на сковородке, выпекал обратную сторону и сбрасывал на новую стопку. За столом — «масленичные» разговоры. Вспоминали, кто и как справлял масленицу у себя дома в России. И посыпались совершенно незнакомые мне названия: блины с припёком, блины молочные, блинцы с яичками, какие-то кулебяки. И рыба: осетрина, лещ с грибами и кашей, судак в сухариках, а потом ещё пломбир с ванилью и ещё с чем-то. Тогда мне казалось, что эти слова обозначают что-то только русское, так же как и ковыль, и колокольчики с русских степей. Прошло много-много лет, пока эти слова нашли своё место на полочках моей памяти. Правда, пломбир мама делала с ванилью, орехами, миндалем, — и я облизывал и ложечку, и блюдечко.

(Воспоминания... куда завели?! Цепляются одно за другое и нет им конца.)

Итак, получили мы по три больших блина: горячие, розовые, по краям в дырочках — «кружевные». В столовой — знакомый запах печёного теста и постного масла. У меня слюнки текут. От ноздреватых блинов поднимается благоуханный дух. На нижний блин накладываю сметаны, верхний поливаю маслом, и первый полукруглый, трехъярусный кусок отправляется в рот... блаженство! Исчезли они очень быстро. Мне три блина было достаточно, но многим — не хватило. Павлик Кутепов ещё долго сидел, поглядывая по сторонам, держа наготове нож и вилку.

Лермонтов здесь?

Сегодня на утренней молитве я обратил внимание, что небо — чистое, без единого облачка, синее, и солнышко ярко блестит на сне-

гу. В такой день после уроков нас выпустили на прогулку. Одели мы шинели, перчатки, и давай на двор — засиделись в казарме за зиму. Кто-то начал кидать снежками, но скоро перестал, — снег мокрый, тяжёлый, да и «дядька» Сева Высоцкий косо посмотрел: пост.

Одиноко торчат столбы для отбоичной сетки. Вдоль ограды, в кустах чирикают голодные воробьи, а у здания корпуса намело сугробы: высокие, гладкие, позакрывали окна в подвальном этаже. С крыши капает, ещё остались короткие сосульки, а из водосточных труб бежит вода. Сверху снег, а внизу лужа, — я сразу ботинки промочил. Разбрелись мы по двору, кто парами, кто в одиночку. Пост — нельзя балаганить. Обошёл я здание и заглянул в опустевший садик, что под лазаретными окнами. Снег там ещё нетронутый, под солнышком посерел. Летом, среди деревьев и зарослей сирени, там было укромное местечко, что-то вроде живой беседки, где укрывались от жары, а сейчас во все стороны торчали голые ветки, как будто плетёные корзинки, оставляя на снегу кружевную тень.

Я смахнул снег со скамейки и присел. На солнышке тепло, кругом тихо — так и тянет вздремнуть. Под окном, в котором форточка, воробьи утоптали снег, очевидно, им тут крошки выбрасывают. Вдруг слышу стук. Совсем как Шурка Кравченко («Масик») на барабане отбивает — мерный, ровный стук: «Старый барабанщик... старый барабанщик... крепко спал... крепко спал. Он проснулся, перевернулся, трижды... (нет, дальше писать нельзя, но можно закончить)... и сказал: старый барабанщик... старый барабанщик... крепко спал...» Поднял я на стук голову и вижу: на стволе ивы сидит дятел — красавец расписной. Пёстрый, чёрненькая головка с белой шейкой, а сверху — красная шапочка. Долбит дырку, а потом — прыг в сторону, и опять давай: «Старый барабанщик...», и так вокруг всего ствола. Понадевал на ивушку дырочками ожерелья — к весне разукрасил.

Развезло меня на солнышке... и я задремал... Просыпаюсь от холода. Солнце уже садилось... тишина... дятла нет и воробьи улетели. Вскочил, бегу на двор, а там никого нет. Скорей к двери... Взобрался по лестнице до площадки 1-й роты... а они уже построены... Бегу к себе... И только долетел до двери, как она открылась, и показался правый фланг V класса. Я так и остался стоять на площадке у дверей в музыкальную комнату. Когда проходил мой класс, «Кот» де Боде прошипел:

— Где ты пропадал?

Я не успел ответить, как шёпотом посыпались вопросы:

— Где ты спрятался?.. Тебя везде искали... по всем классам и спальням... и под кроватями смотрели...

Женька Демьянюк, мой сосед по парте, с сожалением пробормотал:

— А я думал, что ты в Румынию «сдрапал»[60].

(Это Волик Пожарский с Игнатием Копаневым на пару удрали в Румынию, чтоб пробраться в Россию и там бороться против большевиков, но их скоро поймали и вернули в корпус.)

В конце роты шёл дежурный офицер-воспитатель полковник Я. Н. Рещиков («Дядя Яша»), наш общий любимец. Он поманил меня рукой, показывая на дежурную комнату.

— Ты где был?

Стою в шинели, фуражка в руках, холодно... дрожу... И стыдно признаться, что заснул, но «Яшке» мы никогда не врали, и если нам попадало, то безропотно несли наказание.

— Я, - говорю, — нечаянно заснул.

— Как заснул? Где заснул? На снегу?

И начал осматривать меня со всех сторон.

— Никак нет, господин полковник, не на снегу, а на скамейке, в садике, с той стороны двора, около лазарета. — И показал в сторону классов.

«Яшка» улыбнулся, растянулись его рыжие от табака усы и запрыгала его седая бородка:

— Иди, разденься, да поторопись, а то чай остынет.

Добрый «Дядя Яша», строгий, но ласковый. Таким я его запомнил.

В журнал дежурств я все-таки попал, так «Яшка» и записал: «Заснул на дворе...», — но не наказали.

Потом ещё долго дежурные офицеры-воспитатели спрашивали «дядек», когда мы возвращались с прогулок: «Лермонтов здесь?»

Первый запах весны

Как-то, уже после масленицы, возвращаясь в класс из спальни, где мне как дневальному, надо было поправить плохо застеленные кровати, я невольно остановился у окна в коридоре. За окном капает — оттепель, а день — хмурый, серый. Облака спустились и «прудов» не видно. Мгла. На дворе снег посерел. Окна ещё по-зимнему заклеены, и между рамами песок. Над окном с верхнего карниза

[60] Сбежал.

свисают сосульки и плачут искристой каплей-слезой. Да, мне так и показалось, что они плачут, — кончается их короткое житьё. На подоконнике снег покрылся дырочками, как губка, и блестит тусклым светом, хотя и солнца нет. Открыл форточку, и повеяло теплым, с густым запахом земли, ветерком, и в груди стало теплей... Проваливай, зима, проваливай!

Воробьи, прыгая по лужам у задних дверей, чирикают, но уже веселей. Довольные, что зима уходит, — изголодались. Прилетели вороны и с карканьем расселись на голых деревьях позади нашего двора. В этой серой мгле их плохо видно, но зато слышно. Одна уселась на столб, где летом висит сетка для отбойки, и не перестаёт каркать. Присядет, растопырит крылья, вытянет шею, как гусь, да как зальётся своим карканьем, хоть уши закрывай. Весело каркает, на разные лады. Потом встрепенётся и, будто танцуя, подпрыгнет на том же месте, и, повернувшись в другую сторону, опять давай каркать.

Капля-слезинка хрустальных сосулек зачастила, и я будто слышу переливчатый звон... (хотел было написать: колоколов, но тогда я ещё не слышал серебряного звона Суздальских колоколов, как в 1990 году), напишу: колокольчиков.

В православной Сербии есть древний обычай: в Вербное воскресенье — «на Вербицу» — приходить в церковь с колокольчиком. Их вешали детям на шею, и они во время всего богослужения постоянно звенели. Звенели, как капельки сосулек, падающие на растаявший снег.

— Лермонтов, ты что тут делаешь? Пошёл в класс!

Строгий голос страдавшего одышкой дежурного офицера-воспитателя полковника Прибыловича («Слона») так резко оборвал моё тихое созерцание двора, что я успел только сказать:

— Виноват, господин полковник. — И бегом пустился в класс.

Перед тем как войти в класс, я обернулся назад и увидел, как «Слон» стоял перед открытой форточкой и, облокотившись обеими руками на подоконник, смотрел на двор, глубоко вдыхая первый запах весны.

За котлету на карниз

У меня в классе был двойник — Николай Балашев-Самарский (или я был его двойником), в общем, мы были похожи друг на друга, хотя и не особенно, но нас путали. Даже наш классный офицер-

воспитатель полковник Зиолковский («Коча») нас путал. Когда я во время вечерних занятий подходил к нему за новой тетрадкой, он всегда оглядывался на класс, чтобы увидеть чьё пустое место: моё или Колькино. Многие преподаватели нас путали, но это в начале года, пока ещё не запомнили кто где сидит.

Мы оба поступили во второй класс, и с тех пор между нами появилось, своего рода, молчаливое товарищеское соревнование. Он что-нибудь сделает — и я тоже, я сделаю — он повторит. Это касалось, главным образом, гимнастики, но не исключало других игр и шалостей. Он был хорошим гимнастом и инструктором классной группы, — и я тоже. Единственная разница между нами была в том, что он хорошо учился, и по поведению у него было «четыре», или «пять», а я...

Как-то в один из пригожих дней, когда «Дидько»[61] убрал песок с подоконников и помыл окна, собралась группа кадет у открытого окна. Миша Табуч-Ющенко сидел на подоконнике. Здание корпуса — старинное, стены толстые, подоконник широкий и удобный. Во время разговора о нашей кадетской чепухе возник вопрос: кто не струсит и ляжет на карниз под окном? Это с третьего этажа, а этажи у нас были высокие. Миша предложил, что он за котлету ляжет на карниз, и свесил ноги за окно. Желающих спорить не нашлось. Тогда он сказал, что даст свою котлету тому, кто ляжет на карниз. Миша любил спорить на пари, подшучивать и заводить разные шутки.

— «Гулька», давай, ты — гимнаст, тебе это будет легко.

Я не особенно любил спорить, помня, как в детстве говорил дядя Ваня: «Из двух спорящих — один жулик, а другой — дурак» (вестовой отца, который знал много поговорок и пословиц), и мне не особенно хотелось стать или одним или другим, но тут стоял Коля Балашев, и мой четырнадцатилетний задор взял верх. Ударили по рукам, — и я полез в окно.

Карниз, покрытый жестью, шириной в 25—30 сантиметров, проходил под окнами вдоль всего заднего фасада на уровне пола так, что стать на него не представляло особой трудности, а вот лечь — это надо было сообразить. Вниз я как-то и не смотрел, придумывая, как лечь. Высунувшиеся в окно кадеты подавали советы:

— Ложись на спину... нет, ложись на пузо... стань сначала на колено...

Карниз имел небольшой наклон, и лечь на спину или на живот — значило скатиться. Я решил лечь на бок. Держась одной рукой

[61] Наш уборщик.

за подоконник, я начал осторожно вытягивать ноги вдоль карниза, а другой, схватив край карниза, подталкивал свою спину к стенке, и, найдя некоторое равновесие, снял руку с подоконника (одно из условий). Наверху раздался шум и одобрительные возгласы и в то же время приглушенное предупреждение:

— Ш... ш... шесть! (Идёт «зверь» или «дядька».)

Осторожно, но быстро, я начал подниматься.

Полковник Зиолковский («Коча»), наш классный офицер-воспитатель, «залопал»[62] меня, когда я влезал обратно в окно.

В журнале дежурств он записал, что я пытался «вылезти в окно». (На карнизе он меня не видал.) Мне не сбавили балла за поведение — некуда было сбавлять, но получил строгий выговор и предупреждение. Наш «дядька» «Маца» Гавлицкий, когда узнал, что произошло на самом деле, здорово рассердился, и хотел, было, «намылить мне шею» за такую опасную и глупую выходку, но смиловался и дал «пачку» нарядов (8), которых мне хватило до конца года, и красочно описал мне, как бы я мог выглядеть, если бы свалился с карниза.

«Табуч» — молодец, честно сдержал своё слово: в первый же день, когда на обед давали котлеты, я получил от него переданную под столами котлету и поделил её с Павликом Кутеповым.

Я так до сих пор и не знаю: удалось ли Коле Балашеву лечь на карниз или нет? Зная его удалой казачий характер, я уверен, что да.

Великий пост
(4 апреля, 1939 год, Вербное Воскресенье)

В прощёное воскресенье просили прощение друг у друга. Батюшка о. Иоанн во время проповеди говорил: «Душу очистить надо». Я не особенно был горазд просить прощение. Принимая во внимание то обстоятельство, что я, наверное, дрался с большей частью класса, мне бы этих «прости» не хватило, поэтому я решил просить прощение только у двоих Алексеев, которым от меня чаще всего доставалось.

В классном алфавитном порядке Леонтьев Алексей стоял до меня, а Лишенко Алексей — после меня. Оба они хорошо учились и, кажется, сидели вместе. Леонтьев — мой друг детства, и ему попадало от меня ещё когда мы ходили в коротких штанах. Лишенко, поступивший к нам в третий класс, отличался необыкновенно тихим поведением, и если его случайно толкнуть, он говорил: «Спасибо».

[62] Поймал.

Такой странный ответ, конечно, возбуждал наш мальчишеский задор, и следовали тумаки, на которые Алёша, совершенно не защищаясь, но уже более тихим голосом повторял: «Спасибо... спасибо». Придя в полное недоумение, наносивший тумаки останавливался и, чувствуя себя здорово неловко, отходил. Когда я к Алёше подошёл и попросил прощение, он сначала сказал: «Спасибо», а потом добавил: «Бог простит». Алёша Леонтьев сначала махнул на меня рукой — всё равно будешь драться, но потом всё-таки отпустил: «Бог простит».

* * *

Любил я Великий пост, и до сих пор люблю. Становилось как-то особенно спокойно. Где-то глубоко в груди смешивались и заполняли всю мою душу новые, ещё непонятные чувства грусти и в то же время тихой радости: скоро Пасха, Христос воскреснет.

Великопостные длинные службы. Я уже не «ловчил» — грех. В церкви полумрак. В алтаре совсем темно. Тихо, только изредка слышатся глубокие вздохи переминающихся с ноги на ногу уставших кадет. На душе тоже тихо и темно. Многого я тогда не понимал, и тут, в храме, прислушиваясь к чтению псалмов, к эфимонам и молитвам, стараясь понять их значение и смысл, я многое передумал и, как мне тогда казалось, понял.

Я начал находить ответы на мои любознательные **«почему?»** Почему Алёша Леонтьев попадёт прямо в рай? Ему и исповедоваться не надо. Сейчас мне было очень легко ответить. Потому, что он тихий, спокойный, добрый, хорошо учится, и готов отдать тебе всё, что попросишь, даже свой последний карандаш. Он сидел в классе передо мной. Сколько я получил «троек» вместо «двоек» благодаря его подсказкам или открытой книги перед ним, чтоб я мог прочесть ответ на заданный вопрос? В моём понимании он был чуть ли не святым. (Подсказки тогда не входили в мой перечень грехов.) Слыша, как Павлик Кутепов шепчет: «Господи, прости мя грешного», я тоже начинаю за ним повторять, и светлеет на душе и **«почему?»** не появляется.

Выходит из алтаря батюшка в одном эпитрахиле и читает молитву: «Господи и Владыко живота моего...» С облегчением трижды становимся на колени в земном поклоне (размялись), и уже легче стоять до конца службы. До сих пор, во время поста, когда в церкви священник читает эту молитву, я вспоминаю родной корпус. Никогда на моей душе не было так хорошо, так спокойно и чисто, как в те далёкие кадетские годы.

Великий пост на меня лично действовал благоприятно. Я переставал шалить; почти каждый год к Пасхе мне прибавляли балл за поведение; набирал хорошие отметки; в общем, больше учился и меньше балаганил, как отец наставлял.

На уроках в классе — как-то по-другому. Сидим спокойно, внимательно, и если кто начинает балаганить, на него шикают. Ненавистный Д. Д. Данилов («Де в кубе») мне кажется уже не таким строгим и безжалостным, а «Пакля» — чуть ли не на ангела похожа, правда, на старого, но, тем не менее, на доброго.

Корпус говел на четвёртой Крестопоклонной неделе. По средам и пятницам постная пища. В воскресенье батюшка будет выносить крест, украшенный цветами, и хор торжественно запоёт «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Когда мы спускались по лестнице в церковь, я уловил какой-то новый запах. Пахло не то грибами, не то жареной картошкой, и ещё чем-то новым, неуловимым. Уже в столовой меня обдало вязким духом свежего выпечённого хлеба, и перед глазами появилась розовая горбушка белого хлеба. Когда за-шли и стали в церкви, запах горящих свечей и ладана напомнил мне, что сейчас пост, и не о еде надо думать, а о грехах, — опять согрешил. Как тут было не грешить, когда на обед подавали постный борщ с маслинами и сушёными грибами, картофельные котлеты с грибным соусом, большие розовые пончики с черносливом, рисовые котлеты «лодочкой» с изюмом, оладьи с мёдом! Становилось как-то неловко, совестно, среди поста так наслаждаться чревоугодием.

В коридоре на переменках тихо. Кадеты ходят — не бегают. Нет возни, нет шума и смеха, и штрафных не видать. У киота с иконой св. равноапостольного князя Владимира горит лампадка. Это дежурные по коридору её зажигают и следят, чтобы не потухла. Погода серенькая: или последний жиденький снежок, или тёплый дождик. Окна ещё по-зимнему заклеены. Откроешь форточку и слышно, как капля звенит по жестяному карнизу, на котором снег уже растаял. Душа радуется — зима уходит, а думать надо о грехах — вечером исповедоваться. Многие записывают свои грехи, чтобы прочесть батюшке, а я свои стараюсь запомнить, и всё сбиваюсь: один вспомню, а другой забуду, — в ушах тихо гудит «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»

На свободных уроках полковник Прибылович («Слон») читал нам «Запечатленный ангел» Минцлова. Несмотря на астму и одыш-

ку, «Слон» читал превосходно. В классе всегда стояла полная тишина, и все с большим вниманием и интересом его слушали. Немного дольше останавливаясь на точках, чтобы набрать воздуха, «Слон», не спеша, с выражением читал, закругляя каждое слово и придавая особые ударения именам существительным. Внимательно подбирая то, что нас интересовало, он в течение года нам прочёл: «Дубровский», «Барышня-крестьянка», «Князь серебряный», и после каждой книги обсуждал с нами прочитанное.

Во время вечерних занятий «Коча» Зиолковский отправлял нас на исповедь. По рядам, как в классе, были расставлены парты. Спускались вниз в нашу столовую и выстраивались вдоль стенки у дверей в алтарь. Стоим молча, каждый перебирает в уме свои грехи, некоторые поглядывают на записочки. Мне стало страшно: что будет, если батюшка не отпустит мне грехи и наложит эпитемью? Коля Сараев, чуть лоб себе не разбил — отбивал поклоны за какой-то грех. Ох, попаду прямо в ад. А там что? Нет! Всем отпускают грехи, если покаешься. Вспомнил я слова о. Иоанна, которыми он как-то закончил урок: «Хорошая наша вера — добрая. Всегда выведет на путь истины и от зла сохранит». Дверь открылась, и вышел Спокойский-Францевич Женя («Спайк»). Лицо спокойное, радостное — улыбается. Следующий — я. В алтаре темно — закрыт панелями со стороны зала. И пока глаза не привыкнут, я не вижу, куда идти. Тускло мерцает только одна свечка у аналоя, и я с трудом различаю белую бороду о. Иоанна. Батюшка накрывает мою голову епитрахилью, и я чувствую на щеке лёгкое прикосновение его бороды и тихий спокойный голос:

— Чем каешься, сын мой?

— Каюсь словом, делом и помышлением...

Сначала еле выдавливаю слова, а потом, как полились... и чем больше я говорил — каялся, тем легче и радостнее становилось на душе — свято.

Ребус

...Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

Коварна и беспощадна наша память, а в частности моя, лишившая меня на старости лет многих дорогих воспоминаний. Однако, на моё счастье, есть и те, которые помнят то, что я забыл или не знал.

В те далёкие годы (1938—1939) к нам во 2-ю роту редко доходили кадетские «новости» из старшей роты, а если что и просачивалось, то это уже был «испорченный телефон», с искажением фактов и преувеличением — «утка», как мы выражались. Так, например, про похождения князя Кирилла Голицына, известного ухажёра (XVIII выпуска), рассказывали всякие небылицы. Свои ротные проказы не успевали перейти в «утки», так как мы их узнавали из первых рук.

Из постоянного общения с «дядьками», которые строго охраняли тайны своей роты, узнать от них что-нибудь было тяжело, зато о самих «дядьках» мы знали, возможно, больше, чем о других старших кадетах. Эти характерные черты каждого из них тоже были минимальные. Мы отдавали предпочтение вице-фельдфебелю, унтер-офицерам, гимнастам, а я интересовался ещё и художниками. Наряду с ними, и часто включая кого-нибудь из них, существовала ещё одна небольшая группа особо тонных кадет-щёголей — «тоняг»[63], которая привлекала наше внимание из-за того, что они ухаживали за институтками. Тогда (мне было только 13 лет) в нашем понятии «ухаживать» обозначало развлекать даму в течение всего танца, в то время как я в тот же период мог задать, самое большое, два вопроса: «Как Вас зовут?» или «В каком Вы классе?», и если получал ответ на хотя бы один вопрос, то был счастлив. В эту категорию сердцеедов нами был зачислен и наш добрый, ласковый «дядька» Дима Иванов. Брат прелестной блондинки Лидочки, которой Дима уделял особое внимание, Игорь Хоренко («Китаец») был нашим одноклассником, от которого мы узнали секрет Димы.

Дима Иванов, которого одноклассники называли «Ивась», старший кадет VIII класса, XIX выпуска, был назначен к нам «дядькой» — в III класс, XXIV выпуска — в первой половине 1938 года. Высокий блондин, с добрыми светло-голубыми глазами, всегда в опрятной гимнастёрке с заправленными назад складками и тщательно выглаженными брюками «клёш» (у них, в комнатке «дядек», был утюг), казался нам олицетворением «лихача», «тоняги». Покорял он нас своим невозмутимым спокойствием, даже в момент наших самых непростительных проказ — добрым, ласковым, обращением. На нас поразительно действовал его спокойный тон, успокаивая задор и шалости. Я даже не помню, чтобы он ставил меня на «штраф». Дима заполнил тот пробел «теплоты», которого в

[63] Особо тонный, аккуратный и подтянутый кадет. Модник, щёголь.

нашей сугубо военной жизни не хватало, во всяком случае, мне не хватало.

Где-то во второй половине года до нас дошла «утка», что кадеты Роты Его Высочества ночью залезли через окно в институт на свидание со своими дамами сердца. Разнообразие версий этой «утки» выходило за пределы нашей кадетской фантазии, и даже возникали разногласия и споры по поводу правдивости одного или другого варианта. На фамилии и на подробности «утка» не распространялась, однако это не была бы «утка», если бы чего-нибудь не прибавилось, и следовала саркастическая добавка: *Когда встреча у окна затянулась, стоящая на «махалке» институтка запротестовала: «Довольно вам там целоваться, я хочу спать!»*

Впоследствии я слышал несколько вариантов этой «утки» с разными добавлениями («отсебятиной») и комическими деталями. Когда же кто-нибудь интересовался фамилией этих смельчаков, то называли целый ряд кадет XIX выпуска, с приставкой «может быть». Так я и не знал, кто они.

Разбросала нас судьба из родного Гнезда за моря и океаны, по всем меридианам земного шара, однако нет в мире силы, которая бы разорвала цепи товарищеской дружбы, навеки скованной в стенах корпуса, и я опять встретил своих одноклассников, старших кадет и «дядек». Хотя наши помыслы, вопреки возрасту, устремлены вперёд, на будущее любимой Родины, мы чаще, оглянувшись назад, вспоминаем прошлое. Естественно, у каждого поколения есть своё прошлое, и относимся мы к нему бережно, с большим вниманием и любовью.

Недавно, я получил письмо от Димы Иванова, которое до того растормошило мои старые воспоминания и решило загадку шестидесятилетней давности, как нужная буква в до сих пор неразгаданном ребусе, что я, не выдержав моего обещания, ещё в начале моей «писанины», писать только о себе, выпросив у Димы Иванова разрешение, и с его письма пишу эти строки.

* * *

Вместо предисловия хочу обратить внимание и предупредить читателя XXI века, а в особенности юного читателя, на нравы того времени, и на высокую мораль кадет, которая не была похожа и резко отличалась от современных взглядов и отношений между юношами и девушками. Это особо важно, так как Дима, оберегая секрет участни-

ков обоего пола этой юной шалости — безобидной шалости и больше ничего — в течение долгих лет руководствовался высоким благородным чувством не выдавать своих товарищей и институток. Сейчас, как Дима пишет, после шестидесяти с лишним лет, секретов больше нет.

* * *

Официально кадеты с институтками встречались на Корпусном балу 6 декабря (новый стиль), и на Ротных праздниках своих рот. Рота Его Высочества праздновала Корпусной праздник Полоцкого кадетского корпуса 19 декабря (новый стиль). Таким образом, старшие кадеты могли встретиться со своими симпатиями только два раза в учебном году. Разве этого достаточно для влюблённого по уши старшего кадета?

Редко, но можно было встретить институток на прогулках по аллее в Рудольф-парк и, проходя строем мимо рядов институток, хотя бы взглянуть на милое лицо, а если удастся, когда зазевается классная дама, передать письмо, — это было уже достижение. Если это не удавалось, особые страдальцы, находясь в отпуску в воскресный день или праздник, прогуливались у стен института в надежде, что в окне мелькнёт знакомая головка.

В течение всего остального года, когда на вечерах, устраиваемых корпусом или институтом, они встречались только издалека, и общения между ними, по строгим правилам наших «зверей» и «classидр», не могло быть, кадеты прибегали к полумере — переписке, которая также строго воспрещалась.

О размерах писем, которые доходили до целых тетрадей, и о способах их передачи в институт можно написать целую книгу. Кадетская изобретательность находила всевозможные способы доставлять пылкие письма по назначению, вплоть до того, как пишет Дима, в портфелях преподавателей, у которых были уроки как в корпусе, так и в институте.

После Корпусного и Ротного праздников, после Рождества и каникул, когда пары встречались сравнительно часто, а до Пасхи ещё далеко, и, как назло, весна, заменив зиму, меняет не только покров земли, но и действует на пылкое биение юных сердец, ждать было невмочь. Вот в этот период и возникла мысль у отчаянной тройки старших кадет каким-то образом повидать своих симпатий.

Окружив строжайшей тайной своё намерение, трое старших кадет: знамёнщик выпуска Шура Ратнов, Володя Китайсков, один

из лучших гимнастов выпуска, и Дима Иванов начали подготовку к своему рискованному замыслу.

Когда я прочитал в Димином письме фамилии участников, Шура Ратнов меня не удивил, так как он жил в одном городе со мной, в Скопле, где, встречая его в церкви не только красавцем-кадетом, но и позже — юнкером Югославянской Военной Академии, я с гордостью (наш кадет!) и с завистью (это грех, от которого я не мог избавиться) старался стать поближе к нему, и замечал направленные на него благосклонные взгляды русских барышень нашего города. Уже тогда я видел, что «Жук», как его называли одноклассники, пользуется успехом у слабого пола, а он уделял особое внимание институтке седьмого класса Тане Вертеповой. Володю я плохо помню, а от Димы я этого не ожидал. Наш добрый, голубоглазый, ласковый «дядька»?! Правда, были некоторые подозрения, однако его участие оказалось той недостающей буквой в неразгаданном ребусе.

Ввиду того, что днём пробраться в институт не было никакой возможности, у них назрел план произвести это ночью. Тёмной, безлунной ночью, после двенадцати часов, когда уже все спят. Следующее, нужна была отмычка для дверей в наш гимнастический зал, из окон которого можно было выскочить на двор. Дальше, нужен электрический фонарик, для условных сигналов институткам, и толстый канат, чтобы залезть на балкон, который находился на крыше парадного крыльца института и как раз под окнами спальни, где спал весь седьмой класс и виновницы всей этой опасной затеи. Также надо было заручиться поддержкой ночного дежурного по роте, одноклассника Юры Жедилягина, без ведома которого было невозможно спуститься на первый этаж.

Для того чтобы институтки не смогли отказать в свидании, на которое были принципиально согласны, но не с такими приключениями, им дали знать только перед назначенной ночью.

В эту ночь, конечно, никто из этой тройки не спал от возбуждения предстоящей опасности. Уложив «куклы» в кровати, на всякий случай, они, тихо спустившись на первый этаж, открыв гимнастический зал отмычкой и выпрыгнув в окно на двор, оказались благополучно на воле.

Могу вообразить: свежая весенняя ночь, и три отважных фигуры с канатом тайком пробираются по задним тёмным улицам спящего города. Совсем как в рыцарских романах. Ни одного прохожего. Полная тишина, как Дима пишет, только изредка где-то залает собака.

Достигнув знакомого здания института, в центре города, перед которым уже начал зеленеть парк, они спрятались в кустах, прислушиваясь в ночной тишине к любому шороху, и слышали только биение собственного тревожного сердца. Ожидая назначенного часа, от нетерпения, минуты казались часами. В голове крутились беспокойные догадки: а вдруг институтки не получили их предупреждения или не решились на свидание? А минуты тянутся, как капли по лбу на средневековой пытке.

Точно в указанный час замигал фонарик. Напряжение нервов достигло своего апогея. И вдруг над балконом открылось окно, и появилась тёмная фигура. На душе сразу отлегло, и канат, умело заброшенный, полетел на крышу, где эта же незнакомая особа быстро и ловко завязав его за орнаментальные металлические перила, опять скрылась в окне. Дима пишет, что по сей день не известно, кто была эта храбрая соучастница их затеи.

Между ними было заранее условлено, что первым полезет Шура, так как он самый тяжёлый, и если канат выдержит, следующим полезет Дима, и последним, как самый лёгкий и хороший гимнаст, полезет Володя. Канат выдержал. Шура, как на уроке гимнастики, подтягиваясь, пока Дима внизу держал канат, благополучно добрался до крыши, и Дима тоже быстро залез, а с Володей, хотя он и гимнаст, произошёл казус: так как канат некому было держать, он раскачивался, и Володя случайно разбил ногой стекло в вестибюле. Треск разбитого стекла в ночной тишине, казалось, зазвенел по всему городу. Втащив канат на крышу, и притаившись на балконе под окнами спальни, эти три «Ромео» прислушались. Где-то в здании института раздались шаги... хлопнула дверь... и опять всё стихло. Через несколько мгновений открылись окна и на подоконниках появились в халатиках «Джульетты».

«Вот вам и Шекспир, полная идиллия, только не хватает музыки Чайковского» — это слова Димы. А я бы прибавил: и луны, так как она создала бы соответствующее данному моменту настроение, но ночь была тёмная.

Весь седьмой класс не спал и живо переживал необыкновенное появление кадет у окон их спальни. Сразу кто-то стал на «махалку», следя за появлением неожиданной опасности в виде дежурной клас-сной дамы, что и произошло. По данному сигналу все разбежались по своим кроватям, закрыли окна, а нетерпеливые ухажё-

ры прилегли на крыше под окнами. Выждав, пока всё успокоилось, институтки открыли окна, и опять в ночной тишине был слышен нежный шепот юных голосов.

«*Трудно передать, что переживали в тот момент наши юные чистые души*», — пишет Дима. И я с ним согласен — надо самому пережить, и, если обладаешь красноречием наших поэтов и писателей, только тогда попытаться передать эти сложные, романтические движения чистой молодой кадетской души, ещё не запачканной суровой действительностью жизни.

Могу себе представить, каким тяжёлым казалось расставание, однако, принимая во внимание поздний час, им надо было возвращаться в корпус. «Заметая свои следы» и «пряча улики преступления», как пишет Дима, они тем же путём благополучно вернулись в корпус.

Лёжа в своих кроватях и перебрав все подробности этого ночного свидания, уже под утро Дима вспомнил слова старой военной песни «Чёрные Гусары», которую их выпуск исполнял на соревновании по пению в 1939 году:

...И не снится седым командирам,
Что творится у них под окном.

Эпилог

В корпусе стало известным, что в институте производилось следствие по поводу разбитого стекла. Постановили: окно разбил камнем проходивший хулиган. (Написано по письму с рассказом Дмитрия Иванова, XIX выпуска.)

Пасха
(6 апреля 1939 года, Страстной вторник)

В субботу перед Вербным воскресеньем кадеты уезжали на пасхальные каникулы. Я всегда оставался в корпусе. Отцу было тяжело брать меня домой и на Пасху, и на Рождество. Так я на Пасху дома и не побывал.

Осталось нас мало — полурота. Всех свели в помещение 1-й роты, в одну спальню. Любил я этот период, когда со старшими кадетами можно было ближе познакомиться и перенять их дух и быт кадетской семьи. В церковь ходили общим строем под командой ка-

дета старшего выпуска. «Дядек» не было, но зато все старшие кадеты держали нас в «ежовых рукавицах».

В воскресенье в церкви получили вербачки. Зелёненькие и такие пушистые, жёлтенькие серёжки свисают. Лист острый, сверху тёмно-зелёный, а снизу как будто серебряный. Кто-то говорил, что в России другая верба, и какая погода будет в Вербное воскресенье, такая будет и на Пасху.

Вот и Святая Страстная неделя пришла. Я уже точно не помню, но мне кажется, что мы ходили в церковь каждый день. Хорошо помню двенадцать Евангелий в Страстной Четверг, как мы отсчитывали Евангелия и, сбиваясь, спрашивали друг у друга, ожидая последнего. В Страстную Пятницу вместе с батюшкой выносил Плащаницу и директор корпуса. У Плащаницы, всю ночь и завтра весь день, будут стоять на часах два кадета. Мне как-то не попадало (наверное, «ловчил»). Но товарищи рассказывали, что ночью легче стоять — можно отставить ногу или даже присесть. Кадеты, и часто персонал корпуса, всю ночь считали часы. Утром в Страстную Субботу ходили в баню. Тихо, степенно мылись (в бане всегда бывал балаган, а это — Страстная Суббота) и, одевши чистое бельё, распаренные и раскрасневшиеся возвращались в роту. Получали в цейхгаузе парадные белые рубашки, которые надевались к Заутрене, первый раз в этом году. Рано ложились спать. Мне спать не хочется, а перед глазами маячат яйца и куличи. Не успел я заснуть, как нас начали будить к Заутрене. Поспешно одеваюсь. Ботинки уже начищены — блестят; вынимаю брюки из-под матраца — складка, как будто утюгом выглажена; на белой рубашке пуговицы блестят звёздочками; бляха сияет. Друг друга осматриваем — складки позади расправляем. У всех на лице улыбка нетерпения. В церкви полумрак. Считаем часы. Наряд у Плащаницы в белых рубашках. И когда начинают разбирать хоругви для Крестного хода, я улавливаю тихий отдалённый, а потом всё громче и громче, «колокольный» звон[64]. Со свечками в руках, под пение: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» обходим здание корпуса и останавливаемся у главного входа, откуда батюшка трижды провозглашает «Христос Воскресе!» Дружное

[64] На заднем дворе были подвешены разного размера железнодорожные рельсы, и наши «звонари», главным образом кадеты-калмыки и магометане, искусно на них подражали колокольному звону.

и радостное «Воистину Воскресе!» прорезает ночную тишину. Многие начинают христосоваться, но это уже на ходу, — возвращаемся в церковь на Пасхальную литургию. Недогоревшие свечки я не возвращаю — пригодятся топить сало в парте. Стоять уже не тяжело — размялись в Крестном ходе, но в животе начинает бурлить — проголодались — ведь целый день не ели. Слабым малышам из 3-й роты разрешили сесть на скамейки между пролётами. Через окна начинает пробиваться румяный рассвет. Служба кончается, но Царские Врата остаются открытыми — Христос Воскрес! Начиная с 3-й роты, подходим христосоваться к батюшке и к «Генпопу», около которого стоит старший кадет и держит корзинку с крашенками. «Генпоп» весёлый, улыбается, редко мы его видели улыбающимся, всегда — серьёзный, выдержанный и строгий. Подхожу и я к батюшке: «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!», его борода мягко щекочет мои щёки. Отец Иоанн у нас был старенький, и тяжело ему было после долгих Пасхальных служб столько выстоять. Он скоро возвращался в алтарь. Христосуюсь с «Генпопом». Его гладко выбритые щёки пахнут душистым мылом или «Eau de Cologne». Получил яичко... а он задержал:

— Ты не заснул? — И улыбается.

— Никак нет, Ваше Превосходительство!

Запомнил... Ведь «Яшка» ему наверняка докладывал, что я заснул на дворе, и меня искали.

Из церкви прямо переходим в столовую Роты Его Высочества, где нас встречают накрытые столы, и важно разгуливает «Жила» — наш эконом — полковник В. Н. Герцог. Столы накрыты белыми скатертями, стоят букеты свежих цветов, а кругом — аж глаза разбегаются: на высоких громадных куличах с сахарной верхушкой горят свечки, благоухает румяная ветчина, горка сырной пасхи и полное блюдо крашеных яиц. Пропели ещё раз «Христос Воскресе» и приступили к еде. Цокают яйца, исчезает ветчина с горошком, режут кулич равными кругами, а верхушку с глазурью делят на равные части, чтобы всем досталось. Кулич сдобный, с чёрным изюмом — постный, как старшие говорили. Когда мне передали тарелочку с сырной пасхой, которую, накладывая на кулич, ел, запивая чаем, я почувствовал, что мой ненасытный кадетский желудок отменно полон.

Когда мы утром (солнце уже встало) вернулись в спальню, то я блаженно растянулся на кровати, вспоминая, как в детстве говорил есаул Николай Чибышов: «Отчего казак так гладок? Що, поив — и набок».

(В некоторые годы, на Пасху, кадеты и институтки разговлялись в корпусе вместе, но при мне этого, к сожалению, не было.)

На Пасху мне прибавили балл за поведение — на «три». После лежания на карнизе, и предупреждения, я не ожидал. Очевидно, «звери» ещё не потеряли надежду, что я исправлюсь.

*(Отрывки из книги воспоминаний М. А. Лермонтова, кадета 24-го выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, касающиеся его пребывания в этом корпусе. Эти воспоминания, размером около 600 страниц, под названием «**Почему я? Биографический очерк**» охватывают всю жизнь автора в Эмиграции, и были им закончены незадолго до его кончины в конце 2008 года. В настоящее время, русские зарубежные кадеты ищут возможности издать эту очень интересную книгу.)*

Б. Г. Константинов

Мимолётные взгляды

Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается. Связь эту не должно принимать в буквальном смысле. Она не есть та видимая вещественная связь, которую часто насильно связывают происшествия, или система, создающаяся в голове независимо от фактов и к которой после своевольно притягивают события мира.

(Н. В. Гоголь. **«О преподавании всеобщей истории»***).*

Но как только мы начинаем изучать не одно состояние (истории), а множество их, то есть ***процесс****, картина резко меняется и начинает напоминать, скорее, детский* ***калейдоскоп****, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями.*

(Лев Гумилев **«От Руси до России»***. Москва, 2004, с. 6).*

Глобальная экономическая перестройка

Перед международными годовыми обзорами стоят два предварительных затруднения: во-первых, очень трудно делать обзор за годовой срок, и во-вторых, такой годовой обзор попадает в руки к читателю уже тогда, когда прошло довольно много времени после окончания этого срока. Да и невозможно в таком ежегодном журнале, как «Кадетская перекличка», делать подробные международные

обзоры. Кроме того, сама по себе эта тема не входит в круг коренных тем журнала. Однако, ввиду важности некоторых современных процессов, «Кадетская перекличка», по мере своих возможностей, пыталась делать **глубокий анализ** некоторых из этих процессов – как политических, так и экономических. В этом отношении сегодня можно рекомендовать повторное чтение многих статей из предыдущих номеров «Кадетской переклички», особенно из отдела «В современном міре».

Последних двенадцать месяцев, прошедших с предыдущего «Международного калейдоскопа» в № 79 «Кадетской переклички», весь мір находился под впечатлением, главным образом, глобального экономического кризиса, в основном зародившегося в США и затем, так или иначе, отразившегося во всем міре. Этот глобальный экономический кризис начался уже во второй половине 2007 года. Он был обстоятельно проанализирован в статье «**Экономические потрясения**», написанной в феврале 2008 года и опубликованной в № 79 «Кадетской переклички».

Максимально резюмируя, сегодня можно сказать, что этот современный экономический кризис сложился, в основном, из следующих составляющих:

1. Злоупотребление **финансовыми спекуляциями**, при одновременном отрыве вздуваемых спекулятивных цен от реальной стоимости активов, лежащих в их основе.

2. **Эмиссия** для этой цели **недоброкачественных финансовых бумаг**, не имеющих в действительности достаточного и верного реального покрытия реальными активами. Согласно информации Международного Валютного Фонда (МВФ) от конца апреля сего года, в активах банков США оказалось таких бумаг на сумму в 2,71 биллионов (миллионов миллионов) долларов, в Европе – на 1,19 биллионов и в Японии – на 0,15 биллионов, значит, в общей сумме более чем на 4,05 биллионов долларов.

3. **Отсутствие** органической **системы контроля** за современной технологией этих спекуляций, при одновременном нежелании (до сих пор), главным образом, англо-саксонских стран, для установления соответствующих контрольных систем над ними со стороны государства.

4. В данном случае произошёл также и чисто **идеологический обман**, ибо круги, получающие выгоду от этих злоупотреблений, систематически агитировали в пользу **смешения между концепция-**

ми свободного рынка и свободных злоупотреблений, каковые, якобы, автоматически исправляются рынком. Ведь сам по себе рынок только и возможен, если он будет огражден и обеспечен от разного вида злоупотреблений, с помощью государственных органов и структур. (Рынок, по-немецки ring – замкнутый круг, зародился на вечевых площадях, торжищах, то есть в рамках цивилизации, а не на разбойничьих дорогах.)

5. Для прикрытия подобных спекуляций и для их глобального распространения форсировалось чрезмерное и **нерациональное массовое потребление** многих промышленных товаров, а также и энергии, не учитывая необходимость сбережения ограниченных количеств сырья и энергии, а также и еще более категорическую необходимость сокращения загрязнения природы. Ведь перед человечеством неумолимо вырастают более страшные перспективы, именно в этом отношении. Например, в конце апреля с. г. Worldwatch Intitute опубликовал в своем очередном сообщении, что экологическую катастрофу в міре к 2050 году можно будет отвратить только лишь в том случае, если до этой даты человечество сможет сократить, по крайней мере, на половину эмиссию в атмосферу газовых отбросов при потреблении энергии. Однако после 1990 года, когда эта проблема была впервые поднята на международном уровне, США увеличили свою эмиссию этих отбросов на 16 процентов, в то время как в Европе её немного снизили.

6. Для форсирования такого массового потребления не только срывались экономически необходимые сбережения, как в частных, так и в государственных хозяйствах, но для этого также чрезмерно **увеличивались кредиты**, каковые имели своим происхождением, главным образом, практически неограниченную эмиссию денег центральными банками, а не сбережения населения.

Можно было бы к этому перечислению добавить еще несколько дополнительных причин, но, по сути, от этого анализ не изменился бы.

Никто сегодня не может более или менее точно предсказать дальнейшее развитие этого экономического кризиса. Некоторые экономисты считают, что этот кризис начнет постепенно тормозиться во второй половине 2009 года, но медленный экономический рост начнется снова не ранее 2011 года. Однако беда заключается в том, что многие проявления этого кризиса частично преодолеваются мерами аналогичными самим причинам, его вызвавшим.

Например, вряд ли можно преодолеть этот кризис, частично вызванный всемирной **инфляцией кредитов** на базе абстрактных финансовых продуктов, массовым предоставлением **новых кредитов, для погашения предыдущих** лопнувших кредитов. Например, в США прежняя публичная задолженность государства уже возросла с 50 процентов Внутреннего валового продукта (ВВП) в конце 2007 года до 70 процентов в конце 2008 года, а в 2010 году она по-видимому дойдет почти до 100 процентов ВВП (некоторые экономисты высчитывают более точно: до 98 процентов). Значит, этот современный кризис обошелся США, пока что, **удвоением** их публичного долга. Таким образом, США оказались, по этому показателю, между Грецией (в которой задолженность достигнет в 2010 году 95 процентов) и Италией (в которой задолженность достигнет 121 процент ВВП). В связи с этим, бюллетень одного швейцарского банка, в номере от апреля сего года, цитирует слова известного римского государственного деятеля и мыслителя Цицерона, сказанные им в 55 году до Р. Х.: *«Государственный бюджет должен быть уравновешен. Публичные долги должны быть уменьшены, чтобы не произошел банкрот».*

Параллельно этому, значительные группы населения в США и в других странах понесли крупные потери в своих сбережениях, в результате этого краха. При этом нельзя упускать из виду, что в финансах тоже действует Закон Лавуазье: ничто не создается из ничего и **ничто не исчезает**, а всё лишь меняет свою форму и вид, превращаясь из одного в другое. Так что потери одних обернулись пропорциональными **приходами для других**. Согласно данным Всемiрного банка от конца апреля сего года, количество бедных в мiре (чей прожиточный минимум в день не превышает одного доллара) увеличится в этом году на 90 000 человек. В общей сумме, сегодня в мiре живет около одного миллиарда таких бедняков. Всемiрный Банк считает, что вряд ли к 2015 году можно будет снизить это число на половину, как было запланировано. Одновременно, в печати недавно были опубликованы данные, что ведущие управляющие крупных фирм в США зарабатывали в 344 раза больше, чем простые рабочие.

Также, вряд ли можно преодолеть этот кризис путем финансирования государственными кредитами обанкротившиеся предприятия или субсидировать потребление их чрезмерной продукции, или её дальнейшее производство. (Например, только лишь автомобильная

фирма «Дженераль мотор» имеет на своих складах и плацах около 800 000 уже произведенных автомобилей, которые она не может продать.)

Как недавно сказал изестный экономист США и лауреат Нобелевской премии Стиглиц (Joseph Eugene Stiglitz), прежняя экономическая модель США, основанная на **потреблении, превышающем собственное производство,** за счет **кредитов,** получаемых со всего міра, сегодня окончательно лопнула, так что придется возводить **новую экономическую модель**. Между прочим, сам президент Барак Обама в одной из своих речей, по поводу 100 дней его правления, сказал, что экономическая модель США впредь не сможет больше базироваться на «сыпучем песке кредитов».

В этом и заключается любая **перестройка**: воздвижение новой инструментальной модели, ввиду наступившей полной негодности старой модели, из-за её неспособности эволюционировать. К сожалению, в таких перестроечных процессах зачастую происходит **массовое ограбление** широких слоев населения, как перед самой перестройкой, так и в её результате.

Глобальное созвездие пятиконечных звёзд

Не вдаваясь дальше в углубление чисто экономических аспектов этого глобального кризиса, все же необходимо отметить, что он повлечет и уже повлёк за собой также и **геополитические перестройки** в міре. Например, в немецком Парламенте в прошлом году немецкий министр финансов прямо сказал, что экономическая гегемония США закончилась. Однако такие умозаключения нельзя принимать упрощенно и огульно. Реальное положение на самом деле гораздо сложнее. Даже высказываются предположения, что сам по себе этот кризис является **частью** какого-то более глубокого и грандиозного плана, дабы достичь не только обеднения значительных частей человечества в пользу обогащения его незначительных меньшинств, но также и для каких-то изменений в реальных соотношениях экономического властвования.

Еще со времен Меттерниха, творца тогдашней «новой Европы» после наполеоновских войн, в международной политике начали применяться цифровые и даже геометрические термины для обозначения очередных геополитических манипуляций. Тогда было пущено в ход крылатое словечко «**пентархия**» (пятивластие), которое потом снова всплыло после Второй мировой войны в виде «пентар-

хии» 5-ти постоянных членов Совета Безопасности (СБ). Затем, уже в последнее десятилетие коммунистического строя в России, заговорили снова об «пентархии», а еще больше — о «**трехсторонних** структурах», в связи с созданием так называемой «Трехсторонней комиссии». Однако не нужно думать, что эти цифры: «3» и «5» имеют какое-то исключительное символическое значение. Ведь практически все цифры имеют то или иное кабалистическое значение. Вскоре возникла и так называемая «**большая семёрка**» промышленных стран (США, Япония, Германия, Англия, Франция, Италия и Канада), к которой затем была добавлена еще одна страна (Россия), так что получилось семь плюс один, хотя иногда употребляется и выражение «**большая восьмёрка**». Нереальность такого чрезмерного ограничения глобальных макроэкономических решений в кругу незначительного числа стран, вскоре была подправлена созданием так называемой «**двадцатки**», в которую входят, кроме «большой восьмерки», еще несколько развитых, полуразвитых и развивающихся стран.

Когда в предыдущем десятилетии стали муссироваться попытки увеличить состав постоянных членов Совета Безопасности (СБ) включением в него, в первую очередь, Германии и Японии, а затем, возможно, Индии и Бразилии, а также и одной африканской страны, то этим самым претендовалось, чтобы прежняя пятерка СБ перестала существовать, ибо она превращалась в другую группу иной численности. Однако затем эти попытки геополитической перестройки были отставлены, но зато появилось новое выражение: «**пять плюс один**», под каковым подразумеваются пять постоянных членов СБ (США, Россия, Китай, Англия и Франция), плюс Германия.

Параллельно с такими **арифметическими перестройками** повсеместно стали раздаваться голоса также и о необходимости окончательной перестройки прежнего **двухполярного** міра, временно ставшего де-факто однополярным, в новый **многополярный** мір.

В наступившей затем перетасовке кандидатов, чтобы стать членами **нового глобального геополитического созвездия**, стали вырисовываться следующие страны: США, Россия, Европа, Китай, Япония, Индия и Бразилия. Значит, снова на деле получалась **новая семёрка**.

Однако серьёзный анализ подобных процессов требует осторожного отношения к таким перестройкам. Ведь многие перестройки являются лишь **сменой декораций** для уже происшедших реальных

перемен. Кроме того, было бы ошибочно думать, что геополитические перемены в истории происходят без **промежуточных** этапов и без так называемых «спусков на тормозах». Посему, в данном случае, никоим образом нельзя упускать из виду, что так горячо пропагандируемая **многополюсность** на самом деле является **частичной**. Сама символика это безошибочно подтвержадет: практически все семь вышеперечисленных стран нового ведущего геополитического созвездия имеют в своей официальной или военной символике пятиконечные звёзды, происхождение каковых в нашу эру имеет несомненное кабалистическое происхождение. Таким образом, сама по себе многополярность замыкается в **одном созвездии** однородных пятиконечных звёзд.

Конечно, кроме неизбежного, хотя бы частичного, присутствия символики, необходима также и хоть какая-то общность в мировоззрении. Формально таким общим мировоззренческим знаменателем современных государств, входящих в это многополярное созвездие, являются **демократия** и **человеческие права**, а также, до некоторой степени, и **рыночная** экономика.

Однако необходимо не упускать из виду, что, в конечном итоге, «человеческие права» являются сегодняшним суррогатом минимальной общности прежних религиозных воззрений. Сегодня часто упускается из виду, что и в предыдущие исторические эпохи существовала некая минимальная религиозно-идейная общность между разными политическими силами, даже и при весьма различных между ними конкретных вероисповеданиях. Сегодня же все религиозные сноски оказались полностью выкорчеванными из публичной политической жизни, а посему для них и был придуман новый суррогат.

Еще во времена Второй мiровой войны, во время известной встречи Черчилля с Рузвельтом в Атлантическом океане, когда была провозглашена так называемая «Атлантическая Хартия», на военном корабле, где это происходило, весь экипаж запел старую рыцарскую песнь времен средних веков, в начале которой подчеркивается «христианский характер» тогдашних рыцарей. Черчилль в своих мемуарах намекает, что он также подтягивал эту песню. Затем, когда сформировались два больших антагонистических блока времен холодной войны, на Западе вначале усиленно говорилось о «Западном христианском мiре». Да и сам герб НАТО, одного из двух глобальных блоков бывшего биполярного мiра, является стилизо-

ванным крестом. Однако, еще до коллапса одного из этих двух блоков, дальновидная и очень искусная бразильская внешняя политика заранее почуяла новые дуновения, и уже тогда дала инструкцию своим дипломатам больше не ссылаться на «**христианский** Запад». А сегодня Европейский Союз уже прямо отказался включить в проект своей конституции какое бы то ни было упоминание о своих христианских исторических истоках и корнях.

Кроме всего этого, никак нельзя не отметить, что в состав **общего знаменателя** современной цивилизации в этом формирующемся **семиполюсном созвездии** существенную роль играет также и принципиальное допущение беспринципности и безнравственности (аморальности), как в частной, так и в общественной жизни человека. Таким образом, эта современная цивилизация не только безбожна (атеистична), но также и аморальна.

Глобальный безнравственный мiр

В своей, в свое время нашумевшей, речи, сказанной по поводу получения им Нобелевской премии, А. И. Солженицын назвал современный мiр «**безнравственным**», то есть аморальным. С тех пор прошло уже несколько десятилетий. За это время стало очевидным, что эта аморальность до сих пор продолжает прогрессировать.

Например, вначале робко провозглашались требования, чтобы не слишком «дискриминировать» гомосексуалистов, затем им прогрессивно предоставлялись все более расширяющиеся права, вплоть до того, что кое-где даже было законодательным путем зафиксировано равноправие «браков» гомосексуальных пар с нормальными естественными браками между мужчиной и женщиной. В настоящее время иногда даже раздаются требования так называемой «положительной дискриминации» в пользу гомосексуалистов, под предлогом того, что раньше их столько времени обижали.

В последнее время эпидемия гомосексуализма стала принимать зловещий характер, в виде широкого разлива насильной детской проституции и детской порнографии. Совсем недавно в Германии государственные власти констатировали широкий разлив оплачиваемой детской порнографии по интернету, двигающей миллиардными суммами. Для этого, правительство Меркель даже предлагало ввести специальное законодательство для борьбы с таким явлением, хотя это одновременно вызвало сильные протесты против такого нарушения свободных коммуникаций по интернету.

Тут, несомненно, уже достигнут некий рубеж, когда даже наш безнравственный мір не сможет дальше безбрежно продолжать свою гибельную процессию, ведь всё-таки права бесправных детей тоже входят в состав «человеческих прав». Ведь уже давно было сказано: «*А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море*» (Марк. 9, 42).

Все народы и все религии в истории человечества всегда вырабатывали в той или иной форме необходимые формулы **нравов** (морали) и правил общежития, дабы сама по себе общественная жизнь была возможна. Таким образом, коллективный исторический опыт отдельных народов накапливал необходимый **осадок нравственных устоев**. Нравы были **нормами быта** этих народов. Как это хорошо уточняет Аристотель, из нравов со временем выкристализовывалось и положительное право, каковое, согласно Аристотелю, нелигитимно, если оно нарушает устоявшиеся нравы. В ветхозаветной традиции считалось, что высшие заповеди для такого хорошего человеческого сожительства даны в виде Декалога, через Откровение.

Таким образом, в **самобытных недрах** каждого народа заключен его **нравственный капитал**. Именно поэтому новый міровой порядок, во всех своих вариантах, будь то двухполярный, однополярный или мультиполярный, не допускает **подлинной самобытности** ни у одного из своих полюсов.

Действительно, если внимательно проанализировать современный **конституционный статус** каждого из вышеотмеченных семи намечаемых полюсов нового глобального созвездия, то в каждом из них, в его базисе, находится та или иная **революция**, или, по крайней мере, **новое** постколониальное учреждение. Без революционных «**новых истоков**» в созвездие не принимают. Больше того, по-видимому даже требуется публичное включение таких революционных истоков, с их лидерами и с их символами, в современные идеологические пантеоны, в крайнем случае, даже на ряду с их оппонентами. Это и есть «плюрализм» зла с добром, сиречь зло, прикрываемое добром.

Таким образом, налицо некая нестабильность нового глобального міра, ибо вне возводимых новых геополитических схем все еще остаются большие «белые пятна», как, например, тот же мусульманский мір. Да и в самих рамках этих схем, и даже в некоторых их конституционных образованиях, формально проистекающих из насиль-

но вызванных и внедрённых революционных процессов, возникают сильные **стихийные тяги** к полному восстановлению **потерянной самобытности**.

Подлинная и поистине **суверенная демократия** как раз и заключается в праве каждого народа полностью вернуться к своей **собственной самобытности**, предоставляя при этом всем другим народам суверенное право решать этот вопрос по-своему, но без права навязывать другим народам свои специфические предпочтения.

Перед очередным циклом инфляции?

Согласно теории русского ученого Н. Д. Кондратьева, экономические процессы развиваются **циклообразно**, в рамках *«больших волнообразных периодических циклов»*, длительностью от 40 до 60 лет, в которых можно различить **«приливы»** и **«отливы»**.

С момента провозглашения «Плана Маршалла» в 1947 году, в мире началась очередная экономическая «большая волна», которая, кончилась с наступлением современных экономических потрясений в 2007 году.

В 1971 году президент США Ричард Никсон объявил одностороннее решение США отменить золотое покрытие доллара. Затем, после резкого поднятия цены на нефть, в результате «Йомкипурской войны» в 1973 году, колоссальные суммы долларов, получаемые странами производителницами нефти, были сперва вложены в большие международные банки, а затем помещены этими банками в виде кредитов в разные страны. Это была первая волна сильного роста международных долгов, для смягчения последствий каковой в следующем десятилетии 80-ых годов возникла сильная инфляция во многих странах.

После очередного чрезмерного разлива кредитов в 90-ых годах, уже в этом десятилетии пришлось преодолевать проблемы непогашения этих долгов колоссальными выпусками денег без покрытия. Возможно, что со временем наступит очередной период значительной инфляции, для разжижения долгов по старым и новым кредитам.

Май 2009 г.

Резолюция XX Съезда русских зарубежных кадет

XX Съезд Зарубежных Кадетских Объединений, состоявшийся от 3 до 10 сентября 2008 года в Вашингтоне, при участии делегаций русских зарубежных кадет, принял единодушно следующую Резолюцию:

1. Обратиться к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву с просьбой объявить недействительным унизительный диктат Ленина, от 15 декабря 1921 года, которым все русские политические эмигранты и их потомки были незаконно лишены Российского гражданства. Также, просим оказать всестороннее содействие желающим обрести подданство возрожденной России.

2. Выразить поддержку России в международных дискуссиях об установлении вины в конфликтах, вызванных агрессиями Грузии.

3. Обратиться к Президенту Российской Федерации с просьбой учредить единое руководство для всех средних военных учебных заведений России (Суворовских и Нахимовских Училищ и Кадетских Корпусов), установить общую кадетскую педагогическую программу, как это было в России до 1917 года. Впервые такая просьба была выражена в петиции Президенту Российской Федерации В. В. Путину на 17-м Съезде зарубежных кадет, состоявшемся в 2000 году в Канаде.

4. Выразить благодарность за приветственное слово XX Съезду А. Н. Дарчиева, временного поверенного в делах России в США, за передачу приветствия XX Съезду Зарубежных Кадет от С. М. Миронова, председателя Совета Федерации России, и за участие в торжественных актах Съезда представителей Посольства.

5. XX Съезд Зарубежных Кадетских Объединений считает, что все исторические ценности в музеях и архивах, переданные Кадетским Объединениям организациями или частными лицами, принадлежат всему сообществу русских зарубежных кадет. Отдельные местные Объединения кадет являются лишь временными хранителями исторического наследия, до его передачи в Россию, во исполнение завещаний и наказа дарителей (согласно Резолюциям XVIII и XIX Кадетских Съездов).

6. XX Съезд благодарит Открытое Содружество СНКР за активное и конструктивное участие его делегации, в составе 12-ти человек, во главе с генерал-майором А. И. Владимировым, в работе XX Съезда. Приносит высокую благодарность за вручение высшей кадетской награды «Кадетский Крест» присутствующим членам Объединений Зарубежных Кадет и посмертные награды Г. Н. Сперанскому, А. Б. Боголюбову и А. Б. Иордану.

7. XX Съезд Зарубежных Кадетских Объединений принимает предложение Открытого Содружества СНКР о наименовании следующего съезда в Санкт-Петербурге в 2009 году: «**Второй Общекадетский Съезд России**». Зарубежные Кадетские Объединения готовы направить полноправную делегацию для участия в работе предстоящего Съезда. Съезд поддерживает предложение Открытого Содружества СНКР о желательности участия Фонда имени А. Б. Иордана в подготовке этого «Второго Общекадетского Съезда России».

8. XX Съезд выражает свою благодарность Борису Алексеевичу Иордану, президенту «Фонда Содействия Кадетским Корпусам имени А. Б. Иордана», за активное участие делегации Фонда в работе Съезда. В составе делегации Фонда, возглавленной ее Генеральным Директором О. И. Барковец, на Съезд прибыло девять директоров Кадетских Корпусов России, которые сделали ценные доклады о достижениях по работе в своих корпусах. XX Съезд благодарит всех докладчиков за информацию и за их конструктивное участие в работе Съезда.

9. Съезд считает своим долгом особенно отметить исключительную щедрость и великодушие Ростислава Вадимовича Ордовского-Танаевского-Бланко, пожертвование которого заслуживает глубокой сердечной благодарности всех участников XX Съезда.

10. XX Съезд определил своими официальными интернет-ресурсами, которые имеют право представлять информационные материалы Зарубежных Кадетских Объединений, следующие узлы:

- Сайт Кадеты России: www.ruscadet.ru
- Сайт Фонд имени А. Б. Иордана: www.fskk.ru
- Сайт ОС СНКР: www.cadet.ru

11. XX Съезд выражает свою благодарность всем оказавшим финансовую поддержку, приславшим свои поздравления и вручившим подарки в адрес Съезда, и И. А. Агатову и Т. Б. Сперанской — организаторам успешной лотереи, разыгранной на банкете Съезда.

12. На Закрытом Собрании Зарубежных Кадет было решено: не считать XX Съезд последним, предоставив Президиуму XX Съезда вынести это решение, в течение одного года.

Вашингтон, США, 10 сентября 2008

ПРЕЗИДИУМ XX СЪЕЗДА КАДЕТ РУССКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

А. И. Перекрестов, председатель

Г. А. Денисенко, вице-председатель

Ю. Б. Мордвинкин, секретарь

В. М. Ротов, И. Н. Андрушкевич, А. М. Ермаков – члены Президиума.

Участники Съезда сердечно благодарят председателя Организационного Комитета Г. А. Денисенко и его сотрудников Н. В. Орехова, кн. В. К. Голицына, Н. Б. Монтвилову, В. Н. Мантулина, Л. Я. Гутан, Е. Б. Гончарову, Н. М. Сутерланд и А. Ф. Захарина за их самопожертвенную работу по устройству XX Съезда.

Летопись XX Кадетского Съезда русских зарубежных кадет

Русский форум в Вашингтоне

В городе Вашингтоне состоялся, от 3-го до 10-го сентября 2008 года, **XX Кадетский Съезд русских зарубежных кадет**. Всего в Съезде приняло участие более ста человек. Съезд происходил в гостинице Hyatt Fair Lakes, приблизительно в тридцати километрах от Вашингтона, в живописной лесистой местности. Председателем Съезда был вице-председатель Кадетского Президиума Г. А. Денисенко.

На этот Съезд прибыло около тридцати зарубежных кадет, делегатов от Кадетских Объединений из разных стран мира. Кроме того, на Съезд прибыла делегация от «Открытого содружества суворовцев, нахимовцев и кадет России» (ОС СНКР), в составе двенадцати человек. Эта делегация была возглавлена председателем Содружества генерал-майором А. И. Владимировым и его первым заместителем полковником Ю. М. Лавринец. На Съезд также прибыла делегация от «Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана» под руководством генерального директора Фонда О. И. Барковец. В составе делегации Фонда прибыло девять директоров кадетских корпусов из России. В Съезде также приняли участие представители русской общественности из Вашингтона, в том числе протоиерей о. Виктор Потапов, настоятель прихода РПЦЗ в Вашингтоне, а также представители Посольства Российской Федерации в Вашингтоне, возглавленные поверенным в делах и военными атташе.

Таким образом, этот форум, исключительный для Русского Зарубежья, состоял не только из самого съезда зарубежных кадет, но также и из авторитетных и квалифицированных представителей современной кадетской жизни в России, и из представителей Русской Диаспоры. Посему этот XX Кадетский Съезд имел сложный и многосторонний характер: кроме чисто внутренних дел зарубежных кадет местного значения, на Съезде обсуждались также и вопросы общекадетского значения для всей России. Съезд также не мог не коснуться некоторых актуальных аспектов сегодняшних проблем России в рамках современного глобального мира, которые тоже нашли свое отражение в Резолюции Съезда.

Резолюция XX Кадетского Съезда в первую очередь обращается к президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву с просьбой **объявить недействительным** унизительный **диктат Ленина** от 15 декабря 1921 года (то есть до создания СССР), которым все русские политические эмигранты и их потомки были незаконно и навсегда лишены их российского гражданства, что является несомненным абсурдом и нарушает Конституцию РФ и международное право. Признание недействительности этого ленинского диктата положит конец догматическо-идеологическому фиксированию несправедливой и нерациональной юридической **дискриминации среди Русской Диаспоры,** дискриминации саботирующей **подлинное объединение соотечественников** России. (В частности, зарубежные кадеты тоже автоматически дискриминируются этим ленинским диктатом.)

XX Кадетский Съезд также выразил поддержку России в международных дискуссиях об установлении вины в конфликте, вызванном агрессией Грузии против Южной Осетии.

Кроме того, Съезд снова обратился к Президенту Российской Федерации с просьбой **учредить общее руководство** для всех **средних военных учебных заведений** России (Суворовских и Нахимовских Училищ и Кадетских Корпусов), с **общей кадетской педагогической программой**, как это было в России до 1917 года. Впервые такая просьба была выражена в Резолюции 18-го Общекадетского Съезда, состоявшегося в 2004 году в Канаде.

Все кадетские съезды до сих пор вырабатывали, принимали и публиковали свои резолюции. По этому поводу не будет лишним отметить специфический характер этих резолюций, каковые являются **синтезем соборного согласия кадет**, присутствующих на съезде, а также и **подтверждением содержания предыдущих резолюций**. Соборное согласие на съездах достигается между кадетами после свободного высказывания разных мнений, но при этом все кадеты всегда чувствуют необходимость достичь общего знаменателя или, еще лучше сказать, **хоровой симфонии** между разными свободно выражаемыми голосами.

Этот XX Съезд отличался сравнительно меньшим числом зарубежных кадет, принявших в нем участие, по отношению к предыдущим кадетским съездам в Зарубежье, что является естественным результатом неукоснительного ухода в лучший мир зарубежных кадет. Однако авторитетный голос этого **форума Зарубежной Руси** от такого обстоятельства отнюдь не умаляется, а скорее наоборот, ибо

этот XX Съезд снова повторил и подтвердил уже прежде недвусмысленно провозглашенные принципы и установки.

Для военных построений, при проведении традиционной Зари с Церемонией, судьбе было угодно, чтобы русский кадетский строй в этот раз, на XX Съезде, был пополнен русскими офицерами, прибывшими из России. Таким образом, русские кадеты из России и из Русского Зарубежья стояли в одном общем русском строю, под русским национальным государственным флагом и под императорским боевым знаменем Сумского Кадетского Корпуса.

Заря с Церемонией

Съезд начался в среду, 3 сентября 2008 года. Заря с Церемонией и официальное открытие Съезда состоялись на следующий день, в четверг утром, 4 сентября 2008.

Для Зари с Церемонией зарубежные кадеты и суворовцы построились в большом зале гостиницы. Под звуки традиционного «Марша-встречи военно-учебных заведений», сыгранного духовым оркестром, в зал вошли и обошли строй знаменщики: кадет С. М. Ермаков, с боевым знаменем Сумского Кадетского Корпуса, и полк. Н. Н. Сычов, с государственным флагом России, под командованием разводящего кадета А. И. Перекрестова. (Духовой оркестр был организован учительницей музыки в Вашингтоне Екатериной Петровной Карасик, дочерью кадета, при содействии В. Н. Мантулина, представившего все ноты для Зари).

Молебен с литией перед Зарей с Церемонией отслужил кадет, митрофорный протоиерей о. Петр Бурлаков, в сослужении кадета, протодиакона о. Георгия Григорьева, в присутствии протоиерея о. Виктора Потапова. После молебна о. Петр обошел строй кадет и суворовцев и окропил их святой водой. Затем была провозглашена и спета кадетским строем **Вечная Память** основателям и воспитателям русских Кадетских Корпусов, и всем скончавшимся кадетам, и **Многая Лета** всем здравствующим кадетам со сродниками. После чего все построенные кадеты, суворовцы и присутствующие гости подошли ко кресту.

После молебна началась Заря с Церемонией, под командованием председателя XX Кадетского Съезда Г. А. Денисенко, ассистентом которого был генерал-майор А. И. Владимиров. Старший кадет В. Н. Мантулин, XX выпуска 1939 года, принимавший парад, обратился с кратким словом к строю кадет, отметив, что этот XX Кадетский Съезд

посвящен 150-летию со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича, бывшего Главного Начальника всех военно-учебных заведений России. В своем обращении к господам офицерам и кадетам, В. Н. Мантулин подчеркнул, что, хотя революция и выявила некоторые слабые стороны кадетского воспитания, однако Заповеди Товарищества остаются в силе и по сей день и потому он призвал стоящих в строю спеть кадетский гимн «Наш полк» на слова К. Р., в котором отражены главные черты кадетских традиций.

Строй кадет и суворовцев спел «Коль славен», а духовой оркестр сыграл государственный гимн США. Строй кадет и суворовцев спел русский национальный гимн «Боже, царя храни!», древний византийский гимн «Спаси, Господи, люди Твоя», кадетский гимн «Наш полк» и песнь дворянского полка «Братья, все в одно моленье души русские сольем».

Открытие Съезда

После Зари с Церемонией все участники Съезда и гости перешли в один из залов гостиницы, для торжественного открытия XX Кадетского Съезда.

Съезд открыл председатель Кадетского Президиума А. И. Перекрестов. Затем князь В. К. Голицын вручил от имени Кадетского Объединения в Нью-Йорке «Открытому содружеству суворовцев, нахимовцев и кадет России» икону святого благоверного Великого князя Александра Невского, в память о Первом Съезде Кадет России, состоявшемся в 2007 году. Г. А. Денисенко вручил «Лесосибирскому Кадетскому Корпусу имени А. Б. Иордана» икону Ахтырской Божией Матери.

Приветствия от имени председателя Совета Российской Федерации С. М. Миронова и от посла России в США передал временный поверенный в делах РФ в США А. Н. Дарчиев.

Генерал-майор А. И. Владимиров представил XX Съезду делегацию от «Открытого содружества суворовцев, нахимовцев и кадет России» (ОС СНКР). Затем генерал-майор А. И. Владимиров выступил с кратким словом и вручил от имени ОС СНКР каждому из присутствующих зарубежных кадет «**Крест за служение Отечеству**» и Грамоту за *«выдающиеся заслуги и личный вклад в дело возрождения и успешную деятельность кадетского движения России»*. Крест имеет цвет и форму традиционных кадетских крестов Первого Русского В. К. Константина Константиновича Кадетского Корпуса, на котором

прикреплен орел с короной с крестом, держащий меч с лавровым венцом и ключами. Это изображение орла является точной копией изображения, сделанного лично А. В. Суворовым на полях одного его письма сыну, с надписью по-латыни: Fides, honor, scientia et labor – fontes victoriae sunt *(Вера, честь, знание и труд суть ключи к победе).* Этим крестом были также посмертно награждены кадетские деятели: А. Б. Боголюбов, А. Б. Иордан и Г. Н. Сперанский.

Затем выступили от делегации «Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана» О. И. Барковец, генеральный директор Фонда, и С. Б. Простакишин, директор Кадетского Корпуса имени Алексея Иордана. С. Б. Простакишин показал Съезду фильм о собрании кадет в Сербии и об очистке кадетского кладбища в Белой Церкви. О. И. Барковец передала Съезду приветствие от Председателя Фонда Б. А. Иордана, указав, что он, к сожалению, не смог лично прибыть на Съезд, и вручила Съезду подарки от имени Фонда, а также передала присутствующему зарубежному кадету П. Величко его личные рисунки, сделанные им в его бытность в Кадетском Корпусе в Югославии, которые случайным образом попали в руки Фонда.

Затем обратились с приветствиями к XX Съезду директора кадетских корпусов и члены делегации ОС СНКР: В. В. Кирсанов, Е. М. Ермолов, М. Ю. Горемыкин, В. И. Проскурин, Н. Е. Хворов, А. Н. Переверзев, М. Д. Шпиньков, Н. Н. Сычов, И. Р. Федоровский, В. К. Левченко, Э. С. Юсупов, А. Ф. Бахвалов и В. Басаев. Также были прочитаны письменные приветствия Съезду, в том числе от зарубежных кадетских и Суворовско-Нахимовских Объединений, и от Н. В. Бордюга, председателя Совета Директоров Кадетских Корпусов Министерства Образования Р. Ф.

В заключение был показан фильм ОС СНКР о Первом Съезде кадет России, состоявшемся в 2007 году, заканчивающийся словом И. Н. Андрушкевича при открытии этого Первого Съезда кадет России.

Работа XX Съезда

Насыщенная программа работы Съезда, в основном, была организована следующим образом: по утрам происходили закрытые собрания зарубежных кадет, посвященные внутренним делам кадетских объединений заграницей, и заседания Кадетского Президиума, а после обеда проводились открытые собрания.

На первом закрытом собрании зарубежных кадет был подтвержден выбранный на два года в 2007 году в Москве состав **Ка-**

детского Президиума. Однако вместо выбывшего по болезни М. А. Лермонтова, был выбран И. Н. Андрушкевич, а также дополнительно выбран А. М. Ермаков. Таким образом, состав Кадетского Президиума следующий: А. И. Перекрестов, председатель; Г. А. Денисенко, вице-председатель; Ю. Б. Мордвинкин, секретарь; В. М. Ротов, И. Н. Андрушкевич и А. М. Ермаков, члены Президиума.

В четверг, 4 сентября, вечером, состоялся вокальный концерт, в первой части посвященный произведениям Великого князя Константина Константиновича. Перед концертом Э. С. Юсупов прочел краткий доклад о жизни и творчестве Великого князя Константина Константиновича. После концерта состоялся торжественный банкет по случаю открытия Съезда, на который прибыли также гости из Вашингтона.

В пятницу, 5 сентября, выступили с докладами генерал А. И. Владимиров, капитан I ранга И. Р. Федоровский, полковник В. К. Левченко, О. И. Барковец, А. Ф. Бахвалов и С. Б. Простакишин. От имени библиотеки «Фонда Русское Зарубежье» выступил И. Домнин.

В субботу, 6 сентября, И. А. Андрушкевич прочел доклад на тему *«Превосходство идеи кадетского воспитания и образования в современном глобальном мире»*. Затем выступили с докладами директора кадетских корпусов: Е. А. Введенский, В. Басаев, А. Ф. Бахвалов, Е. М. Ермолов, М. Ю. Горемыкин, В. В. Кирсанов, М. Д. Шпиньков и Н. Е. Хворов. Также выступили с краткими докладами Н. Н. Сычов, М. Кузнецов и А. Н. Переверзев. Л. Р. Зелинская прочла доклад «Взгляд Русского Зарубежья о воспитании нового поколения в России», написанный её отцом Р. В. Полчаниновым.

В понедельник, 8 сентября, были продолжены доклады директоров кадетских корпусов. С заключительными словами выступили руководители двух делегаций: генерал А. И. Владимиров и О. И. Барковец. Затем О. И. Барковец вручила И. Н. Андрушкевичу наградный знак «Фонда содействия кадетским корпусам имени А. Б. Иордана».

В воскресенье, 7 сентября, был подан автобус желающим, для поездки на Литургию в Соборный Храм в город Вашингтон. После Литургии многие участники Съезда приняли участие в совместной трапезе в столовой рядом с Храмом.

Вечером этого же дня в гостинице состоялся музыкальный вечер. В первой части были исполнены арии русских опер, а во второй части суворовец-бард Владимир Проскурнин спел под гитару русские народные и военные песни. Во время своего выступления

он попросил зарубежных кадет, чтобы они спели некоторые старые русские военные песни, дабы точно установить все нюансы оригинальных мелодий. Мгновенно был организован довольно большой кадетский хор, спевший несколько старинных русских военных песен, которые были записаны для России. После музыкального вечера состоялся банкет с танцами, во время которого была разыграна лотерея. Кроме того, была поднесена традиционная «чарочка» некоторым видным участникам Съезда, под старые русские военные полковые напевы.

Во время Съезда также состоялся ряд туристических экскурсий, чтобы желающие могли познакомиться с Вашингтоном, его достопримечательностями и окрестностями.

Несмотря на утомительную и немного перегруженную рабочую программу Съезда, по вечерам, после ужина, когда не было других дел, многие участники Съезда собирались у рояля в большом фойе гостиницы, чтобы вместе попеть русские народные и военные песни под гитару Владимира Проскурнина. На гитаре также хорошо играл вице-председатель ОС СНКР Юра Лавринец, а дамы руководили общим хором, ибо предусмотрительно запаслись соответствующими песенниками.

Закрытие XX Съезда

Во вторник, 9 сентября, утром состоялось заседание Кадетского Президиума. После обеда состоялось открытое заключительное общее собрание XX Съезда.

Председатель XX Съезда Г. А. Денисенко выразил благодарность всем членам Организационной Комиссии Съезда и всем принявшим участие в его проведении за сделанную большую и трудную работу.

В заключение был прочитан окончательный проект Резолюции Съезда, чей официальный текст будет своевременно опубликован Кадетским Президиумом.

XX Кадетский Съезд был закончен торжественным прощальным ужином всех его участников. На следующий день состоялся разъезд участников Съезда. Некоторые участники Съезда из России остались еще на один день в гостинице.

В. Н. Мантулин

Речь на заключительном собрании XX Кадетского съезда

Создание национальной элиты на базе кадетского воспитания, согласно плану генерала А. И. Владимирова, – прекрасная идея, нужная, своевременная. Но какие задачи стоят перед этой элитой сегодня в практическом смысле слова?

Революция 1917 года показала огромный недочет в тогдашнем воспитании: и кадеты и офицеры ускоренного военного выпуска совершенно **не были подготовлены политически** и потому не смогли противостоять международным конспираторам, заброшенным в Россию массово и организованно. Ведь исход Гражданской войны решался не на полях сражений с Психологической атакой Дроздовцев и Корниловцев, а на политических митингах – дезертиров, которым импортированные пропагандисты обещали и землю, и фабрики, и безграничную свободу.

Во времена Великого Князя, Президента Императорской Академии Наук, его подопечные ученые, включая Менделеева, предсказали, что к началу XXI-го века, согласно приросту населения, русских должно быть более 300 миллионов. На самом деле, после коммунистического эксперимента, стоившего России более 100 миллинов жертв, и войны с немецким национал-социализмом, в которой погибли 39 миллионов военного и гражданского населения, русских людей осталось всего 100 миллионов, причем, цифра эта все время убывает. Поэтому, юноша-кадет, завтрашний офицер, приглашая во время бала свою даму на очередной Полонез, должен помнить, что она не только предмет романтического восхищения, но, прежде всего, будущая мать его многодетной семьи, чем будет показан демографический пример всему народу.

Обязанности маленького капитана огромного русского корабля все больше расширяются, принимая во внимание сказочные богатства Российской Империи, значительно разбазаренные стратегами

Мировой революции и все еще находящиеся в опасности дальнейшего расхищения. Под словами «защитник отечества» сегодня надо понимать не только защиту стратегических границ государства от физического вторжения извне, но, в еще большей мере, **противодействие закулисному проникновению** в центр финансового контроля над этими богатствами. В программу кадетского образования необходимо ввести основы политической экономии и понимание о международных картелях.

Человечество сегодня переживает не только кризис христианства, но и всего религиозного сознания. В мусульманском мире этот процесс выродился в терроризм, против которого сегодня борется Америка. Трудности переживает и могучая католическая церковь. Если в корпусах будет допущено изучение основ Православия, то этот предмет, наряду с догматическим катехизисом и житием святых, нужно углубить откровениями таких мыслителей, как Достоевский, Леонтьев, Розанов, Флоренский, Ильин, Булгаков и др.

Из Азии и из Африки в Россию ползет страшная половая эпидемия, которая уже опустошила целые детородные слои некоторых народов. В Америке ее называют Aids, в России — Спид. Независимо от названия, эту опасность нужно остановить путем половой дисциплины, и кадетские корпуса в этом отношении являются наиболее мощным бастионом противодействия. Помимо того, что девственность и целомудрие – национальные черты русского характера, наши традиции и наш моральный кодекс всегда расценивали сексуальные проблемы с точки зрения духовной, а не сугубо биологической. Надо верить, что кадетская среда, под руководством своих воспитателей, найдет правильное решение этой задачи в современном обществе.

Согласно американскому официозу, газете Нью-Йорк Таймс, Россия снова, как и в царские времена, становится житницей, но уже не Европы, а целой Евразии. Русский чернозём уже нарасхват международных инвесторов, которые обещают повысить урожайность бывших колхозных земель чуть ли не втрое. Не все кадеты должны идти в агрономы, но все должны быть знакомы с азами аграрной политики, чтобы противодействовать этой агро-агресии и содействовать возрождению отечественного хозяйства.

Правдивая История современной России до сих пор не написана и не введена в курс учебных заведений. Если министерство образования не выпустит нужный учебник, эта задача ложится на ответственность педагогического персонала каждого корпуса, причем во

главу угла следует поставить исследование конспиративной истории международных сил по расчленению и уничтожению России.

И, наконец, опираясь на слова святого благоверного Великого князя Александра Невского: «**Не в силе Бог, а в правде**», эту нашу правду-справедливость надо воплотить в жизнь. Кадетам надлежит подготовить себя к разрешению проблемы всероссийской несправедливости, которую обещали разрешить пропагандисты Октябрьской революции, но запутали всё вконец. За последние сто лет все моральные и политические критерии были перевернуты вверх дном, и государственные преступники были возведены в ранг героев, а подлинные герои и подвижники низведены до уровня преступников, или просто уничтожены. Поэтому кадеты должны досконально изучить международную историю, особенно закулисную и конспиративную, попутно — юриспруденцию, римское право и, конечно, законы Российской Империи, для того, чтобы в час, когда наступит срок, создать Народный Трибунал, который вынесет приговор всем государственным преступникам и вернет народу похищенную Правду, честь и разграбленное у него имущество.

Вот основные задачи, стоящие перед кадетством сегодня. Каждый корпус может внести в этот перечень свои дополнения, в зависимости от местной обстановки или непредвиденных событий.

И. Н. Андрушкевич

Превосходство идеи кадетского воспитания в современном глобальном міре

Выражение «глобальный» в последнее время склоняется на все лады, по отношению ко многим отраслям человеческой жизни. Всё же это слово применяется, главным образом, к международной торговле и вообще к экономическим проблемам сегодняшнего міра. Однако в последние годы, в разных частях міра, к этой категории глобальных проблем все чаще и чаще стали относить также и проблемы, связанные с **педагогическими** темами.

Хотя, в согласии с мироощущением западной цивилизации, все еще продолжает сильно чувствоваться тенденция к анализу всех явлений, взятых в отдельности, сегодня уже очевидно, что экономические и **педагогические** проблемы тесно между собой переплетаются и тесно взаимосвязаны в рамках общих политических и общественных процессов.

Наш великий русский ученый М. И. Ростовцев (1870–1952), уже в эмиграции, в начале 30-х годов доказал, что общий кризис Римской Империи отнюдь не был вызван только лишь вторжениями варваров, но, в основном, был результатом **внутреннего ослабления** империи, причем не только экономического. Общий экономический упадок тогда был в значительной мере предопределен **упадком творчества**, главным образом, в области производственных технологий. «*Творческий гений иссякал, наука повторяла свои предыдущие результаты*», – говорит Ростовцев. Он считает, что этот упадок творчества и производительности был тесно связан с **кризисом элит** в римском обществе. «*Бездействие и бессилие **ведущих классов** вызвали новый общественный и экономический кризис империи*», – заключает Ростовцев. Между прочим, сами римляне, уже тогда, это ясно выразили в своей поговорке, что «*порча лучших хуже всего*» (corruptio

optimi pesima). Элита тогдашнего общества не только систематически убывала в результате непрекращающихся войн и междоусобиц, но также подвергалась порче, в значительной степени в силу недостаточной **селекции** и недостаточной и неправильной **подготовки** её новых поколений.

Между прочим, за последние годы было опубликовано немало статей на эту же тему, причем именно само понятие «империи» очень часто склоняется совместно с понятием «упадок». Правда, уже после Первой мировой войны Освальд Шпенглер написал, в свое время нашумевшую, книгу «Закат Запада» (Der Untergang des Abendlandes). А несколько лет тому назад, британский историк Anatol Liven утверждал в газете «Financial Times», что *«причины банкротсва американской империи нам кажутся очень знакомыми».*

Однако, несмотря на это, в сегодняшнем мире, в силу всё еще сильно доминирующего лжеидеала социалистического неестественного социального **равенства**, сам разговор о **подготовке элиты** в обществе зачастую не допускается. Несмотря на то, что даже экономисты, а не только педагоги, начинают бить тревогу, понимая, что без элиты, как научной, так и технологической, дальнейшее экономическое развитие невозможно. На эту тему можно было бы привести много примеров из разных стран.

В Германии вот уже много лет как идут усиленные разговоры о недостаточной подготовке технических кадров в области современной высокой технологии. Недавно министр просвещения Германии заявила, что через пару десятков лет в Германии начнет чувствоваться сильный недостаток в научных кадрах, что скажется на общем уровне благосостояния страны. Сегодня статистика показывает, что в некоторых городах Германии, наряду с общей всё еще значительной безработицей, одновременно наблюдается сильный недохваток специалистов в области высоких технологий, так что даже пришлось принимать спешные законодательные меры для облегчения въезда иностранных специалистов в Германию.

В Италии, чтобы привести еще один пример, на эту тему в последние годы тоже наблюдается усиливающаяся дискуссия. В газете «Корриере делла сера» от первого сентября 2008 года было отмечено, что школа и университет в Италии нуждаются в большей дисциплине, без которой невозможно достичь действительных успехов на любом поприще. Автор указанной статьи отмечает, что на недавней Олимпиаде в Китае, из восьми золотых медалей, завоеванных

Италией, семь медалей были получены военными, то есть людьми, воспитанными в **привычке к дисциплине** и к автоконтролю.

Незадолго до этого, в той же газете неоднократно обращалось внимание на необходимость улучшить **качество программ и учебников** в средних школах Италии, дабы избежать надвигающейся катастрофы в области педагогической подготовки итальянской молодёжи. В Западной Европе в последнее время периодически проводятся так называемые опросы «Пиза» педагогических результатов в средних школах, каковые до сих пор показывают довольно плачевные результаты среднего образования во многих странах.

Также интересно отметить, что в Италии, как, между прочим, и в Германии, всё чаще раздаются голоса специлистов о том, что ни в коем случае в педагогике нельзя пренебрегать отвлеченными теоретическими научными дисциплинами, а также и мёртвыми языками (древнегреческим и латынью), в погоне за увеличением преподавания чисто прикладных предметов. Экспериментально доказано, с помощью статистического учёта, что **логическое мышление** и вообще **умственная дисциплина** гораздо лучше развиваются при изучении именно этих отвлеченных предметов и языков.

Кроме всего этого, в некоторых латиноамериканских странах иногда раздаются голоса, утверждающие, что исусственно внедряемые педагогические реформы также преследуют цели культурного, а засим и геополитического влияния. В этом смысле, нельзя упускать из виду некоторые полугласные доктрины, утверждающие, что большая политика имеет своей основной целью **порчу чужих культур** (при сохранении своей собственной), в том числе и через **внедрение** в чужие общественные организмы вредных педагогических доктрин, а через них также и вредных концепций и моделей поведения. Нельзя упускать из виду, что многие современные общественные и политические потрясения были вызваны крупными публичными беспорядками, организованными с помощью массовых мобилизаций учащихся. Так что, многие «педагогические деятели» на самом деле являются просто агентами вражеского политического влияния. Лакмусовой бумажкой для их опознания является отдаваемое ими предпочтение патриотическому или космополитическому воспитанию молодёжи. Таким образом, **педагогический фронт** является жизненным отрезком общего оборонного фронта любой страны, действительно желающей сохранить свою суверенность.

Все подобные наблюдения сегодняшнего положения на педагогическом фронте в большинстве стран мира недвусмысленно указывают на необходимость соответствующих улучшений в этой области. Как и всегда в подобных случаях, для этого также необходимо учесть и имеющийся на лицо накопленный предыдущий **исторический опыт**. В этом последнем аспекте, Россия обладает значительным преимуществом, благодаря наличию в ней **трехсотлетнего** непрерывного и широкого педагогического опыта с системой **кадетского воспитания**.

Эта система **целостного**, **интегрального** среднего образования и воспитания, зародившаяся и впервые развитая в рамках Афинского полиса, а затем возрожденная через много веков почти одновременно во Франции и в России, полностью разрешает все актуальные педагогические проблемы и требования, частично отмеченные выше. Больше того, именно в России эта система кадетского воспитания была доведена до совершенства, как в теоретических, так и в практических аспектах. Свою исключителную **жизнеспособность** и свое абсолютное **превосходство** эта **русская кадетская система** доказала в прошлом веке трижды: она смогла и сумела успешно выжить в труднейших чрезвычайных условиях политической эмиграции, она выстояла все страшные идеологические прещения и запрещения в самой стране, причем сам запрещавший её политический режим был вынужден её частично восстановить, и, наконец, она стала стихийно и бурно полностью возрождаться при первой для этого возможности.

Эта русская педагогическая система также полностью сохранилась и для будущих поколений. Она подробно и обстоятельно описана в трудах полковника Евгения Павловича Исакова, одного из главных основоположников кадетского возрождения в России, и в кадетской зарубежной литературе и периодике. Например, в вышедших до сих пор 79-и номерах нью-йоркской «Кадетской переклички» опубликовано множество кадетских воспоминаний, относящихся к императорскому и к зарубежному периодам русской кадетской истории, на основании которых можно восстановить почти без пробелов все аспекты и детали этой системы.

Ко всему выше сказанному необходимо добавить еще одно весьма важное и актуальное указание. Русская кадетская педагогическая система не только положительно разрешает все проблемы связанные с естественным **отбором** и с **публичной подготовкой** новых поколений общественных и государственных **публичных**

(не закулисных) **элит**, но также помогает частично преодолеть, или по крайней мере нейтрализовать, одно большое современое социальное бедствие: распад и даже **исчезновение традиционной семьи**. Ибо кадетские корпуса, полноценно организованные в традиционном духе русской культуры, в значительной мере заменяют учащимся в них детях семью.

Ведь еще со времен Платона точно установлено, что воспитание детей (сиречь «педагогика») покоится **на двух столпах: на семье и на школе**. Если же в современной глобальной цивилизации нормальная человеческая семья обречена на деградацию и даже на исчезновение («на исчезновение», говорит Фрэнсис Фукуяма), то Кадетские Корпуса являются наилучшим выходом из создавшегося положения, ибо они являются для учащихся в них кадет одновременно **школой и семьей**.

В кадетском гимне «Наш полк», написанном Отцом всех кадет, Великим Князем Константином Константиновичем, так и говорится, что «наш полк» (или «наш корпус») «***знаменует нам и братство, и семью***».

Так, великая русская культура усовершенствовала идею древней Греции о «**братстве**» («фратрии») учащихся, новой дополнительной идеей **семьи**.

(На основании доклада на XX Кадетском съезде.)

Приветствия XX Кадетскому Съезду

От Председателя Совета Федерации РФ

Участникам и гостям 20-го Съезда русских кадет Зарубежья. Уважаемые участники и гости съезда! Приветствую вас по случаю проведения съезда – события, которое должно послужить дальнейшей консолидации кадетского сообщества России и Зарубежья! Оказавшись волею судеб вдали от России, русские кадеты через трудности и испытания, через всю жизнь, пронесли святую любовь к своей исторической Родине, верность заветам и традициям российского кадетства. Глубоко символично, что в съезде вместе с русскими кадетами Зарубежья участвуют представители современных российских кадетских корпусов и ветеранских кадетских объединений. Сегодня система кадетского образования и воспитания и ветеранское кадетское движение находятся на подъёме. Свыше 100 кадетских образовательных учреждений успешно готовят своих питомцев к достойному служению Отечеству на гражданском и военном поприще. Впервые в истории нашей страны создана, имеет официальный статус и эффективно функционирует Общероссийская общественная организация «Российское кадетское братство», которая вносит нарастающий вклад в развитие кадетского образования и воспитания, сплочение региональных ветеранских кадетских объединений, в продолжение и преумножение славных традиций российского кадетства – традиций Чести, Достоинства, Верного служения Отечеству. Уверен, что нынешний съезд станет важным шагом на этом благородном пути! Как Шеф-Попечитель кадетских корпусов России, желаю участникам и гостям съезда успехов в его работе, доброго здоровья, благополучия, мира и счастья!

С. М. Миронов

Председатель Совета Федерации
Российской Федерации

От Кадетского Объединения в Венесуэле

Президиуму XX кадетского Съезда в Вашингтоне.

Дорогие братья-кадеты!

Объединение кадет заграничных кадетских корпусов в Венесуэле шлет свой привет организаторам и участникам XX Съезда в Вашингтоне и поздравляет всех с этим нашим кадетским праздником.

Мы радуемся, что вы нашли в себе силу и энергию для организации съезда. К сожалению, прилететь в недалекий Вашингтон мы не сможем – старческие недомогания, экономические затруднения и пошатнувшееся здоровье нам не позволяют обнять вас и стать с вами в кадетский строй.

Было время когда мы, почти что мальчишки, были озорным большинством нашего славного Объединения. В Венесуэле мы собирались на кадетские собрания, на некоторые из которых ездили веселой гурьбой за тысячу километров от Каракаса. Мы летали на съезды по всему миру, были в Канаде, Соединенных Штатах Америки, во Франции и даже в России. Сейчас все наши члены покинули нас, а мы стали седыми стариками. Ходим даже дома с трудом и опаской. Некоторые ходят с палочками, а иногда даже гарцуют по дому на двухколесных колясочках. Наш средний возраст – девяносто лет. Нас осталось пять человек.

На следующей неделе мы постараемся собраться где-нибудь и поднимем по полрюмки водки за ваше здоровье и за успешно проведенный двадцатый Съезд. Нас на этом съезде не будет, но мысленно мы будем с вами. Мы подписываемся под резолюцией съезда, в которой просим внести приветствие нашим наследникам: Кадетскому Братству России и, в особенности, новому кадетскому корпусу — «Пансиону благородных девиц» в Москве.

Желаем вам успеха.

Николай Хитрово

Борис Плотников

Георгий Волков

Юрий Ольховский

Алексей Легков

От Председателя Фонда имени А. Б. Иордана

Чрезвычайно тронут Вашим любезным приглашением на XX Съезд кадет русских кадетских корпусов за рубежом!

К большому сожалению, не могу быть с Вами, со всеми старшими кадетами – друзьми-однокашниками моего отца в эти торжественные дни проведения съезда. Но, обязательно, 4 сентября, в день официального открытия съезда, подниму бокал вина за здоровье и процветание всех старших кадет.

Рад, что мой Фонд тесно работает с Вами, и что мы смогли порадовать всех старших кадет участием в съезде директоров кадетских корпусов России.

Нашему Фонду в следующем году (в декабре) исполняется 10 лет. Передайте всем участникам съезда мое приглашение в Москву на празднование нашего первого юбилея.

Примите мои самые теплые пожелания успешной работы съезду, а всем старшим кадетам – крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни.

Искренне Ваш

Борис Иордан

Председатель Фонда

От Русско-Американского Клуба во Флориде

От имени правления Русско-Американского Клуба в Ст. Петербурге, Флорида, поддерживающего самые дружеские отношения с местным Кадетским Объединением, я вас приветствую и желаю вам успешно провести настоящий съезд.

Хочу вас поздравить с похвальной и успешной деятельностью, направленной на воспитание молодежи как здесь за рубежом, так и в настоящее время в России, где возрождаются Кадетские Корпуса, воспитывающие молодежь в патриотическом духе на пользу Родины и на создание здорового общества, по примеру былых традиций и заветов.

С дружеским приветом

*Др. **Н. С. Трегубов***

Председатель Клуба

Кадетская зарубежная хроника

Старшему русскому кадету исполнилось 100 лет

Сан-Франциское Объединение с гордостью извещает всех кадет в мире, что 28-го января 2009 года исполнилось 100 лет старшему в мире русскому кадету **Владимиру Александровичу Корбе**, 9-го выпуска Первого Русского корпуса, кончившего этот корпус вице-унтер-офицером в 1929 году, в Сараево (бывшая Югославия). Этот 9-й выпуск был первым набором русских кадет в изгнании. В. А. Корбе родился в России, за восемь лет до Катастрофы 1917 года.

Володе помог стать образцовым кадетом его дядька – кадет 3-го выпуска Павел Завадский, отец всем известной Ольги Завадской. Закончил корпус Володя вице-унтер-офицером. Система воспитания и образования в кадетском корпусе дала своим воспитанникам неисчислимые преимущества в сложной жизни в изгнании, чему подтянутый по сей день Володя является примером и доказательством — талантливый, лихой и вечный кадет.

В свое время Володя служил в Королевской Югославянской военной авиации, где все лётчики летали по его картам. (В № 77 «Кадетской переклички» опубликованы его воспоминания на эту тему.) Уже в Калифорнии его команда из 20 чертёжников приготавливала карты Калифорнии для нефтяных кампаний. Долгие годы Володя был членом правления (казначеем) кадетского Объединения в Лос-Анжелосе, пока не переехал в Сакраменто, где он с другими кадетами (В. Даниловым, В. Сейфулиным и Н. Шторм) построил величественный русский православный храм, который был расписан его же руками.

Он стал глубокоуважаемым членом нашего Сан-Францисского Объединения. Его прямой, мудрый подход к жизненным и нашим

кадетским проблемам является для нас по сей день путеводной звездой, всегда держащей курс на возрождающуюся Россию. В. А. Корбе принимал и продолжает принимать активное участие в кадетской жизни нашего Кадетского Сан-Францисского Объединения, а также регулярно сотрудничает в «Кадетской перекличке», в последних номерах каковой регулярно публиковались его заметки и стихи.

Мы молим Господа Бога беречь Володю и дать ему здравствовать среди нас еще долгие годы, продолжать ему водить свой автомобиль, тем более, что его права водителя действительны до 2011 года, а потом могут быть продолжены и дальше.

Вице-унтер-офицеру Владимиру Корбе — слава, слава, слава!

***А. М. Ермаков** — председатель,*
Правление и члены Объединения.

Общее годовое собрание Нью-Йоркского Объединения

В субботу 4 апреля 2009 года, на ферме Толстовского Фонда, состоялось очередное Общее годовое собрание Кадетского Объединения в Нью-Йорке.

На собрании обсуждались актуальные вопросы, связанные с жизнью Объединения. В том числе, одним из участников собрания был поднят вопрос о возможном закрытии Объединения, ввиду сокращения его членов. Однако было решено продолжать дальше, по мере остающихся сил, работу Объединения, начатую 60 лет тому назад.

По Уставу Объединения в этом году не полагалось делать выборы Правления, каковое посему осталось в прежнем составе: Д. В. Горбенко, председатель; Г. А. Денисенко, вице-председатель и секретарь; кн. В. К. Галицын, казначей; Г. В. Шатилов, член Правления.

От России изгнанной — России претерпевшей

В Москве состоялась торжественная церемония передачи Библиотеки имени генерал-лейтенанта барона А. П. Будберга в дар Дому Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Дарителями выступили Общество русских ветеранов Великой войны и Объединение кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. *Передача Библиотеки состоялась во исполнение Резолюций 18-го, 19-го и 20-го Кадетских Съездов.*

Библиотека была создана Обществом русских ветеранов Великой войны в 1925 году, и получила имя первого и многолетнего председателя общества генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга (1869 – 1945), известного военачальника и военного писателя, подарившего библиотеке около трехсот томов из своего личного собрания. Пополнение происходило и за счет дарителей, и за счет скромного бюджета Общества. Отдельные редкие русские издания выкупались на аукционах.

Сегодня фонд библиотеки насчитывает более восьми тысяч книг, десятки наименований периодики общей численностью свыше 10-ти тысяч номеров. В военно-научном центральном отделе библиотеки собрано около семисот изданий по философии войны, военной истории, истории Русской армии, по проблемам военного строительства, авиации, флота, специальным отраслям военного знания. Особо следует выделить труды, посвященные Первой мировой и Гражданской войнам, печатавшиеся в эмиграции и потому практически недоступные до недавнего времени отечественным исследователям.

Среди раритетов собрания – издания из библиотек Зимнего, Павловского, Александровского дворцов. Имеются даже экземпляры, принадлежавшие императорам Александру I и Николаю II. Этот дар – наглядное свидетельство плодотворного процесса объединения *«России изгнанной и России претерпевшей»*, как сказала в приветственном слове президент Фонда исторической перспективы, руководитель Европейского отделения Института демократии и сотрудничества, доктор исторических наук Н. А. Нарочницкая. Низкий поклон и благодарность наследникам старой русской эмиграции, которые остаются верными заветам своих отцов и дедов, мечтавших о возвращении собранного и сохраненного ими культурного наследия в Россию, ибо только для России оно и хранилось, а не для муссорных ящиков на Западе.

Уникальное книжное собрание будет храниться отдельно в одном из залов Дома Русского Зарубежья – и как музейный экспонат, и как книжный фонд, продолжающий выполнять свое просветительское назначение. В настоящий момент в помещении *Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына* открыта выставка: «*Библиотека имени генерал-лейтенанта барона А. П. Будберга*», с которой может ознакомиться любой желающий.

Алексей Арсеньев
(Нови-Сад, Сербия)

25-летие Кадетского объединения в Белграде – Сербия (1983—2008)

Вдали от Родины своей,
Мечтой о ней согреты,
Сомкнемся крепче и дружней
Плечом к плечу, кадеты.

(Полк. П. В. Барышев).

В передовице первого выпуска «Кадетской переклички», периодического журнала Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов, отмечалось:

«*Став кадетами, мы стали членами самой элитной и многочисленной семьи в русской эмиграции. История зарубежных корпусов составит достойную и интереснейшую славу в "Золотой книге" русской эмиграции*»[1].

После Второй мировой войны объединения выпускников кадетских корпусов (российских и на чужбине) существовали в Брюсселе и Париже, а затем были созданы в «Ди-Пи» лагерях Германии, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелосе, Чикаго, Вашингтоне, на Флориде, в Торонто, Буэнос-Айресе, Сан-Пауло, Каракасе, Сантьяго, Мельбурне...

Это была пора, когда кадеты, пережив новые скитания, осознавали свою общую судьбу, задумывались над вопросами своего существования. Они продолжали писать стихи, но и открыто высказывать свои мысли. Приведем два примера:

[1] «Кадетская перекличка». Нью-Йорк, № 1, 1971.

Кадетам Императорских и зарубежных кадетских корпусов[2]

Мы царским созданы указом,
Орел двуглавый нас вскормил,
А белый вождь своим приказом
Нас на чужбине сохранил.

Но шли года, семья редела,
В один свелись все корпуса,
А четверть века пролетела –
И разбросала нас судьба.

И вот, рассеявшись по свету
И рассекая жизни муть,
Стремимся мы, кадет – кадету,
Скорее руку протянуть.

У всех у нас виски седые,
Кой у кого уж впала грудь,
Но, вспоминая дни былые,
Мы не даем себя согнуть.

Неважно, что в объединенья
Не всех могли мы записать,
А важно чистым быть в стремленьи
И чувство локтя твердо знать.

Ведь мы – Российские кадеты,
Сыны двуглавого орла
И хоть и в штатское одеты,
В строю кадетском навсегда.

Константин Бертье де ла Гард

«Среди нас уже почти не осталось людей, покинувших Россию в сознательном возрасте. Даже старейшие хранят о ней лишь детские

[2] «Наши вести». Нью-Йорк, № 250, 1967.

воспоминания. Но любовь к России мы восприняли от отцов наших, может быть, даже получили ее в числе прочих наследственных качеств. Вся наша молодость проходила под знаком России, мы восприняли ее как страну ни с чем для нас несравнимую. Мы впитали в себя богатейшую русскую культуру, по сравнению с которой всё, что нам дает Запад, кажется бедным и незначительным»[3].

С годами, с приобретением жизненного опыта и мудрости, их обуревают думы:

«Русская эмиграция в 20-е и 30-е годы отнюдь не жила организационными структурами и политическими программами. (...) Самое характерное для русской эмиграции тех времен —- ее специфический русский быт. Это было единственное сокровище, которое русская эмиграция могла с собой вывезти из России. (...) Алексей Хомяков утверждает, что славянское слово "свобода" происходит от словосочетания "свой быт". Таким образом, только лишь имея возможность жить своим бытом, а не чужим, навязанным ему бытом, человек может считаться в полном смысле слова свободным. (...)

Все русские в эмиграции были как бы дальними родственниками между собой. Я, например, приблизительно до моего 8-летннего возраста даже предполагал, что все русские офицеры – знакомые моих родителей – были какими-то моими отдаленными родственниками. (...)

Задача или миссия русской эмиграции имела политический характер, в самом высоком понимании этого слова. Она свидетельствовала перед всем миром, авторитетно и верно, что отнюдь не весь русский народ согласился с коммунистической диктатурой. (...) Во вторую очередь, миссия эмиграции имела глубокий символически-духовный характер. В частности, эмиграция сохраняла полностью, в течение 70-ти лет, не только само имя России, которое было нагло упразднено "интернациональной пролетарской властью", но и русскую государственную символику. Буквально во всем мире продолжали повсеместно подыматься русские государственные флаги. (...) В третьих, русская белая эмиграция имела своей задачей сохранять в русском зарубежье те элементы великой русской культуры, которые в России оказались под запретом и даже были полностью изъяты. Русская эмиграция издала десятки тысяч книг, брошюр, журналов и газет на русском языке. (...) Однако самым важным и значительным вкладом русской эмиграции в сохранение и спасение подлинных учреждений русского народа была Русская Православная Церковь За-

[3] *Бодиско Владимир.* Cogito, ergo sum. – «Кадетская перекличка». № 40, 1986.

границей. (...) Главной силой этой свободной части РПЦ был ее поистине соборный строй, впервые возрожденный в таком размахе после первых веков Христианства»[4].

***

Кадеты, выехавшие из Югославии, встречались, устраивали съезды, издавали свои бюллетени, материально помогали друг другу. Долгое время они не поддерживали связь с однокашниками, оставшимися в Югославии.

После Общекадетского съезда, состоявшегося в 1980 году в Париже, группа кадет приехала в Белград и посетила Белую Церковь – городок Баната, в котором до сентября 1944 года размещался Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. Вместе с группой кадет, проживавших в Белграде и Белой Церкви, они стали обсуждать вопрос приведения в порядок русского участка на местном кладбище. Там возникла идея о сооружении памятника-склепа похороненных на этом кладбище преподавателей и учащихся кадетского корпуса и Мариинского Донского девичьего института.

И так, стечением обстоятельств, Белградское объединение кадет было создано последним, очень поздно, когда большинство выпускников, оставшихся в стране (сменившей после войны государственный строй[5]), уже скончалось.

Наша цель — представить, пускай скромную, деятельность этого объединения, единственного на славянских просторах, на которых в межвоенные годы и в течение Второй мировой войны существовали кадетские корпуса.

Вывезенные на чужбину три русских кадетских корпуса, обосновавшиеся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (на территориях нынешних стран Словении, Боснии и Герцеговины, Сербии)[6], с начала 20-х годов выпускали из своих стен кадет, оканчивавших семи- и восьми-летнее обучение. С 1923 года завелась традиция: не-

[4] *Андрушкевич И.Н.* Вся жизнь в эмиграции. – «Кадетская перекличка». № 77, 2006.

[5] Демократска Федеративна Југославија, Федеративна Народна Република Југославија, Социјалистичка Федеративна Република Југославија, Савезна Република Југославија, Србија и Црна Гора, Република Србија.

[6] Крымский кадетский корпус – Стрнище (1920—1922), Белая Церковь (1920—1929); Донской Императора Александа III кадетский корпус – Билече (1921—1926), Горажде (1926—1933); Первый русский Вел. Кн. К. К. К. К.

сколько кадет ежегодно уезжали в Бельгию, и в университете Лувена продолжали учиться, на стипендии, предоставленные благотворительным фондом кардинала Мерсье. Эта группа кадет уже в 1925 году образовала объединение воспитанников Русского кадетского корпуса в Королевстве СХС. Оно послужило примером создания подобных объединений кадет в университетских городах – Белграде (в 1926 г.) и Загребе (в 1929 г.). В уставах объединений указывались их цели:

«Поддержание среди бывших и настоящих кадет тех основ воспитания, кои закладываются в корпусе: неугасимой любви к Родине, уважения к родной истории и веры в возрождение России. Поддержание среди своих членов духа истинного христианства, нравственности и духовной чистоты»[7].

Кадет 24-го выпуска Первого русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса Дмитрий Михайлович Николаев-Волков подробно описал положение дел в Белграде:

«Белградское объединение просуществовало до августа-сентября 1944 года и находилось в здании на углу улиц Мишарска и Йована Ристича. (...) Тут же находилась и столовая бывшего эконома корпуса П. П. Шеншина, чьими помещениями и, зачастую, обедами пользовались члены Объединения.

Конец Второй мировой войны внес коренные перемены в жизнь страны. В новой «второй Югославии» исчезли и кадетские корпуса и объединения, но остались их воспитанники, разных выпусков. Немногочисленная часть кадет, бывших офицеров Королевской армии, вернулась из германского плена. Никому из оставшихся и вернувшихся не пришла мысль объединиться. Но, в Белграде остался последний законоучитель корпуса, архимандрит Антоний (Барташевич, впоследствии архиепископ Женевский и Западноевропейский). По его почину в декабре 1945 года собралось несколько человек: братья (Георгий и Петр) Бержье, братья (Петр и Павел) Дубельштейны, Петр Устенко, Дмитрий Николаев, В. Хвощинский, и по предложению батюшки, 6 декабря в Св. Троицкой церкви в 5 часов по полудни, при закрытых дверях и с разрешения протоиерея о. Иоанна Сокаля, настоятеля храма, были отслужены панихида и молебен по случаю корпусного праздника. Этот день отмечался в церкви и в по-

---

7 «Княже-Константиновцы» – Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус. Шестая кадетская памятка, юбилейная (1920—1940). Белая Церковь, 1940.

следующие годы, вплоть до отъезда батюшки Антония из Белграда. Такое положение продолжалось вплоть до 1982 года. Хотя в Белграде и тогдашней Югославии тут и там проживали бывшие кадеты, никто не взялся основать объединение, опять таки, по известным причинам.

В 1982 году, летом, (...) произошла неожиданная встреча между приехавшим из Бельгии последним председателем объединения Женей Ивановым и Димой Николаевым. Встречу организовал кадет 26-го выпуска Николай Вахтин. Разговорились, ознакомились с положением дел, и Евгений Иванов, сообщив, что в Бельгии их осталось всего шесть человек, предложил, ввиду значительно изменившегося положения в Югославии, попробовать основать объединение как продолжателя Бельгийского. Идея эта постепенно начала осуществляться. Помощь в собирании адресов, в особенности кадет старших выпусков, оказал тогдашний настоятель нашей церкви о. Василий Тарасьев, пользуясь сведениями от прихожан.

Началось всё с того, что под видом устройства и постройки склепа-памятника на кадетском участке кладбища в Белой Церкви, собрались в трапезной храма, а позднее собирались на квартире Николая Александровича Азарьева, бывшего подполковника Королевской югославской армии и сына нашего воспитателя, полковника Александра Николаевича Азарьева. Идея постройки склепа-памятника возникла из-за боязни уничтожения существующих могил кадет и персонала Крымского и Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетских корпусов.

На первом и последующих собраниях присутствовали: Владимир Базилевич, Григорий Самойлов, Алексей Постников, Леонид Бородкин, Владимир Соболевский и Дмитрий Николаев. Кроме вопроса о склепе, был поднят вопрос об основании, вернее, сборе кадет и попытке объединиться, что и произошло в 1983 году в начале июня.

Первым председателем был избран Алексей Иванович Постников, заместителем председателя — Леонид Иванович Бородкин, секретарем — Владимир Тимофеевич Соболевский. Казначея не было, так как средств никаких не было.

Проект склепа-памятника был создан архитектором Григорием Ивановичем Самойловым. Второй проект, гораздо более скромный, подготовил инженер-строитель Владимир Соболевский. Присутствующие на собрании определились за проект Самойлова. Наши

мероприятия по вопросу сохранения останков, похороненных в Белой Церкви, были согласованы с желанием в то время уже давно существовавшего объединения в США (в Нью-Йорке). Оба проекта были представлены нами на IX съезде кадет в Нью-Йорке. От нашего объединения поехали В. Соболевский и Д. Николаев. Ввиду дороговизны постройки склепа-памятника по проекту Самойлова, Нью-Йоркское объединение, которое финансировало постройку, определилось за проект В. Соболевского, с припиской инженера А. К. Карпова (Нью-Йорк).

Памятник был воздвигнут в 1986 году трудами В. Соболевского[8]. В связи с этой постройкой, в нашем объединении произошли нелады. Из Правления вышел В. Соболевский. На его место, в декабре 1984 года, секретарем был назначен Д. Николаев. Пришлось снова собирать адреса и оповещать членов объединения как о случившемся, так и о предстоящих встречах.

В новых условиях и при значительной помощи о. Василия Тарасьева, члены объединения регулярно собирались в знаменательные дни, как то: корпусные праздники трех зарубежных корпусов, соединив праздники Донского и Константиновского в один день (...). Так что, они отмечаются 6 декабря – в день перенесения мощей св. благоверного князя Александра Невского. Далее, общество собирается регулярно на Масленицу и Пасху (в первое воскресенье после праздника), в день св. Константина и св. Елены – на праздник Крымского и храмовой праздник Константиновского корпусов. Отмечается он, если не точно в это число, то в ближайшую субботу, поездкой, в нанятом автобусе, в Белую Церковь – для посещения кадетского участка кладбища, возложения венка и цветов у склепа-памятника всем учившим и учащимся и для совершения панихиды. С нами регулярно ездил митрофорный протоиерей о. Василий. После панихиды мы обязательно посещали русскую церковь в Белой Церкви, перешедшую после войны в руки сербского прихода Вршацкой епархии. В этой церкви хранится иконостас Мариинского Донского девичьего института, ротные иконы последнего корпуса и складни Сибирского кадетского корпуса. (...).

В 1990 году казначеем объединения был избран Сергей Иванович Марченко, до него эту должность исполняла Ирина Славковна

[8] На беломраморном обелиске высечена надпись: «В вечную память умерших, учивших, учившихся и служащих русских учебных заведений в Югославии. 1920—1944».

Бородкина, а с 1994 года им стала Вера Мирковна Обрадович, когда заместителем председателя Правления был избран Виктор Никитич Сальников. (...)

Необходимо отметить, что в 1991 году, 8 декабря, в нашем храме Патриарх Сербский Павел освятил Русский флаг объединения, для водружения его возле могилы генерала П. Н. Врангеля. При освящении присутствовали члены правления Общества блюстителей освободительных войн Сербии 1912—1918 годов, со своим Сербским флагом. (...) Два года спустя, в 1993 году, в декабре, был сооружен Андреевский флаг и освящен о. Василием, для хранения и его у могилы генерала Врангеля. Оба флага в чехлах, причем на чехле русская надпись: «Кадеты – генералу». Установлены правила, когда надо и можно снимать чехлы, и запрет выноса из храма обоих флагов. (...)

В знаменательные дни члены объединения собирались в трапезной церкви, но ввиду увеличившегося числа членов, стало тесно и надо было искать другое помещение. В правила объединения были внесены дополнения, для пополнения как членов, так и вновь установленных *приписных* и *сочувствующих*. К первым принадлежат сыновья и дочери кадет и институток, а ко вторым – потомки участников Добровольческой Армии.

В связи с крупными переменами в России произошли и перемены, в лучшую сторону, и среди персонала Посольства, Консульства Российской Федерации и Русского Дома в Белграде[9]. Радением В. Н. Сальникова и Д. М. Николаева, под конец 1996 года обществу удалось связаться с правлением Русского Дома и получить согласие пользоваться помещениями, для празднования своих знаменательных дат. В Русском Доме был отведен книжный шкаф для хранения кадетских журналов и книг. С 1996 года собрания кадет проводятся в бывшем гимнастическом зале Русского Дома. Объединение приглашает на них директора Дома и его сотрудников.

В 1996 году были оформлены членские билеты объединения, для внесения в них уплаты членских взносов и добровольных пожертвований. Собирание «в фуражку» было отменено.

---

[9] В 1993 году, на праздновании одного из корпусных праздников присутствовали консул Российской Федерации и военный атташе, подполковник Владимир Бородай, выпускник одного из суворовских военных училищ СССР. («Бюллетень Объединения кадет российских корпусов в Сан-Франциско». Сан-Франциско, № 40, 1994).

В 1995 году Правление объединения пополнилось еще одним членом – Георгием Викторовичем Никитиным, бывшим кадетом Донского корпуса и гимназистом Русско-Сербской гимназии в Белграде. Георгий Викторович является сыном знаменитого летчика Первой мировой войны. Таким образом, в Правлении насчитывалось пять человек: председатель – Л. И. Бородкин, товарищ председателя – В. Н. Сальников, секретарь – Д. М. Николаев-Волков, член Правления – Г. В. Никитин и казначей – В. М. Обрадович. В 1997 году, после 12-летней работы, секретарь просил освободить его, и предложил на свое место Алексея Николаевича Чурашева, кадета 30-го выпуска, по образованию юриста.

Встречи кадет в Русском Доме проходят с большим подъемом. Персонал Дома участвует в них, а на свои мероприятия приглашает членов Правления кадетского объединения. (...)

С 1993 года, когда в стране началась катастрофическая инфляция, заботой тогдашнего председателя Нью-Йоркского объединения Глеба Сперанского, десятку членов Белградского объединения дважды в год выделялась денежная помощь в валюте. (...)

За первых 15 лет существования Белградского общества кадет ушло в лучший мир десяток членов. Осталось 11 кадет и 27 приписных и сочувствующих членов».[10]

С другой стороны, после возникших разногласий между членами Объединения и выхода из Правления В. Т. Соболевского, в 1985 году возникло второе объединение – *Общество бывших кадет в Югославии*, руководство которого составляли: председатель – Николай Азарьев (позднее — Григорий Александрович Черногубов), заместители председателя – Николай Константинович Томичич и Ратомир Станкович, секретарь – В. Т. Соболевский, казначей – Владимир Васильевич Гапонов. Деятельность в этом обществе проявлял один В. Т. Соболевский. Он был организатором первой в Югославии встречи бывших воспитанников русских учебных заведений. Встреча состоялась 3 июня 1987 года, в день корпусного праздника Крымского кадетского корпуса, на которую собралось около 30-ти человек, из Югославии, Бельгии и Канады. С июня 1987 года Владимир Тимофеевич редактировал и издавал повре-

[10] Доклад Д.М.Николаева-Волкова, прочитанный 6 июня 1998 года на Общем собрании, по случаю 15-летнего юбилея Белградского объединения кадет. («Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле». Каракас, № 55, 1999).

менный «Бюллетень» – орган связи группы бывших кадет в Югославии. Машинописное издание в 30-50 страниц тиражировалось фотокопированием листов, в количестве, требуемом для отправления постоянным подписчикам и заинтересованным заказчикам отдельного номера. В некоторых выпусках был указан состав редколлегии: Владимир Соболевский, Василий Новицкий, Николай Томичич, Николай Петин, Владимир Гапонов, Владимир Александров. Всего было 17 выпусков (18-й готовился). Владимир Тимофеевич ездил на общекадетские съезды, устраиваемые в 1984, 1986, 1988 и 1990 годы. Это кадетское общество позаботилось и о ремонте Русского храма св. Иоанна Богослова в Белой Церкви (в 1991 г.), как и восстановлении могильных плит на могилах полк. В. А. Скалона, кап. Е. В. Трусова и др. По подсчетам В. Соболевского, за десять лет этого общества (1983—1993), из 44 членов, проживавших в разных городах Югославии, скончалось восемь кадет (Н. Азарьев, И. Рогальский, Ю. Ивановский, С. Марасанов, Б. Денисенко, Л. Горанский, Ю. Михновский, А. Шантарович), а двое кадет убыло из состава общества.

С неожиданной кончиной В. Т. Соболевского (1996) и смертью Г. А. Черногубова (1997), Общество бывших кадет в Югославии прекратило свое существование.

С тех пор деятельность проявляло одно Белградское объединение. С августа 2002 года должность председателя исполнял Георгий Викторович Никитин (Л. И. Бородкин скончался 3 июля 2002 года). В январе 2003 года было избрано новое Правление: председатель – Г. В. Никитин, заместитель председателя – В. Н. Сальников, секретарь – Адриан Николаевич Семененко, члены – И. С. Бородкина, Евгений Петрович Мотренко и Сергей Иванович Марченко.

19 апреля 2004 года Белградское объединение официально было зарегистрировано в соответствующем министерстве страны.

На XVIII-й Общекадетский съезд российских кадетских объединений за рубежом (Канада, 8-15 сентября 2004 г.) из Белграда приехали С. И. Марченко и А. Н. Семененко. Приветствуя участников Съезда, Сергей Иванович сообщил, что Белградское объединение насчитывает 15 человек; самый старший из них Валерий Завалевский, вице-унтер-офицер 21-го выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Далее, он подчеркнул, что встречи кадет происходят в Русском Доме в Белграде, а заведующий Домом, Глеб Борисович Вышинский, является

сыном кадета Крымского кадетского корпуса и очень хорошо относится к кадетам.

На заседании Правления, состоявшемся 14 мая 2005 года, председателем Объединения избран Евгений Петрович Мотренко, его заместителями – Георгий Николаевич Бек-Узаров и Борис Сергеевич Егоров. Серьезно заболевшему В. Н. Сальникову, доселе заместителю председателя, было присвоено звание почетного члена Объединения.

На годичном собрании Объединения, состоявшемся 9 сентября 2005 года, почетными членами Объединения избраны Алексей Иванович Постников, кадет 13-го выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса и Ирина Славковна Бородкина, урожденная Митричевич, институтка Мариинского Донского девичьего института (выпуска 1940 года).

В 2005—2006 годах Белградское объединение готовилось к проведению XIX-го Общекадетского съезда в Белграде. По ряду причин, 9 марта 2006 года Общекадетский Президиум окончательно отменил проведение этого съезда в Сербии (он состоялся в России, в сентябре 2007 года).

В июне 2006 года заместителями председателя Правления избраны Борис Сергеевич Егоров и Георгий Николаевич Бек-Узаров, при новом казначее Вере Константиновне Обрадович. С 13 апреля 2007 года секретарем Правления избрана Светлана Юрьевна Илич, а с августа 2007 года казначеем назначен Игорь Святославич Клюев.

В 2006—2007 годы Правление Белградского объединения вступило в контакты с Международной ассоциацией Суворовских, Нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство», а также и Фондом содействия кадетским корпусам им. Алексея Иордана в Москве. Делегаты этих организаций посетили Сербию в октябре 2006 года. Совместно с мэрией города Белая Церковь, общими силами было подготовлено и 22 октября 2006 года реализовалось славное мероприятие – скверу перед Русским храмом Св. Иоанна Богослова в Белой Церкви было присвоено название «Площадь Русских кадет»[11]. В тот же

[11] В делегации из Москвы находились, в частности, председатель ассоциации «Кадетское братство» генерал-полковник Александр Ковтунов, генеральный директор Фонда им. А.Б.Йордана Ольга Барковец, член Совета Федерации Алексей Шишков. Гостями города в этот день были также Посол России в Сербии Александр Алексеев, военный атташе генерал-лейтенант Владимир Луговой, а также представители Министерства обороны Сербии. Сербскую православную церковь представлял епископ Банатский Никанор, Русскую православную церковь – настоятель Подворья РПЦ в Белграде иерей Виталий Тарасьев.

день состоялось и открытие Мемориальной кадетской и институтской комнаты-музея в доме семьи Владимира Николаевича и Валентины Николаевны Кастеляновых в Белой Церкви. Совместно с Российским центром науки и культуры в Сербии («Русский Дом в Белграде»), Подворьем Русской Православной Церкви в Белграде и Администрацией г. Белая Церковь, Белградским объединением кадет, ассоциацией «Кадетское братство» (Москва) и Фондом им. А. Иордана (Москва) 25 октября 2006 года был подписан Меморандум о сотрудничестве. Первым шагом на пути к сближению двух крыльев российского кадетского движения (старших кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса и возрождающихся в России кадетских корпусов) намечалось проведение объединенного съезда весной 2007 года в Белграде и Белой Церкви.

На общем собрании всех членов Белградского объединения, состоявшемся 26 апреля 2007 года, в ряды Объединения было принято 10 новых членов. Объединение кадет с Русским Домом заключило соглашение о предоставлении помещения Дома для открытия Кафе-клуба, в котором с 2007 года проводятся встречи, приемы и заседания Правления кадетского объединения.

Утвержденные планы работы Объединения на наступающий период: незначительные коррективы формулировок юридических актов Объединения, формирование секций Объединения (исторической, музыкальной, организации экскурсий), заняться заботой о русских кладбищенских участках, установление связей с журналистами из России, работающими в Белграде, оформление персональной картотеки членов Объединения, осуществление связи с прочими объединениями и обществами русско-сербской дружбы в городах Сербии, поддержание связи с кадетскими объединениями за рубежом и в России, предпринять меры в связи с судьбой зданий бывших приютов русских военных инвалидов в Бока-Которской (Рисан, Прчань).

В 2007 году московский Фонд им. А. Б. Иордана подал идею организовать «Кадетский сбор 2008 года» – приезд в Белую Церковь группы кадет из российских кадетских корпусов, в целях прибрать могилы на русском участке местного кладбища и встретиться с выпускниками кадетских корпусов в Югославии, ближе ознакомиться с их годами учебы на чужбине. На заседании Правления, 2 февраля 2008 года, был создан Организационный комитет по подготовке этого Сбора: председатель – Г. Н. Бек-Узаров, куратор проекта – Вла-

димир Николаевич Кастелянов (Белая Церковь), секретарь – С. Ю. Илич, члены – Петр Васильевич Устенко и Александр Александрович Рогаткин (Вршац). Состоявшийся в июне 2008 года Сбор кадет из Красноярского и Нижегородского корпусов (и гимназисток из Красноярска) превзошел все ожидания. К этому мероприятию был выпущен круглой формы значок – «Сбор русских кадет в Сербии 2008. Белая Церковь – Белград». Подобные сборы было намечено проводить и в наступающие годы.

В феврале и апреле 2008 года состояние здоровья двух членов Правления Белградского объединения кадет принудило их подать в отставку (Б. Егоров и Е. Мотренко). Таким образом, с мая 2008 года Правление составляют: Г. Н. Бек-Узаров (председатель), Леонид Маркович Кампе, В. Н. Кастелянов, С. Б. Илич (секретарь), Воя Георгиевич Никитин и Игорь Алексеевич Чурашев (казначей).

В августе 2008 года Белградское объединение кадет принимало в Земуне, Белграде, Белой Церкви и Вршаце бывшего выпускника Суворовского военного училища с Украины, Юрия Борисовича Жирадкова, яхтенного капитана, приплывшего на своей яхте «Аверс» по Черному морю и Дунаю из своего родного города Николаева, в целях посетить место прежнего размещения Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и встретиться с выпускниками этого корпуса, проживающими в Сербии. Телевизионный репортаж о пребывании Юрия Борисовича в Сербии был пару раз показан по первой программе государственного телевидения Сербии (РТС—1).

В заключении отметим: в Белграде здравствуют два кадета, выпускники Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви, Алексей Иванович Постников (13-го выпуска) и Валерий Борисович Завалевский (21-го выпуска), а трое кадет в других городах Сербии – Петр Васильевич Устенко (г. Пожаревац, 28-го выпуска), Панаёт Георгиевич Яникопани (г. Ягодина, 28.-го выпуска) и Александр Павлович Маслов (г. Кральево, 29-го выпуска).

———————

Ниже приводим далеко неполный список выпускников кадетских корпусов в Королевстве Югославии, которые после Второй мировой войны остались проживать в Югославии[12].

[12] Данные собраны из многих источников и усных свидетельств. Составитель не

ККК – Крымский кадетский корпус, Белая Церковь

ДКК – Донской Имп. Александра III кадетский корпус, Билеча-Горажде

РКК – Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус, Сараево-Белая Церковь

Азарьев Николай Александрович (?—1986, Белград), РКК (5-го выпуск), окончил военную академию, инженер-строитель.

Акрит Михаил Митрофанович (1904, Мариуполь-1973, Земун), ККК (4), окончил военную академию, военный летчик. После 1948 г. полный срок отсидел в югославском концлагере «Голи оток», а после освобождения занимался переводами с русского языка.

Александров Владимир (1926, Кладово—2003, Добрица, Банат), РКК (26), художник.

Алексеев Алексей (1905, Хунзах—1965, Зренянин), ККК (5), инженер-геодезист, работал в управлении бачских каналов в Сомборе и в Бегейской станции водного хозяйства в Зренянине.

Андреев Василий Захарович (1904, Нижне—Чирск—1988, Загреб), ДКК (35), инженер-геодезист и инженер-строитель (два факультета), доктор технических наук. Участник Народно-освободительного движения (1944—1945). Профессор механики, теории эластичности и динамики конструкций на факультетах в Загребе, Сараево, Баня-Луке, Сплите. Автор книг и учебников.

Арсеньев Борис Петрович (1908, Дубно, Волынской губ.—1972, Нови-Сад), ДКК (41), чиновник, регент церковных хоров.

Афанасьев Борис Васильевич (1905—1994), ККК (5).

Бабаев Анатолий Иванович (1906—1948, Белград), ККК (6).

Базилевич Владимир Владимирович (1904, Киев—1989, Стоце, Герцеговина), ККК (3), инженер-строитель, профессор Белградского университета, преподавал математику, статику, кинематику, динамику.

Бальва Петр Романович (11904, Лубны—1975, Загреб), ДКК (38, семь классов), после войны работал на заводе «Фотокемика» в Загребе.

Бендерович Георгий (?—1995, Земун), РКК (19), по возвращении из немецкого плена был учителем, затем директором сербской гимназии.

Боровский Михаил Степанович (?—1982, Чачак), ДКК (39), окончил Богословский факультет в Белграде, законоучитель в При-

несет полную ответственность за их достоверность.

штине, преподаватель русского языка в гимназии г.Чачак.

Бородкин Леонид Иванович (1912, Чернигов—2002, Белград), ККК (11), инженер-строитель. Работал в Строительном управлении г. Белграда.

Бубнов Сергей Александрович (?—2000, Любляна), РКК (13), инженер-строитель.

Букин Николай Федорович (1903, Новочеркасск—1994, Нови-Сад), ДКК (38), инженер-лесник.

Буссов Константин Николаевич (1905, Малая Чернявка, Киевская губ.—1971, Нови-Сад), ККК (6), окончил военную академию, военный летчик. В 1944 году был арестован органами СМЕРШа в Нови-Саде и отправлен в ГУЛАГ. Отсидел 10 лет и в 1956 г. возвратился в Югославию.

Бутовский Всеволод Владимирович (1910, Петербург—?), ДКК (41), архитектор.

Быкадоров Иван Афанасьевич (1903, ст. Митякинская, Донской обл.—1885, Загреб), ДКК (учился в Египте), биолог, научный сотрудник кафедры зоологии Загребского университета.

Васильев Павел (1903, Хабаровск—1975, Риека), ДКК (35), инженер химик, технолог. Участник Народно-освободительного движения (с 1943 г.), с 1944 г. – в Космайском батальоне 6-й пролетарской бригады, заместитель командира бригады. После демобилизации работал по специальности на фармацевтическом заводе «Плива» в Загребе. С 1947 г. преподавал русский язык на Фармацевтическом факультете в Загребе и вскоре переехал в г. Риека, где работал на реконструкции нефтеперерабатывающего завода. Один из основателей и преподавателей технического училища в г. Риека.

Вахнин Николай Владимирович (около 1926—1996, Белград), РКК (26), экономист. Служил в правительственных учреждениях в Белграде.

Венедиктов Георгий (?—1995, Земун).

Воронец Дмитрий Константинович, РКК (2).

Гаврилов Виктор (?—1996, Белград), РКК (16), окончил военную академию. Юрист (?) в Белграде.

Гапонов Владимир Васильевич (1910—1995, Белая Церковь), ДКК (42), инженер-лесник.

Гаранский Леонид, ККК (5, семь классов).

Герман Олег, РКК (8). После войны возвратился из германского плена, некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде.

Глазков Василий Яковлевич (1904, Трех-Островянск—1971, Сомбор), ДКК (38), инженер-геодезист, работал в Скопле, Зренянине и Сомборе.

Голунский Владимир Васильевич (1903, Москва—1994, Коломбель, Франция), ККК (6), В 1933 г. окончил Богословский факультет Белградского университета, священник (1940), законоучитель в РКК в Белой Церкви (1941—44), принят в клир Сербской церкви, состоял приходским священником (1945—57), арестован югославскими властями, выехал в Бельгию, но в 1958 г. возвратился в Югославию. В 1959 г. окончательно обосновался во Франции, где состоял настоятелем Св. Сергиевского храма в Коломбеле (1960—94), митрофорный протоиерей.

Гончаров Василий Федорович (1905, Киев—1962, Белград), РКК (3), инженер-строитель. После войны служил на ответственных постах в управлении гидросистемы канала Дунай-Тисса-Дунай в Нови-Саде, профессор Строительного факультета в Скопле (Македония).

Горанский Леонид (?—1991, Марибор), ККК (5).

Горенко Иван (?—1981, Белград), ДКК (37). После войны работал в Народном театре в Белграде.

Готуа Георгий Георгиевич (1905, Красноводск—1971, Белград), ДКК (36), инженер-строитель, после войны занимал видные посты при строительстве Гидросистемы каналов Дунай-Тисса-Дунай, руководитель строительства гидроэлектростанции «Баина Башта» на р. Дрина, советник при строительстве гидроэлектростанции «Джердап» на Дунае.

Гргуревич Слободан Велимирович (1918, Яйце, Босния—1995, Земун), РКК (17), участник войны. Ордена – за храбрость, за боевые заслуги. Учился в Чехословакии, инженер-металлург. Работал в Словении и Сисаке, технический директор Металлургического завода в Смедерево. Орден труда, Орден народа.

Гривцов Сергей, РКК (14).

Делярю Владимир Федорович (1916, Ярославль—1991, Белград), РКК, горный инженер.

Денисенко Борис (?—до 1991), РКК (14).

Леронов Вадим, ККК (8).

Джурджевич Григорий, РКК (16).

Донсков Сергей Иванович (1904, Нижний Чир, Саратовская губ.—1976, Нови-Сад), ДКК (36), окончил военную академию, инженер.

Доронин Валерьян, ККК (7), инженер-геодезист, работал в Сремска-Митровице и в Управлении хидросистемы каналов Дунай-Тисса-Дунай в Нови-Саде.

Жежель Константин Филиппович (?—1987, Скопле), ДКК (41).

Жукевич-Стоша Кирилл (Кир) (около 1908—1999, Вршац), РКК (10).

Жуков Борис С. (1905, Конотоп—1989, Белград), ККК (4), инженер-механик.

Здор Анатолий Федорович (1905, Барановичи—?), ККК (5), инженер-строитель.

Зимовнов Иван Тимофеевич (1905—1985, Белград), ДКК (37).

Златоверховников Владимир Тихонович (?—около 1996, Заечар), ККК (2). Окончил Философский факультет в Белграде. Преподаватель математики, физики и химии в гимназии в г. Заечар.

Иванов Игорь, РКК (5).

Ивановский Юрий, ККК (9).

Ильинский Николай Николаевич (?—1970, Белград), ДКК (47).

Казнаков Петр Николаевич (?—1986, Вараждин), ККК, технический директор текстильной фабрики «Вартекс» в Вараждине.

Качаки Николай Васильевич (1904, Одесса—1997, Белград), РКК (3), инженер-строитель. После войны работал при Министерстве электроснабжения (строительство термоэлектростанций Костолац, Колубара), позднее – в белградской фирме «Энергопроект», а несколько лет – в Африке (Республика Мали).

Кейнинг Анатолий (?—2000, Белград), РКК (10)+ ДКК (42).

Клюев Александр, ДКК (37), жил в г. Никшич (Черногория).

Колобов Сергей Александрович (1908, СПб—1972, Загреб), РКК (8), инженер-строитель. Работал в проектной организации «Индустропроект» в Загребе.

Колюбаев Евгений Васильевич (?—2004, Белград), инженер-строитель.

Коновкин Валерий, РКК (6).

Косоногов Павел (?—1979, Белград), ДКК+РКК (4), инженер-лесник. Учился в Загребе. После войны работал в Институте по лесоводству в Белграде.

Крамаренко Евгений Валерьянович (1904, Одесса—?), РКК (2), инженер-строитель.

Крыжановский Григорий М. (1904, Славянск—1982, Белград), ДКК (36), инженер-строитель. Работал в Проектном институте

Югославских железных дорог.

Крылов Иван Иванович (?—1987, Загреб), ДКК (39).

Лазарев Лев Павлович (1910—1994, Заечар), РКК (11).

Латышев Иван Николаевич (1903—1979), РКК (3), архитектор. Участник Народно-освободительного движения в Далмации.

Лашков Игорь Александрович (1904, Кронштадт—1975, Нови-Сад), ККК (2), инженер-гидротехник. После войны руководитель гидротехнических проектов постройки Гидросистемы каналов Дунай-Тисса-Дунай в Нови-Саде.

Лебедев Сергей (?—1990, Белград), РКК (1).

Лерком Евгений, ККК (6).

Логунов Алексей Григорьевич (1905, Новогеоргиевск—?), ККК (4), инженер-строитель. После войны работал на постройке Гидросистемы каналов Дунай-Тисса-Дунай.

Лысенко Николай Георгиевич (1907, Новочеркасск—1985, Загреб), ДКК (40), чиновник.

Мальцев Алексей Федорович (1901, Москва—?, Риека, Хорватия), ДКК (34), инженер-строитель, после войны работал в лаборатории Управления каналов Дунай-Тисса-Дунай в Нови-Саде. Примерно в 1968 г. переехал в г. Риека.

Марасанов Сергей (1919, Мурманск—1990, Апатин), РКК (17). Ветеринарный врач. После войны работал по специальности в Апатине.

Марченко Сергей Иванович (1926—2005, Белград), РКК (25), экономист, служил в издательстве журнала «НИН» в Белграде.

Махновский Георгий (?—1993, Риека), ККК (9), окончил военную академию.

Мельников Георгий Романович (1899, Харьков—1971, Нови-Сад), ДКК (32), инженер-строитель.

Миокович Святослав, РКК (шесть классов).

Миржинский-Стома Сергей, ККК (9).

Нащокин Александр Сергеевич (?—1972, Сараево), ККК (1).

Непокойчицкий Николай (?—1980, Москва), РКК (10).

Никитин Георгий Викторович (?—2005, Белград), ККК (15).

Николаев (Волков) Дмитрий Михайлович (1925—1999, Белград), РКК (24), врач-рентгенолог, примариус, начальник радиологической службы Белградской студенческой поликлиники, начальник Клиники.

Новицкий Василий Иванович, РКК (9), инженер-строитель. По-

сле войны работал в Белграде, во Франции, в США. Возвратился в Белград.

фон дер Нонне Владимир Сергеевич (?—1996 или 1997, Крань, Словения) ДКК (42), инженер-лесовод.

Образ Роман Васильевич (1920, Лемнос—1998, Загреб), РКК (19), окончил военную академию, а возвратившись из немецкого плена окончил Экономический факультет, защитил докторскую диссертацию, стал профессором Загребского университета, по маркетингу.

Оленин Николай Авксентьевич (1905, Гельсингфорс-1984, Белград), ККК (6), инженер-механик. После войны возвратился из германского плена, попал в лагерь в Нови-Саде. Некоторое время состоял директором электростанции в Нови-Саде. Позднее занял видный пост в Министерстве машиностроения, работал в белградской фирме «Машинопроект».

Опоков Владимир, РКК (8), инженер-строитель. После войныи работал в Тамишко-Бегейской водной станции в Вршаце.

Осетров Николай (1930, Белград—1995, Нови-Сад), РКК (три класса), агроном.

Панфилов Евгений Дмитриевич (1910, ст. Казанская, Донской обл.-1994, Вуковар), ККК (9), инженер-геодезист.

Петин Николай Николаевич (1918, Екатеринодар—2004, Нови-Сад), РКК (17), композитор, профессор Новисадской консерватории, удостоен почетного диплома Музыкального центра в Кембридже (1977), медали Международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990), звания «honoris causa» доктора музыки этого фонда при ООН (1991). Его произведения исполнялись в многих странах Европы и в США.

Побегайло Александр Ильич, ДКК (40), окончил военную академию.

Пограничный Юрий Дмитриевич (1908, Сумы—?), ККК (8), инженер-технолог. После войны возвратился из германского плена и некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде. Вскоре по освобождении (1947) уехал в Бельгию.

Попов Владимир Владимирович (1913, Самара—?), РКК (12), инженер-строитель. После войны был начальником в Управлении гидросистемы «Дунай-Тисса-Дунай» в Нови-Саде.

Прудков Евгений Николаевич (?—1991, Сента), ККК (5), художник.

Прудников Михаил (7—1990, Белград), ККК (11).

Радак Милета, ККК+ДКК (44), умер в Белграде.

Радунович Милорад (1913, Самарканд—?, Сомбор), РКК (13), работал в Техническом управлении Бачских каналов в Сомборе.

Ровный Петр (1900, Новогуляевск—1949, Загреб), ДКК (35), инженер-химик.

Рогальский Игор Николаевич (1910, Киев—1986, Земун), ККК (8), геодезист.

Ротов Александр Александрович (1903—1982, Рума), ДКК (35), агроном.

Рябов Олег Николаевич (1920—1945, Босния), РКК (18).

Савченко Владимир Петрович (1912—1977, Белая Церковь), ДКК (42), инженер-строитель. После войны работал в строительной фирме «Стандард-бетон» в Белой Церкви.

Сальников Виктор Никитич (1927, Печ, Косово—2006, Белград), РКК (семь классов), доктор технических наук, видный специалист по гидро-аэромеханике, профессор Белградского университета, читал лекции в Германии, член Европейской академии наук.

Самойлов Григорий Иванович (1904, Таганрог—1989, Белград), ДКК (35), выдающийся архитектор в довоенной и послевоенной Югославии, профессор Белградского университета.

Самофалов Константин Яковлевич (1921—1995, Белград), РКК (19), ветеринарный врач.

Скоробогач Георгий (?—1997, Белград), РКК (18), окончил военную академию.

Слободянинов Владимир, ККК (5).

Соболевский Владимир Тимофеевич (1917, Херсон—1996, Белград), РКК (17), инженер-строитель.

Сосиев Борис Александрович (?—1982, Делчево, Македония), ККК (?).

Станкович Ратомир Николаевич (1914, Крагуевац—1995, Белград), РКК.

Томичич Владимир Константинович (?—1983, Белград), ККК (?). Специалист по молочному делу. После войны проживал в Нови-Саде, затем в г. Пула (Хорватия).

Томичич Георгий Константинович, ККК после войны – полковник Югославской народной армии.

Томичич Николай Константинович, ККК (окончил 6 классов). Участник Народно-освободительной войны. После демобилизации окончил Филологический факультет Белградского университета

(кафедра славистики) и работал переводчиком. Позднее стал главным редактором крупного белградского книгоиздательства «Просвета».

Троицкий Виктор Сергеевич (1907, СПб—1950), ККК (10), инженер-строитель.

Трофимов Александр (1906—1978, Белград), ДКК (36), окончил военную академию и академию Генштаба. Был узником югославского концлагеря «Голи оток».

Трофимов Владимир Иванович (?—1986, Белград).

Устенко Петр, РКК (28).

Фармаковский Евгений, РКК (28), проживает в г. Суботица.

Февр Михаил Михайлович (?—1973, Сплит), РКК (3), окончил военную академию, военный летчик.

Федьковский Александр Николаевич (1911—1967, Белград), ДКК (41), профессор музыки, солист Белградской филармонии.

Фигуровский Георгий Павлович (1918, Екатеринодар—2004, Нови-Сад), ДКК+РКК (16), окончил военную академию.

Филатов Борис Яковлевич (1903, Буринь, близ Киева—1984, Загреб), ДКК (35), инженер-геодезист. После войны – долголетний преподаватель в Средней геодезической школе в Загребе. Автор учебника «Расчет уравнений» (3 издания).

Филодор Борис, ККК (5).

Фостиков Борис Михайлович, РКК (22), врач, проживал в Белграде.

Царевский Александр Викторович (?—2007, Белград), РКК (19), зубной врач в Белграде.

Церковников Евгений Тимофеевич (1904, Каменская—1985, Риека), ДКК (35), химик-органик. Доктор технических наук. После войны – сотрудник фармацевтической фирмы «Плива» (Загреб), основатель Института органической химии при Фарацевтическом факультете Загребского университета, в 1957 г. – основатель Института химии и биологии при Медицинском факультете в г. Риека (Хорватия). Один из основателей Хорватского химического общества. Награжден Орденом труда с золотым венком и др.

Цикаловский Сергей Л. (?—1979, Баня-Лука), ККК (6), окончил военную академию.

Цынамзгваров Игорь, РКК (19).

Чаплинский Георгий Михайлович (1908, Усть-Двинск, близ Риги—1985, Загреб), ККК (9), инженер-геодезист.

Чепурковский Василий Николаевич (1910—1983, Зренянин), ДКК (42).

Черногубов Григорий Александрович (?—1997, Белград), РКК (10).

Чирко Ростислав, ДКК+РКК (14). В 1994 году из осаженного Сараево с семьей был выписан в Россию.

Чурашев Алексей Николаевич, РКК (30), юрист.

Чуянов Павел, ККК (9), инженер-геодезист.

Шантарович Александр, ККК (9).

Шелеметьев Валерьян В. (?—1978, Белград), ККК (6). Окончил военную академию. Скончался полковником Югославской народной армии.

Шоффа Всеволод Владимирович (1909, Киев—1991, Сомбор), РКК (22).

Шпилевой Анатолий, ДКК (34).

Штранге Борис Владимирович (1904, Псков—1963, Нови-Сад), ККК (1), агроном.

Шуневич Игорь (1913, Одесса—1979, Загреб), ККК (пять классов), техник-строитель в Загребе.

В дополнение к этому списку и для разъяснения сложных условий, в которых оказались кадеты, оставшиеся после войны в Югославии, необходимо составить еще несколько неполных списков.

После прихода войск Красной армии в Югославию, советские военные власти в прифронтовой полосе проводили проверку и чистку русских (особенно много их пострадало в Белой Церкви). Органами СМЕРШа некоторое число кадет было арестовано, расстреляно (в том числе Анатолий Викторович Дылевский, 1-го выпуска Крымского кадетского корпуса) или отправлено в лагеря СССР, среди которых:

Буссов Константин Николаевич, летчик. После отбытия лагерного срока, в 1956 году возвратился в Нови-Сад, где получил место в строительной фирме «Войводинапут».

фон-Витт Георгий Владимирович (1919, Екатеринодар—?), РКК (21), в 1944 г. был арестован советскими органами в Белграде, дальнейшая судьба неизвестна.

Воропонов Павел Николаевич (?—1979, Калинин—Тверь), РКК (8), инженер-технолог на сахарном заводе вблизи Сомбора.

Высоцкий Всеволод Всеволодович, РКК (19), после войны пропал без вести.

Митричевич, Баян Славкович (1912—?), ДКК+РКК (16), в конце войны был арестован и пропал без вести.

Панчулидзев Александр Семенович (1910, Москва—?), инженер-строитель. Раборал в Техническом управлении системы Бачских каналов в Сомборе (судьба его неизвестна).

Хлодовский Всеволод Владимирович (?—2002), РКК (14), с Лубянки был сослан в Казахстан, а в середине 1950-х гг. переехал в Зальцбург (Австрия) и другие.

Очередное несчастье обрушилось на русских в Югославии в 1948 году, когда обострились партийные и государственные отношения между СССР и Югославией. Волна массовых арестов военных, специалистов и интеллигенции (с основанием или без доказательств обвиненных в просталинской ориентации) не миновала и кадет – летчиков Михаила Февра и Михаила Акрита, инженера Василия Гончарова и др.

Принявших советское гражданство «русских эмигрантов», югославские власти выдворяли в Венгрию, Румынию, Болгарию и Албанию. В начале 50-х годов в Будапеште оказалась группа кадет, среди которых были:

Бальва Павел Романович, ДКК (39), инженер-строитель.

Зрянин Петр Федорович, ДКК (40), уехал в Венгрию еще до войны.

Климов Борис Петрович (1906, Каменск—1964, Лейпциг), ДКК (39), инженер-строитель. Из Венгрии перебрался в Польшу, затем возвратился в Будапешт, а оттуда переехал в Восточную Германию.

Корнич Владимир А. (1895, Харьков—1980), РКК (4), инженер-строитель. (Неизвестно, в какой стране скончался).

Монин Александр Александрович (1908, ст. Великокняжевская—?, СССР), ККК (8), инженер-строитель.

Яковлев Иван Григорьевич (1903, Нижне—Чирск—1997, Ташкент), ДКК (35), инженер-лесотехник. Из Югославии в 1950 году попал в Венгрию, откуда в 1956 году, как инженер-проектировщик был направлен в Ташкент, где до выхода на пенсию занимался строительством дорог, организацией лесопосадок в степи и городского озеленения.

На показательном суде в Сараево над «бывшими белогвардейцами – советскими гражданами, завербованными советской разведкой» к тюремному заключению был приговорен и кадет Илья Владимирович Жеребков (РКК,16), юрист. После отбытия срока ему

удалось выехать в СССР, в Ростов-на-Дону. В СССР уже проживали кадеты, в лагерях или на свободе:

Вышинский Борис, ККК (5), инженер-геодезист.

Ганусовский Борис Казимирович (1906—1993, Сент-Пауль, штат Миннесота, США), ККК (7). В составе 15-го Казачьего корпуса, оказавшегося на территории Австрии, в 1945 г. англичанами был выдан на расправу в СССР. После заключения в ГУЛАГ-е, почти потеряв зрение, в 1956 г. прибыл в Австрию и перебрался в США. Автор книги «10 лет за железным занавесом 1945—1955. Записки жертвы Ялты» (Сан-Франциско, 1983).

Дробышевский Олег, РКК (20).

Китайсков Владимир Михайлович, РКК (19), после 10-летнего сидения в ГУЛАГ-е поселился в Курске, реабилитирован.

Климов Петр Петрович (1909, Саратов—1970-гг., Одесса), ДКК (40), инженер-механик. Кутепов Павел Александрович (?—1983, Москва), РКК (24), в районе Панчево попал в ряды Красной армии – переводчиком. Вскоре был арестован и отправлен на Лубянку. Получил «полную порцию» — 20 лет. В 1954 г. амнистирован, поселился в г. Иваново, работал на текстильных заводах. В 1960 г. принят в бюро переводчиков отдела Внешних церковных сношений Московской Патриархии, с 1967 г. – главный редактор этого бюро. Кавалер трех (церковных) орденов.

Любимов Григорий (Георгий?), ККК (9). Член «Киевского Дворянского Собрания».

Полиектов Владимир (?—1986, Москва), РКК (19), из Венгрии попал в СССР. Работал переводчиком и спортивным комментатором.

Попов Сергей, ККК+ДКК (42). В 1990-е гг. проживал в Краснодаре.

Ровнев Николай Вячеславович, РКК (13). В 1990-е гг. проживал в Туапсе. Член «Московского Дворянского Собрания».

граф Толстой Олег Владимирович (1927, Тетово—1992, Москва), РКК (26), художник.

граф Толстой Илья Владимирович (1930, Нови—Бечей—1997, Ясная Поляна), РКК (29), филолог, профессор на кафедре стиллистики русского языка Московского факультета журналистики.

Фомин Борис (?—1990, Свердловск), РКК (19).

Чеботаев Владимир Дмитриевич, ДКК (37), геодезист. Переводчик литературных произведений сербских писателей. Под псевдонимом Иван Васильевич Дорба в Москве в издательстве «Молодая

гвардия» был опубликован его роман-трилогия: «Белые тени» (1981); «Под опущенным забралом» («В чертополохе», «Третья сила», 1985), в котором тенденциозно описан кадетский быт и преподаватели Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Билече, как и жизнь русских в Белой Церкви и Белграде.

Чипиженко Мирослав (?—1991), РКК (19), отсидел в ГУЛАГ-е десять лет.

Недоверие многих русских к будущему социалистической Югославии и участившиеся притеснения, которые они испытывали, привели к тому, что их выезд из страны продолжался до середины 50-х годов. В период так называемого «второго исхода» был создан лагерь в Триесте (Италия). В нем оказывались уже и русские с югославским подданством. Среди них было немало кадет, покинувшими страну, вместе со своими семьями:

Амочаев Александр Иванович (?—около 1993, Сан-Франциско), РКК (11), инженер-электрик.

Вуколов Алексей Николаевич (1917, Новочеркасск—2006, Бетани, штат Коннектикут, США), РКК (15), зубной врач.

Гирс Евгений Евгеньевич (1914, Евпатория—?), ДКК (44).

Дубельштейн Петр Александрович (?—1999, Лондон, Канада), РКК (26), врач.

Кормилев Евгений Александрович (1909, Житомир—1992, Сан-Питерсбург, Флорида), землемер в Югославии, проектировщик дорог в США.

Липковский Севир, РКК (11), переехал в Канаду. Инженер-строитель. Занимал должность главного инспектора при городском управлении г. Виннипег.

Мирошниченко Константин Александрович, РКК (14), с отцом-священником, в конце 1940-х гг. выехал во Францию, а потом в Канаду (Монреаль).

Мирошниченко Николай Александрович (1907, Ровно—1986, Виктория, Канада), ККК (5), инженер-строитель. В Монреале служил в Национальной железнодорожной кампании.

Московченко Александр (?—2000, Нью-Йорк), РКК (6). После войны возвратился из германского плена и некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде. В 1950-е гг. через Триест с супругой выехал в США.

Новосильцев Александр (1914, ст. Кавказская, Кубанской обл.—1994, Лейквуд, США), РКК (14), инженер-электрик.

Окшевский Олег Вячеславович (1915, Евпатория—1998, Лорел, близ Вашингтона), РКК (12), военный летчик. По возвращении из немецкого плена, в Югославии ему удалось избежать преследования. Через Триест перебрался в Канаду, позднее – в США. Работал в текстильной промышленности.

Пагануцци Павел Николаевич (1910, Брасово, имение Великого князя Михаила Александровича—1991, Гольфпорт, Флорида), агроном, профессор Белградского университета, директор сельскохозяйственного института. Проживал в Канаде, где стал доктором гуманитарных наук, читал лекции в Вермонтском университете (США), член Американского философского общества, видный общественный деятель.

Пожидаев Владимир Сергеевич (1909, Сумы—1972, Аделаида, Австралия), ККК (8), архитектор, ассистент Белградского университета по классу церковной архитектуры.

Ратнов Александр, РКК (19), после возвращения из немецкого плена работал в туристическом агенстве «Путник» в Белграде. В 1950 году бежал в Германию, где в 1952 году пропал без вести.

Сапегин Георгий Николаевич, РКК (17). Участник народно-освободительной войны (с ноября 1944 г.). После войны окончил Ветеринарный факультет Белградского университета (1946), работал на Косово и во Вршаце, затем – ассистентом Белградского университета (с 1948 г.). В 1950 г. выехал в Триест, а оттуда перебрался в Париж, с 1952 г. – в Канаду. В 1957 г. в Торонто открыл собственную ветеринарную клинику.

Седов Борис Ильич (1905, ст. Чугуевка, близ Новочеркасска—1993, Сан-Питерсбург, Флорида), ДКК (35), инженер-строитель, работал в Загребе на проектировании и постройке дорог.

Секулич Миливой Степанович (1924, Дубовац, Банат—?, США), РКК (22), агроном. В 1963 г. покинул Нови-Сад и переехал в США (Нью-Йорк).

Тараканов Юрий Владимирович (1909, Хабаровск—1982, США), ККК (1928), учился на архитектора, занимался балетом, пел под гитару, выступал в известном белградском ресторане «Казбек».

Турский Владимир Иванович (1914, Полтавская губ.—2004, Милл-Валле, близ Сан-Франциско), ДКК (44), инженер-строитель по гидравлике. В 1949 году из Греции переехал в США.

Тырас Сергей Павлович (?—1986, Торонто), ККК (8), инженер-строитель.

Федюшкин Андрей Иванович (1907, Грозный—1997, Сантьяго, Чили), ККК (6), инженер-строитель. Работал в строительной фирме «Виадукт» в Загребе, строил туннели, мосты, дороги.

Шевченко Владимир Иванович (?—1987, Джильбертон, Австралия), ДКК (41), певец-тенор.

Все приведенные списки далеко не полные, но дают представление о сложных положениях, в которых оказались выпускники кадетских корпусов, оставшиеся после окончания войны на просторах Югославии. Списки дают представление и о том, что многие из кадет стали выдающимися специалистами, полезными для страны – их «второй» родины.

Новая общественная роль кадетских корпусов

9 сентября 2008 года, во время XX Кадетского Съезда, состоявшегося в штате Вашингтон, «Кадетская перекличка» взяла следующее интервью у одного из прибывших на этот Съезд директоров кадетских корпусов в России, капитана первого ранга в запасе Евгения Александровича Введенского, доктора исторических наук, академика ряда российских академий. В результате этой беседы стала очевидной новая общественная роль кадетских корпусов в современной России, каковые сегодня не только должны обеспечивать своим питомцам традиционное русское воспитание и образование, но также и восполнять функции семьи, оказавшейся сильно поврежденной.

Кадетская перекличка: — Просим Вас представить Ваш Корпус.

Е. А. Введенский: — В настоящее время я – директор «***Московского Морского кадетского корпуса имени Героев Севастополя***». Статус его – кадетская школа, государственное образовательное учреждение, департамент образования города Москвы.

— В вашей школе в настоящее время сколько учеников, сколько классов, сколько в интернате?

— Интернатного содержания у нас нет, у нас полный цикл с первого по одиннадцатый класс. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й – так называемая начальная школа, у нас по одному классу детей, а в 5-м – мы будем добирать из не только нашей… но еще будет и со стороны. И с 5-го по 11-й класс, в среднем, у нас получается два-три класса в параллели. Общая численность детей на 1 сентября 2008 года составила 468 человек. Из них чуть меньше 50-ти – составляют девочки.

— Когда оканчивают школу, какой получают диплом?

— По выпуску они получают диплом государственного стандарта – это об окончании среднего полного общего образования, то есть как бы аналогично другим школам (полное среднее образование – 11 классов). Перед этим идет тестирование, или экзамены. И по выпуску, в среднем, у нас как бы уже сложилась ситуация, что можно взять в процентном отношении и весь выпуск разделить на три час-

ти. Одна часть уходит в высшие военные учебные заведения, продолжает обучение по военной структуре. Это разное: внутренние войска, военно-морской флот, соответствующие силовые ведомства. Вторая часть – это дети, поступающие в ведущие государственные высшие образовательные учреждения. Я считаю, что это те, которые наиболее подготовлены, и они выдерживают трудный экзамен в такие ВУЗы, как: Московский государственный университет, Московский авиационный институт, Московский институт инженеров радиосвязи (это гражданские ВУЗы). И наконец, третья часть, это те, кто послабее, они, в основном, идут в частные высшие учебные заведения (платные). Однако, как специалист, я считаю, что хотя они и получают диплом, но **качество образования у них ниже**, чем у первых двух групп. И очень маленькая часть – это те, которые не поступают никуда. Они по возрасту сразу могут поступить в армию, то есть проходят службу, или же идут в лицей, среднее специальное учреждение, но таких, обычно, где-то три-четыре человека из выпуска, не больше.

— Вы недавно открыли в школе церковь, расскажите об этом.

— Начиная с 2000-го года, в школе вёлся кружок «**Основы православной культуры**». Это было по желанию родителей, по желанию детей, и в соответствии с законом были оформлены все документы, потому что у нас в школах не является обязательным преподавание основ православия, т. к. школа отделена от церкви. Я считаю, что для духовно-нравственного воспитания, конечно, нужно привлекать силы, возможности Православной Церкви. Почему я говорю сразу: православной? Когда создавалось учебное заведение, я побеседовал с каждым родителем, с каждым ребенком: хотел ли он изучать ту или иную религию? Ну, если мама пришла в платке, значит, она мусульманка. Я, естественно, задаю вопрос: а не хотели ли бы вы, чтобы ваш сын, в стенах нашего учебного заведения изучал ислам? Точно также, если приходит не просто человек еврейского внешнего вида, но если он еще носит соответствующую прическу, головной убор, значит ясно, что он ортодоксальный еврей. И в этих условиях он исповедует иудаизм, и, скорее всего, я просто убежден, что в семье, естественно, ребенок изучает его. Но, ни католики, ни представители ислама, иудаизма, баптистских организаций, – не согласились. Они сказали, что у себя будут решать этот вопрос. Православные согласились. Были кришнаиты, полусектантская группа, им я не раз-

решил соответствующим образом проводить пропаганду, распространять литературу, потому что это делалось скрытно, и посему не разрешалось.

Так вот, в тот момент было около 550 учащихся. Из 550 человек почти 400 заявило о том, что они хотят, чтобы в школе были основы православной культуры. Около 50-ти человек сказали, что этот вопрос их не интересует, и они не хотели бы, чтобы их дети были как-то вовлечены в религиозное образование, или религиозное обучение. Остальные 100 заявили, что будут решать этот вопрос в своих семьях.

Мы начали с кружка. На кружок, естественно, я пригласил священнослужителя, который соответствующим образом вел занятия. Мы попытались, как бы по старой системе русских кадетских корпусов, взять Закон Божий и начать его изучать, но это не получилось. Потому что сами семьи ***не воцерковлены***, их подавляющее большинство, за исключением, может быть, 5-ти, 7-ми семей, которые систематически ходили в храм, систематически выполняли необходимые там требования, связанные с постом и т. д., то есть это были единицы. Всем остальным это было интересно, и они как бы чувствовали, что это надо для их детей. Вначале мы выделили просто помещение, потом, для того, чтобы класс соответствующим образом был обставлен, начали приобретать маленькие иконки, о. Василий тогда у нас был. Он приносил литературу, и мы потихоньку начали обустраивать материальную базу. Потом о. Василий ушёл служить в другой приход, и через какой-то промежуток времени к нам пришёл о. Валерий. Вот он у нас – шесть с половиной лет.

Мы разработали специальный курс. Этот курс охватил в первую очередь **двунадесятые праздники**, т. е. основные православные праздники. И вот, мы с ними выстраивали занятия следующим образом: рассказывалось о празднике, рассказывалось о требах, которые должны в семьях выполняться, о традициях этого праздника, о истоках этого праздника, о текстах Святого Писания, связанных с этим праздником, как готовиться к ним, какие посты, для чего они. То есть, здесь мы взяли также и исторический класс, а батюшка взял еще и класс русской литературы, где тот или иной праздник соответствующим образом освещался. То есть такой **комплексный подход**. Мы пригласили родителей… родители приходили на эти занятия… и так мы потихоньку набирались опыта… и больше детей ближе становились к тому, что нужно делать следующие шаги.

Следующим шагом мы решили сделать часовню, чтобы, по крайней мере, не на пальцах показывать, не в фильмах, что такое храм, как себя в нем вести, а чтобы ребенок мог практически знать, как себя культурно вести, не мешать службе самой. Это большая культура, если ее нет, ее надо прививать, она сама не дается. И вот тогда у нас родилась идея – создать часовню. Мы получили благословление на создание часовни. Однако, когда мы с о. Валерием заказали иконостас, он должен был у нас быть пристеночным, нас осенила мысль: давайте тогда сделаем (есть свободное место) полностью церковь. Мы получили такое благословление и завершили уже собственными силами создание маленькой корпусной церкви, в которой можно служить и выполнять все необходимые требования.

— А теперь какие службы в этой церкви?

— До того как я уехал на Съезд, еще службы не было. Почему? Потому что для служб должен быть постоянный священник. И я добиваюсь от Патриархата Московского и от руководства, чтобы в школе был постоянный священнослужитель. Допустим, сейчас, пусть 60 человек из 460 человек не пожелают, – это одна сторона вопроса. Но если мы берем 400 человек и приглашаем сюда родителей – это уже 800 человек (это как минимум). И если есть прихожане, живущие рядом со школой, которые узнают... бабушки, которые готовы помочь и убирать, и приводить в порядок, оказывать помощь, то есть еще больше людей… И с этого года мы начали курс, с разрешения департамента образования, изучения основ православной культуры в сетке часов. То есть в учебном плане уже эта дисциплина есть. Таких школ, к сожалению, в Москве только шесть. Более 2000 школ… и только шесть школ, которым разрешили изучать православную культуру…

— Каким образом Вам разрешили?

— Инициатива была моя. Из 5-ти остальных школ – одна школа была преобразована в обычную школу из церковно-приходской школы. В трёх других, так же как и у нас, изучались основы православной культуры. У этих директоров, в первую очередь, возникло как бы осознание, что вакуум, который образовался в связи с тем, что ушла идеология (у страны нет идеологического стержня), а духовно-нравственное воспитание должно наполняться какой-то идеологией, и если не будет христианской, в данном случае – православной, то будет другая. И, может быть, не просто идеология, а, может, то, что как раз сегодня и насаждается молодежи: растление

молодежи, ее падение: раннее курение, раннее употребление алкоголя, наркотиков. Ведь все это вместе стоит одно с другим...

— Почему необходимо религиозное воспитание (в том числе и за границей)?

— Я считаю, что воспитание, не только религиозное, воспитание вообще должно быть. И воспитание должно начинаться в семье. Бернарду Шоу как-то одна дама сказала, что ее ребенку два годика, но что-то он как-то плохо себя ведет. И на ее вопрос: «Когда нужно начать заниматься его воспитанием?», он ей ответил: «Вы опоздали, мадам, на два года». Я знаю, что в Японии еще дальше идут. Когда женщина становится на учет в больнице, то есть это еще дородовый период, ее обязывают вести здоровый образ жизни, слушать определенную музыку и вообще максимально воспитывать плод, и конечно **в рамках семьи**.

Но когда более 70 процентов, а в этом году более 90 процентов детей пришли, у которых либо лишь один отец, либо лишь одна мать, либо вообще нет родителей, на школу ложится еще большая ответственность. Причем есть родители, которые социально отсутствуют, то есть они либо разошлись, либо алкоголики.

Сегодня школа у нас выполняет, главным образом, кадетские корпуса, **большую социальную работу**. И здесь, в воспитании, я себя называю: «**государственный папа**». То есть, налицо — живые родители, но они не выполняют свои функции. И здесь, естественно, нужно заниматься **воспитанием**. И в воспитание нужно включать воспитание эстетическое, нравственное, литературное, музыкальное, военно-патриотическое...

Можно показать винтовку, можно дать револьвер, но при этом нужно сказать (и рассказать на истории), что это оружие и что оно должно использоваться **только** в целях самозащиты, или в целях защиты Отечества.

Нужен большой пласт литературы: художественной, мемуарной, исторической, нужен большой пласт кинофильмов. Мы приобрели (с родительским комитетом) большое количество хороших фильмов. В каком плане хороших? Те, которые прививают любовь к животным, любовь к окружающему миру, любовь человека к человеку. Это то, что должно окружать ребенка. Фильмы мы расписали: в 5-м классе ученик должен смотреть мультики, не те, в которых отрывают голову и стреляют, а мультики, которые вызывают любовь друг к другу, мультики добрые. И фильмы должны быть не об

убийствах, а об оказании человеком помощи другому человеку, на детском уровне, естественно. И так у нас для уровня каждого класса есть определенные фильмы.

У нас на нашем телевидении практически всегда есть сцены убийства, и варварства, и насыщенного садизма, насилия, что также доступно детям. И в этих условиях, конечно, детям нужно дать хорошее воспитание.

И вот православие, с моей точки зрения, и не только с моей, это вековая традиция, которая прививает любовь к ближнему. Тут не только те десять заповедей Христовых, но и практика, и традиции самой Церкви. И, естественно, надо говорить, что, допустим, та же Балканская война по освобождению от турецкого ига, братского славянского народа – это не просто оказание простой человеческой помощи, но это и защита христианских ценностей. Когда все это вместе будет привито ребенку, и только тогда оно даст результаты. Я не ожидаю, что это сразу придет. Ребенку, как бы в калейдоскопе, нужно закладывать все это каждый день по капельке, в храме, на уроке православной культуры. Урок обязателен, но если ребенок (или родители) не хочет его посещать, параллельно, в это самое время с ним занимаются природоведением. В 1–4 классах (начальная школа) программа уже есть, но они проходят этот урок в игровой форме, а в 5–6 классах уже исполняют программу. Будут проходить, будут сдавать соответствующие зачеты, так как это учебная дисциплина, хотя только лишь для тех, кто пожелали, ибо это сугубо добровольно.

Я убежден, и мою точку зрения разделяют многие трезвомыслящие, что нельзя строем вести детей в храм. Вот некоторые говорят: вот вы приведете раз, второй раз, третий, десятый… и они поверят… Нет, они не поверят. Нужен другой подход, нужно растревожить душу. Чтобы эта душа сама стремилась, потому что насильственное восприятие вызывает отторжение. Это физиологическо-психологический момент. И если это будет, это будет самое страшное, мы нанесем еще больший ущерб, чем то, что было совсем недавно. Мы считаем, что, наверное, это последняя сила, которая может поднять человека, оторвать его от обыденного. А за этим стоят и те кадетские заповеди. Если мы говорим, что в старых русских кадетских корпусах, когда поступал мальчишка, он стоял как бы на трех ипостасях: единая **вера**, удивительное осознание через свою семью, через свои корни понятия **чести** и **достоинства**. Это тоже надо прививать уже в школе.

— И он имел перед собой пример.

— Да. В первую очередь, пример своей семьи. Удивительное внутреннее осознание необходимости служения государству в лице царя, в лице власти. Царь, согласно нашему подходу в дореволюционный период, это помазанник Божий, который на земле является представителем Божиим и верховной властью. Пусть этого сегодня нет, но, с другой стороны, отношение к государству должно быть такое же трепетное, потому что защищать его не любя, нельзя. Надо любить государство, надо не бездумно любить, нужно соответствующим образом видеть в нем и хорошее, и плохое. Это плохое должно исправляться, к этому нужно стремиться. Это, значит, нужно самому самообразовываться или получать нужное образование, чтобы приложить свои усилия на то направление, которое необходимо либо поднять, либо исправить, либо развить. И тогда мы сможем считать, что наша задача, кадетского корпуса, в современной России, в современных условиях и современными детьми будет выполнена.

— Многие директора корпусов думают как Вы?

— К сожалению, думаю, что не многие. Хотя основная масса считает, что надо принимать какие-то шаги… надо искать… Потому что все прекрасно понимают, из ситуации, сложившейся с детьми, в особенности после развала советского государства, после раскола России на куски, разорвались еще и семейные связи. Многие даже не могут доехать до своих родственников. Слишком дорого стало, это еще одна граница. И документы уже во многих республиках требуют. Они становятся независимыми государствами, и за этим следует целый блок проблем, который тоже надо решать.

Я думаю, что когда, кто-то это, может быть, задумывал, он хорошо просчитывал это все. **Нанесен мощнейший удар по населению** – это и сокращение народов, населения, и, вообще, отношения к устоям. Если **семья не будет восстановлена**, то практически это будут временщики – люди, которые *не будут ничего помнить, так как не хотят этого помнить*. Получается, что в завершающую эпопею жизни советского строя так оно и получалось: люди выезжали, вроде бы в командировку, вроде бы по найму, что они там делали, их не волновало, они получали деньги и возвращались назад. Они не хозяева, хозяин так бы не поступал со своей землей. Это тоже надо воспитывать. Чувство – что это не просто моя мебель, а что (по большому счету) ее не просто нужно приобрести, но еще и нужно содержать. А за этим тогда будет и отношение к технике, отношение

к новым технологиям, еще более сложным и ответственным, потому что новые технологии, они, как любая техника, имеют как положительность, так и отрицательность. И в этих условиях ребенок должен быть готов к другому натиску, более мощному… это снова воспитание… воспитание терпимости, кротости, послушания. Это все есть в православной культуре.

Я думаю, что люди генетически стремятся к Церкви. На своем опыте я могут сказать, что когда свершается какая-то беда, почему-то все вспоминают, что надо идти в церковь, и просить помощи, и даже не идя в церковь, в храм, они просят у Бога, которого они раньше никогда не вспоминали: «помоги мне…», или: «Дева Мария, помоги мне». Это генетическое состояние народа, общества, когда в трудную минуту человек обращается к Всевышнему. Что это? Объяснить никто не может. Это длительный процесс, но его надо делать, идти по нему, его, по крайней мере, надо начать. И эта цель в жизни должна быть, в первую очередь, у педагога. Потому что педагог, в первую очередь, это воспитатель. А во вторую, как говорил Суворов: «**Делай, как я**». Будь примером. А пример этот должен быть таким, чтобы ребенок увидел раз, второй раз… Ведь он и ходить начинает учиться, смотря на папу с мамой.

— Играет ли работа женщины отрицательную роль в воспитании детей? Ведь если она работает и не остается у себя дома, как она может воспитывать своих детей, как это было раньше?

— Я думаю, с одной стороны, что и женщина тоже виновата, потому что она слишком мягко относится к своему положению на месте мужчины. Во-вторых, меня удивляет, что наши женщины курят, пьют наравне с мужчинами. Конечно, это не повсеместно, но это имеет тенденцию к увеличению, к сожалению. Меня удивляет, что недостаточно, наверное, может быть, ведется пропаганда в медицинском плане. Как можно? Когда мы об этом говорим: это снова культура, отношение к семье, отношение к ребенку. Не говорю о количестве абортов… это отношение к жизни. Такое впечатление, что каждый думает прожить десяток жизней, но она одна.

Вот когда мы собираемся с директорами (я вхожу в состав совета директоров России и мне приходится иногда разбираться в той или иной конфликтной ситуации), я говорю: вот я смотрю на вас, на некоторые поступки, у меня такое впечатление, что вам интересно, чем закончится ваш эксперимент. Мне как ученому это тоже инте-

ресно. Вы состоявшиеся люди, это ваша работа, а у этого пацана жизнь только лишь в этих рамках, если он не получит качественное воспитание в период вашего эксперимента, над которым вы так смеетесь, и не организуете образовательный воспитательный процесс, то что вы на выходе получите? У ребенка второй жизни не будет и он будет себя чувствовать неполноценным. И это происходит в наших школах.

Многие гимназии, которые называются гимназией, не дают гимназического образования. И здесь нужно, наверное, не заниматься в большей степени какими-то административными методами. Нужно посмотреть, кого готовите. Нужен статус учителя. В обществе сегодня он низок. А ведь я еще помню то время, когда в России было **три человека**, которые всегда были **впереди**. Может у них не всегда была зарплата высокая, но их всегда общество считало и воспринимало теми людьми, без которых жить нельзя. Это **священнослужитель**, который крестил ребенка и провожал его в последний путь. Это **врач**, который первым принимал ребенка, а потом перед священнослужителем он снова пытался его спасти, оказать ему услугу. И наконец, это **учитель** (воспитатель), который начинал его воспитывать, чтобы ребенок стал личностью. Он учил его этому на протяжении всей жизни, но самое главное, учитель должен был его научить, что выйдя из школы, или выйдя из детского садика, ребенок должен постоянно сам учиться, то есть **вся жизнь должна быть учебой**, самоучебой, потому что нельзя останавливаться. Вот **учитель, священник и врач** в России всегда стояли высоко, хотя они и не хорошо оплачивались, но они всегда были в почете. Сегодня этого нет… Все получали образование, становились людьми… министр образования тоже когда-то учился в школе… получил возможность дойти до такой высоты.. Но когда сегодня принимаются решения, которые наносят ущерб образованию, тогда у меня возникает вопрос: получил он знания – получил, а воспитание он не получил, потому что духовно-нравственная составляющая отсутствует. Подлец может быть хорошо подготовленным специалистом, но он подлецом и будет, потому что у него нет **духовно-нравственной составляющей**. Это надо всем помнить и знать. И, конечно, в первую очередь директорам кадетских корпусов, потому что мы как бы начинаем возрождение большого пласта. Кадетские корпуса без подготовки специалистов, без хороших воспитателей могут дискредитироваться…

— В заключение, чтобы возместить недостаток семьи в обществе, кадетские корпуса играют ли сегодня в обществе новую роль?

— Конечно. На кадетские корпуса сегодня возлагаются большие надежды. Но на них возлагаются большие, и новые, задачи. Я скажу, что воспитательный процесс, **духовно-нравственный**, **военно-патриотический**, которому нанесен в последние годы большой ущерб, нужно восстанавливать. Надо восстанавливать многие вещи, и повсюду должно быть точно так: во всех школах, корпусах, гимназиях, лицеях. Тогда будет общая польза.

Беседу вела Анна Баукиеро.

Первые
(Сибирский кадетский корпус)

В начале 1990-х годов слово «**кадет**» вызывало у представителей «высоких инстанций» только одну ассоциацию – «конституционный демократ». Когда же мы, группа новосибирских педагогов, начинали разъяснять суть проблемы, почти всегда следовал вопрос: «А ведь есть суворовцы, зачем же ещё какие-то “кадеты”?!» Впрочем, в Минобороны РФ один почтенный генерал задал более практический вопрос: «А эти кадеты будут учиться правильно заправлять койки?!», и, получив утвердительный ответ, был им весьма удовлетворён. И мы получили положительный отзыв о своих идеях в Объединённом Штабе ВС СНГ, а также в других «инстанциях».

Надо сказать, что в Новосибирске нас, этих самых педагогов, знали давно, – по уникальному общественному неформальному детско-юношескому военно-патриотическому объединению «Мужество, Героизм и Воля (МГИВ)», существовавшему на общественных началах с 1958 г., и лишь в 1990-м г.. на гребне «перестройки», ставшему наконец государственной организацией – подростковым Клубом «МГИВ». Был у нас многолетний опыт работы с детьми, были и свои достижения в их воспитании. Повезло нам и в том, что в Новосибирске на важных городских должностях работали в то время творческие, яркие руководители: В. В. Иванов, начальник ГУО, с нами вместе «пробивавший» идею Корпуса, глава администрации Заельцовского района, где мы собирались открыть Корпус, В. П. Нехорошков. и, конечно же, мэр города Иван Иванович Индинок, взявший и «дерзко» подписавший Постановление Мэрии № 324 от 14-го мая 1992 г. о создании «специализированной средней общеобразовательной школы «Сибирскій Кадетскій Корпусъ» на базе бывшей школы-интерната № 150, где, с согласия директора интерната А. Н. Гудовской, давно уже работали «МГИВовские» подразделения. Впоследствии оказалось, что мы стали первыми в

стране, ***официально*** получившими статус кадетского учреждения, что нас, конечно, порадовало, но произошло как бы и неожиданно, ведь огромную работу по восстановлению Корпусов вели энтузиасты из Новочеркасска, Воронежа, Москвы, Царского Села под С.-Петербургом…

Однако в масштабах страны термин «кадетский» официально возродился в системе Минобразования РФ лишь в 1997 г., и здесь нам выпала некая «историческая миссия»: в 1996 г. в Новосибирске состоялся I Всероссийский семинар-совещание по проблемам кадетских корпусов, под эгидой Минобраза России (наше министерство представляла Елена Илларионовна Казакова, внёсшая весьма весомый вклад в развитие Кадетского Дела в стране!), хотя попытки собраться заинтересованным лицам делались до этого и в Москве. Но именно в «столице Сибири» мы, едва ли десяток директоров «новых» Корпусов, другие заинтересованные идеей люди, создали проект Примерного Положения о кадетской школе (кадетской школе-интернате), который, к нашим радости и изумлению (к сожалению, в урезанном и сокращённом виде), был утверждён уже в виде действующего Положения… Президентом РФ и Российским Правительством уже в 1997 г. – при всём несовершенстве Положения… это государственный документ, по которому все мы были «легализованы». Конечно же, в дальнейшем мы предпринимали попытки пойти дальше: создать при Минобрнауки РФ некий главный координирующий орган по управлению КК, ввести сам термин «кадетское образование» в Закон РФ «Об образовании», сделать легитимными наши чины и форму одежды… – немало писем было направлено и в Минобраз РФ, и Президенту России, и были обнадёживающие или пространные ответы, и были встречи в Госдуме РФ, и в Администрации Президента РФ, и выездные заседания Госдумы ФС РФ, и посещение СКК и других Корпусов Министрами образования и более высокими руководителями, и наши новые Всероссийские Конференции и Семинары… но кардинально ничего не изменилось на уровне государства, зато изменилось на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов: в Кадетское Дело поверили местные власти, и стали возникать и возникают новые Корпуса и целые местные системы кадетского образования: в Красноярском крае, Москве, Ростовской и Томской областях… Уже почти 100 Корпусов (мы, честно сознаемся, не любим называть их «кадетскими школами»!) существуют в стране, и другой вопрос: хорошо это или пло-

хо, и не убивает ли качество – количество. Наверное, везде это по-разному, и однозначного ответа нет.

Чтобы хоть как-то координировать нашу работу, помогать вновь создаваемым кадетским учреждениям, ещё в 1996 г. был сформирован Общественный Совет Директоров КК Минобразования (теперь – Минобрнауки) РФ, который возглавили два сопредседателя: г-н В. Н. Миронов (и его вклад в Кадетское Дело неоценим!) и ваш покорный слуга. Позже было решено иметь только пост Председателя, который, после перевыборов, имею честь занимать я уже много лет. Наш Совет внёс некое единообразие в саму Концепцию кадетского образования, в программы учебно-воспитательной работы корпусов (особенно – в «кадетский компонент» и планы военно-технических дисциплин), в форму одежды, систему чинопроизводства, правила внутреннего распорядка и пр… Создана высокая кадетская общественная награда – почётный Знак «Константиновская Медаль», в память о Его Императорском Высочестве, «Отце всех кадет» Великом Князе Константине Константиновиче.

В начале нашего пути (да и ныне) «терний» встречали мы немало, но буквально с первых шагов «нового» кадетского образования рядом появились люди, не просто помогавшие нам (многие помогают и сейчас), но помогавшие – неоценимо и нёсшие нам настоящий «кадетский дух»! Прежде всего, это Объединение Кадет Российских КК За Рубежом – уже в начале 1990-х гг., узнав о создании СКК и других Корпусов, старшие кадеты подставили нам своё плечо: помощь была и моральной, и «военно-исторической», и материальной: например, на Знамя СКК русские зарубежные кадеты из США, Венесуэлы, Аргентины, Франции собрали 1000 долларов США и передали их мне, первому директору СКК. Высылали они так необходимые, особенно в «лихие 1990-е», средства Донскому, Воронежскому и другим корпусам, бескорыстно и от всего сердца помогая нам… В Санкт-Петербурге было сшито это Знамя, вручено нам официальными властями, освящено по Православному обычаю, и осеняет наш корпус с 1994 года. В начале же 1990-х был создан Фонд содействия кадетским корпусам в Москве, у истоков его стоял незабвенный А. Б. Иордан (вместе с исполнительным директором Фонда генералом А. А. Друкаревым побывавший и в Новосибирске, и во многих других городах России), а его сын Б. А. Иордан, Президент Фонда, материально осуществил эту благую идею. И теперь Фонд, носящий имя А. Б. Иордана, вносит неоценимый вклад в развитие Российского кадет-

ского образования, а его деловые руководители О. И. Барковец, В. И. Короленко и другие стали воистину нашими верными соратниками и друзьями, а не просто «официальными лицами»!

Сибирский же Корпус 29-го октября сего года отметил своё 16-летие (в этот день 29.10.1992 г. первые кадеты нашего первого официально возрождённого Корпуса в России приняли Торжественную Клятву Кадета, и этот день навсегда стал датой нашего Корпусного праздника). Нам есть чем гордиться: около 400 выпускников 15-ти выпусков вышло из стен СКК, почти все поступили в вузы и средние специальные учебные заведения, половина – в «силовые», половина – в «гражданские», большинство – на «бюджетные» места, в том числе и дети-сироты, которых в СКК 50 человек (а было и до 100 в начале работы Корпуса). Кадеты первых выпусков – уже взрослые люди, среди них есть не просто успешные офицеры, инженеры, бизнесмены, но и настоящие герои, награждённые орденами и медалями России за службу во благо Отечества.

Поскольку Бог дал нам счастье быть первыми, мы все эти годы старались внести что-нибудь новое в кадетскую жизнь, проводили всяческие эксперименты: в СКК были специализированные авиационный, морской, казачий классы и даже «класс-оркестр», создана «Академия благородных девиц» (отдельные классы со своей программой, под руководством Н. Н. Большаковой), действуют уникальные проекты «Поиск» (Н. И. Некрасова), дальних и сверхдальних шлюпочных походов (А. М. Некрасов), клуб интеллектуальных игр «999» (В. Г. Виноградов)... – и это также помогло и помогает другим корпусам более плавно осваивать инновации, не «пробивая стен головой» заново.

Собственно, дружеская помощь и поддержка – естественная часть нашей деятельности, и мы с радостью видим, как то, что было начато в СКК, или в Воронежском Михайловском Корпусе, или в 1-м Московском – уже успешно осваивается в других КК, а иногда получается ещё более блестяще, чем у «отцов-основателей». Для обобщения опыта работы в сфере кадетского образования в СКК действует научная лаборатория, возглавляемая нынешним генеральным директором МОУ КШИ «СКК» Бахваловым А. Ф., который первым в «новой» России защитил кандидатскую диссертацию в области «кадетской педагогики».

...Так получилось, что мы стали первыми. Могли стать другие, но честь эта выпала нам. Для нас это – не предмет кичливости, но –

предмет гордости. Это – основание для постоянного движения только вперёд. Это – повод первыми подставить плечо братьям и всегда помогать им, опекать их, а если они уйдут вперёд – радоваться их успеху и стараться самим опять быть в чём-то впереди. Это – ответственность за пока ещё очень молодое Кадетское Братство: дабы оно оставалось Братством, а не свергнулось в пучину дрязг и междоусобиц… Мы лишь – старшие среди равных. Честь имею, господа!

*(**Бордюг Николай Вальдемарович** – Председатель Общественного Совета Директоров КК МОиН РФ, 1-й Директор СКК, ныне – Генерал-Инспектор МОУ КШИ «СКК», член Попечительского Совета ФСКК и редколлегии «Кадетской переклички в России»).*

Историей нашей гордимся

28 августа 1999 г. по инициативе Губернатора Омской области Леонида Константиновича Полежаева, согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 851 от 24 июля того же года, был возрожден Омский кадетский корпус.

Корпус воссоздан на базе расформированного в 1999 году Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе, которое в соответствии с приказом министра обороны РФ (№ 280, 1993) вело свое начало от Войскового училища Сибирского казачьего войска, основанного в 1813 г. в Омске по инициативе начальника Сибирской пограничной линии и командира Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Григория Ивановича Глазенапа.

Войсковое училище родилось в грозную эпоху антинаполеоновских войн. В 1808-1809 гг., готовясь к очередной войне с Францией, Император Александр I вывел из Сибири в европейскую Россию все регулярные, пехотные и драгунские полки. Вскоре, защищая Отечество в «грозу 1812 года», они славой покрыли свои боевые знамена. А охрана русской границы в Сибири была возложена на одних казаков, для чего их собрали в 1808 г. в Сибирское линейное казачье войско. Вновь образованное войско остро нуждалось в квалифицированных командирах, администраторах, прочих специалистах. Г. И. Глазенап принял решение готовить их у себя, в Сибири. 1 (13) мая 1813 г. на волне патриотического подъема, вызванного разгромом наполеоновского нашествия и изгнанием иноземных захватчиков из России, и было открыто Войсковое казачье училище. Средства на его содержание изыскивали на месте, главным образом, сдавая в аренду угодья Сибирского войска. Главную цель своего детища Глазенап определил так: «...дабы наставить юношество в познании должностей человека, в добродетели, смиренномудрии и страхе Божием».

Будучи открыто распоряжением корпусного командира и существуя на местные средства, Войсковое училище не было регламен-

тировано Императором и в глазах правительственных чиновников представлялось как бы частным учебным заведением. Такое положение дел не устроило нового командира Отдельного Сибирского корпуса и западно-сибирского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Петра Михайловича Капцевича, прославленного героя Отечественной войны 1812 г. Благодаря его усилиям Император Александр I утвердил Положение об училище (1825), переложив часть расходов по нему на государственную казну. А казачье начальство уступило учебному заведению только что построенное здание Войсковой канцелярии (1826), оно до сих пор является ядром историко-архитектурного комплекса Омского кадетского корпуса. Вскоре государство взяло на себя все расходы по содержанию училища Сибирского линейного казачьего войска (1830) и в него стали принимать не только казаков, но и дворян (1833). Уже в 1830-е гг. Войсковое училище по устройству и учебной программе приблизилось к типичным кадетским корпусам, существовавшим в европейской России. Наконец, в 1846 г. оно было преобразовано в Сибирский кадетский корпус, который стал готовить офицеров для всей Сибири (отсюда и название).

На протяжении почти двухвековой истории корпуса его выпускники участвовали во всех военных кампаниях, которые вела Россия, неизменно показывая чудеса храбрости, сибирскую стойкость, несгибаемость русского духа, высокий профессионализм и верность воинскому долгу. Где бы они ни сражались, обороняя Шипку в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., под Мукденом в русско-японскую войну 1904-1905 гг., на полях сражений Первой и Второй мировых войн, на афганской земле, над ними незримо реял великий символ Бородино — символ славы и непобедимости русского оружия. Его воплощением в наши дни стала захороненная на территории корпуса капсула со священной для каждого россиянина землей с Бородинского поля, где в 1812 и 1941 годах насмерть стояли воины 24-й пехотной и 32-й гвардейской стрелковой омских дивизий. В судьбе Отечества и в судьбе Омского кадетского корпуса нерасторжимо соединились три столетия, две эпохи, традиции двух армий: Русской Императорской и Советской.

Из стен корпуса вышла целая плеяда подлинных героев, талантливых военачальников, прекрасных офицеров. Среди них: 117 георгиевских кавалеров, 73 Героя Советского Союза, 4 Героя России. Корпус (училище) в разное время окончили: Верховный Главноко-

мандующий Русской армией, кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, Золотого оружия генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов; Главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны РФ генерал армии Н. В. Кормильцев; первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками, Герой Советского Союза генерал армии П. Н. Лащенко; командующий Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск маршал артиллерии Г. Е. Передельский; начальник гражданской обороны СССР — заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза генерал армии А. Т. Алтунин; командующий Волховским и Брянским фронтами, первый заместитель Главнокомандующего Группой советских войск в Германии, Герой Советского Союза генерал армии И. И. Федюнинский; командующий Белорусским особым военным округом, Герой Советского Союза генерал армии Д. Г. Павлов; начальник Управления пограничных войск СССР генерал-полковник П. И. Зырянов; командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов комкор Н. В. Куйбышев; член Военного совета генерал от кавалерии В. Рейнталь; помощник начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Л. Клугин; командующий 1-й Сибирской армией, кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, Георгиевского оружия генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев; начальник Штаба Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака генерал-майор Д. А Лебедев; специалист с мировым именем в области взрывчатых веществ и удушливых газов профессор Академии Генерального штаба А. Сапожников; выдающийся инженер-фортификатор, доктор военных наук, профессор, Герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, контуженным, попавший в фашистский плен и отвергший все предложения врага о сотрудничестве, он принял мученическую смерть в концлагере Маутхаузен, став символом верности Родине, стойкости и несгибаемости русского духа.

Заслуги корпуса (училища) в деле подготовки командных кадров были высоко оценены и в дореволюционную эпоху, и в советскую. Император Николай II в 1913 г. наградил заведение юбилейным знаменем и почетным наименованием «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус». В послереволюционное время Омское общевойсковое училище было удостоено двух орденов Красного Знамени, ему разрешено было носить имя выдающегося советского военачальника гражданской войны М. В. Фрунзе.

Вплоть до открытия в 1880 г. первого вуза Сибири — Томского университета — Омский кадетский корпус был лучшим учебным заведением азиатской России. Но и в дальнейшем он давал очень качественное образование. Не удивительно, что питомцы корпуса оставили яркие следы во всех областях жизни края. Среди них: путешественник, ученый, духовный отец сибирского областничества Г. Н. Потанин, военный разведчик и просветитель казахского народа Ч. Ч. Валиханов, крупнейший русский статистик, публицист и политический деятель Н. Ф. Анненский, член Политбюро ЦК ВКП(б) и заместитель председателя Совнаркома В. В. Куйбышев, редактор-издатель иркутской газеты «Сибирь» А. П. Нестеров, казачьи администраторы и историки Ф. Н. Усов и Г. Е. Катанаев, писатель, министр внутренних дел Правительства автономной Сибири А. Е. Новоселов, крупный омский предприниматель Г. Е. Грязнов, поэт Алексей Ачаир (А. А. Грызов), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Н. Н. Азовцев.

Расформирование в 1999 г. Омского общевойскового училища больно ударило по патриотическим чувствам многих омичей и всех воспитанников заведения. Идя навстречу общественному мнению, губернатор Омской области Л. К. Полежаев выступил с инициативой воссоздания на остающейся от училища базе Омского кадетского корпуса. Причем, понимая финансовые затруднения Министерства обороны, Леонид Константинович предложил изыскать средства на содержание корпуса на месте. В том же 1999 г. Министерство обороны и Администрация Омской области подписали соответствующий договор. Министерство взяло на себя нормативное регулирование внутренней жизни корпуса, распределение его выпускников и частичное финансирование, а Омская область – основные расходы по ремонту, обеспечению и обслуживанию корпуса, по содержанию его постоянного и переменного состава. Был создан Попечительский совет корпуса во главе с губернатором, который ежедневно уделял и уделяет самое пристальное внимание жизни учебного заведения.

За девять лет Попечительский совет и трудовой коллектив проделали огромную работу, благодаря чему корпус сделал уже восемь наборов, достиг полного штата и завершил 2007-2008 учебный год своим восьмым выпуском. Ныне в корпусе учится 628 кадет, составляющих 6 рот (по две на курс), работает 21 офицеров, 30 прапорщиков и более 300 гражданских служащих. Все воспитатели корпуса – за-

служенные офицеры запаса, за плечами которых огромный опыт службы в войсках и воспитательной работы с воинскими коллективами. Многие из них сами в юности прошли школу суворовских училищ. Достигнутые успехи позволяют с уверенностью смотреть в завтрашний день и верить в то, что новые поколения питомцев Омского кадетского корпуса будут достойны своих предшественников и станут действительными наследниками того русского офицерского корпуса, который создал и закрепил воинскую славу России. Как написал в 1913 г. кадет-поэт А. А. Грызов:

И много из корпуса вышло людей,
И жизни они не щадили своей,
И свято, и верно за Родину-мать
Стояли, стоят, и ввек будут стоять.

*(Полковник **В. Басаев** – Начальник Омского кадетского корпуса, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук)*

Неотразимая и благородная

Министерство обороны взяло на себя заботу о судьбе офицерских дочерей

С 1 сентября нынешнего года начинает работу государственное образовательное учреждение «*Московский кадетский корпус. Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации*». Это первое, после Октябрьской революции, в нашей стране учебное заведение, где будут учить и воспитывать дочерей офицеров из закрытых военных городков и дальних гарнизонов, а также воинов, погибших в ходе боевых действий, кавалеров боевых орденов и многодетных. Пока в пансион примут 184 девочки, ученицы 7–8–9-х классов. В каждой группе окажется чуть больше 60 человек. А через несколько лет, когда пансион заработает в полную силу и принимать будут на учебу уже с 5-го класса, его воспитанниц станет 480.

Девочки приедут в Москву из различных округов и флотов, из частей разных видов и родов войск. Отбор кандидаток шел по всей стране уже несколько месяцев. И среди критериев для поступления в пансион, как сообщила «НВО» советник министра обороны Екатерина Приезжева, было не только происхождение (из семьи военнослужащего и не москвички, что принципиально), но и осознанное стремление учиться в закрытом учебном заведении со строгим распорядком дня, и, что немаловажно, определенный уровень образования и психологической совместимости. Как объясняет руководитель проекта – советник министра обороны Тамара Фральцева, жить и учиться им придется в специфическом женском коллективе, где достаточно высокие требования к каждой воспитаннице, и они должны быть к ним готовы.

Для **пансиона благородных девиц**, как по старой русской традиции уже называют воспитанниц нового учебного заведения, отстроили военный городок на улице Поликарпова, где раньше размещался военно-дирижерский факультет Московской консер-

ватории. Условия для проживания и учебы там лучшие из тех, какие имеют воспитанники Нахимовского и Суворовских училищ Минобороны. И хотя пансион называется кадетским корпусом и принадлежит военным, ни одного офицера в его штате не будет. Военную форму девушки носить тоже не станут. Их образование и воспитание планируется сугубо светским. Практически таким же, как в лучших средних школах России. Но по нормам и стандартам соответствующего министерства. Единственное, каждая из них получит еще и музыкальное, художественное и культурологическое образование, овладеет тремя иностранными языками. Предполагается, что учиться они будут три дня в неделю, а два других станут экскурсионными и музейно-просветительными.

Подчеркнем одну важную деталь: презентация пансиона, рассказ о нем прошли в историческом дворце на Суворовской площади, перестроенном после пожара 1812 года архитекторами Жилярди и Григорьевым, ныне Культурном центре Вооруженных сил России. С 1928 года он назывался Центральным домом Советской армии имени Михаила Фрунзе. А прежде в этом здании находилось Московское училище ордена Святой Екатерины. Оно было одним из институтов благородных девиц, где учились дочери потомственных дворян и лиц «прочих сословий», как свидетельствуют об этом московские путеводители. За домом – огромный пейзажный парк с прудом, образованным от реки Неглинной. Там когда-то гуляли воспитанницы Екатерининского института...

В новом девичьем пансионе, который воссоздан после революции, пруда не будет. Но в «гарнизоне» на столичной улице Поликарпова предусмотрено все, чтобы девочки из дальних мест, которые в армии справедливо называют «медвежьими углами», получили те блага цивилизации и ту культурную и образовательную среду, которыми они по многим причинам были обделены дома. Оборудованные самой современной учебно-технической аппаратурой классы, танцевальные комнаты, аудитории с самым различным набором музыкальных инструментов, швейные мастерские и кухни, спортивные залы, теле- и радиостудии... Причем, что крайне важно подчеркнуть, воспитанниц не собираются готовить к поступлению в военные вузы. Учиться там им совсем не обязательно, хотя сегодня прием для девушек открыт в 17 военных вузах, в том числе и в Рязанском ВДВ.

Свою судьбу и профессию, сказал статс-секретарь – заместитель министра обороны генерал армии Николай Панков, они будут выби-

рать самостоятельно, хотя будущее воспитанниц кадетского корпуса армии будет не безразлично. Мы постараемся им помочь поступить в самые престижные вузы страны, подчеркнул генерал, будем всемерно поддерживать их в сложных жизненных ситуациях.

Но открытие пансиона – не благотворительность. Это, как сказала Екатерина Приезжева, своеобразный социальный бонус для семей офицеров, которые проходят службу в отдаленных местностях, возвращении им долгов государства. С семьями, которым повезет отправить своих дочерей на учебу в Москву, будут заключать контракт, где стороны возьмут на себя определенные обязательства.

Ответственность за жизнь и здоровье девушек, которые станут учиться на улице Поликарпова, берет на себя военное ведомство. Отсюда и строгости, которые, как мы упоминали, ожидают девчонок в пансионе, жесткий режим дня, подъем в семь утра, отбой – в десять, летом – в одиннадцать. Увольнение в город – только группой, не меньше двух человек. Москва для многих наших воспитанниц, сказала нам Тамара Фральцева, незнакомая среда. Они никогда в таких мегаполисах не жили, и есть большой риск, чтобы они здесь не заблудились, не попали в какую-нибудь неприятную историю. Потому и будем стараться их от всего этого оградить, обеспечить мобильными телефонами, чтобы они всегда были с нами на связи. Но и родители, со своей стороны, возьмут на себя обязательство – всемерно поддерживать стремление дочерей прилежно учиться, выполнять все требования воспитателей.

Подростковый возраст – психологически очень сложное время, и нужно найти свой подход к каждой из воспитанниц пансиона, помочь им вжиться в коллектив. Этим займутся лучшие педагоги столицы. Их тоже подберут по конкурсу. А стимулом для хорошей работы для них станет высокая заработная плата – процентов на 15–20 больше, чем в других учебных заведениях Москвы.

Нельзя не сказать еще вот о чем. Армейский пансион благородных девиц открывается в 65-ю годовщину создания в нашей стране сети Нахимовского и Суворовских училищ для сыновей, погибших на фронтах Великой Отечественной солдат и офицеров. Их, сирот, тогда в стране были миллионы. Но государство, разоренное войной, все-таки нашло средства, чтобы пригреть бездомных и сирых, дать им то образование и воспитание, которого они не могли получить без отеческой заботы своей родины. Сейчас, когда у России накоплены огромные суммы в золотовалютном резерве и в Стабилизаци-

онном фонде, наконец-то, настало время поддержать девушек. Но почему-то создает пансион для них не правительство, как было с теми училищами в голодные сороковые, а армия, у которой есть серьезные социальные обязательства не только перед детьми офицеров, но и перед их родителями. Хорошо, что сегодня о девочках из отдаленных гарнизонов и неполных семей позаботились Анатолий Сердюков и его команда. А что будет, когда этой команды в Минобороны не будет? Кто поддержит их начинание? Ответа на этот вопрос пока нет. Тем более что дочерей офицеров и офицерских сирот, которые нуждаются в опеке государства, как и других сирот и безотцовщины, в стране гораздо больше, чем тех 480 счастливиц, кому выпадет счастье учиться в пансионе на Поликарпова.

Правда, генерал армии Николай Панков пообещал «НВО», что одним московским пансионом забота о дочерях офицеров не ограничится. В будущем такие пансионы будут открыты в каждом военном округе и в крупных региональных центрах. Будем надеяться, что эти надежды не останутся только на бумаге.

Письмо от старшего кадета в России

Я посылаю Вам письмо старшего кадета России – **Цыбина Всеволода Семеновича**, которому сегодня 98 лет. Он с 1918 года проучился в нашем кадетском корпусе несколько лет.

Высылаю Вам также текст моего выступления на XX Съезде.

Да хранит Вас Бог.

*Полковник **В. Басаев***
Начальник Омского кадетского корпуса

Обращение к кадетам Русского Зарубежья

Глубокоуважаемые кадеты Русского Зарубежья!

К вам обращается Цыбин Всеволод, 1910 года рождения, родившийся на территории Первого Сибирского Императора Александра I Кадетского Корпуса и обучавшийся в этом заведении с 1918 по 1924 год.

Сегодня мне 98 лет, и, наверное, я — старейший кадет на территории современной России.

Мне начальник Омского кадетского корпуса, полковник В. Басаев, рассказал о XX Кадетском Съезде русских зарубежных кадет. Примите от меня поздравления по случаю прохождения XX Съезда.

Желаю вам здоровья, долгих лет жизни. Да хранит вас Бог. Искренне ваш

Всеволод Цыбин
Кадет Первого Сибирского
Императора Александра I Кадетского Корпуса

Заслуги Омского губернатора Л. К. Полежаева

В каждой области, процесс воспитания и образования молодежи зависит от таких людей, как губернатор Омской области, Леонид Константинович Полежаев, которые умеют васпользоваться возможностями своего края, включая местные богатства. В данном случае областные прибыли предприятий были разумно использованы для улучшения быта местных жителей и на создание новых школ, начиная с **Омского кадетского корпуса** и кончая военно-техническим институтом Сибири.

Губернатор Леонид Константинович Полежаев сумел привлечь молодежь области в созданные школы, и, особенно, в военные учебные заведения, обеспечив выпускным кадетам государственную службу.

Будучи технически образованным деятелем, Л. К. Полежаев ознакомился с недостатками прежних кадетских корпусов, включая малый рацион, и ввел новый уклад жизни, который может послужить образцом для остальных корпусов.

Принимая во внимание выдающиеся государственные качества губернатора Л. К. Полежаева, можно с уверенностью сказать, что он заслуживает более широких возможностей для своей деятельности.

Павел Карасик,
Кадет XXVI выпуска ПРВККККК, Председатель
Флоридского Кадетского Объединения

Памяти почившего патриарха

На состоявшейся 6 декабря 2008 года конференции Санкт-Петербургского союза суворовцев, нахимовцев и кадет ветераны довоенных специальных подготовительных школ, суворовских и нахимовских училищ, суворовцы, нахимовцы и кадеты минутой молчания почтили память Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго.

Таковы уж превратности нашей жизни: большинство из стоявших в скорбной тишине в Офицерском собрании кадетской столицы России воспитывалось в антирелигиозном духе. Из меня, проучившегося в Казанском СВУ 8 лет, начиная с 9-летнего возраста, тоже готовили воинствующего атеиста. Наши преподаватели были обя-

заны при каждом удобном случае цитировать «Краткий курс истории ВКП/б». Как ни странно, но именно эта средней толщины серая книжка зародила во мне сомнения в истинности коммунистического учения. Самым последним словом в ней было слово «*конец*». Получалось, что сам (или сами) составители катехизиса тех времён не верили в свою долговечность. Я понимал, что тогда принято было этим словом заканчивать все печатные издания. Но ведь и думать нужно, когда делаешь приговор своей истории!

Закончилась эта история или нет – судить не мне. Но заложенное сомнение через некоторое время вызвало сожаление, что с самого раннего детства не воспитывали меня в духе православной веры, существующей уже более тысячи лет. Иногда задумываюсь: а кто же я такой? Религию признаю и уважаю. Священными считаю десять заповедей, доведённых до меня, в основном, под шифром «моральный кодекс строителя коммунизма».

После конференции запоем прочитал полученный на ней сборник стихов выпускников Казанского СВУ «Спасибо тебе, Казань». Заинтересовала судьба авторов стихотворений и постоянно звучащая в них искренняя любовь к России и пронзительная боль за её судьбу. Обнаружил, что беспокоит меня то же самое, что и однокашников по СВУ, выпусков с 1949 по 1974 год. Есть среди них и верующие люди, но большинство, пожалуй, по отношению к вере похожи на меня. Или, точнее, сам на них похож. И снова вопрос: кто ж мы такие? Относительно себя решил: я — некрещеный верующий. Остальным ребятам определяться самим. Подтверждение своей мысли услыхал в словах Муфтия Екатеринбурга, произнесенные им относительно всех религий сегодня, 7 декабря 2008 года, с экрана телевизора: «Вера – это добро».

Значит, все мы, кадеты, — верующие, ибо свято **верим в добро и справедливость**. И скорбим потому по случаю кончины Пастыря всех православных верующих Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго.

Я счастлив, что 3 июня 1989 года (http://www.mitropolia-spb.ru/vestnik/y2004/n08/07_2.shtml), во время крестного хода по случаю перемещения мощей святого благоверного князя Александра Невского из Казанского собора в Александра Невского Лавру, рука будущего Патриарха, а тогда митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, окропила меня святой водой. Произошло это, когда я фотографировал этот исторический крестный ход. Фотогра-

фии бережно храню, и до конца своих дней буду помнить об этом знаменательном событии в моей жизни.

Такие вот мысли навеяло скорбное событие для всего православного народа и всех в добро и справедливость верующих.

Прошу простить меня, если по религиозной неграмотности допустил какие-либо ошибки.

Б. Г. Романов,
выпускник Казанского СВУ 1952 г.

Интересный фильм «Кадетская перекличка»

Недавно нам удалось увидеть очень интересный фильм про кадет, под названием «**Кадетская перекличка**». Фильм выпущен «**Дирекцией Президентских Программ**», под руководством известного режиссера Никиты Михалкова и при участии режиссеров Елены Чавчавадзе и Галины Огурной. «Дирекция президентских программ» в последние годы вообще выпустила ряд интересных исторических фильмов: «Кто заплатил Ленину? Тайна века», «Штурм Зимнего. Опровержение», «Лев Троцкий. Тайна мировой революции», «Русский храм на чужбине», «Русские без России», «От Кореи до Гулага», «Галлиполийское стояние», «Деникин. Ильин. Шмелев. Долгий путь домой» и т. д.

В фильме «Кадетская перекличка» сперва показана эвакуация кадет в 1922 году из Владивостока. Затем в фильме воспроизводятся интервью зарубежных кадет из Сан-Францисского, Нью-Йоркского и Аргентинского объединений зарубежных кадет. Фильм весьма интересный и исторически ценный.

И. А. Соколов
Москва

Князь АМИЛАХВАРИ, о. Александр Яковлевич, кадет ПРВКККК, 29-го выпуска, протоиерей РПЦЗ, скончался в 2008 году в Венесуэле.

АУЭ Олег Николаевич, многолетний вице-председатель Кадетского Объединения в Аргентине, скончался в субботу 2 мая 2009 года, в Буэнос-Айресе, после двухнедельной тяжелой болезни, и был похоронен 3-го мая на Британском кладбище в городе Буэнос-Айресе.

Архитектор Олег Николаевич Ауэ родился в Белграде в 1927 году. Он был кадетом 26-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса в бывшей Югославии. С четвёртого и до седьмого класса он был старшим в классе. Он был сыном русского царского офицера. В его семье все мужчины были русскими военными, на царской службе, но их предок происходил из Восточной Германии.

В Аргентине он окончил архитектурный факультет буэнос-айресского Национального Университета, при котором затем многие годы преподавал как доцент. Он был автором проекта и руководителем постройки здания Епархиальной школы Аргентинской Епархии РПЦЗ в буэнос-айресском пригороде Вижа Бажестер, при которой он также построил театральный зал, библиотеку, кадетский зал с музеем и столовый зал с большой кухней.

В кадетском зале О. Н. Ауэ по своей иниациативе устроил маленький кадетский музей. Достопримечательностью этого музея являются четыре больших альбома размером приблизительно в 60 на 80 сантиметров, посвященных следующим темам: «Русская императорская армия», «Русский императорский флот», «Царская семья» и «Кадетские корпуса на чужбине». В этих альбомах помещено множество фотографий на указанные темы, некоторые из которых были вывезены кадетами Аргентинского Кадетского объединения еще из России, так что они представляют собой историческую ценность.

Согласно желанию О. Н. Ауэ, эти альбомы должны быть переданы лучшему кадетскому корпусу современной России. Это завещание покойного было им собственноручно написано на последних страницах этих альбомов и подписано всеми членами правления Кадетского объединения в Аргентине.

О. Н. Ауэ в кадетском корпусе в Югославии был ревностным членом кружка иконописи, который находился под руководством преподавателя Закона Божьего, тогда иеромонаха о. Антония Барташевича, потом ставшего архиепископом Женевским РПЦЗ. В этом кружке кадеты знакомились с древним искусством инокописи, так как оно сохранялось в православном монастыре, в тогдашней Югославии, на озере Охрид. Уже в Аргентине О. Н. Ауэ снова вернулся к иконописи, писал иконы для своих друзей и знакомых, в том числе и икону святых Константина и Елены для кадетского зала. Он также написал для местного Посольства России, для главного приемного зала, икону Божией Матери Владимирской. Кроме того, он прочел по-испански два доклада о технике иконописи в «Аргентинском обществе эллинской культуры» и на выставке русских икон, организованной правительством города Буэнос-Айреса.

О. Н. Ауэ был большим энтузиастом кадетского дела и большим кадетским тружеником. Он спроектировал и собственноручно сделал декорации для многих публичных актов, организованных Кадетским Объединением в Аргентине (300-летия создания Русского Флота, в 1996 году; 850-летия Москвы, в 1997 году; 80-летия цареубийства, в 1998 году; 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, в 1999 году; 300-летия Санкт-Петербурга в 2003 году, и т. д.). Он состоял в Редакционном Совете «7-й Кадетской Памятки» и принял участие в нескольких кадетских съездах, в том числе и в 18-м Съезде в Канаде в 2004 году, на котором он вручил в дар устроителям Съезда им лично написанную икону Царственных Мучеников. Он также нарисовал к 16-му Кадетскому Съезду памятную доску этого Съезда, с изображением исторического герба России, в оригинальных цветах, которая была передана в дар Нахимовскому Училищу в Санкт-Петербурге, от имени Кадетского Объединения в Аргентине.

В связи с кончиной О. Н. Ауэ было получено много соболезнований из Аргентины, России и США, в том числе и от посла России в Аргентине.

КАРНЕЕВ Дмитрий, скончался 29 августа 2008 года, в г. Унна, Германия. Кадет ПРВКККК, 27-го выпуска. Родился 25 октября 1925 года, в Югославии.

ЛЕРМОНТОВ Михаил Александрович, председатель Кадетского Президиума, скончался 26 ноября 2008 года, в штате Вермонт, США. Он был кадетом 24-го выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса.

Родился 26 января 1925 года в Скопле, тогда – Югославия, а сейчас – Македония. Окончив шесть классов сербской основной школы, поступил в 1-й класс сербской гимназии, и после смерти матери был отдан отцом во 2-й класс Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса в Белой Церкви. Из 4-го класса в сентябре 1941 года ушел добровольцем в Русский Корпус в Югославии, в котором был произведен в чин подпоручика. После войны, в Мюнхене, в Германии, поступил в университет на архитектурный факультет. Не завершив обучения, женился на Стефаниде Климовне Свинаровой, и они в 1950 году переехали в США. Закончил образование на заочных курсах. Получив диплом, работал по специальности.

Начиная с 1957 года, в течение 41 года, Михаил Александрович был директором, инспектором и, в последние годы, преподавателем Русской истории в Русской церковно-приходской школе святого благоверного князя Александра Невского, в городе Лейквуде.

Михаил Александрович является одним из создателей русско-американского культурно-просветительного общества «Родина», основанного в 1954 году русской колонией в г. Ховелл, штат Нью-Джерси. Пробыв 25 лет секретарем общества «Родина», участвовал в проекте здания общества и в основании и учреждении при обществе Исторического музея в 1958 году. Участвовал в переговорах, а впоследствии и в передаче экспонатов Исторического музея общества «Родина» Центральному музею Вооруженных сил в Москве.

Основав «Художественную Студию» для молодежи, на протяжении 17 лет преподавал основы классического русского искусства. Организовывал ежегодные художественные выставки в зале общества «Родина» для русских художников и молодежи «Художественной Студии».

Будучи сам художником-графиком, Михаил Александрович принимал участие в редакции и художественном оформлении

«Юбилейных сборников» 10- и 25-летия общества «Родина». Иллюстрировал изданные В. Н. Мантулиным две книги «Песенник Российского Воина». Состоял секретарем редакционной коллегии Княже-Константиновцев, составивших «Седьмую Кадетскую Памятку – Юбилейную», и художественно ее оформил. Также иллюстрировал книгу «Честь Родного полка» А. Б. Иордана, под редакцией Е. П. Исакова, изданную в Москве Фондом Содействия Кадетским Корпусам в 2003 году. В 1989 году был участником художественных выставок произведений представителей рода Лермонтовых «Продолжение традиций» в Москве, Анапе и Пятигорске, и передал большое количество работ в дар «Лермонтовской Ассоциации» и лермонтовским музеям.

М. А. Лермонтов являлся инициативным членом ассоциации «Лермонтовское наследие», организованной нынешним ее президентом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым на международном Съезде потомков Лермонт-Лермонтовых в 1991 году. В 1996 году М. А. подарил этой ассоциации проект бревенчатой часовни, которая была выстроена на личные средства членов ассоциации у стен Авраамиево-Городецкого монастыря в Костромской области.

По проекту М. А. построены: церковь святого Георгия Победоносца в казачьем поселке Фривуд Акерс, часовня-памятник святого Иоанна Предтечи на Владимирском кладбище в Джаксон, Нью-Джерси. По рисункам М. А. были воздвигнуты частные и общественные памятники.

М. А. Лермонтов был Председателем Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом в Нью-Йорке (2006—2008) и Председателем Кадетского Президиума. В качестве такового, он председательствовал на XIX Общекадетском Съезде в Москве, Екатеринбурге и Санкт-Петербурге в 2007 году и был членом Первого Съезда Кадет России.

Статьи и воспоминания Михаила Александровича Лермонтова печатались во многих изданиях Русского Зарубежья и России. Михаил Александрович также писал прекрасные, теплые и мудрые стихи, считая, что фамилия Лермонтов и стихи соединились в роду единожды. Последние годы своей жизни он посвятил писанию своих мемуаров, под заглавием «**Почему я?**», значительные выдержки из которых, относящиеся к времени его учёбы в Первом Русском Кадетском Корпусе, публикуются в этом номере «Кадетской переклички».

МОТРЕНКО Евгений Петрович, скончался 3 августа 2008 года, в Сербии. Он был кадетом Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, XXVIII выпуска. В Югославии кончил университет, получив титул горного инженера.

ТИТОВ Николай Фёдорович, скончался 22 апреля 2007 года, в Кёлне, в Германии, кадет 26-го выпуска ПРВКККК. Похоронен в Белграде, в Сербии, в могиле родителей. В Югославии окончил универсистет, как гражданский инженер. Имел также титул немецкого и европейского инженера-статитика. Был представителем «Кадетского письма» в Германии.

ШМЕМАН Андрей Дмитриевич, председатель Кадетского Объединения во Франции, кадет Версальского Кадетского Корпуса имени императора Николая Второго, скончался 7 ноября 2008 года, в Париже.

Один из старейших русских эмигрантов «первой волны», «последний подданный Российской империи», Андрей Шмеман скончался на 88-м году жизни от продолжительной болезни, сообщает «Интерфакс-Религия». Он был братом-близнецом одного из наиболее известных богословов современности, протоиерея о. Александра Шмемана.

Сын орденоносного офицера лейб-гвардии Семеновского полка Дмитрия Шмемана, Андрей Шмеман родился 13 сентября 1921 года в Ревеле (современный Таллин), куда семья в 1919 году бежала вместе с отступившими от Петрограда войсками генерала Юденича.

В 1929 году Шмеманы переехали во Францию, и Андрей вместе с братом поступил в только что открывшийся кадетский корпус-лицей императора Николая II в Версале. Русские офицеры воспитывали братьев в православной вере, на любви к русской культуре, литературе и истории. Андрей Шмеман закончил корпус-лицей в звании вице-фельдфебеля, пронеся через всю свою жизнь верность кадетским идеалам и друзьям-однокашникам.

Он возглавлял созданную в Париже организацию «Русские витязи», занимавшуюся, в частности, приобщением детей русских эмигрантов к русской культуре и истории. Долгие годы Андрей Дмитриевич занимал должность председателя Кадетского Объединения в Париже и являлся хранителем кадетского военного музея. В 2000 году русские кадеты и их потомки во Франции, при участии

Андрея Шмемана, приняли историческое решение – о примирении и сотрудничестве с Россией, что было закреплено торжественным богослужением на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа у могил предков и соратников.

Андрей Шмеман жил всю жизнь с так называемым **нансеновским паспортом** – временным удостоверением личности для политических эмигрантов, введенному Лигой Наций на основании Женевских соглашений 1922 года, после незаконого лишения гражданства миллионной массы русских эмигрантов правительством Ленина, еще до основания СССР. Андрей Шмеман тоже был незаконно лишен его российского гражданства (им унаследованного от родителей), **в возрасте трёх месяцев**. Когда он, через восемьдесят лет, был официально приглашен в Россию, **как соотечественник**, на «Конгрес соотетечественников», ему в посольстве РФ в Париже отказались поставить визу на этот нансеновский паспорт (с которым он до этого разъезжал по всему міру), а один служащий посольства ему даже посоветовал сперва получить французское гражданство для этого. Андрей Шмеман отказался следовать этому совету, и, как он затем рассказывал кадетам, написал по этому поводу письмо в Россию, со своим протестом. В результате, в 2004 году президент России Владимир Путин встретился с Андреем Шмеманом в Каннах и лично вручил ему российский паспорт. Значит, в его индивидуальном случае было аннулировано действие акта от 15 декабря 1921 года, но не в случае его родителей, его знаменитого брата и всех других русских эмигрантов и их детей.

«Долгие годы я жил с разладом в душе, чувствуя себя абсолютно русским и одновременно оставаясь человеком без подданства, апатридом. И теперь я счастлив, что, наконец, обрел Родину» — признался тогда Андрей Дмитриевич.

Более полувека Андрей Шмеман являлся старостой Знаменской церкви в Париже, был иподиаконом. Вместе с другими видными деятелями русской эмиграции он стал инициатором создания общественной организации «Движение за поместное православие русской традиции в Западной Европе», и всегда оставался убежденным сторонником возвращения русских эмигрантов в лоно Русской Православной Церкви. Он принимал участие в нескольких Кадетских Съездах в Русском Зарубежье, в том числе и в 18-м Съезде в Канаде, в 2004 году.

ЯНОВСКИЙ Георгий, скончался 26 апреля 2007 года, в Филадельфии, США. Вице-унтер-офицер 21-го выпуска ПРВКККК.

«Кадетская перекличка» выражает искреннее соболезнование всем родственникам и друзьям усопших.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Дорогие кадеты и друзья кадет!

Сердечно благодарим вас за отзывчивость и за участие в благотворительной лотерее 2008-го года.

Розыгрыш лотереи состоялся на XX Съезде Зарубежных Кадет в Вашингтоне.
Результат розыгрыша:

1-ый приз ....г-жа Л. Гутан
2-ой приз .... г-н Г. Дмоховский
3-ий приз .... г-жа Л. Гутан
4-ый приз .... г-жа Н. Ермакова
5-ый приз .... г-н Г. Дмоховский

Поздравляем!
Большое русское спасибо!

Устроители:
Игорь Агатов и Татьяна Сперанская

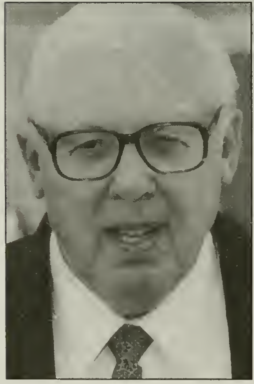
Н. В. Гоголь, писатель всея Руси

П. В. Олферьев, основатель и первый редактор «Кадетской переклички» (1971 – 1978)

Н. В. Козякин, второй редактор «Кадетской переклички» (1978 – 1992)

А. Б. Иордан, третий редактор «Кадетской переклички» (1992 – 2002)

Перед открытием XX Кадетского Съезда

Перед молебном

Приготовления к Заре с церемонией

Под портретом Великого князя Константина Константиновича

Во время молебна

О. И. Барковец вручает наградный знак «Фонда имени А. Б. Иордана» четвёртому редактору «Кадетской переклички» И. Н. Андрушкевичу

Старшие кадеты XX Съезда: Валентин Мантулин и Димитрий Иванов, XIX выпуска ПРВКККК, 1939 года

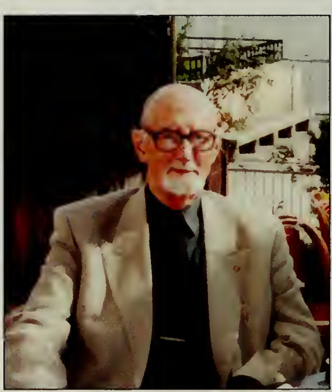
После закрытия XX Съезда

В. А. Корбе, старший русский кадет

В Кадетском Объединении в Нью-Йорке в 2009 году

А. Д. Шмеман

О. Н. Ауэ

М. А. Лермонтов

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

www.kadetpereklichka.org

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом

Основан в 1971 году Объединением в Нью-Йорке (редактор П. В. Олферьев, художественная обрабока А. Н. Родзевич).

«Наш журнал был задуман с чисто историческо-литературным содержанием» (№ 2, 1972 г.).
«Орган русской национально-патриотической мысли» (№ 51, 1992 г.).

В этом номере:

- Восемьдесят номеров «Кадетской переклички».
- Общерусский юбилей (К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя).
- Коренные противоречия Западной цивилизации.
- Теория легитимности.
- О кадетских традициях.
- О религиозном воспитании.
- Основные функции государственных органов в исторической перспективе.
- О преемственности кадетского дела в России.
- Русский кадетский корпус заграницей.
- Международный калейдоскоп (мимолётные взгляды).
- XX Кадетский Съезд в Вашингтоне.
- Превосходство идеи кадетского воспитания.
- Интервью: Новая общественная роль кадетских корпусов.

ISBN 0-9786315-8-7

9 780978 631581